

ПАМЯТИ КАПИТАНА ФЛАГМАНА

Часть 1

14 декабря 2017 г., в Берлине, после тяжёлой продолжительной болезни ушёл из жизни Заслуженный капитан Министерства морского флота СССР **ГРИГОРЬЕВ Георгий Фёдорович**, капитан флагмана Морского космического флота НИС «Космонавт Юрий Гагарин».

Капитан дальнего плавания Георгий Фёдорович Григорьев на мостике флагмана космического флота у монитора радиолокатора.

Григорьев Г.Ф. родился 1 августа 1935 года, в г. Донецке, в семье врача. Биография его была сложной, как и у всех детей военного времени. С начала войны маму призвали работать в прифронтовой госпиталь, шестилетнего сына она взяла с собой. Кругом обстрелы, бомбёжки, в этой обстановке вместе они прошли всю войну. После войны мама будущего капитана, майор медицинской службы, продолжала работать зав. отделением в донецком госпитале. Учась в школе, Георгий стал мечтать о море. В пятнадцатилетнем возрасте самостоятельно поехал в Батуми, отыскал среднее мореходное училище, и поступил в него в 1951 году. Судоводительское отделение, на котором он учился, в 1952 г. перевели в Херсон. На третьем курсе учёбы в ХМУ, в 19 лет, Георгий женился (1954 г.) на студентке педагогического института Светлане. По окончании среднего мореходного училища, в 1955 году, начал свою трудовую деятельность с путёвки на остров Шпицберген в должности штурмана (до 1958 г.).

Эпизод из жизни 2-го штурмана Григорьева, заметка в газете «Полярная кочегарка» 7 декабря 1957 г. - «Человек за бортом!»

Этот сигнал был подан около 24 часов в воскресенье, 1 декабря, на буксирном пароходе «Донбасс». С пирса за отходом судна наблюдало много полярников – они также видели, как с носовой палубы упал в воду человек.

... В том рейсе на Донбассе» было необычайно оживлённо. Пароход увозил большую группу полярников, возвращающихся на Родину. Вот прозвучали последние гудки, судно разворачивается и, набирая ход, всё больше удаляется от причала. С обеих сторон несутся прощальные приветствия. В тесноте кто-то задел на палубе трап, который ещё не успели закрепить по-походному, падая, он сбил с ног находившегося на вахте второго помощника капитана Георгия Григорьева.

Очувтившись в беде, молодой моряк ни на секунду не потерял самообладания и способности быстро принимать решение. Вынырнув из воды, осмотревшись, он разглядел неподалёку от себя спасательный круг. Добраться до круга – значило отплыть ещё метров 15 дальше пирса. Но Г.Григорьев пошёл на это. Проталкивая круг впереди себя, он облегчил себе путь по затянутой ледяными блинами воде.

Фото из семейного альбома Григорьевых: С экипажем и полярниками на фоне буксира Донбасс. Штурман Григорьев Г.Ф. – второй слева.

У причала ему подали конец, но заочевенные руки не держали. Тогда, продолжая оставаться в воде, он обвязался. Если учесть, что всё это

происходило менее 10 минут, можно представить себе, с какой быстротой приходилось действовать. Потерпевшего немедленно доставили в больницу, где ему была оказана необходимая помощь.

Молодёжь советских рудников Шпицбергена хорошо знает Григорьева. Многие помнят, что ему принадлежит рекорд острова в прыжках в высоту, успешно он занимается и другими видами спорта. Несомненно, спортивная закалка помогла Григорьеву, пусть не сухим, но живым и невредимым, выйти из воды, даже без насморка.

После «Донбасса» морская служба продолжалась на судне «Шахтёрск», порт Баренцбург. Штурман Григорьев продолжал учёбу заочно, на судоводительском факультете в Одесском высшем инженерно-морском училище. Несколько лет он ходил старпомом на сухогрузах, в том числе на одном из первенцев МКФ, Плавучего телеметрического комплекса (ПТК), т/х «Ильичёвск». Это был рейс с экспедицией из 12 человек, с 11.07.1965 по 16.01.1966 г. Капитан теплохода Баларич К.А., старший помощник капитана Григорьев Г.Ф., начальник экспедиции Москалец А.П. В том рейсе, впервые в истории МКФ, судно ПТК было арестовано в порту Неаполь из-за подозрений итальянской таможни. В результате этого случая морской космический флот получил легализацию и был приписан экспедиционному флоту Академии наук СССР, о чём было объявлено в июне 1967 г. ТАСС и в СМИ.

Путь на капитанский мостик обычно укладывается в 10 – 12 лет морской жизни, с трёх - четырёхлетним стажем безаварийной работы на каждой из четырёх штурманских должностей предшествующих капитанской. Высшее образование уже было, плюс хороший английский и, конечно, судоводительский опыт. Восемь лет он был капитаном крупнотонажного сухогруза «Мытищи», который совершал рейсы из Европы в Юго-Восточную Азию, Сингапур, Филиппины и Японию.

Капитаном флагмана Морского космического флота «Космонавт Юрий Гагарин» Георгий Фёдорович был назначен весной 1980 года и, оставаясь в этой должности до 1991 года, совершил на НИС «Космонавт Юрий Гагарин» 10 продолжительных экспедиционных рейсов, включая последний, 20-й. Фактически он был капитаном в половине рейсов «Гагарина», на котором до его прихода сменилось четыре капитана. В качестве капитана судна мы увидели человека строгого, но справедливого и заботливого, хорошего хозяина, настоящего моряка, принципиально болеющего за дело и жизнь коллектива. Опыт заслуженного капитана просматривался во многом, в подготовке к длительным рейсам и подборе персонала, поиске и нахождении выходов из сложных ситуаций в рейсах. Григорьев, заслуженный капитан ММФ, самостоятельно, без приёма лоцманов мог провести крупное судно через пролив Босфор.

Эпизод. Перед очередным рейсом флагмана начальник космического ведом-ства Иванов В.Л. пригласил капитана Григорьева в Москву. На

совещании он заслушивал доклады о подготовке своих подчинённых и готовности средств к обеспечению предстоящих космических полётов. Увидев сидящего в стороне Григорьева, Владимир Леонтьевич указал на стул рядом с собой: - Ваше место здесь, капитан! Так выразил Иванов, у которого второе образование – высшее морское, своё уважение к моряку-профессионалу.

В берлинской квартире Григорьевых хранятся фотоальбомы 80-ых. Вот капитан с женой в Москве на «Голубом Огоньке», посвящённом Дню космонавтики. Памятные фото с космонавтами Леоновым, Поповичем, Титовым, Серебровым и другими.

Март 1984 года, Одесса. На борт «Гагарина», прибыл целый отряд советских космонавтов во главе с генерал-лейтенантом Германом Степановичем Титовым и космонавтами: Николаевым, Быковским, Поповичем, Шониным. В кормовом музыкальном салоне судна осуществлялась видеозапись «Огонька» для Центрального телевидения: «Вас приглашают космонавты!». Вместе с космонавтами на судно прибыли известные артисты эстрады: Ирина Понаровская, София Ротару, композитор Тухманов, сатирик Петросян и другие. На личных фото капитана и его очаровательной супруги – памятные автографы космонавтов, артистов.

**Кормовой музыкальный салон НИС «Космонавт Юрий Гагарин».
На съёмке «Голубого Огонька» - Вас приглашают космонавты»:
космонавт № 2 Титов Г.С. с капитаном судна Григорьевым,
март 1984 г., порт Одесса.**

В своих длительных рейсах морской центр управления космическими полётами «Космонавт Юрий Гагарин» находился преимущественно у восточного побережья Канады, вблизи таинственного острова Сейбл. Над островом на космической орбите до шести раз в сутки, пролетали пилотируемые корабли и орбитальные станции на невидимых с территории Советского Союза витках. «Гагарин» вёл отсюда управление полётами, принимал телеметрическую информацию, был ретранслятором переговоров космонавтов с ЦУПом в реальном времени.

Февраль 1991 года, 20-й рейс флагмана. Капитан полным ходом ведёт судно в Мексиканский залив, где совсем низко пролегла орбита станции, завершающей свою многолетнюю работу в космосе. Мировые СМИ бьют тревогу: «... многотонные элементы станции упадут на территорию Чили!». заливом Атлантики.

Диплома капитану флагмана космического флота, капитану сборной команды моряков-гагаринцев по шахматам от Клуба «Морской конёк» и колледжа береговой охраны Канады, где она не раз выступала с блестящими победами в шахматных турнирах (порт Сидни).

7 февраля, «Салют-7» в зоне видимости судна. Командная радиолиния «Гагарина» посылает сигнал на включение тормозных двигателей орбитальной станции, и она прекращает свой полёт над Мексиканским По статистике двадцати совершённых рейсов, среднее количество персонала на борту «Гагарина» составляло 320 человек. Запасы топлива, воды и продовольствия, которые принимало НИС, были немалыми, но пополняли их регулярно. Плавучий центр управления полётами швартовался у причалов многих городов мира.

Во время очередного захода судна в канадский порт Сидни (провинция Новая Шотландия), капитан Григорьев был удостоен диплома и стал почётным членом элитного Клуба «Морской конёк», в списках которого значились капитаны крупнейших пассажирских лайнеров, а также – английская «железная леди» Маргарет Тетчер.

12 лет жизни отдал Г.Ф.Григорьев уникальному судну. Дальнейшую работу прерывает болезнь. С 1991 г. корабль науки перестаёт ходить в экспедиционные рейсы. Черноморское морское пароходство последовательно сокращается, а его моряки вынуждены работать в иностранных морских компаниях. А капитан?

Безупречная репутация и опыт открывают Заслуженному капитану ММФ СССР двери крупной судоходной немецкой компании. Григорьеву предложено работать на пассажирском судне. Пройдя стажировку на судне «Аркона», он поднимается на мостик комфортабельного лайнера «Колумбус-Каравелла» с многонациональным экипажем, в составе которого оказались бывшие члены экипажа «Гагарина». Экзотические рейсы вокруг Европы и в Арктику, Гренландию и Исландию, в норвежские фиорды. Три года в круизных рейсах! Вновь, через 36 лет он увидел ледники Шпицбергена.

Затем, в 1994 году, был крупнотоннажный контейнеровоз «Итаджой» под флагом Багамских островов южноамериканской линии, он стал последним судном отважного капитана, работу снова прерывает болезнь. Из Аргентины на самолёте капитана доставляют в Европу. Он повторно переносит тяжелейшую операцию. Только мужество капитана, поддержка семьи и друзей, дали ему силы оправиться после тяжёлой болезни вернуться к полноценной жизни. Но капитан Григорьев желает вернуться в море. Увы, Гамбургский арбайтсамт, ссылаясь на заключения врачей, отказывает ему в этом.

В русскоязычной газете, выходящей в Германии, Григорьев опубликовал объявление с просьбой откликнуться морякам торгового и рыбопромыслового флота. Подпись – «бывший капитан». Звонки со всех концов Германии! Рассказывали, кем и где плавали, особенно интересовались, в какие рейсы могут пойти. Многие думали, что собирают экипаж, просили: «Капитан! Пожалуйста, заberi нас с собой в море!». Через интернет Григорьев знал все морские новости, создал в Берлине «Клуб одесситов» и несколько раз собирал тех, кто в «прежней жизни» знал, что такое море.

Корабль науки уходит туда, откуда не возвращаются.

Как сообщила вдова Григорьева, Светлана Яковлевна, капитану часто снился один и тот же сон. Будто стоит он на мостике флагмана, взор направлен в морскую даль. С высоты сорока метров, хорошо видна даль горизонта и весь белоснежный корабль науки. Огромные барбетты мощных антенн венчают ажурные короны дальней космической связи. За ними дымит труба с символом эпохи социализма. За кормой – длинный шлейф от встревоженной глади океана. Впереди он вновь видит море.

Попутного ветра, капитан!

Часть 2

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. КАПИТАНОВА

«Где тонко, там и рвётся» - есть такая комедия у И.С. Тургенева. Но тут речь не о комедии, подтверждающей это, а о грустном: об экстремальной ситуации, возникшей на борту НИС «Космонавт Юрий Гагарин» в рейсе, когда в его борту ниже ватерлинии образовалась трещина, предвестница возможной трагедии.

Перед созданием рукописи книги «Океанские опоры космических мостов», её автор Олег Максимович Павленко попросил меня, как и многих других ветеранов космического флота, написать свои воспоминания об эпизодах в собственных рейсах, особенно связанных с опасностями, поворотами судьбы из-за которых менялись планы экспедиционных рейсов. Особенно ему не хватало материалов об экстремальных ситуациях, связанных с острыми ситуациями на судах флота. Ведь за 30-летний период существования космического флота на нём было всё: вооружённый захват и аресты судов в океане, ночное столкновение с рыболовным судном в Атлантике, ситуации грозящие возникновением пожара или взрыва, было много случаев борьбы за жизнь моряков в океане и всякого...

**Анатолий Капитанов на площадке башни Евромаст.
Роттердам июль 1990 г**

Ниже прилагается отрывок из моих воспоминаний, предложенных автору 4-томника, он об экстремальной ситуации на флагмане космического флота, когда в результате длительных пребываний судна в штормовых условиях рейсов, в борту накопилась усталость корпуса и металл не выдержал.

Флагман космического флота СССР НИС «Космонавт Юрий Гагарин»

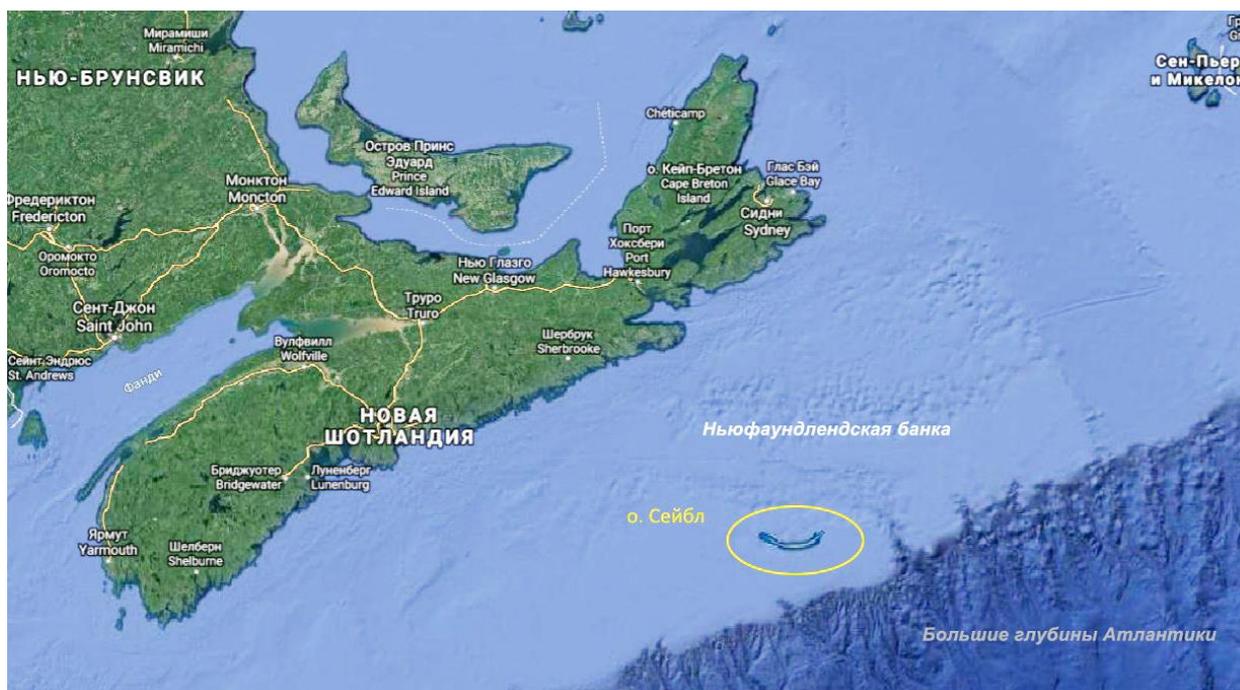
На внешней части двойного борта «Гагарина» ниже ватерлинии образовалась трещина, через которую в танки с мыльевой водой стала поступать солёная забортная вода. Угрожающая жизни судна ситуация возникла в рейсе после прохождения плотных льдов восточного побережья Канады.

Об обстановке в районе работ судна в Северной Атлантике

Во второй половине 80-х годов точка работы «КЮГ» сдвигалась от коварного острова Сейбл всё более на северо-восток. Отчасти это объяснялось возрастающим действием радиопомех береговых станций, мешающих приёму сигналов с космических аппаратов, а также периодическим увеличением прибрежной морской экономической зоны Канады. Для работ стало лучше, мы ушли из зоны непрерывного тумана (в летнее время). Больше не рычал громким басом гудок, признанный самым мощным на советском пассажирском флоте. Этот германский ревун был специально снят с теплохода «Максим Горький» и сознательно, в дополнение к штатному гудку, установлен на «Гагарине» в районе кормовой надстройки. В соответствии с уставом мореплавания, при нахождении судна в плотном тумане, предупредительный звуковой сигнал подаётся ежеминутно. Представьте себе, где бы Вы не находились на судне, в любое

время дня и ночи, ежеминутно клокочет вибрирующий низким басом мощный судовой гудок. Особенно неприятно было засыпать под этот монотонный, пробивающий стены и палубы низкий звук, который, как казалось, даже мёртвого разбудит. Своей работой он, несомненно, действовал на психику моряков, добавляя усталости и без того загруженному режиму работы, без выходных и солнца.

Выйти на палубу было противно, стояла промозглая сырость. А ревун действовал по уставу, включался автоматически, заглушал речь и не давал сосредоточиться мыслям. В таких условиях гагаринцы и королёвцы пребывали длительными месяцами. Рабочее время, трижды за шестимесячный рейс, плавно сдвигалась на ночное время. Образно говоря, тревожный бас нашего неуёмного гудка сигнализировал другим судам, находящимся в ближней зоне, следующее: «Здесь, возле печально известного на Земле острова Сейбл, снискавшего дурную славу «пожирателя кораблей», нахожусь я, самое крупное в мире НИС «Космонавт Юрий Гагарин». Будьте осторожны, тут зона плотных туманов! Держитесь подальше от «кладбища Северной Атлантики».

Остров Сейбл на карте Северной Атлантики - район работ судов МКФ на Ньюфаундлендской банке

Зона сильных туманов существовала вокруг острова в летнее время, она образовывалась в результате «касания» (трения) двух встречных течений: тёплого - с юга Атлантики и холодного, Лабрадорского - с северного направления. Несомый «трущимися» течениями песок и образовал «саблеобразный остров», самый коварный из всех нанесённых моряками на карты. Оттого и назван он «Сейбл», что по-французски означает «сабля». Пожалуй, самая важная особенность «смертоносной пятидесятикилометровой сабли» – то, что она постоянно движется,

беспреданно меняя свою конфигурацию и очертания. В прошедшее столетие, как установлено учёными, остров сдвигался и продолжает двигаться примерно на 200 метров в сторону центра Северной Атлантики. Со времён глубокой древности мореплаватели, оказавшись в туманном пространстве острова, попадали в его песчаные объятия.

Из истории кораблекрушений известно, что в зыбучих песках острова нашли свою смерть тысячи судов. По статистике, до XX века, натываясь на мель, здесь терпели катастрофу в среднем три судна в два года. Парусники и пароходы буквально в считанные дни поглощались движущимся песком. Затягивая их в себя, ломая и переворачивая, ненасытный остров порой снова обнажал их остовы на своей поверхности, демонстрируя человеческие кости и удивительные реликвии разных времён и народов. Вот почему за островом справедливо закрепились и такие названия как «Остров скелетов», «Остров призраков». В морском музее порта Галифакс, самого крупного порта на восточном побережье Канады, есть немало экспонатов, подаренных островом, и коллекция постоянно пополняется новыми находками.

Выше чайк.

Профилактические работы на антенне дальнего космоса связи.

С начала прошлого века «Сейбл» обезврежен установкой на нём радиомаяков. На острове дежурит команда канадских спасателей. В помощь этим спасателям, находясь в непосредственной близости от острова, почти двадцать лет крупные суда космического флота АН СССР извещали своими гудками туманные окрестности, предупреждая об опасном районе другие, проходящие мимо суда.

Наш флагман мог стоять здесь полдня на якоре или идти малым ходом с любым удобным для работы антенн курсом судна. При этом он не удалялся далеко от той единственной и самой удобной для проведения работ точки на Земле, выбранной баллистиками ЦУП-а для управления полётом пилотируемых космических кораблей. А точка эта имела самые нарицательные названия на морских картах мира.

Воспоминания о годах, прожитых на судне, в том гнилом месте Атлантики воскрешают тяжёлый бас судового гудка, донимающую сырость, длительную, до 12 рабочих часов в сутки космическую вахту и великолепную рыбалку в осеннее время (о которой можем рассказать в отдельном выпуске сайта МКФ).

Уйдя подальше от окутанного туманами «пожирателя кораблей», моряки получили возможность видеть солнце, вести покраску судна. Ущемлёнными оказались только рыболовы, привыкшие к своему ремеслу на мелководье, а в новом районе работ глубины были от ста метров и выше.

Рулевая рубка Штурман В. Филимонов и рулевой матрос В. Привалов

Об аварийной ситуации.

Она возникла после весеннего захода в хорошо знакомый нам канадский порт Сидни. Весной побережье острова Кейп-Бретон сковано льдом, но наш "Гагарин" успешно преодолел сотню миль в Сидни и обратно. Однако после прохождения льдов, ниже ватерлинии в борту образовалась трещина. Догадались об этом не сразу. Первый признак беды проявился в солёности мытьевой воды. Капитан и главный механик были встревожены и искали причину всеми доступными способами. Внешне, чтобы не посеять

панических настроений, руководство проявляло спокойствие, но предпринимало всё возможное, чтобы отвести беду.

Заходы в крупнейший порт Канады Галифакс на восточном побережье страны, близко находящийся от нашей рабочей точки, нам тогда не планировали. Сама Канада в этом неоднократно отказывала. Капризная на наши неоднократные запросы о заходе, будто вредничала, предлагала на выбор Сидни (о. Кейп-Бретон) и ещё севернее - Сент-Джонс (о. Ньюфаундленд). Из-за опасного (для крупного судна), узкого и скалистого фарватера створа бухты, зайти в Сент-Джонс у «Гагарина» потенциально вообще не было возможности. О «героических» заходах в этот порт нашего сменщика у Сейбла, НИС «Академик Сергей Королёв», слышал рассказы непосредственных участников его рейсов. Проход в порт узок, долгое время года скован льдом, торчат острые скалы. Когда НИС «АСК» прибыл в этот порт впервые, капитан судна получил высокую оценку своим действиям от капитана порта и местных агентов. Но что поделаешь, есть то надо, вот и шли за снабжением в отдалённые, невыгодные порты.

Шторм в точке работ с высотой волн 20 метров

Отказывая нам в заходе в Галифакс, Канада вредничала, предполагаю, из-за случая падения на её территорию советского спутника с энергетической установкой на изотопах («Космос-954», 29 января 1978 г.) и радиоактивным заражением местности в точке падения. Никаких сообщений о политической шумихе, поднятой вокруг этого инцидента, до нас не долетало. Об этом факте, узнал из прессы потом, на берегу.

Чтобы зайти в Сидни, в то весеннее время года, флагман самостоятельно, без помощи ледоколов, преодолел около сотни миль прибрежных льдов.

Всем находящимся на борту запомнилось красивое зрелище прохождения белой ледяной глади. После беспрестанно снующих волн произошла резкая смена «умиротворения» окружающей среды. Вокруг до горизонта была неподвижная белая равнина. Сначала мы входили в тонкую кромку прибрежных льдов с длинными узкими водными извилинами во льду и проталинами, как озёра.

Двигаясь по курсу, судно беспокойно рыскало то влево, то вправо, пользуясь для прохода свободными от льда извилинами. На ровной, покрытой снегом поверхности изредка можно было заметить тёмные силуэты - отдыхающих от рыбной ловли морских львов и их светлых детёнышей - бельков. Некоторых особей можно было рассмотреть невооружённым глазом. Они не проявляли испуга при виде проплывающего мимо них огромного «айсберга» с коронами мощных антенн. Настороженные нерпы оставались неподвижными на кромке льда и не пытались нырнуть в воду. Отдельные длинномордые тела особей отдыхали на льдинах вблизи своих детёнышей.

Объявив широкой свою океанскую экономическую зону, Канада тем самым ограничила доступ рыболовным судам других государств в эту мелководную, богатую рыбой, зону Атлантики. А вместе с рыбой нерп тут прибавилось.

Приблизительно 80% канадской рыбодобычи уходило на экспорт в США. С учётом этого факта, Канада ревностно охраняет границы своей рыбопромысловой зоны, следит за экологическим состоянием этой обширной океанской банки. Работая рядом с зоной экономических интересов Канады, моряки были частыми свидетелями неустанного контроля береговой охраны Канады за нахождением в этой зоне судов иностранных государств. Над нами барражировали патрульные самолёты с красным кленовым листом. Чтобы не нарушать установленных экологических требований, мусор, накапливаемый на корме, периодически сжигался на месте под контролем пожарной команды судна. В редких случаях, за пределами экономической зоны Канады и на дальних переходах через океан, судовые отходы «майнались» там, где были большие глубины.

При заходах «Космонавта Юрия Гагарина» в Сидни, нас радушно приглашали к себе в гости персонал и студенты колледжа береговой охраны Канады, где обучались студенты из разных государств. В колледже организовывались международные спортивные встречи между студентами и сборными командами судна. Наши спортсмены-любители всегда проигрывали студентам в баскетболе. Не удивительно, в составах команд колледжа играли акробатически ловкие чернокожие студенты. Зато в волейболе и шахматах мы всегда держали неоспоримое первенство. В сборную команду наших волейболистов входили мастера спорта от экспедиции Абид Изудинов и Виктор Воробьёв. Сборную шахматистов «Гагарина» всегда возглавлял капитан Григорьев Г.Ф, в неё от экспедиции неизменно входили такие сильные шахматисты как Пётр Спиридонов и Евгений Евграфов. В одном из последних турниров, на 10 столах: одна ничья и 9 побед!

Колледж береговой охраны был расположен в глубине лесного массива неподалёку от деревянного причала нашей стоянки. Он впечатлил нас своим тихим уютом, совершенством учебных помещений и лабораторий, залов для занятий спортом, куда и приглашали советских моряков для совместного отдыха. Но были предложения и более интересные. Например, вместе покататься на лыжах (снаряжение предлагалось) или вместе со студентами поплавать в бассейне, отчего наше руководство обычно отказывалось. Студенты охотно показывали морякам интерьеры колледжа и свои комфортабельные двухместные номера.

Курс на порт Сидни через лёд толщиной полметра

Итак, утром, в яркий солнечный день апреля, мы входили в белоснежное пространство прибрежных льдов огромной ньюфаундлендской банки. Справа по борту на белом фоне уходящего ледяного полотна нас сопровождало редкое явление - чёткая движущаяся тень флагмана. За бортом стоял треск и шорох от ломки океанского льда. Периодически возникал пронзительный звук похожий на резку оконного стекла. «Гагарин» шёл полным ходом, врезаясь в лёд, как в скорлупу.

У судна между бортами 33 метра. Когда смотришь на него спереди с близкого расстояния, то корпус судна представляется «тупым утюгом». Эта форма судна-гиганта, по наблюдениям сверху, приводила к замедлению скорости продвижения в плотных льдах. Если смотреть вперёд с верхнего мостика на лёд перед носом судна, становится заметно, при вхождении в плотные ледяные поля скорость хода снижается. И наоборот, вырвавшись из

окружения плотного льда, чувствуется разгон на чистой воде. По мере приближения к берегу лёд становился плотнее и толще, ровная гладь сменилась торосами. Наслоения сдвигающегося от трещин льда были хаотически разбросаны вокруг. В это время от носовой части судна доносился уже не треск и шорох раскалывающегося льда, а грохот отваливающихся от бульбы ледяных глыб. Судно продолжало свой путь, практически не сбавляя хода. Его бульба, подводная выступающая часть носа, работала почти по ледокольному принципу, только с обратным знаком. Она врезалась в лёд, поддевая его снизу, и заставляла глыбы льда приподниматься, переворачиваться и отваливаться по сторонам как от лемеха..

Встреча с буксирами

Казалось, будто огромный плуг бороздит толстую корку ледяного покрова океана. Так лёд расступался на пути судна. Отваливающиеся от «лемеха» льдины достигали сорока сантиметров в толщину, они переворачивались и

ломались, тесня друг друга, с шумом крошились на обломки. Этот шум прерывался шлепками падающих друг на друга новых глыб, а вдоль бортов был слышан их скрежет. «Гагарин» стремительно шёл, не сбавляя оборотов. Такую тактику борьбы со льдом выбрал сам капитан Г.Ф. Григорьев. Он то и дело выходил на крылья мостика оценить обстановку, присматривался к толщине льда. По прибытии в порт, капитан порта Сидни высказал Георгию Фёдоровичу своё восхищение мореходным качествам судна не ледокольного типа

За кормой оставалась широкая полоса из серой ледяной каши. Она существовала недолго, льды стремились скорее сомкнуться за нашим шлейфом, не оставляя доказательств нашего вторжения в их царство.

У причала в порту Сидни

Ближе к вечеру солнце, снижаясь, окрасило небо сначала жёлтым, потом багровым цветом. Медленно ползли вдоль бортов ледяные поля с контрастно подчеркнутыми ледяными нагромождениями. Казалось, будто огромная борона неровными зигзагами прошла по ледяному полю. С наступлением сумерек продвигаться через ледяную твердь становилось труднее. Стали на якорь. Приняв нас за рыболовное судно, стаи чаек слетелись на края проруби вокруг лениво вращающегося винта. Прогуливаясь по палубе, возникало непреодолимое и соблазнительно неосуществимое желание - спуститься за борт на заснеженный лёд, пройти хоть немного в сторону, чтобы сфотографировать «вмёрзшее» в него судно.

Рано утром движение к берегу продолжили без помощи канадских ледоколов. За льдами, на тонкой земной полосе были видны трубы чугунолитейного завода острова Кейп-Бретон, клубящиеся коричнево-розовым дымом. По мере приближения к заснеженному берегу полуострова Новая Шотландия, в нём вырисовывался створ бухты. В ожидании нашего прибытия у входа в пролив дежурил ледокол с красными бортами и вертолёт на корме такого же цвета. Продвигаться вперёд самостоятельно становилось труднее. Ледокол, совершив вокруг нас круг почёта, помог выбраться из ледяного плена. В порт следовали за ледоколом. К корме на короткой дистанции пристроились буксиры, которые сопровождали нас до постановки к причалу.

Стоянка в порту Сидни

Во время стоянки произошло два происшествия: одно с членом экипажа, радиооператором, второе с членом экспедиции, техником.

Наше уникальное судно при заходах в иностранные порты своим необычным видом всегда привлекало к себе большое внимание местных жителей, гостей и туристов. Среди встречавших судно на причале оказался одессит, недавно приехавший в этот город-порт на постоянное жительство к молодой жене, с которой расписался ранее в Одессе. Как только был спущен трап, он поднялся на борт для встречи с приятелем-радиостом, с которым вместе учились в мореходном училище. Друзья уже хотели было идти в каюту радиооператора, но бдительная вахта решительно воспрепятствовала этому.

Требования режима на наших судах всегда были жёсткими, капитан судна не мог их нарушить. Появление «иностранного визитёра», даже если гость имел при себе советский паспорт, не считалось официальным, заранее оговоренным.

Далее произошло непредвиденное. Не получив разрешения на общение с другом в своей каюте, наш радист, как только стемнело, прихватив гитару, самопроизвольно покинул борт судна. Не вернулся он и к ночи. Весело отметив встречу в доме своего приятеля, вернулся только на следующее утро ко времени заступления на вахту. Естественно, в следующий рейс этот радист не пошёл...

Другая драматическая история в дни захода судна связана с членом экспедиции Олегом О. В начале рейса, впервые после нескольких лет неофициального запрета на покупку подержанных автомобилей, прозвучало сообщение о его снятии. В те годы иметь иномарку могли только какие-нибудь видные деятели или широко известные артисты. Наши завистники не могли себе представить, каких трудов стоило моряку собственными руками реанимировать старенькую «убитую» иномарку. В то время даже в Москве не существовало автосервисов, а станция техобслуживания для VIP-персон на ул. Волгина была недоступна из-за высоких валютных расценок техобслуживания. Вот и латали моряки купленные «гнилушки» своими

руками в кустарных условиях, до окончания рейсов, приспособив для ремонта всё пригодное из отечественных запчастей, материалов и красок.

Моряки знали истинную цену этим заморским «антилопам». Многие стремились при первой возможности сменить привезённую иномарку на подержанный, но ещё не старый «ВАЗ». Моряки были вынуждены покупать «металлический хлам» за рубежом, так как стать автовладельцем иного пути практически не было. Отслужившую десятилетний срок иномарку они могли приобрести за реально заработанную валюту в полугодовом рейсе. В восьмидесятых это составляло примерно 400-600 \$. При доставке авто на собственном судне таможенная пошлина за ввоз с моряка не взималась.

Подъём авто-трофея на борт судна

Существовало лишь одно условие: пошлину не брали при условии, что моряк не будет продавать ввезённый автомобиль другому лицу в течение двух лет. Никаких требований к физическому состоянию подержанных автомобилей не предъявлялось, хотя иногда на приобретения наших товарищей нельзя было смотреть без слёз. Считалось, что получение разрешения на покупку подержанной машины — это «вознаграждение» за многолетний добросовестный труд. Для того чтобы получить право на покупку, в коллективах космической флотилии произвольно устанавливали сроки выслуги моряков для возможности потратить на это собственные заработанные деньги. На «Гагарине» такой стаж был определён в 5 лет. Списки желающих приобрести автомобиль рассматривали и обсуждали на профсоюзных собраниях, затем кандидатуры утверждало руководство.

С начала рейса процедуру рассмотрения и утверждения прошла треть членов экспедиции судна. В то время «перестройка» приближалась к

логическому завершению. Начались сбои с задержками заработанной моряками валюты и оплатой пребывания судов в иностранных портах. Ходили слухи, что рейс будет последним, надо ожидать всего худшего. Вокруг покупки машины за рубежом царил нездоровый ажиотаж. Привезти из рейса подержанные «Жигули» было выгодно, так как накопить на покупку новой машины не хватало зарплаты. Да и распределительная система не доходила до моряков, а в автомагазинах «Лады» не продавались. Уходя на «полгода» в рейс, моряк мечтал накопить валюту, чтобы купить отвергнутое кем-то авто. Вот почему, в обстановке домыслов и слухов о завершении перестройки, распространяющихся на корме, из последнего рейса на борту «Гагарина» в СССР было доставлено рекордное количество автомобилей, 116 штук, в основном иностранных марок. Подержанные авто приобретались моряками в портах: Роттердам (Нидерланды), Антверпен (Бельгия), Гамбург (Германия). Цены там для советских моряков были наиболее приемлемые. Заходы в эти порты сознательно планировались последними в рейсах. Покупали моряки старенькие авто и в портах на «перекрёстках» морских дорог, и в Канаде, куда заходили к концу девяностых всё реже и реже. В оставшееся до возвращения в Союз время, свободное от вахт и работ, моряки ремонтировали свои авто в меру своих личных возможностей. Для этого, ещё до рейса они запасались необходимым инструментом и грунтовкой. Ремонт авто на открытой палубе среди океана – процесс не из лёгких. Водители с опытом разбирали иномарки до колёс, чтобы основательно подкрасить их изнутри для продления физической жизни. Другие пытались перекрасить машину целиком, чтобы до таможни придать ей желанный цвет. Идти по таким путям моряка вынуждала жизнь.

Олег О. был утверждён в списке покупателей и ему, как другим сотрудникам, не терпелось скорее воспользоваться разрешением при заходе судна в Канаду, хотя к моменту этого захода ещё не могло накопиться достаточного количества денег. Покупать автомобиль в складчину или в долг запрещалось. Приобрести что-либо за рубежом моряк мог только на реально полученную инвалюту. Так было записано в таможенных правилах. И каждый раз, уходя в заграничное плавание, моряки ставили свою подпись в том, что декларируют эти правила.

Нетерпение поскорей купить автомобиль после долгих лет запрета, желание воспользоваться случаем покупки авто в Канаде, где подержанные машины с объявлениями на стёклах «Продаётся» встречаешь на каждом углу, было настолько велико, что некоторые забыли о разумной осторожности.

В тот раз мы получили разрешение на заход в Сидни на **трое** суток. На общем собрании капитан судна призвал воздержаться от покупки машин ввиду короткой стоянки и ещё неизвестных условий оформления их к вывозу. Несмотря на это, двое «счастливчиков» приобрели себе «Лады» и успели оформить их вывоз в полиции к исходу вторых суток стоянки. Олег О. «осчастливил» себя покупкой огромного «Шевроле» - пикапа, но не успел оформить покупку в полиции. Машину подогнали к борту и до утра

последнего дня захода она, и её новый хозяин ожидали разрешения из полиции на вывоз.

Прогуливаясь вдоль борта над причалом, моряки-гагаринцы, рассматривая «Шевроле», оживлённо, с чувством белой зависти, обсуждали покупку удачливого покупателя. Автомобиль, по нашим понятиям, был огромен, длиннее советской «Волги» на полтора метра. Это был универсал, в котором можно было перевозить большую семью, где на переднем сиденье вместе с водителем могли сидеть, как это любят в Северной Америке, ещё двое пассажиров. Машина цвета морской волны, по крыльям и дверям была отделана под ценную породу дерева. Двигатель у этой машины был не менее как «восьмёркой». На дорогой бензин, шутили моряки, до дачи месячной зарплаты не хватит. Другие тонко подмечали: «да на такой можно свадьбы обслуживать! Молодец, Олег! Правильно сделал! Потом за неё пару «Жигулей» может выменять». Ничто не предвещало беды. На следующее утро Олег готовился с купчей оформить документы в полиции на вывоз своей покупки.

Утро третьего дня стоянки, 7 часов утра.

Вместо привычного включения радионовостей по судовой трансляции с мостика громко прозвучало: **«Палубной команде аврал, занять места по швартовому расписанию! Боцману на бак. Выходим из порта».** Объявление всех застало врасплох, оно было как гром среди белого дня. Никто не ожидал такого поворота событий. Кто-то надеялся в последний день захода потратить неизрасходованную валюту, купить что-то в последний день увольнения. Тревожное объявление совсем не было похоже на первоапрельский розыгрыш, в подтверждение ему за иллюминаторами дымили трубы буксиров с очевидной целью - обколоть лёд вокруг нашего гиганта, чтобы оттащить его от стенки причала.

На срочном сборе экспедиции в кинозале выяснилось: ночью пришла телеграмма из ЦУПа, в которой требовалось срочно вернуться в точку работы для проведения важных операций по программе полёта космической станции «Мир». На собрании никакого обсуждения этого вопроса быть не могло, именно для этого мы направлялись в экспедиционные рейсы. «Гагарин» не круизное судно, у него не было иного выбора. В телеграмме значилось **«срочно»**, поэтому капитан уже действовал по завершению формальностей по отходу судна из порта. Никому и в голову бы не пришло обсуждать ситуацию, ведь работа прежде всего! Вот так, сорвались на три дня из точки работ за снабжением, прошли трудным путём, работая на ходу. А тут и двух дней не простояв, не успев дополучить снабжение, получена команда назад! Такие резкие развороты в истории рейсов случались и ранее. Похожие телеграммы требующие вернуться в точку воспринимались как сигнал «SOS».

Например, в одном из прежних рейсов, «Гагарин» пересёк весь океан из точки работ у Сейбла и подошёл к Канарам для пополнения запасов. До Лас-Пальмаса оставалось несколько часов хода, как вдруг, пришла срочная

телеграмма обязывающая вернуться. В судовом кинозале, со всей откровенностью в создавшейся ситуации, к морякам обратились капитан Григорьев Г.Ф. и начальник экспедиции Жарков Н.С. Людям объяснили, что запасы продуктов на исходе, но горючего и воды для продолжения плавания хватит. Спросили у людей мнение, можем ли пережить трудное время при скромном питании? Коллектив единогласно поддержал руководство. На обратном пути к Сейблу на судне ввели режим экономии питьевой воды, какого прежде не случалось. Ситуация оказалась неординарной. Паротурбинная установка флагмана опресняла ежедневно до тонны воды в сутки, но этого было недостаточно для 330 человек. Кроме того, на первое - суп с макаронами, на второе – консервы. Выдержали! Космическая программа в связи с нашим возвращением в точку работы шла по плану, все необходимое на орбите было выполнено. По возвращении из рейса в Ялту, встречающая комиссия благодарила гагаринцев за понимание и выручку.

Кстати, слова «единый коллектив», впервые официально произнесены на общем собрании капитаном Григорьевым Г.Ф. Вот только не все руководители экспедиции эти слова воспринимали одинаково. Один из начальников экспедиции об этом рассуждал просто: «...капитан - водитель, я - пассажир. Куда скажу – туда и повезёт!». Да, в том, что касается работы, так. Ну а в остальное время на любом корабле должен быть один хозяин. И таким хозяином на флагмане всегда был Георгий Фёдорович, требовательный к себе и к морякам. Безопасность плавания на таком крупном и дорогостоящем судне была для него, превыше всего! Его постоянной заботой были выполнение задач рейсов, безаварийное плавание, соблюдение порядка на судне и благополучное возвращение всех домой. Уверен, что никто из гагаринцев сказанному не возразит.

Основным стимулом работы на судах зарубежного плавания ММФ была валюта, на которую моряки покупали за рубежом недорогие товары «ширпотреба», производство которых не могли наладить в стране. Ввезённый моряком «ширпотреб», лишь частично дарился родным и близким, а в основном реализовывался в комиссионных магазинах. Заработанную выручку тратили моряки во время низкооплачиваемого отпуска. Когда деньги через полгода заканчивались, моряк снова стремился пойти в следующий рейс на заработки. Как в песне Владимира Высоцкого «Не пройдет и полгода...», хотя чаще бывало и дольше. Советские моряки никогда не считали себя спекулянтами, в такие рамки жизни их загоняла сама ситуация в стране. Валюту моряк получал не больше той черты, за которой он мог выделиться по своему материальному положению среди других слоёв нашего общества. Просто со стороны, когда он с кучей коробок возвращался домой из рейса, работавшим у станка казалось, будто сосед их вмиг разбогател. На самом деле, оклад моряка в сумме с валютой был немногим более заработка среднеоплачиваемых и профессий трудящихся. Но в отличие от других, моряк выполнял в условиях длительного плавания зачастую опасную работу, в отрыве от собственной семьи, от нормальных условий жизни. Ему приходилось переносить немалые физические нагрузки, частую

смену климата и геомагнитных зон, терпеть моральные нагрузки от заорганизованности в рейсах.

Шторм в точке работы

Вернусь к продолжению рассказа о срочном покидании порта Сидни. Судовой кинозал «Гагарина» на 250 мест. Он полон от целиком собравшейся экспедиции. Начальник экспедиции объяснил причину выхода из порта, его заместитель Павел Николаевич обратился к сотрудникам с просьбой, не оставить в беде Олега О. Техник отдела управления антенн потратил всю накопленную им валюту на покупку машины, которая осталась на берегу. Необходимо было поддержать человека не только морально, но и не дать повода для отчаянья, так как рейс продолжался. Никто не возразил предложению помочь потерпевшему при заходе в последний иностранный порт.

По окончании короткого собрания все выскочили на палубы и с грустью смотрели на удаляющийся причал. Там стоял уже бесхозный автомобиль, покупателю которого ещё вчера все завидовали. Поднять машину на борт успели бы, но на это не было юридических прав. Канадская таможня открывалась в 09-00 часов утра, а мы срочно выходили из порта, убрав трап в 08-00 часов. Увы!

В той драматической ситуации все с пониманием отнеслись к своему товарищу, никто не осуждал его и не упрекал. Судьба! Когда в конце рейса зашли в порт Роттердам, 180 человек экспедиции дружно кинули в шапку по 3 нидерландских гульдена. С учётом остатка заработанной Олегом валюты, денег хватило на покупку подержанного «Вольво». Олег был счастлив,

благодарил за помощь всех. И все сотрудники были удовлетворены завершением этой, поучительной для Олега и многих историй. Но потерпевший, в результате этого случая, всё-таки выявился, им стало Черноморское морское пароходство. Вскоре после нашего срочного покидания порта, из Сидни, в адрес капитана пришла телеграмма: **«За мусор, оставленный вашим судном на причале, налагается штраф в размере 700 долларов»**. Тут надо бы добавить, что покупка автомобиля обошлась Олегу почти в два раза дешевле суммы штрафа. Но, как говорят, издержки в таких случаях неизбежны.

Типичная картина шторма у острова Сейбл, Восточная Канада

Теперь, собственно, **об экстремальной ситуации** с трещиной в борту парохода «Космонавт Юрий Гагарин», которая возникла ниже ватерлинии. Вернувшись через льды, из порта Сидни в точку работы, стали ощущать усиливающийся солоноватый привкус мытьевой воды. В это время погода в точке работ была спокойной. По завершении работ по суточным виткам, начались никому не понятные ежедневные судовые эксперименты по переливу жидкостей в танках. По судовой трансляции, в связи с этим, звучали специальные объявления. В течение нескольких дней судну в дрейфе искусственно создавали крен до пяти градусов то на один, то на другой борт. В прежних рейсах на флагмане такого никогда не было. Но в том, что действительно осуществляется перелив жидкости в танках, не сомневались, уж очень суетились донкерманы в точках замеров со своими рулетками. Эти «эксперименты», как стало понятно позднее, оказались лишь легендой

прикрытия чрезвычайной ситуации. Истинной целью таких работ был поиск образовавшейся течи от проникновения забортной воды в танки с пресной водой (размещённых в пространствах двойных бортов судна танкерного типа).

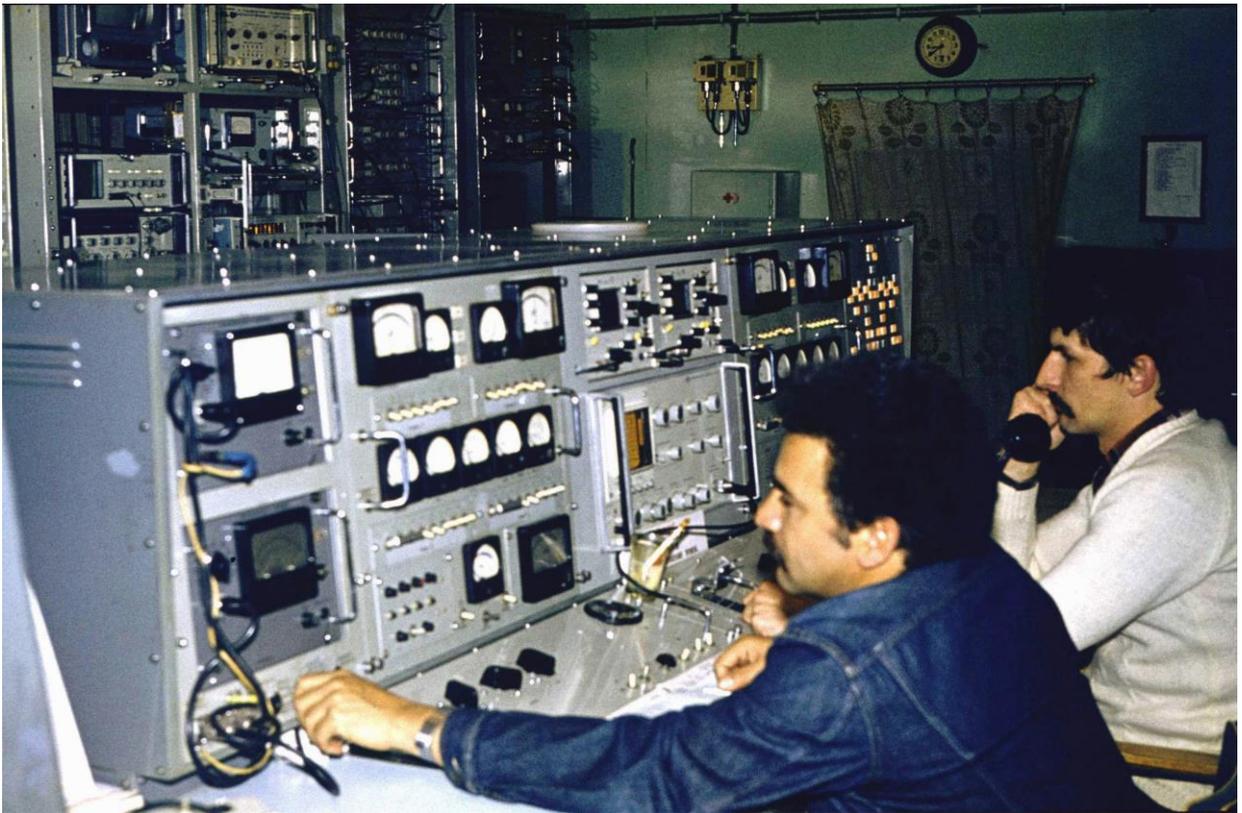
Снаряжение водолаза

Однажды днём на верхней палубе застал момент снаряжения матроса в лёгкий водолазный костюм. Два приложенных слайда – тому в подтверждение. Экипировал матроса-водолаза старший электрик экипажа Михаил Фомичёв. По своему общественному положению профорганизатора экипажа Михаил был ближе других к капитану и всегда располагал большей информацией о делах на судне. Я поинтересовался, для чего снаряжают водолаза? Фомичёв мгновенно, как заученной фразой ответил, мол, вроде бы при заходе в Сидни на винт намотали куски металлического троса и теперь необходимо обследовать винт. Как я потом понял, ответ Фомичёва тоже был надуманной легендой для прикрытия реального положения дел по обследованию матросом-водолазом корпуса судна. На «Гагарине», где в судовой роли числилось более трехсот человек, в случае аварийной ситуации, паника могла привести к непредвиденным последствиям. Причина подсолённой воды в танках ещё не была установлена, но тревожная ситуация

могла выплеснуться в виде панических настроений. Осуществить внешнее обследование корпуса своими силами и скрытно возможности не было. Вот и работала легенда с экспериментами по перекачке жидкостей в танках. Поиск места проникновения забортной воды в межбортовые танки продолжался почти две недели, прерываясь лишь на время спецработ экспедиции. О том, насколько правильно это было организовано капитаном, моряки и не догадывались. Всю правду о происшедшем узнали лишь в очередном заходе в испанский порт Лас-Пальмас острова Гран-Канария. Легенда об экспериментах с перекачкой балластной воды в изолированные балластные танки лопнула после обследования состояния борта группой испанских водолазов, вооружённых рентгеновским оборудованием для зондирования состояния борта. Трещина в корпусе ниже ватерлинии была обнаружена. Испанские водолазы её надёжно заварили подводной сваркой. Причина подсолённости мытьевой воды раскрылась всем! Длительное пребывание крупного судна в штормовых условиях, когда оно регулярно подвергалось сильным деформациям, а затем прохождение его через плотные льды не прошли даром. Нашлось уязвимое место в корпусе, где металлическая обшивка лопнула. Ситуация не стала чрезвычайной опасностью угрожающей жизни судна и моряков, не зря на «Гагарине», построенном на базе отечественного танкера типа «София» был двойной борт. Но, согласитесь, сказать капитану правду или даже полуправду тогда, когда судно находилось среди океана и непрерывно выполняло свою основную ответственную задачу, было бы ошибкой с непредсказуемыми последствиями. В условиях длительного плавания нервы у моряков напряжены как струны. Достаточно искры для разжигания страстей, а вдруг кто-то не выдержит? Люди со слабой психикой часто выявлялись в рейсах. Когда скрытые слабости начинали выплёскиваться наружу, под разными предложениями таких моряков возвращали домой на попутных судах.

Трудно себе представить, каких огромных затрат стоили полёты в космос! Но отсюда следовало, что работа моряков в океане была весьма важной и полезной тем конструкторам, кто был обязан отвечать за правильность избранных конструкторских решений, в целях предупреждения возможных ошибок и успеха последующих запусков в космос. Вся страна платила высокую цену за каждый новый шаг в космосе, и наш флот не имел права на ошибки. В этой экстремальной ситуации моряки оставались в рабочей точке и выполнили свою часть в контуре управления полётами.

Тут остаётся подчеркнуть: и за всю тридцатилетнюю историю своего существования с начала космической эры и до полного расформирования космического флота в 1994 году, не было ни одного случая срыва сеансов по его вине. Морской космический выполнил своё предназначение, потому как в его составе служили и работали лучшие из лучших: опытные капитаны и моряки-профессионалы, специалисты-инженеры и техники.

Комплекс спутниковой связи «Румб»

В данной экстремальной ситуации многое зависело от капитана. Но он не просил о приостановлении работ для локализации причины возникшей опасности. Судно продолжило работы в океане, оставаясь в контуре управления тем незаменимым и надёжным помощником и составной частью наземного КИКа. Организованная капитаном работа по поддержанию живучести судна не нарушила ход рейса и наше благополучное возвращение к родным берегам.

Фото в статье: Анатолия Капитанова, Геннадия Маценко, Виктора Ковылкина, Геннадий Цехановский.

СТОЯНКА НА ВОДНОМ СТАДИОНЕ

В самом начале 90 х годов прошлого столетия, я работал старшим механиком на судне класса "О-пр" СТ-1323. Деньги обесценивались очень быстро, я бы даже сказал стремительно, процентов на 30 в месяц. То, что нам казалось очень приличной зарплатой, когда мы нанимались на работу, очень быстро обесценилось, заставляя нас искать новые пути заработка. Бывший судовладелец, к которому мы нанимались на работу, скоро исчез, по слухам попав в какие то криминальные разборки, и мы какое то время были предоставлены сами себе, приходя на работу скорее по привычке. Правда, вскоре, появился новый владелец, с которым мы оформили трудовые отношения официально, с записью в трудовую книжку. Снова появилась надежда на заграничные рейсы, и на борту судна даже появилась гордая надпись – ISTANBUL LINE, которая вначале вызывала у нас гордость, пока, через несколько месяцев, не стала поводом для насмешек. Руководство компании «Интерферма», которая и стала судовладельцем, несколько раз обсуждало возможность работы судна на международных линиях, но столкнулось с трудностями при оформлении судовых документов и неподъемными суммами на снабжение, необходимое в соответствии с международными требованиями.

От нас потихоньку отступились, предоставив нас самим себе, в прочем платить нам не перестали, хотя постепенно, когда то очень приличная зарплата, стала превращаться в жалкое пособие по безработице. Время было хоть и трудное, но очень интересное. Союз трещал по швам. Законы оставались старые, но отношения между людьми и взгляды на жизнь постепенно менялись, расширяя горизонты для инициативы, основанные на практической сметке.

Судно стояло на Москве реке, недалеко от станции метро «Водный стадион». В этом месте, когда-то, проводили водные представления. Место было оборудовано скамейками для зрителей, и, по-моему, даже навесом от дождя. Наше судно стояло у причала не одно, вторым бортом к нам стояла еще одна «эстетшка» - СТ-1319. Делать было абсолютно нечего. Развлекались тем, что смотрели телевизор и пили пиво, иногда звонили в главный офис, чтобы узнать, когда нам повысят зарплату. В конце концов, на каждом судне осталось по 2 человека. На СТ-1323 главным был я, а на СТ-1319 – мой товарищ Суслов Валерий Викторович. Стояли вахту – сутки через сутки, а, иногда, и сутки через двое. Как я говорил, предоставлены мы были самим себе. Начальство к нам не приезжало. Вот тут нам в голову и пришла смелая мысль использовать суда не по своему прямому назначению, а как гостиницу. В начале 90-х предпринимательство только зарождалось, и каждый воротил, что хотел, в зависимости от своей внутренней свободы и деловой хватки. В то время гостиничного бизнеса еще не было, а в государственных гостиницах, как обычно, не было мест.

Объехав с моим товарищем близлежащие гостиницы, мы договорились, чтобы всех, кому не достались места в гостинице, направляли к нам. Постепенно к нам потянулись клиенты. Условия на судах были хорошие, да и брали мы недорого. В основном это были узбеки и таджики – продавцы арбузов и дынь. Но были и серьезные клиенты, и хорошенькие женщины. За хорошенькими женщинами мы пытались ухаживать, иногда достаточно успешно. Ухаживание начиналось с рассказов о тяжелой морской жизни, перемежавшимися с расхожими байками, умеренным потреблением спиртных напитков, и походом в сауноу. Отношения завязывались легкие, и ни к чему не обязывающими, что устраивало обе стороны.

Однажды в дверь кают-компании, где мы смотрели телевизор, заглянули симпатичные девчонки – баскетболистки, у которых где то рядом была тренировочная база, и попросили разрешения сходить к нам в сауноу. Девчонки были стройные и симпатичные, правда, на голову выше нас, но разве это главное - нам же не в баскетбол с ними играть. Конечно, мы сразу согласились. Они обещались прийти через час. За это время мы основательно подготовились: растопили сауноу, затарились спиртным и освежили в памяти дежурные байки о тяжелой морской жизни и скабрзные анекдоты. Все было готово, и мы, с нетерпением, стали ждать девчонок.

Хлопнула входная дверь и стали слышны приближающиеся шаги. Дверь в кают-компанию приоткрылась, и в проеме двери показались «наши девчонки». Но, что это за ними стояли здоровенные ребята. Если девчонки были выше нас на голову, то ребята были выше нас на две головы. Какой же был облом. Жаль, что на этот раз, наши надежды не сбылись. Вскоре снова поменялся судовладелец – вместо советско-американской компании «Интерферма», в которой не было ни одного американца, хозяйном судна стала советско-швейцарское предприятие «ИТЭКО», в котором не было ни одного швейцарца. На нас это никак не отразилось. Мы и узнали об этом не сразу, а когда нас пригласили в офис для занесения записи в трудовые книжки. Первое время мы боялись, что начнутся проверки, и наш гостиничный бизнес пострадает. Но нас никто не трогал, и время тянулось неспешно. Как мы узнали позже, компания «ИТЭКО» брала кредиты, на какие-то свои нужды, под залог судна и не собиралось использовать его в работе. Нас это вполне устраивало.

Был и еще один случай, который мы удачно использовали для своей пользы. Через некоторое время нам позвонили и предупредили, что на судно должна приехать главный бухгалтер компании для проведения инвентаризации. Мы уже давно стояли на вахте по одному человеку, т.к. на судах все равно делать было нечего. Практически мы их только охраняли, но в компании это не должны были знать. Чтобы претендовать на повышение зарплаты, нужно было убедить руководство, что мы, наоборот, загружены работой.

В день приезда бухгалтера, на вахте был я. С самого утра я одел грязную робу и стал ждать ее прихода. Когда она пришла, я пригласил ее в кают-компанию, извинился, что не могу попить с ней чаю, т.к. очень много работы, и начал имитировать бурную деятельность. Я старался как можно

больше шуметь и быть у нее на виду. Я имитировал разные аварийные ситуации и героически их устранял. Выключал освещение и вентиляцию, ссылаясь на поломки систем, и тут же самоотверженно их устранял. Включал и выключал сигнализацию, и целый день бегал по судну с самым большим гаечным ключом, который у нас был. Дождавшись ее ухода, я переоделся, принял душ, и включил телевизор. Я порядком устал, но бегал я не зря. Наверно, на бухгалтера произвела впечатление моя «работа» и во время выплаты зарплаты, я получил почти в два раза больше. С учетом гостиничных доходов, зарабатывали мы неплохо, но все в нашем мире имеет конец. С наступлением холодов, электрических грелок уже не хватало, а судовой котел у нас не работал. Постепенно наши постояльцы разъехались, а скоро уволились и мы, найдя более достойную работу.

РАССКАЗЫ ОБ АРСЕНТИИ ЧУШКОВЕ

Рассказ 1

Понимая, что мои суждения и оценки могут быть субъективны и, не желая незаслуженно обижать людей, о которых я упоминаю в своем рассказе, прошу считать имена людей и названия компаний вымышленными, образы – собирательными, а совпадения – случайными.

Во время работы на флоте жизнь сталкивает со многими людьми, но запоминаются самые яркие и самобытные. Одним из таких был Арсентий Юрьевич Чушков. Это был сухощавый человек небольшого роста далеко за 70. Основными его достоинствами были необычайная энергия и огромное самомнение, которое заменяло все другие профессиональные качества. У него был большой опыт работы на судах в качестве судоводителя, но знания безнадежно устарели, и, по хорошему, ему нужно было уйти с флота лет 15-20 назад. Над некоторыми его рассуждениями можно было бы посмеяться, если бы он не был генеральным директором. Конечно, генеральным директором его можно было назвать достаточно условно. Серьезных вопросов он не решал, но нес ответственность за все перед судовладельцем. Такой зицпредседатель Фунт из романа «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Он был человек яркий и неординарный. И, наверно, его надолго запомнят капитаны и механики, которым «посчастливилось» работать под его началом. Я думаю, что Арсентий Юрьевич достоин стать героем моих рассказов.

Нужно сказать, что Арсентий Юрьевич, хоть и был человеком почтенного возраста, но старался казаться моложе, что само по себе и неплохо, если бы, в некоторых случаях, не выглядело нелепо. Все женщины, которые приходили в офис компании, будь то почтальон или бухгалтер из соседней фирмы, немедленно подвергались домогательствам Арсентия Юрьевича, с целью их поцеловать. Некоторые из них терялись, а некоторые откровенно пугались. Сам он, о чем он часто говорил, считал себя доминантным самцом, и очень этим гордился. Женщины нашей компании давно привыкли к его чудачествам, и старательно пытались избежать его поцелуев, но не всегда это

получалось, Арсентий Юрьевич нападал неожиданно и стремительно. Офисная работа предполагает скучное сидение за компьютером целый день, но избыток энергии Арсентия Юрьевича искал выход и находил его в бесконечных разговорах и монологах, которые наш бухгалтер – Ольга Анатольевна называла «словесным поносом». Голос Арсентия Юрьевича безостановочно доносился из соседней комнаты, и было непонятно, когда же он работает. Но стоило ему замолчать, как появлялось ощущение тревоги, - «Уж не случилось ли чего». Он очень любил шутить, и, наверно считал себя хорошим рассказчиком, но, чаще всего он сам и смеялся над своими шутками. Однажды Ольга Анатольевна пожаловалась, что у нее болят ноги. «А вы их не слишком широко раздвигайте», - пошутил Арсентий Юрьевич. Шутка получилась двусмысленной и неуместной, особенно и потому что рядом был ее муж. Ольга Анатольевна мгновенно парировала, - «Ты следи за собой старый хореk». Она никогда не давала ему спуска, и он ее откровенно побаивался, прикрываясь фальшивым смешком. Как я уже говорил, Арсентий Юрьевич любил поговорить, и большинство тостов, на праздничных корпоративах, произносил он. Когда он произносил тост, то никогда нельзя было предугадать, чем он его закончит, наверно этого не знал и он сам. Однажды, заканчивая очередной тост, он повернулся к офисному повару, и, неожиданно сказал, - «А вас Людмила Сергеевна, я так ни разу и не шпокнул», наверно имея в виду – не поцеловал. Люди нагнулись к тарелкам, не поднимая глаз. Каждый интерпретировал слово «шпокнул» по-своему, а Людмила Сергеевна растерялась, не зная то ли обидеться, то ли рассмеяться. Для Арсентия Юрьевича был не так важен результат разговора, как сам процесс. Когда он звонил на судно капитану, то разговор складывался примерно так: Сначала Арсентий Юрьевич начинал объяснять капитану прописные истины, которые тот отлично знал и сам. Если капитан говорил, что у него срочная швартовка или какое-нибудь другое неотложное дело, и он перезвонит позже, то Арсентий Юрьевич отвечал в том плане, что самое важное дело, это слушать его и не перебивать. Он искренне считал, что без его разговоров, капитаны не смогут ни швартоваться, ни оформлять документы, ни вообще работать. После 5 – 10 минут монолога Арсентия Юрьевича, капитан опять взрывался и уже кричал, что не может говорить сейчас. Некоторые более импульсивные кидали трубку. Арсентий Юрьевич немедленно набирал номер опять и доводил разговор до конца, искренне не понимая, что только мешает работе. Если же в швартовке из-за этого что-то шло не так, Арсентий Юрьевич тут же обвинял капитана, что тот его не дослушал и поэтому виноват только сам капитан. Поэтому не удивительно, что капитаны менялись довольно часто. Не каждый мог долго работать с Арсентием Юрьевичем. Я был свидетелем, как в офис пришел один капитан на собеседование к Арсентию Юрьевичу. Уже внешне капитан вызывал уважение – в форме, подтянутый, серьезный, с седыми висками. Он минут десять слушал, что говорил ему Чушков, а потом поднялся и сказал, - «Извините, но, пожалуй, работать у вас я не буду», и с достоинством ушел. Вообще Арсентий Юрьевич искренне считал, что работает только он один.

Он часто спрашивал сотрудников офиса, - «Вы ведь знаете, что на судне никто не работает?», и сотрудники уклончиво кивали, не желая спорить с генеральным директором. Таким я помню Арсентия Юрьевича по работе в офисе. В следующих рассказах я напишу каким я помню его на флоте.

Рассказ 2

Однажды, в самом начале нашей совместной работы, мы поехали с Арсентием Юрьевичем в командировку, на один из буксиров. В дальнейшем, я старательно избегал совместных поездок. Я заранее позвонил капитану буксира и предупредил его о моем приезде. «Да, конечно, мы вас встретим. А вы будете один?», - как-то с опаской спросил капитан. «Нет, вместе с Арсентием Юрьевичем», - ответил я. Повисло тягостное молчание. «Хорошо, мы вас встретим», - упавшим голосом сказал капитан. Уже в самолете я понял, что не нужно было брать места рядом. Арсентий Юрьевич сидел у иллюминатора, а я ближе к проходу. Арсентий Юрьевич без конца то выходил в туалет, и мне приходилось вставать, то громко и бесцеремонно флиртовал со стюардессой (если бы он был к ней ближе, то, наверняка, попытался бы ее поцеловать), то нагибался к соседям впереди, чтобы попросить газету, то поворачивался к соседям сзади, рассказать анекдот. Сидеть спокойно он не мог. Моя надежда спокойно собраться с мыслями перед первым посещением буксира, растаяла как дым. Из самолета я вышел уже немножко измочаленный. На буксир мы приехали ближе к вечеру. В ходовой рубке нас ждали капитан и старший механик. Арсентий Юрьевич, только успев поздороваться, взял судовой журнал и другие судовые документы и сразу стал распекать капитана за неправильное ведение документации. «Но Арсентий Юрьевич, я делаю, как вы сказали в прошлый раз», - попытался оправдаться капитан. «Я не мог такого сказать», - отрезал Арсентий Юрьевич. «А вы слушайте и не пререкайтесь». Я хотел спуститься в машинное отделение со старшим механиком, но Арсентий Юрьевич сказал, - «Старший механик не уходите, у меня к вам есть вопросы».

Стармех - «Арсентий Юрьевич мне нужно делать тех.уход двигателю».

А.Ю - «Делать будете позже»

Стар.мех – «Когда?»

А.Ю. – «Хоть ночью. Вы и так ничего не делаете».

Слушать все это было неприятно, особенно в первый приезд на судно. Но дальше стало еще интересней. «Вы составили список необходимого снабжения?», - спросил Арсентий Юрьевич стармеха. «Мы его отправили вам еще два месяца назад, но вы так ничего и не поставили», - ответил стармех. Он достал список требуемого снабжения и передал его Арсентию Юрьевичу. Я посмотрел список. Он состоял примерно из тридцати пунктов. Ничего необычного: инструменты и расходные материалы, обычная судовая заявка. «Вы согласны», - спросил Арсентий Юрьевич меня.

«Да», - ответил я. «Тогда подпишите». Я почувствовал какой-то подвох, но подписал.

«А теперь разберем список по пунктам», - как-то торжественно сказал

Арсентий Юрьевич.

Первым пунктом были ножовочные полотна. Самые обычные ножовочные полотна, которые всегда должны быть в запасе. В заявке было указано – две пачки.

«А почему именно две пачки, а не одна или три? Сколько вы используете ножовочных полотен в день? Как часто они ломаются? И почему они ломаются?». «Арсентий Юрьевич, да это копейки, полотна всегда нужны». Лучше бы я не спорил. Арсентий Юрьевич тут же прочитал лекцию о том, что все снабженцы идиоты, и им нужно составлять заявки очень подробно. Обсуждение первого пункта заняло минут 40.

Кончилось тем, что стармех сделал очень подробный чертеж ножовочного полотна, с расстояниями между отверстиями под крепление, высокой и наклоном зубьев, материалом, из которого изготовлены полотна и еще кучей разной информации. Арсентий Юрьевич был очень доволен. Попахивало маразмом. Я понял почему капитан и стармех так боялись приезда Арсентия Юрьевича на буксир. Представил, как будут смеяться снабженцы, получив заявку. И каким идиотом должен чувствовать себя старший механик. Ножовочные полотна я купил в магазине и, тайком от Арсентия Юрьевича передал стармеху.

Рассказ 3

На счастье Арсентия Юрьевича у него появился очень грамотный заместитель, который взял всю штурманскую работу по организации и координации флота на себя.

Наверно судовладелец не вполне доверял Арсентию Юрьевичу. Чтобы удержаться на своем месте и подтвердить в глазах судовладельца свою востребованность, Арсентий Юрьевич не нашел ничего лучшего, как переключиться, к несчастью для механиков, на решение технических вопросов. К сожалению, его знания были на уровне замены масла в двигателе его машины, зато с избытком было юного задора и пролетарского напора. Я забыл сказать, что когда-то Арсентий Юрьевич был депутатом местного уровня в каком то небольшом городе, где и отточил умение побеждать в словесных баталиях. Спорить с ним было абсолютно бесполезно, так как любой спор он рассматривал как попытку подрыва своего авторитета, и отстоять свою точку зрения было для него принципиально важно. Может быть, в прошлой жизни, Арсентий Юрьевич был знаменитым ритором, и умение уничтожать оппонента в споре передалось ему на генном уровне. Его жажда спорить всегда перевешивала его технические знания, поэтому он не любил давать письменные приказы по техническим вопросам, т.к. от устных приказов всегда можно было отказаться. Но, если он и давал письменные указания, то они были сделаны настолько расплывчато и не корректно, что от них можно было отказаться также легко, как и от устных. Когда Арсентий Юрьевич спускался с машинное отделение на судне, то главной задачей старшего механика было уследить за всеми манипуляциями Арсентия Юрьевича, и, по возможности незаметно, вернуть все в прежнее состояние.

Посещение машинного отделения Арсентием Юрьевичем происходило примерно так: А.Ю. шел впереди и крутил маховики на трубопроводах, открывал или закрывал краны, дергал ручки и нажимал кнопки на судовых системах, а старший механик шел сзади, и незаметно возвращал все в прежнее состояние.

Для того, чтобы показать свое неоспоримое превосходство А.Ю. часто пользовался проверенным приемом: Вечером дома он находил в интернете какой-нибудь очень сложный и каверзный вопрос, дотошно штудировал его, запоминая наизусть, но не понимая вопрос по сути, и на следующее утро, подождав когда в офисе будет побольше народу, как бы невзначай задавал этот вопрос механику-наставнику. Ответить на такой вопрос сразу было очень сложно, но как раз это и нужно было А.Ю., он сразу же обвинял оппонента в незнании вопроса, и, с торжеством в голосе говорил, - «Почему же я судоводитель это знаю, а вы механик – не знаете?». В глазах не посвященных А.Ю. мгновенно утверждался как полиглот, но большинство знали истинные знания А.Ю. и только снисходительно посмеивались. Однажды механики решили подшутить над А.Ю. и отыскивали в интернете подзабытый морской термин – вымбовка, и также, как-бы невзначай, спросили А.Ю. что же это такое? Было слышно, как А.Ю. отчаянно бьет по клавиатуре, чтобы отыскать незнакомое ему слово. Но то ли интернет у А.Ю. завис, то ли А.Ю. неправильно вбил слово, но ответить быстро на вопрос А.Ю. не смог. И тогда механик-наставник с неподдельным недоумением, и плохо скрытым злорадством, сказал, - «Как же так А.Ю. я механик знаю, что такое вымбовка, а вы судоводитель – нет. Чему же вы можете научить молодых штурманов, если не знаете таких простых вещей?». Потом мы долго и от души смеялись, а А.Ю. надолго перестал пользоваться этим приемом.

- Вымбовка (нидерл. windboom, от winden — «навивать» и boom — «дерево») — один из выемных деревянных или металлических рычагов, служащий на судах для ворочанья баллера ручного шпиля, стоячего ворота, навоя, бочки. Вставляется горизонтально в четырёхугольное гнездо (шпильгат) в головке ручного шпиля. В шпильгате вымбовка раскрепляется с помощью специального шпильболта. Иногда, для взаимного скрепления, вымбовки обносятся по концам специальным тросиком (верёвкой), носящим название шпильтрос или свистов.

Рассказ 4

Арсентий Юрьевич (в дальнейшем для удобства – А.Ю.) был замечателен не только гипертрофированной въедливостью и дотошностью, но и многими другими замечательными качествами. Его вулканическая энергия и самоуверенность, переходящая в самовлюбленность, заставляла его искать новые сферы деятельности для приложения своих сил. Самоуверенность, помноженная на непрофессионализм, сыграла с ним злую шутку. Все, чем бы он ни занимался, превращалось в фарс. Одно из поприщ, которое А.Ю. выбрал как сферу своей деятельности, стала экономия расходной части

бюджета компании «Альфамарин». Бюджет любой компании складывается из доходов и расходов. Чем больше разница, тем успешнее компания. Не имея достаточных знаний, чтобы увеличить доходную часть А.Ю. приложил все силы, чтобы уменьшить расходную часть. С Ленинским размахом и комсомольским задором А.Ю. взялся за новую для себя сферу деятельности. Плоды его деятельности сразу почувствовали как в офисе, так и на судах. Подменяя собой бухгалтерию, А.Ю. стал проверять командировочные расходы сотрудников: он скрупулезно следил за расходами на питание и расходами на общественный транспорт, распекая за слишком частые поездки, узнавал, куда сотрудник ездил и с какой целью, сверяя с какими-то своими записями. Все это он старался делать в присутствии судовладельца, при этом искоса поглядывая на него, чтобы удостовериться, что судовладелец оценил его рвение и рачительность. Доходило до абсурда. Место стоянки судов компании «Альфамарин» было расположено в труднодоступном месте, куда можно было добраться только на такси. А.Ю. лично нашел самого дешевого частника, на древней «колымаге», и в приказном порядке заставил сотрудников, ехавших в командировку, пользоваться только этой «колымагой». Колымага скрипела и чадила. Никогда нельзя было быть уверенным, что ты сможешь благополучно доехать до судна. Но этого оказалось мало, и А.Ю. нашел дополнительный способ сэкономить даже на этой колымаге: А.Ю. договорился с водителем, чтобы тот не довозил командировочных до самого места, а высаживал их примерно в 1 – 2 км от места назначения. Это расстояние сотрудники шли пешком, проклиная и экономию А.Ю., и самого А.Ю. Однажды А.Ю., чтобы сэкономить на такси, заставил идти сотрудника, с тяжеленными сумками, от гостиницы пешком. Район, где находилась гостиница, был промышленным, и ближайшая остановка автобуса была в 1,5 км от гостиницы. Шел сильный дождь, и сотрудник, не имея возможности держать зонтик, так как руки были заняты, сильно промок, а А.Ю. шел рядом, держа зонтик над собой, и рассказывал о преимуществах здорового образа жизни. Пытливый ум А.Ю. искал новые способы экономии, и находил их: судовые экипажи, направленные на замену, А.Ю. селил в гостинице по двое в одноместных номерах. Здоровые мужики, с традиционной ориентацией, возмущались и костили А.Ю. почем зря, особенно когда в гостинице их, с плохо скрытым ехидством, спрашивали, какой им нужен номер с одной кроватью или с двумя. Естественно, А.Ю. уверял, что это делается только в целях экономии. Капитаны судов компании «Альфамарин» были абсолютно убеждены, что это изощренное издевательство, и называли поведение А.Ю. – «синдромом старпома». Наверно, в свое время А.Ю. сильно досталось от капитанов, в бытность его старпомом, и А.Ю. вымещал, накопившиеся у него комплексы, на подчиненных ему капитанах. Нет ничего удивительного в том, что вскоре он нашел еще один способ экономии - оказывается, что сотрудники печатают документы непозволительно крупным шрифтом. А.Ю. быстро подсчитал экономию, если уменьшить размер шрифта до предельно малого. Сюда вошли и расходы на чернила, и частота замены картриджа, и расходы по

доставке картриджа, умножил все это на какие-то, только ему известные поправочные коэффициенты. За месяц выходила солидная сумма. А.Ю. тут же побежал к судовладельцу, чтобы поделиться своими расчетами. Судовладелец пригласил А.Ю. в свой кабинет для разговора. Через некоторое время А.Ю. вышел из кабинета немного потухший и какой-то помятый, и мы поняли, что экономия чернил откладывается. Но не такой был А.Ю., чтобы долго унывать из-за «разноса» судовладельца. В погоне за экономией А.Ю. совсем перестал следить за качеством работ. Экономия стала самоцелью, тем более что все последствия этой экономии А.Ю. ничтоже сумняшеся перекладывал на плечи механиков. А.Ю. старался изо всех сил. В погоне за благосклонностью судовладельца, А.Ю. готов был пойти и на откровенную авантюру: Однажды какой-то проходимец предложил А.Ю. покрасить судно краской на водной основе, что-то вроде акварели. Перспективы вырисовывались радужные. От масштаба экономии кружилась голова. А.Ю. тут же ухватился за эту идею, и стал добиваться ее исполнения с энергией достойной лучшего применения. Нужно сказать, что процесс покраски судна – очень ответственная процедура. Подводную часть корпуса судна красят в ДОКе, раз в четыре года. И все это время краска должна держаться на корпусе судна в агрессивной среде – соленой воде. Предложенная краска облезла бы в первые же дни, но расчет А.Ю. строился на том, что под водой этого не видно. Экономия на цене краски была огромная, но ущерб от коррозии металла был многократно выше. Наверно этот проходимец сделал А.Ю. предложение, от которого нельзя отказаться, т.к. А.Ю. долго пробивал эту идею. И все-таки идея была настолько авантюрна, что даже титаническими усилиями, А.Ю. не смог воплотить ее в жизнь. Технический директор обратился к судовладельцу и А.Ю. был вызван на «ковер» для дачи объяснений. После «разбора полетов» А.Ю. вышел из кабинета судовладельца немного поникший и помятый, как ребенок, которого вместо похвалы поставили в «угол».

Наверно хорошо, что А.Ю. во время завершил депутатскую карьеру, хотя скорее всего он ушел не сам, а его «ушли» (депутатская карьера слишком сладкая, чтобы оттуда уходить добровольно). Ущерб, который А.Ю. мог причинить, приложив руку к законотворчеству, был бы намного выше, чем ущерб от его деятельности на флоте, и мы стали бы свидетелями перлов, достойных Петросян-шоу.

Михаил Пруцких

В 1982 году закончил ЛИВТ (Ленинградский институт водного транспорта), по специальности инженер – судомеханик. С 1982 – по 1987 год работал в Беломорско-Онежском пароходстве. С 1987 – по 1990 г. работал в ЭСМП (Экспедиция специальных морских проводок речных судов). В лихие 90-е годы работал в частных судоходных компаниях старшим механиком. Последнее место работы – начальник службы эксплуатации компании «Ультрамарин». Сейчас - пенсионер. Коллекционирую монеты, статуэтки моряков, пишу родословную нашей семьи.

Олег Озернов

ДОЧЬ МОРЯКА

Ушёл в рейс на шестом месяце беременности. До того жена пива не просила, водки, мороженого — тоже. Почти весь срок пролежала на сохранении, где-то в больнице, потом в спецпансионате в Юрмале, Лиелупе, кажется. Мама моя устроила. Виделись по больничному расписанию...

Рейс, как всегда, затянулся. Беременность тоже. Когда прошло две недели от планируемого срока родов, стал лазить по переборкам. Начальник рации меня возненавидел — за систематические спотыкания о моё тело под дверьми его каюты и радиорубки. Радиограмм не было, телефонной радиосвязи посреди океана тоже. На носу Новый год, работы ему было и без меня — завались, связь перегружена.

Рожали всем экипажем. Меня жалели, будто это я был беременным. Подкармливали деликатесами, делились дефицитными куревом и пивком рундучным. Подозреваю, в деликатесы док подсыпал успокоительные таблетки. Иначе с чего такая щедрость при скудной чартерной артелке... Судно три года не заходило в Союз. Снабжались за валюту, а это дорого. На время, по приказу капитана, любые разговоры при мне с упоминанием слов «дети, мама, соска, горшок, пелёнки, счастье» экипажу были запрещены. Все нервничали, когда выходил на палубу проветрить мозг. Следили, чтоб не сиганул к Посейдону жаловаться на жизнь.

Замполит периодически вёл со мной душещипательные беседы о жизненных приоритетах, главными из которых, конечно же, являлись чувство долга, служение Родине, честь советского моряка за границей.

Говорил искренне-неубедительно, но было видно, что сочувствовал моим волнениям, а других слов не знал.

Этого ребёнка зачинали три года, при всех наших честных круглосуточных стараниях. Всё никак. Когда медицина опробовала и исчерпала полностью свой исследовательский потенциал на жене, взялись за меня. Однажды жена, как подарок, вручила приглашение на обследование моей детоспособности в институт семьи и... чего-то там ещё.

Обрадовался. В восторге совал домашним в носы медпаспорт моряка, где двенадцать подписей разных эскулапов официально подтверждали моё богатырское здоровье, отсутствие в крови допинга, мешающего зачатию, и чистый венерический анамнез. Часто тогда вспоминал об одной добрачной женщине, твёрдо утверждавшей, что я стал отцом её ребёнка. Но сей аргумент придержал из соображений гуманности к жене на крайний случай. Сказал, что вряд ли в этом институте есть медсёстры в моём вкусе — и

сбежал в рейс. Все испугались того побега и скопом решили, что институтские подозрения не напрасны. У самого за шиворот холодной змеёй закрались сомнения. А вдруг!..

Надо было сбежать раньше, потому как от испуга моим невозвращением жена срочно понесла, о чём торжественно радиограмнули на радость мне и экипажу, срочно погрязшему в замечательном двухдневном загуле по законному поводу.

Позади тот рейс, три месяца отпуска, сессия в институте. Вот и следующий рейс.

Время шло, а оно не рожалось (тогда не умели точно определять пол ребёнка). Подошла к концу третья неделя за днём обещанного врачами отцовства. Тишина. Мои «радио» на пол месячной зарплаты без ответа. Думай шохощь.

Док хренеет от ежедневных персональных лекций мне о протекании первой беременности, высоком статистическом проценте таких задержек, нормальности происходящего. Когда чувствует, что неубедителен, а моё неверие лекциям начинает приобретать агрессивно-угрожающие формы, идёт на крайние меры — путём наливания неразбавленного спирта в мензурки, и пьёт вместе со мной. Запиваем колой, заедаем «мальборой».

Тропики. Переход через Атлантику Турбо — Антверпен. Вахта.

Дизеля сиротливо молотят на «полный» с некоторым не критичным недоливом масла в лубрикаторы. Механик, то бишь я, занят. Он поёт «Чёрный ворон, что ты вьёшься, да над моею головой, ты добы-и-чи-и не дождё-о-шься, чёрный ворон, я да не тво-о-о-й». Поёт громко, заунывно, с выражением, глядя влажными глазами не на приборы — в небеса, где летает тот самый ворон. Поршни, шатуны, форсунки забыты, летают сами по себе. Автоматика в помощь.

Аварийная сигнализация молчит, и хорошо. Петь не мешает.

Время. Нужно делать обход, заполнять вахтенный журнал на сдачу. Ворон не отпускает. Вьётся, гад летучий. Вдруг распахивается дверь в ЦПУ, и с грохотом работающих машин врывается толпа моряков во главе со стармехом.

Ворона как ветром сдуло. Впереди — не помню кто с запелёнутым по всей положенной форме младенцем-куклой. Всё это перевязано яркой атласной розовой лентой, под которой — жёлтый бланк радиограммы от тёщи: Свершилось!!!

И... розочка, искусно сделанная из папье-маше, как потом выяснилось, одним из матросов.

Па-а-па-а-а-а! Ура-а-а-а!!! Хотели качать, но подбросить было некуда,

подволоок (потолок) в ЦПУ низкий. Вдоволь наобнимали, намяли длань мозолистую, радовались, как будто у каждого по дочке народилось. Надо ж, как достал всех.

Кто-то за меня сделал обход. Дед велел подписать чистый лист журнала, мол, сменщик сам заполнит, и под белые рученьки вывели молодого папашу из машины прям в столовую, прям в вахтенных шортах и сандалиях.

А там стол накрыт почти шикарный. Капитан с замполитом и весь остальной экипаж, свободный от вахт — все аки в праздник, самый что ни на есть государственный! После первых тостов шепнул артельщику, чтоб нёс поскорому весь запас «тропического» вина, накопленный мной с начала рейса именно к этому случаю.

Я стал отцом. Взял и стал. Из меня каким-то чудесным образом произошла дочура, новый человечек.

Это был момент самого настоящего счастья, в котором жизнь окрасилась новыми, неизведанными красками, а я приобрёл новое ощущение себя в этом мире.

До Союза оставалось недели две. Море не любит прогнозов.

Чемоданы забиты супер-сосками, горшками, слюнявчиками, набором для холодной стерилизации детской посуды таблетками, кучами этих самых таблеток и посуды, диковинными погремушками, игрушками, ползунками, чепчиками, кофтёнками, стульчиком для кормления, похожим на космолёт. И всё голубого цвета. До последнего надеялся на пацана. Нашли мне в Антверпене магазин «Mothercare», где с удовольствием оставил двухмесячную зарплату, приобретая сии невиданные тогда в Союзе чудеса.

Пинеточки малюсенькие до окончания заплыва висели над изголовьем моей судовой лёжки. Навевали перед сном своим удивительным, милым, незнакомым видом предвкушение счастья и мечты о светлом отцовстве. И не

было это сентиментальностью, и не посмеивались над этим заходившие иногда в каюту ребята.

От следующей вахты меня освободили, чтоб отошёл от празднества и подольше посчастливилось, не окунаясь в рабочие будни. Ребята-механики разделили её между собой.

После застолья, всё ещё пребывая под впечатлением момента поздравления в ЦПУ, той его вековой энергетики морского, мужского братства, решил запечатлеть для истории свою счастливую физию и куклёнка с розовой лентой. Попросил вахтенного сфоткать меня счастливого там, где начался новый отсчёт моей жизни.

Глаза уже косят, но суть передана точно. Одно из лучших мгновений жизни моей.

С этой симпатичной куклой дочка потом играла, и была она долго самой её любимой игрушкой.

Хотел написать: «Так я стал отцом» — потом понял, что отцом я стал не так. Правильно будет — «так я узнал о том, что стал отцом». Согласитесь, очень разные вещи, но обе бесценны.

Через неделю, в первый день нового года, пришла РДО от друга: "Твоё сокровище доставлено домой в целостности и сохранности"

Окончательно успокоился и до самого возвращения домой пребывал в полной уверенности, что жизнь прекрасна и удивительна.

А потом она и началась — новая, всё больше удивительная, всё меньше прекрасная. Просто жизнь.

МОЙ СТАМБУЛ 70-Х

Часть первая.

Выплеснулось ответом на репортаж замечательной моей творческой подруги Марины

Спасибо, Марина! Сподвигла порыться в закромах памяти. Ожило всё давно забытое старое в перелистывании архива. Буду в параллель с тобой выставлять находки нехитрые.

Невольно, но перед вами предстанет некая параллель во времени Стамбула сегодняшнего, о котором, так ярко делится впечатлениями Марина, и Стамбула моего, из моей флотско-пассажирской молодости Стамбула семидесятых, ещё не тронутого так фатально ветром безличия и усреднения душ, самобытности, уникальности черт разнообразия. Смотрю и понимаю, как всё изменилось там. И, как по мне, то это грустно. Оевропеился град великий.

Сохраню его в себе таким. Не мешайте, люди!...

Мой Стамбул другой. Сколько раз там был в круизных рейсах и не вспомню.

Кальяны, золотые ряды, кофе из турочек в песке с малюсенькими стаканчиками воды, похожими на бутон молодой розы... Голуби и торговцы солёными семечками в жестянках и кулёчках из газет, на площади Новой мечети, проулки, уставленные противнями восточных сладостей с рахат-лукумом и казинаками ста сортов, тысячи курительных трубок из пенки, бриара, фарфора, босфорские трамвайчики, увешанные по бортам рядами спасательных кругов, старики в фесках, играющие в нарды за кофе на скамеечках у домов, вездесущие мальчишки, разносящие подносики с чаем и кофе тем старикам, минареты, увешанные старыми репродукторами и мелодичными криками муэдзинов...

Автобус с угощением зевак пёстрыми коробочками рахат-лукума разноцветного-разновкусного, шесть кубиков в каждом. Первая мысль, - домой, гостинец заморский. Фиг! Краснел, но стрескал, пока по мосту Босфорскому мчались. Глазел в окно, и как бы невзначай... Только одну... Ну, ещё одну и всё! Ну, ещё эту зелёную, наверняка с фисташками... Стыдно, Озернов! До сих пор...

Дворец султана с куском ржавой цепи, перекрывавшей Босфор от прохода вражеских судов, и экспозицией второго в мире по величине бриллианта. Пройти к нему можно было, только через строй-коридор свирепых турецких янычар-десантников, одетых в тёмный, волосатый войлочный «камуфляж», и с короткими автоматами в смуглых руках наперевес. Маршрут был втиснут в узкий лабиринт из мощных, блестящих трубчатых ограждений. Туристы гуськом внутри, десантники снаружи. И были выстроены все эти извивы в ковровом зале специально заковыристо.

И вели они к стойке с кубом прозрачным, в центре которого, на тёмно-синем, ближе к чёрному бархате лежал он, размером с яйцо индюшачье, играя в лучах специальной подсветки тысячей граней.

Пушки, ядра, роскошь Востока. Не расслабляться, комсомолец Озернов, больше гордости! Вражеские пушки, ядра! А мы бивали их, и если что!...

Будет всем и Синоп, и Чесма, и Гангут в придачу. Добавим полосок на гюйс морской формы твоей курсантской, что сменил недавно на комбез механика., флот не опозорим.

Не знаю, Марина, сохранился ли сегодня незабываемый аромат восточного морского города-великана, удивительно сочетающий в себе запах моря, жаренной, свежей рыбы, кофе, фисташек, добрых табаков, сладких кальянов, вековой толщи ковров мечетей, камня стен крепостных, и ещё тысячи запахов векового колорита великого города-ворот моря Чёрного?

Попробуйте прочувствовать его в картинках моих.

Часть вторая.

Мусульманский Восток не живёт без музыки. Везде, где нет войны, она доносится отовсюду, из каждой лавки, кофейни, и ещё непонятно откуда. Смешиваясь, с часто висящими в воздухе мелодийными призывами муэдзинов на минаретах, она создаёт неповторимый магический, восточный колорит, так гармонирующий с гаммой ароматов настоящего кофе, кальянов, вкусно жареной рыбы и мяса, бойкой торговли, моря, и чего-то ещё неуловимо волшебного.

Под восточную музыку хочется делать детей, ехать во главе каравана на верблюде, раскачиваясь вместе с мешками золотых монет в такт его ходьбе, философствовать о вечном, жевать горячую лепёшку, запивая её холодным вином, и между делом гадая, какие земли завоевать завтра, и что подарить второй любимой жене перед тем, как уйти от неё в опочивальню к третьей.

Восточная музыка завораживает, уносит в гаремы, чётки, величие, нарды, кинжалы, баранов на вертелех и пески. Похоже, в шестнадцатом рождении я был султаном. Феска мне и сейчас идёт. Чалму не пробовал, но думаю, будет сидеть, как влитая. Особенно, если над ней будет витать пара опахал, а перед ней, неистовствовать в танце живота пяток юных наложниц.

Встретив вот такую колоритную картину неподалёку от входа в мечеть Айя – София (фото в заголовке), комсомолец Озернов обалдел окончательно, будто накурился самого лукавого кальяна, в самой тайной кальянной. Под вековым деревом расположился турецкий бард, а может, и самый настоящий бедуин с флейтой. И был слышен, только её тихий мудрый звук, как будто не было вокруг многомиллионного Стамбула, и толп туристов в непосредственной близости. И был он отрешён от бренного мира, как и звуки, извлекаемые им из простого инструмента.

И поддался я магии увиденного, и потерял счёт времени. И, только возвращённый в него, кем-то из экипажа, - «цигель-цигель, ай лю-лю, «Михаил Светлов» (читай «Грузия»)), очнулся, фоткнул этот фрагмент другой галактики, кинул монет человеку, двинулся в мечеть.

Часть третья.

Стамбульский базар.

Моряк дальнего заплыва, кому, как не ему, таки знать, что такое базар. Оно понятно. Моряк-базар, базар-моряк. Не знаю, как там нынче, а у советских моряков было, только так. Кормились мы с базаров вещевых, они были основным источником заработка. Бултыхались морячки в море и базарах заморских, а их женщины в комиссионках и промрынках отечественных. И каждый мариман овладевал непростым искусством превращения своих скудных валютных зарплаток в хрустящее советское дензнаковое счастье. И очень скоро, велением жизненным, становился мастером сего странного искусства.

Тема достойная отдельного многотомного повествования, в котором можно собрать тысячи удивительных, смешных, детективных, контрабандных и, даже любовных историй.

Там же можно поведать и о припортовых рядах, кварталов маклацких лавок, заточенных сугубо под моряков, в основном советских. А, поскольку флот страны советской был непререкаемо громаден в мире, масштабы сией социо-коммерческой галактики впечатлял.

Отойду от дел инженерных, ударюсь напоследок жизни в литераторство, отпишусь и в ту сторону непременно. Пусть народ взгрустнёт и обхохочется! А пока, коротенько, наброском.

Все базары понятно схожи, где бы не находились, чем бы на них не торговали. Но восточные, азиатские, китайские, африканские, индийские например, в моём разумении восприятии стоят очень отдельно. Как впрочем, и сам Восток, Азия, с их магической культурой, ещё не тронутые в те годы костлявой рукой глобалидиотизма, не обигмаченные цирквильзацией, не застеклённые прогрессом.

Многолетнее видя и погружаясь в эту культуру, бесконечно сожалею от осознания самой возможности растворения со временем этих миров в общем знаменателе унифицированной стекло-бетонной серости Запада. Хотя, и наоборот не хотелось бы. Всё агрессивнее обе.

Для меня Восток, это, прежде всего и всегда Сказка. И не вижу причин не доверять своим таким чувствам. И сохраняю их в себе, и не стоит это трудов. И делюсь этим, при каждой возможности. Делиться Сказкой так приятно. Стамбульский базар совсем недалеко от порта. Базары на Востоке везде жмутся к порту, к воде, к рыбе, к морякам, грузам, туристам. Оно понятно, моряки и туристы народ спешащий, стоянки судов коротки. Рыба не любит сухопутных дорог. Ей, если уж попалась в сеть, лучше сразу на огонь, свеженькой, чтоб не мучиться.

Как во всяком великом городе, стамбульский базар огромен. И за все мои многократные посещения, вряд ли я там наследил собой больше, чем на одной его четверти. При всём моём любопытстве, времени всегда не

доставало. Но, хуже того, «романтичным» прогулкам окрест мешало ещё и присутствие рядом двух обязательных спутников из экипажа, нацеленных, сугубо на посещение определённых рядов с подходящим для коммерции товаром. Согласно «Правилам поведения советского моряка за границей», увольнение в заграничный порт полагалось ходить, только в составе группы из трёх человек, один из которых, старшой, как правило из командного состава. Когда сам дорос до старшого, стало легче.

Как не присесть на корточки или постоять у колоритной парочки, играющих в нарды на базарной улице, под развешенным на плечиках товаром, турецких мужичков, попивающих чай и кофе из миниатюрных чашечек или стеклянных стаканчиков. Как не попробовать понаблюдать за ними ненавязчиво, перекинуться парой приветствий, фраз... Нереально, когда чуть поодаль стоят двое твоих одноклассников, нервно мусолят глазами часы и крутят пальцем у виска на каждой пятой минуте.

Как не завязать обстоятельный разговор с чеканщиком, торговцем кальянами, курительными трубками на русско-английско-тарабарском, полужестовом языке... Невозможно по той же причине. Промолчат, но не поймут. Фиг ли! Это ж трубки, не дублёнки, мохер, гипюр!!! Хорошо, если поблизости на прилавках есть такое. Тогда отвлекутся от тебя на время в делах своих ко'ммерских.

Эх, как ловко оббегают тебя и бесконечный поток людей эти мальчишки-разносчики чая и воды, с почти десятком хрупких стекляшек, фарфорочек на круглом подносике, и с белой полотняной салфеткой, перекинутой через худой рукавчик! Как удаётся им не опрокинуть, не уронить, выписывая такие пируэты и па через голову?!

Хочешь золота? Много, разного, почти настоящего и настоящего с бирочками сертификатными, которые рисуют на соседней улице? На! Вот они золотые ряды, пещерки Али-Бабы. От лотков, точно таких же, с которых торгуют меховыми трусами, до застеклённых пещерок в коридорах с каменными сводами. Сим-Сим, откройся! Здесь всё солидней, но так же восточно двусмысленно, как и везде.

Фальшь перемешана в металле и продавцах, с редко узнаваемыми настоящими драгоценностями.

Базар клокочет

Глаза разбегаются, не собрать. Не успеваешь удивиться одним, тут же не успеваешь другим. Всё живое, экзотичное, яркое, просится в руки, на плечи, в сумку, в рот.

Что это, там между нагромождений висящих, чуть не в небе штанов и дублёнок, разложенных по бокам груд одежды и кож? Станный просвет, калитка,... и что-то за её решёткой? Пошли, глянем? Нет? Ладно, я быстро, далеко не отходите! Одноклассники отстали.

Путь преграждает пожилой турок. Нельзя! Уговорил на глянуть. В гуще базара островок дворика, пустынность которого на фоне базарной

всеатомности вызывает восторженность, оторопь и молитвенность. Турок чуть говорит по-нашенски, родственники в Азербайджане. Это семейное кладбище. Многосотлетнее. Пока досточтимый аксакал отвлёкся на что-то, сфоткал тайком, нечестивец.

Ничто не случайно. Зачем разглядел это невероятие в таком месте, зачем небеса именно мне его показали?! С годами дошло. Наглядное подтверждение возможности сосуществования хаоса жизни с вечным покоем. Их полную взаимосвязь и проистекание одного из другого. Можно нагромоздить сюда кучу философий, и Наверное, извлечь из них премудрости горсть.

Как студент третьего курса заочного судомеха ОИИМФ-а, не растерялся, извлёк, и она очень пригодилась в разумении философской категории единства и борьбы противоположностей из курса диалектического материализма, экзамен по которому был не за горами.

Торговцы... От юнца до старца, и ни одной женщины из них. Не Европа, чай! Торговля на Востоке дело святое, прости наш Господь! К ней женщину не подпустят. Нигде на Востоке, да и в Африке, где был, не встречал на базарах женщин торговок. Как это мудро! Не должна восточная женщина общаться с кем ни попадя. Другими талантами должна быть богата, другим сосредоточена. Не всякому позволено с ней заговорить, а уговаривать, только мужа должна, угождать, только ему.

А тут, Озернов какой-то, с вопросами, желаниями, улыбками идиотскими полезет. Кинжал, смерть, шашлык, секир башка! Нравится мне такой подход. Правильный он, мудрый. Здесь опять моё султанство инкарнационное выигрывает. Муж, - Господин, кормилец, защитник. Жена... - друг, мать, товарищ, и брат! Точка.

Восточные торговцы талантливы. Это вам не поляки, из маклацких лавок припортовых, коих в те времена по всему миру до Австралии была раскидано тьма. Фальшиво лебезливые, при том, затаённо-презрительные, паталогически жадные торгаши. Не знаю почему, но их по свету больше всех остальных этим промышляло.

Чувствуете разницу, торговец и торгаш? Восточный торговец, это почти всегда талант. Тоже обкрутит, обведёт, втохает, запутает, но как! Красиво, с эмоцией, обращением пять к раз к Аллаху глазами к небу, с длинными тирадами уровня молитвы, с любящими глазами и клятвами в вечной преданности всему твоему роду. Пестня!

Но, увидев в покупателе ум, понимание, юмор, хватку, открытость, расположится к нему до слёз, почти не наигранных, уважением внутренним, и поймёт его не больно, соблюдая и свой интерес, и его не разорив. Восточный, стамбульский торговец, - психолог, полиглот (большинство сносно общается на русском и ещё трёх языках в объёме нужных торговле

фраз). Он весельчак, калькулятор, немного бандит, и часто философ. Совладай с таким. Только дружить! Семьями...

И, когда часто заходили круизами в Стамбул, завёл я себе несколько таких дружанов, которые, завидев меня задалёко, криками радости и приветствий ставили пол базара на уши. И все эти пол базара радовались вместе с ними, выражая радость улыбками и приветственными жестами.

Что радость покупки, в сравнении с радостью стольких турецких людей к тебе и твоему кошельку! Пролетарии всех стран соединяйтесь!

На том базаре резко обостряется работа всех пяти органов чувств, а главное, воображение. На ум идут слова Магриб, Алладин, Коран, лампа, сокровища, суры, динар, пещера, янычар. И все они смешиваются в один кальянный дурман, волшебным образом заполняя сознание, и вытесняя из него последние решения последнего партсъезда и офицерского собрания экипажа.

Про глаза я уже говорил. Руки тебе не подчиняются, хватают всё подряд, щупают, подносят к носу, который сам занят перевариванием восточных ароматов кож и кофе. Уши шевелятся в разную сторону в попытках услышать всё сразу, - музыку, гомон базара, самое выгодное предложение.

Руки не понимают простой вещи. Если они взяли что-нибудь с прилавка, и даже сразу положили обратно, - всё! Ни они, ни остальное тело себе не принадлежат. На него мгновенно заявляет права собственности владелец прилавка. Если тело пытается сменить диспозицию, уйдя к другому прилавку, это практически невозможно. Новый владелец тела загораживает своим тщедушным туловищем путь к отступлению, падает в ноги, машет своими руками, как гусар, отгоняющий саблей дождь.

Попробуй уйти не купив. Принятие отвергающих поз, категоричность занятия твоего рта горячим, хрустящим колечком с сезамом, означающим невозможность продолжения разговора, положения не спасают. Только, позорное европейское бегство, с подставлением спины, под летящее вдогонку, - «Вах, не джигит!» или чего-то ещё, слава Богу, совсем не понятно.

Это весело, интересно. Тот базар завораживает сочетанием современного бытия с многовековым укладом и мудростью, в которые ты никогда не проникнешь, которые никогда не постигнешь, как не старайся. И, только потому, что ты из другого мира. Мира борща, снега, берёз, других молитв, обетов, куполов, другого Солнца, других корней и рассветов.

И когда наступает час возвращаться в свой мир, всё дальше отходя от этой Сказки восточной, наплывает лёгкая грусть расставания с ней, её ароматом, пением рабынь, звоном чеканки, волшебством табаков и живой, откровенной еды, таинством восточной души. Хочется унести с собой кусочек этого пёстрого лоскутного одеяла. Чтобы там, в своём мире суровых зим и технологий, укрываться им иногда, доставая его из кладовок памяти мариманской.

Последний штрих Моего Стамбула. В памяти ещё много чего турецкого о Мерсине, Кемере, но надо успеть за жизнь ещё и о других памятных местах по всему свету рассказать. Их есть у меня.

ЗАМЕТКИ О КРУГОСВЕТКЕ. БАЛИ

Мой Бали моложе современного лет на 37 лет. Без отелей, толп праздничных людей, столов на берегу. Помню берег без утёсов, низкий, сплошь заросший пальмами, с редкими, проступающими в кронах, загадочной формы крышами каких-то строений. Острова в океане... Попадая в такие экзотические места, человек из сегодняшнего мира Оруелла - "1984" становится умным ребёнком. Если душа его не переполнена "чернилами" до краёв, он впадает в эйфорию бесконечности мира и удивительное ощущения себя в этом мире, возвращается в забытое начало. Сам не раз испытывал эти чувства, бывая в таких местах. Это не романтика. Это обнажение сути начальной человеческой чистоты. Там хочется сбросить одежды с тела и слиться с истинной чистотой и первозданностью.

"Леонид Собинов" за отсутствием здесь порта стоял на рейде. Пассажиров - англичан возили на берег мотоботами. Я на боте механиком. Океан был тих, как лесное озеро. Пассажиры не галдели, как обычно, замерли широко открытыми глазами в неизведанном. Даже второй помоха капитана (имени не помню), записной болтун и хохотун, затих и ушёл в себя, продолжая привычными руками вращать штурвал. Стучащий в этой тиши дизель, растерянно мешал покою мира вокруг.

Миля до берега плавно растворилась в празднике единения с природой.

Остров встретил нас не берегом, но лесом свай, торчащих на 4-5 метров над водой. Бывшие деревья, пересаженные в океан, держали на себе целый посёлок из пальмовых домиков. Все домики одинаковые. Очевидно, здесь люди уже достигли апогея равенства и братства.

Детёныши этих детей сидели, свесив ноги на кромке бревенчатого настила, и махали нам ручками, приглашая в своё равенство. Защёлкали фотоаппараты. Меня вернули в «цивилизацию». Включилось радио, сразу вызывающее вопрос, о выживаемости свайной конструкции при, допустим, сильном шторме. Берег, огибающий деревню, защищал её от океана только с одной стороны. Оптимизм, живущих здесь много лет аборигенов подсказал, что с другой стороны океан на них серьёзно не наезжает.

Причалили в деревне.

Наверное, так будут встречать землян, где-нибудь на планете из созвездия Кассиопеи.

Две шеренги неземных женщин в жёлто-оранжевых одеждах образовали длинный коридор от причала до большой площадки на верхнем настиле. В руках, каждая держала большое блюдо из пальмовых листьев, заполненное лепестками незнакомых мне бело-розовых цветов.

В конце коридора нимф сбоку расположился оркестр. Костлявое слово какое-то. Нет, здесь оно не к месту. Не придумали этому ещё названия. Это были пятнадцать маленьких будд, в того же цвета просторных одеждах, сидящих в позе лотоса. Между колен каждого лежал, незнакомый мне дотоле инструмент, издающий неслыханные мною звуки. Что-то похожее на гусли, бандуры, ксилофоны. У некоторых в руках – дудочки, рожки, у других «звуки ветра».

Звуки, издаваемые этим оранжево – жёлтым облаком, мне описать не под силу. Наверное, так звучит вселенский покой.

Было пасмурно, и на фоне тёмных строений, эти яркие пятна спустившиеся с небес, эти звуки, этот океан вокруг, это лёгкое покачивание мотобота гипнотизировали меня совершенно.

Я давно заглушил двигатель и стоял, всеми чакрами впитывая нирвану, прану, и дивный океанский воздух, приправленный лёгкой смесью ароматов пальмового леса и чужой, экзотической, деревенской жизни.

Пассажиры двинулись на выход.

Два матроса подавали им руки и провожали ко входу в райский коридор. На седые и не очень, просвещённые головы европейцев сыпались лепестки целомудрия и невинности працивилизации. Звуки вечности смывали с них запах «Мальборо», «Клима'» и хот-догов. Лица некоторых были растеряны по уголкам нереальности происходящего. Некоторые стыдились неуместности и одиозности своих фарфоровых улыбок, что явно читалось на остатках их лиц. Белоснежные улыбки аборигенов сияли вызовом Колгейту.

Вспомнив себя, и дабы не отстать от очереди за дарами судьбы, я пристроился за процессией. Когда ещё меня, советского моряка неземные женщины искупают лепестками цветов?!

На комсомольском собрании? Или при вручении 50-ти рэ за очередное рацпредложение?

Пошёл.

Это того стоило. На меня лепестков хватило, хотя богини их не сэкономили. С прикосновением цветов к лицу может сравниться только прикосновение матери или любимой.

Дошёл до конца коридора. Постоял возле будд-музыкантов. Туристов повели толпишкой куда-то за домики зарабатывать прибыли концерну «Басф». Встречающие женщины стали тихо растворяться в пространстве. Очевидно, им было пора на небо за очередной порцией лепестков. На подходе неподалёку жужжал второй мотобот с очередной порцией, прибывших на чистку души «цивилов». Перед вылетом на небо некоторые из женщин робко подходили ко мне, и чуть присев в поклоне с улыбкой дотрагивались до руки.

Нужно ли говорить о том, что чистота и непосредственность этих улыбок затмевала Солнце?

Так улыбаются только младенцы и Мадонны с великих картин.

Может они так радовались моей молодости, одетой в безукоризненную, тропическую, морскую форму с золотыми погончиками? А может, благословляли на долгую жизнь ту частицу себя, своей энергетики, которую подарили мне на все отпущенные годы.

- Пора, трогаем! – донеслось с причала,

- Обед скоро, а нам ещё ходку сделать надо! – Это помо'ха объявился.

Сказки длинными не бывают».

Не знаю. Можно ли сказать, что был на Бали? Увольнения на берег в тот заход экипажу не давали. Но то, что он во мне навсегда – это точно.

Будет время и возможности, наведаюсь к «старик» ещё раз.

Посидим на Бали

Посидим на Бали возле края земли,

С океаном надышимся небом.

Пусть свезут далеко за туман корабли

Все сомнения наши и беды.

Я сравнюсь сединой с серебристостью волн.

Проиграю, русалкам на радость.

В честь победы салютом обрушит Эол

С этих волн миллион водопадов.

Улыбнешься легко этой глупости ты -
Два по тридцать - не двое по тридцать.
Не сложить совпадения, даже мечты,
В лишний повод себе удивиться.

Рига. 2013г.

Озернов Олег

1968 - 1972 г. учёба в Херсонском МУ МРП. Две путины ЦВА, ЮВА.

1981г. - ОИИМФ (заочно)

Кругосветка на тб/х "Леонид Собинов" (1975 г.), работа механиком на пассажирском флоте в ЧМП и баноновозах Латвийского МП. Аспирантура очная ЦНИИМФа.

<https://www.proza.ru/avtor/oleozero>

Николай Ткаченко

НОТАЛЬГИЯ. ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?..

Эти заметки писались несколько лет назад для размещения на сайте Херсонского Мореходного Училища МРП СССР. Но они могут и сейчас быть интересны и полезны тому читателю, который ищет ответы на вечные вопросы о жизни, о здоровье, о счастье.

* * *

«Встречаем уже 2010-й. В новогодний вечер всегда вспоминаются счастливые мгновения прожитой жизни. "Был ли счастлив ты в жизни земной?». Конечно же был! Хотя бы, в тот зимний вечер, когда я, десятилетний, набегавшись за день на лыжах, забираюсь на горячую печь. На гвоздике керосиновая лампа, в руках новогодние и рождественские американские подарки, присланные по Лэнд-лизу, и книжка «Остров сокровищ». И теплая волна разливается в груди, и каждая натруженная и намерзшая клеточка моего тела ласково шепчет: - «Как хорошо!», и ты вдруг ясно понимаешь: - «Вот оно, счастье!»

Или, этот жаркий летний полдень. Мне 15, и я с друзьями спускаю на воду лодку, построенную своими руками. А я капитан на этом чудесном корабле. Счастливый «Пятнадцатилетний капитан». Оказалось, на всю долгую жизнь. И так – до последнего часа! Говорят, так - что запомнил, то ты и прожил, то и есть счастливые моменты в твоей жизни.

Или другой зимний вечер. Мне 17. 10-й "б" собрался встретить Новый год, 1954-й. И она здесь, та, единственная! Взгляд украдкой – и в груди что-то обрывается, и это «что-то» стремительно падает вниз. Девочки и мне изредка шлют записки, но я -то знаю, что ОНА не напишет. Никогда! Задушевные песни Утесова с пластинки, и... счастье в груди! "Нет любви несчастной, если любишь ты!"

Но на первом месте, по градусу счастья, конечно же, являются годы учебы в Мореходке. Лето 1955-го. "Самое синее в мире" и белоснежный красавец – пароход, учебное судно. "Адмирал Макаров". И весь день не стихает на палубе музыка из динамика. И бесконечно повторяется пламенная, жгучая, пряная мексиканская песня... Нет, это даже не песня! Это – Гимн Любви! Это – голос кипящей Жизни, это сладостный крик самого Счастья, смешанного с горем! Под названием - «Бесамемучо!»

Мы тогда не знали, что в дословном переводе с испанского это значит: «Целуй меня! Целуй меня крепче! Ведь это - в последний раз!» Но этот атомный взрыв чувств в переводе и не нуждается. Да, и никакой другой язык в мире не передаст высоковольтного накала этой гремучей смеси страсти и отчаяния перед безжалостной разлукой. Никакой! Кроме испанского! Испанский, как известно, идет из души, он создан для молитвы, для обращения к Богу. Впрочем, каковы люди, такой и язык. Вспомните «Юнона и Авось» ...

И ты слушаешь «Бесамемучо», и сердце твое в который раз замирает под эти звуки. Любовь, когда это Любовь, в переводчиках не нуждается. Когда людям, не дай Бог, придется бежать в неизвестность, и будет разрешено взять с собой только одну песню, то это будет, конечно же, «Бесамемучо!»

И вот ты драишь палубу, и слушаешь эту песню, и в груди какой-то жар, и предвкушение большой любви, и абсолютная уверенность в том, что впереди тебя ждет жизнь, прекрасная, как эта песня, и бесконечная, как это небо, и что силы твои неисчерпаемы, как это море. Это ли не счастье?!

Но главное, конечно же, это факт, что ты курсант Мореходки. А это - и гордость родителей, и зависть сверстников, и заинтересованные взгляды девушек, и красивая форма, и «полное государственное», и сам этот уютный городок, в котором каждый камень Суворова помнит.

Незабываемый момент – я впервые вхожу в кабинет навигации. Нет, не в кабинет... в Храм Мореходов! Где и говорить-то невозможно иначе, как шепотом. Здесь в полумраке застыли в молчании старинные компасы, сверкающие темными лакированными нактоузами и надраенной медью; и отметины на них - следы их прошлой службы на кораблях. Здесь и модели кораблей на подоконниках, и картины на морские темы, развешанные на стенах.

Но взгляд в первую очередь притягивают навигационные карты, разложенные на столах для предстоящей навигационной прокладки. На каждом столе только одна карта, чтобы не списывали, хотя, как-то трудно себе представить списывание у соседа, когда решаешь навигационную задачу, от которой зависит жизнь экипажа. А рядом с картами разложены приготовленные к работе прокладочные инструменты, и лампа-бра над каждым столом.

Я впервые переступил порог Храма с замирающим сердцем, и как-то сразу, с первого взгляда, в это сердце вошли и навсегда там остались и этот строгий интерьер в полумраке, и какая-то внушительная тишина, и находящийся тут-же многолетний настоятель Храма, незабвенный Виктор Федотович Наумов, начальник судоводительской специальности, сдержанный и не улыбочивый, молчаливый и суровый, как Черное море перед осенним штормом.

И весь его внушительный вид, кряжистая фигура в темно-синем морском кителе как-то удивительно вписываются в эту обстановку; и ты сразу понимаешь, что ты именно сейчас, именно в этот момент торжественно принят в некое таинственное морское братство, куда уже входят и старые мореходы эпохи Великих географических открытий, и российские первопроходцы, покорители Северных морей, и нынешние моряки и рыбаки, и начальник специальности Наумов, и курсанты прошлых выпусков Мореходки, которые еще вчера сидели за этими столами и решали учебные задачки, а сейчас они уже старпомы и капитаны где-там, в загадочном Баренцевом море, окутанном полярной мглой, или в штормовом Беринговом, или у заснеженных берегов далекой Антарктиды... «Плывут морями грозными любимые твои ученики!...».

И ты остро, пронзительно, каждой клеточкой своего организма чувствуешь - как же тебе крупно тебе повезло, какой же счастливый билет ты вытянул, если принят в это братство как равный! И принят на всю жизнь. Навсегда! До конца! До последнего рейса...

А морской язык! Все эти бимсы и батоксы, мили и футы, топенанты и стаксели, кнехты и клюзы!.. И вот, все эти чудесные названия, звучащие как музыка - это отныне твоя обыденная, ежедневная речь, и ты можешь их небрежно произносить, со скучающим видом, как будто уже и надоело, а в это время сердечко твое сладко замирает от этих чарующих звуков, которые выходят из твоих уст...нет, даже не из уст, а из самых глубин твоей души, где они разместились так уютно и навсегда. И мелькает тревожная мысль: - а может это сон? Да нет, вроде и не сон, но и поверить в то, что все это счастье наяву, тоже трудно.

А эти навигационные термины! Нет, ты не зубришь эти слова! Нет! Ты ими упиваешься, как чудесным нектаром - напитком Богов. И даже голова слегка кружится. И каждая навигационная задачка, как праздник. Ты абсолютно

уверен, что все решил правильно, но снова и снова проверяешь расчеты, т.к. не хочется расставаться со всеми этими румбами и курсами, нордами и зюйдами, широтами и долготами, пеленгами и крьюйс-пеленгами. Разве может счастье быть более острым и сладким?

Вообще, какую-то удивительно гармоничную, полную романтики картину составляли и широкий Днепр, и Херсон, с его невысокими домиками из одесского известняка, который даже зимой кажется теплым наощупь, и наш первый учебный корпус из того же известняка – двухэтажный, старенький, но такой уютный домик потемкинских времен, с его выходом на Кошевой спуск, с его мраморными ступенями, на которых прошедшие столетия оставили свои следы в виде двух впадин на каждой ступеньке, именно там, где ступали тысячи ног наших предшественников.

Особый, какой-то экзотический запах моря, и соленой рыбы, и разомлевших под южным солнцем просмоленных канатов, и лодок, как в повестях Александра Грина. И трехмачтовый барк «Товарищ» у Говардовской пристани! А названия-то какие!... Говардовская и Одесская пристани, Кошевой Спуск, улицы Ушакова и Суворова, реки Кошевая, Конка, Кардашинка, острова Большой Потемкинский, Черкасский... Слова, которые созданы для стихов, для музыки, для песен! И ты, как клятву, повторяешь бессмертные стихи Макса Волошина: - «Будь быстр, как ветер! Неутомим, как море! И мудростью наполнен, как земля! Люби далекий парус корабля, и песню волн, звучащих на просторе!». И сердце замирает, и ты можешь только тихо прошептать в ответ: - «Буду!...».

И наши наставники – преподаватели и офицеры-воспитатели, которые, кажется, только и родились для того, чтобы так естественно дополнить эту прекрасную, картину, созданную жизнью.

Начальник училища Вадим Георгиевич Синицын. Его массивная внушительная фигура, высокий рост, но, главное – это усы. Огромные, пышные, черные усы. Курсанты прозвали его Сомом. Из-за усов. И в этом прозвище ничего обидного, только уважение и любовь, которую курсанты, конечно же, испытывали к нему. Да, его любили, пожалуй, не менее, чем родного отца, особенно если вспомнить, что многие из нас своих отцов потеряли на войне.

Да, повторяю, его любили по-сыновьи, но никто не признался бы в этом и под пытками. Не принято было! Не то место, не то время, не те люди. Его любили и гордились им, и сочиняли легенды, а может, это и не были легенды, о его героизме в годы войны. Как он на последней шлюпке уходил к Цюрупинску, когда немецкие танки уже выскочили на Одесскую пристань, и шлюпку заливала вода от близких разрывов. Его любили и несколько не боялись, он был добр и безобиден. И эти слова признательности,

немыслимые тогда, так легко идут из сердца теперь, более полувека спустя, когда Вадима Георгиевича давно нет... Увы, так устроен наш мир.

Капитан второго ранга Светлов. Начальник ОРСО. Его звали Слон. Опять же, за массивную и внушительную фигуру. Такое впечатление, что их кто-то подбирает по внешнему виду. Его, безусловно, уважали и любили. Им гордились. Да и как могло быть иначе, когда впереди первомайской колонны шествует такой великолепный флотский офицер, герой недавней войны, сверкающий золотом погон и орденов, и в такт с чеканным шагом только мерно колышется кортик и позвякивают многочисленные медали. Ну а мы, курсанты, шагаем следом в колонне, и тоже чеканним шаг. Черные квадраты рот, и только, если глядеть сверху, эти квадраты будут выглядеть ослепительно белыми, из-за белых чехлов мичманок, а с боков мерно колышется такой же белый, безупречно ровный пунктир от белых парадных перчаток. И мы, курсанты, гордимся своим командиром. И собой, конечно - ведь и на нас слегка падают отраженным светом лучи этого великолепия.

А наши командиры рот. Все, как один, вчерашние боевые офицеры, и все тоже увешаны орденами и медалями. А на плечах тоже золото погон. Интеллигентный Матвеев Николай Михайлович, капитан третьего ранга, мой командир роты в течение всех лет учебы. И майор Гусев, он был командиром роты 1956 года выпуска. И добрейший майор Кукушкин Федор Алексеевич. И капитан третьего ранга Волков Яков Петрович, участник Феодосийского десанта, который был там жестоко изранен, а ныне преподает нам военно-морские науки. У всех грозный, боевой вид, который должен был бы вызывать у курсантов страх и трепет. Но все, без исключения, добрейшие люди. И их никто не боялся. И можно было нарушать сколько угодно, но в меру.

Теперь о курсантах. В эту новогоднюю ночь вспоминаю всех, рассказать могу только о некоторых. Так получилось, что жизнь моей группы проходила рядом с тремя группами СВС-1955, хотя мы и были на два курса младше. А по возрасту разница была еще больше. Из-за войны. Поэтому, естественно, мы не общались. Разные уровни. И я наблюдал их только со стороны. И смотрел снизу вверх. А было в этом выпуске ровно 77 молодых штурманов.

Какие там были ребята!!! Высокие, широкоплечие, все как на подбор. И форменки из самого лучшего флотского темно-синего сукна. Привозили с военных сборов и стажировок. Нам таких не выдавали. И они в этих форменках, как влитые, и только мышцы выпирают. Когда эти парни входили в актовЫй зал, где шли танцы, мы, младшие, выглядели бледно, и даже нарядные девушки, казалось, тускнеют на этом фоне.

Мне запомнились в первую очередь два друга, Слава Коршунов и Саша Гусев, а также Дима Семенов. Потому что они участвовали в художественной самодеятельности и часто выступали со сцены. Но самым видным был, конечно же, черноусый красавец Саша Степанов. Сибиряк. Природа для него не поскупилась. Он и среди гусар Дениса Давыдова был бы первым по стати.

И все ведут себя как-то спокойно, и с достоинством, как будто мир принадлежит только им. И никакой суетливости. Умом, конечно, понимаешь, что и они пользуются шпаргалками, и списывают, но как-то трудно себе это представить. Нечего и говорить, что я, понимая всю разницу, очень гордился, и до сих пор горжусь, что тоже входил в это содружество. И, конечно, старался быть похожим. Но это мне редко удавалось. Но потом всегда, в морях и на берегу, я старался отыскать, встретиться, пообщаться со всеми, без исключения, выпускниками – однокашниками.

Счастливо проходили курсантские годы. Учеба давалась мне легко, хоть я и не стремился к хорошим оценкам. Ведь, кроме учебников так много было вокруг захватывающе интересного. И прекрасная шлюпочная станция, где я скоро стал своим человеком и мог брать любую шлюпку даже на несколько дней. Чем часто пользовались и я, и мои товарищи. И танцевальные вечера в актовом зале. И прекрасные кинофильмы, особенно аргентинский фильм «Возраст любви» и наша «Карнавальная ночь». Мы были влюблены и в Лолиту Торрес и в Людмилу Гурченко одновременно. И, конечно, Днепр, который «чуден при тихой погоде», но меня он притягивал в любую погоду, от ранней весны и до первых морозов.

В первый же день, как я попал в Херсон, я на радостях переплыл Днепр дважды, без отдыха, в самом широком месте, напротив Говардовской пристани... А днепровские пляжи! А днепровская дельта, где мы на нашей шлюпке как – то даже заблудились в зарослях камыша 5-ти метровой высоты. И встречи Нового года в компании с симпатичными херсонскими девушками и с последующими выяснениями сложных отношений с ревнивыми херсонскими парнями.

И вот теперь встречаю Новый год один, на чужом судне, среди чужих людей, в далекой Южной Америке, куда меня судьба забросила в поисках работы и заработка, а может быть, и не только заработка. «Что ищет он в краю далеком, что бросил он в стране родной?»

Новогодний вечер... Как всегда, сладкая грусть. На столе сладкий и ароматный ром «Эльдорадо», тропические фрукты. Но главное - это мое мигающее пластмассовое чудо. Моя машина времени. Мой ковер-самолет. Это - мой компьютер.

Включаю, выхожу на сайт, и вновь я в Херсоне, в Мореходке, и все мы молодые, и все мы живы и счастливы. И я вновь и вновь вглядываюсь в знакомые лица курсантов, преподавателей и офицеров. Словно хочу понять что-то важное, а оно все ускользает. Кажется, вот – вот....

И опять, в который раз, вспоминаю и переживаю и радость встреч на морских просторах, и горечь утрат. Сашу Степанова я встретил через 25 лет после выпуска, в Мозамбике. Он был капитаном БМРТ «Балаклава», а я работал на берегу. Он меня, конечно, не узнал, да и не мог узнать.

Старшие младших обычно не помнят. Но от этого моя радость не была меньше. На правах хозяина я пригласил его в ресторан, и до сих пор счастлив, что доставил ему малость приятного. Только Саша тогда был какой-то грустный. Как что-то предчувствовал. Вскоре узнаю - «Балаклава» сгорела. Был ли он капитаном этого судна при пожаре, не знаю. И вот сейчас от кого-то узнаю, что Саша Степанов умер в Севастополе. Когда? А может это неправда? Хочется надеяться несмотря на то, что такие новости приходят все чаще. Снаряды падают все гуще и все ближе.

Иногда спрашиваю себя - что заставляет меня заниматься розыском моих старых товарищей, при этом часто обжигаясь? Набираю номер телефона и боюсь - а что я услышу? Искал Эдика Рощина, СВС 1957, из моей группы. Нашел в Интернете, но данные устарели. Обзвонил и Керчь, и Николаев, и Одессу. Наконец говорят - вот его домашний телефон, только он... умер...три месяца назад... А, ведь я его начал искать ровно три месяца назад. Вероятно, в последнюю минуту Эдик послал из своей души сигнал: - «Всем! Всем! Всем!». И что-то сработало. 35 лет он возглавлял лоцманскую службу в Керчи.

Отвечаю так: ребята, я ищу вас такими, какими мы были 55 лет назад. В Херсоне. В Мореходке. Кажется, вот-вот нащупаю почву под ногами, если окажусь там, в том времени, среди вас, молодых и здоровых, стройных и красивых, веселых и счастливых. Если бы можно было сохранить неизменным, то время! «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» Вот так, вероятно, и выглядит Ностальгия.

И вновь я на волнах воспоминаний...

Лето 1957. Я нес службу помощником дежурного по училищу. Нахожусь, как и положено, в 1-м учебном корпусе. Вдруг с Кошевого в вестибюль вихрем влетает какой-то парень, в светлом костюме, лицо вроде знакомо. Как и положено, пытаюсь остановить, спросить: - «Вы к кому?». Он молча, не ответив, отстраняет меня рукой и бегом, перепрыгивая через три ступеньки, на второй этаж. Там была комната преподавателей и офицеров. И тут до меня дошло: - «Так это же выпускник СВС-1955! Если не ошибаюсь, Куликов! Приехал с ДВК, и первым делом куда?» Как вспомню эту сцену,

так и сейчас что-то щемит. А вы говорите «бурса». Бурса не имеет такого магнита. И такой души. И эта таинственная сила взаимного душевного притяжения только увеличивается с годами.

Осень 1979. Я в Херсоне. И тут мне посчастливилось. С помощью Волкова Я.П. удалось собрать в ресторане «Киев» человек 20 преподавателей, офицеров и выпускников. Кое-кто тогда еще работал, остальные – пенсионеры. Были и Матвеев Н.М., и Коваленко А. Я., и Филиппов В. (СВС-1956), и Пилипенко В. (СМС -1954), и Коля Кононенко (СМС-1954), и другие. И я счастлив от этого до сих пор, и этот вечер в памяти навсегда.

Лето 1992. Мурманск. Иду по причалу. Ошвартовано судно - УТС «Хабаровск». Спрашиваю вахтенного: - «А у вас есть на судне выпускники ХМУ?» - «Есть...И капитан, и стармех».. Захожу, называю себя. Оказалось, капитаном здесь работает Дима Семенов, неизменный конферансье на наших вечерах в те годы, а стармехом Лева Бродский (СМС-1954), он был в ХМУ известным волейболистом, входил в сборные. Надо сказать, Мореходка была богата спортивными талантами. И ныне и в Херсоне и в Мурманске уважительно произносятся имена боксера Адамовича или борца Шевченко...

Итак, УТС «Хабаровск». Заходят на огонек Саша Будкин, (СВС-1955), и В. П. Герцак, (СВС-1953). Радость встречи. И стол хорошо накрыт, и воспоминаниям нет конца. Потом не раз устраивали посиделки на этом судне, благо оно всегда у причала. Но, увы!.. Ухожу на пару недель в море. Возвращаюсь, и первым делом на «Хабаровск», а мне вахтенный сходу: - «А капитан помер, уже и похоронили». Было Диме тогда далеко до 60-и.
2009-й. Звоню домой к Саше Будкину. Отвечает внучка Ирина: «А дедушка умер 23-го января». Прошу извинения у читателя. «Ведь на то и Новый год, чтоб петь и веселиться!»

31.12.2009. Новогодний вечер продолжается. Я в каюте один. Но не одинок. Щелкаю комп, и опять со мною вы, мои старые товарищи. И я наполняю бокал и выпиваю до дна за ваше здоровье. И за светлую память о тех, которые ушли в свой последний рейс. И остались навечно в судовой роли. И вот поет для меня, для вас и для них наша старая любовь - Лолита Горрес, поет о любви, которая не имеет возраста. Поет Ив Монтан свою вечную песню об осенних листьях, как она была популярна в 1956-м! Поет Глеб Романов о «самом синем в мире», и Идалия Иванова - о «широком просторе, о море, зовущем в чужие края!». Все это – хиты из тех лет!

Ну, и естественно, звучит и звучит бессмертная «Бесамемучо». И все так же прекрасна эта песня, как прекрасна была та юная мексиканка, что сочинила песню много лет назад. Как и в далеком 1955-м, на моем первом корабле, так и сейчас, снова и снова звучит «Бесамемучо», звучит на корабле, который, возможно, станет моим последним. Как и тогда, в далеком 1955-м, я

наслаждаюсь этой мелодией, жгучей, и сладкой, как этот ямайский ром. Только сегодня, кажется, чуть-чуть горчит...

Снова и снова летит над теплым южным морем этот Гимн Жизни, эта мелодия, волнующая, прекрасная и вечная, как сама Жизнь. Можно ли быть более счастливым в этой жизни земной? «И от сладостных слез не сумею ответить...»

Ткаченко Николай Адамович

Родился в 1937-м году в гор. Звенигородка, Черкасской области. 60 лет проведены на капитанском мостике, сначала – матросом-практикантом, а потом, и капитаном судна. Закончил в 1957–м Херсонское мореходное училище МРХ СССР, в 1968-м, заочно, и Калининградский технический институт МРХ СССР, по специальности – «Судовождение на морских путях». Инженер-судоводитель, капитан дальнего плавания. В 2014-м году, в возрасте 77 лет, ушел на берег, проработав в морях ровно 60 лет. Сейчас на пенсии, пишет очерки, основанные на богатом морском опыте.

<https://www.litres.ru/nikolay-tkachenko/ob-avtore/>

ДОЧЬ МОРЯКА

Ушёл в рейс на шестом месяце беременности. До того жена пива не просила, водки, мороженого — тоже. Почти весь срок пролежала на сохранении, где-то в больнице, потом в спецпансионате в Юрмале, Лиелупе, кажется. Мама моя устроила. Виделись по больничному расписанию...

Рейс, как всегда, затянулся. Беременность тоже. Когда прошло две недели от планируемого срока родов, стал лазить по переборкам. Начальник рации меня возненавидел — за систематические спотыкания о моё тело под дверьми его каюты и радиорубки. Радиограмм не было, телефонной радиосвязи посреди океана тоже. На носу Новый год, работы ему было и без меня — завались, связь перегружена.

Рожали всем экипажем. Меня жалели, будто это я был беременным. Подкармливали деликатесами, делились дефицитными куревом и пивком рундучным. Подозреваю, в деликатесы док подсыпал успокоительные таблетки. Иначе с чего такая щедрость при скудной чартерной артелке... Судно три года не заходило в Союз. Снабжались за валюту, а это дорого. На время, по приказу капитана, любые разговоры при мне с упоминанием слов «дети, мама, соска, горшок, пелёнки, счастье» экипажу были запрещены. Все нервничали, когда выходил на палубу проветрить мозг. Следили, чтоб не сиганул к Посейдону жаловаться на жизнь.

Замполит периодически вёл со мной душещипательные беседы о жизненных

приоритетах, главными из которых, конечно же, являлись чувство долга, служение Родине, честь советского моряка за границей.

Говорил искренне-неубедительно, но было видно, что сочувствовал моим волнениям, а других слов не знал.

Этого ребёнка зачинали три года, при всех наших честных круглосуточных стараниях. Всё никак. Когда медицина опробовала и исчерпала полностью свой исследовательский потенциал на жене, взялись за меня. Однажды жена, как подарок, вручила приглашение на обследование моей детоспособности в институт семьи и... чего-то там ещё.

Обрадовался. В восторге совал домашним в носы медпаспорт моряка, где двенадцать подписей разных эскулапов официально подтверждали моё богатырское здоровье, отсутствие в крови допинга, мешающего зачатию, и чистый венерический анамнез. Часто тогда вспоминал об одной добрачной женщине, твёрдо утверждавшей, что я стал отцом её ребёнка. Но сей аргумент придержал из соображений гуманности к жене на крайний случай. Сказал, что вряд ли в этом институте есть медсёстры в моём вкусе — и сбежал в рейс. Все испугались того побега и скопом решили, что институтские подозрения не напрасны. У самого за шиворот холодной змеёй закрались сомнения. А вдруг!..

Надо было сбежать раньше, потому как от испуга моим невозвращением жена срочно понесла, о чём торжественно радиограмнули на радость мне и экипажу, срочно погрязшему в замечательном двухдневном загуле по законному поводу.

Позади тот рейс, три месяца отпуска, сессия в институте. Вот и следующий рейс.

Время шло, а оно не рожалось (тогда не умели точно определять пол ребёнка). Подошла к концу третья неделя за днём обещанного врачами отцовства. Тишина. Мои «радио» на пол месячной зарплаты без ответа. Думай шохощь.

Док хренеет от ежедневных персональных лекций мне о протекании первой беременности, высоком статистическом проценте таких задержек, нормальности происходящего. Когда чувствует, что неубедителен, а моё неверие лекциям начинает приобретать агрессивно-угрожающие формы, идёт на крайние меры — путём наливания неразбавленного спирта в мензурки, и пьёт вместе со мной. Запиваем колой, заедаем «мальборой».

Тропики. Переход через Атлантику Турбо — Антверпен. Вахта.

Дизеля сиротливо молотят на «полный» с некоторым некритичным недоливом масла в лубрикаторы. Механик, то бишь я, занят. Он поёт «Чёрный ворон, что ты вьёшься, да над моею головой, ты добы-и-чи-и не дождё-о-шься, чёрный ворон, я да не тво-о-о-й». Поёт громко, заунывно, с выражением, глядя влажными глазами не на приборы — в небеса, где летает тот самый ворон. Поршни, шатуны, форсунки забыты, летают сами по себе.

Автоматика в помощь.

Аварийная сигнализация молчит, и хорошо. Петь не мешает. Время. Нужно делать обход, заполнять вахтенный журнал на сдачу. Ворон не отпускает. Вьётся, гад летучий. Вдруг распахивается дверь в ЦПУ, и с грохотом работающих машин врывается толпа моряков во главе со стармехом.

Ворона как ветром сдуло. Впереди — не помню кто с запелёнутым по всей положенной форме младенцем-куклой. Всё это перевязано яркой атласной розовой лентой, под которой — жёлтый бланк радиограммы от тёщи: Свершилось!!!

И... розочка, искусно сделанная из папье-маше, как потом выяснилось, одним из матросов.

Па-а-па-а-а! Ура-а-а-а!!! Хотели качать, но подбросить было некуда, подволок (потолок) в ЦПУ низкий. Вдоволь наобнимали, намяли длань мозолистую, радовались, как будто у каждого по дочке народилось. Надо ж, как достал всех.

Кто-то за меня сделал обход. Дед велел подписать чистый лист журнала, мол, сменщик сам заполнит, и под белы ручки вывели молодого папашу из машины прям в столовую, прям в вахтенных шортах и сандалиях.

А там стол накрыт почти шикарный. Капитан с замполитом и весь остальной экипаж, свободный от вахт — все аки в праздник, самый что ни на есть государственный! После первых тостов шепнул артельщику, чтоб нёс поскорому весь запас «тропического» вина, накопленный мной с начала рейса именно к этому случаю.

Я стал отцом. Взял и стал. Из меня каким-то чудесным образом произошла дочура, новый человечек.

Это был момент самого настоящего счастья, в котором жизнь окрасилась новыми, неизведанными красками, а я приобрёл новое ощущение себя в этом мире.

До Союза оставалось недели две. Море не любит прогнозов.

Чемоданы забиты супер-сосками, горшками, слюнявчиками, набором для холодной стерилизации детской посуды таблетками, кучами этих самых таблеток и посуды, диковинными погремушками, игрушками, ползунками, чепчиками, кофтёнками, стульчиком для кормления, похожим на космолёт. И всё голубого цвета. До последнего надеялся на пацана. Нашли мне в Антверпене магазин «Mothercare», где с удовольствием оставил двухмесячную зарплату, приобретая сии невиданные тогда в Союзе чудеса.

Пинеточки малюсенькие до окончания заплыва висели над изголовьем моей судовой лёжки. Навевали перед сном своим удивительным, милым, незнакомым видом предвкушение счастья и мечты о светлом отцовстве. И не было это сентиментальностью, и не посмеивались над этим заходившие иногда в каюту ребята.

От следующей вахты меня освободили, чтоб отошёл от празднества и подольше посчастливился, не окунаясь в рабочие будни. Ребята-механики разделили её между собой.

После застолья, всё ещё пребывая под впечатлением момента поздравления в ЦПУ, той его вековой энергетики морского, мужского братства, решил запечатлеть для истории свою счастливую физию и куклёнка с розовой лентой. Попросил вахтенного сфоткать меня счастливого там, где начался новый отсчёт моей жизни.

Глаза уже косят, но суть передана точно. Одно из лучших мгновений жизни моей.

С этой симпатичной куклой дочка потом играла, и была она долго самой её любимой игрушкой.

Хотел написать: «Так я стал отцом» — потом понял, что отцом я стал не так. Правильно будет — «так я узнал о том, что стал отцом». Согласитесь, очень разные вещи, но обе бесценны.

Через неделю, в первый день нового года, пришла РДО от друга:
"Твоё сокровище доставлено домой в целости и сохранности"
Окончательно успокоился и до самого возвращения домой пребывал в полной уверенности, что жизнь прекрасна и удивительна.

А потом она и началась — новая, всё больше удивительная, всё меньше прекрасная. Просто жизнь.

Иван Муравьёв

НУЛЕВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СИНДБАДА

Все вы, я думаю, слышали о купце Синдбаде аль-Багдади, известном ещё как Ал-М'лах, Мореход и о его поистине удивительных странствиях среди дальних морей и земель. Те из вас, кто держат незакопчённой лампу своей памяти, помнят даже, как закончились его путешествия.

После долгого пути он вернулся в свой родной город, где его уже не надеялись увидеть живым. Жена и приятели Синдбада подсчитали, сколько всего лет он не был дома, и оказалось - двадцать семь лет.

- Довольно тебе ездить по чужим странам,- сказала ему жена.- Оставайся с нами и не уезжай больше.

Все так уговаривали Синдбада, что он, наконец, согласился и дал клятву больше не путешествовать. Тогда он думал, что этим всё и закончилось. Но мы-то с вами знаем, что человек предполагает, а Аллах – располагает, и оттого Он, милостивый и милосердный, заповедал нам не клясться попусту.

На радостях Синдбад закатил пир для домочадцев и друзей. Поутру его слуги обошли все базары славного Багдада в поисках всего самого лучшего, самого свежего и вкусного для праздничного дастархана. И в зимней кухне, и в летней, и в большом тандыре в саду жарилось, варилось, пеклось и румянилось всё, что только можно себе представить. Когда пришло время мешать плов, от казана пошёл такой вкусный дух, что все мужчины в округе закатили глаза и прищёлкнули языками. Когда же кандалатчи стали перекладывать на блюда свежую халву, настала очередь закатывать глаза женщинам и детям.

Гостей, друзей и родственников пришло так много, что все не поместились бы в доме, и дастархан разложили в саду. Во главе его сидел Синдбад, уже больше не Синдбад-Мореход, а Синдбад-Домосед. В кои-то веки сидел он на мягких подушках, а не на жёстких досках палубы. Он пил чёрный горький каф, а больше того - мёд улыбок и дружеских речей. Он смаковал пряный фесенджан, а больше того – дух застолья и вид знакомых лиц. И, как хозяин дома, он следил, чтобы гостей обносили блюдами, вежливо, по старшинству, сам по долгу хозяина пробуя первый кусочек.

Спустился стремительный весенний вечер, в померкшем саду под зелёным небом слуги зажгли лампы и светильники. Застолье тоже стало размеренным, гости насытились и теперь пили напиток «шай» из далёкой Индии, слушая мудрые речи местного кади Сейфала, почётного гостя на пиру. Разговор зашёл о том, как коротка в великом городе весна, пора цветов и радость влюблённых, и как скоро настанет иссушающее и опаляющее лето. Ведь как только Солнце в своём пути по небу приблизится к точке сэнт ар-ра'с, зенит, тут и настанет время зноя.

- Но благословен Рахманом наш город, и народ наш! – вещал кади, - ибо далее к югу, в землях чернокожих и свирепых зинджей, солнце и вовсе не уходит из зенита, даже зимой. Там оно питает своим жаром вход в Джаханнам, мучилище проклятых, который находится на краю земного диска. От близости страшного того места черны тела и помыслы проживающих там людей. Ни один корабль не может приблизиться к тем берегам и остаться целым, потому что морские воды низвергаются с края земли чудовищным водопадом...

- Дозволь поправить тебя, о мудрейший! – вежливо обратился к кади Синдбад – Что до края земли, я ни разу не достигал его, но уверяю, что он не лежит в странах зинджи, иначе бы я о нём знал. А я прошёл вдоль берега почти все земли чернокожих.

- Значит, ты прошёл недалеко, о Синдбад! – отвечал Сейфал – ибо вероучители свидетельствуют об этом!

- Покорно прошу извинить меня за дерзость – молвил Синдбад, но покорства не было в его словах – только я проплыл на юг до дальнего острова Зан-Зиббар, а потом, запасшись припасами и водой, отправился дальше. Я тоже искал края земли, и я не нашёл его. Но скажу вам, я заплыл далеко, ибо с тех

мест на небе видны совсем другие звёзды, а солнце в полдень уходит не к югу, а к северу. Это так же верно, как то, что я здесь сижу.

- Ты лжёшь, несчастный! – вскричал кади – или разум твой помутился от тягостей пути! Солнце не может уходить к северу, ибо Рахман в неизъяснимой мудрости своей разделил небо незримой чертой на две части и повелел Солнцу оставаться в южной.

- Что же мне теперь, не верить своим глазам? – спросил его Синдбад – посмотри сам: вот здесь сидят мои друзья, и мои родные, и товарищи мои, купцы. Все знают, что я всегда был честен и не обманывал даже в мелочах, и в торговле, и в других делах. Если вы мне не верите, я берусь доказать мои слова! Завтра же распоряжусь заложить корабль... – и тут он осёкся и закусил бороду свою зубами, поняв, что уже собирался презреть свой обет. И тогда Синдбад велел слугам позвать с улицы десять нищих, просящих подаяние, и накормить их тем, что было на пиру, ибо так должен поступать всякий правочерный, нарушивший клятву или задумавший нарушение. А про свои путешествия в тот вечер он больше не произнёс ни слова.

С той поры Синдбад стал жить в благословенном Багдаде, занимаясь делами торговыми. Он пользовался уважением среди купцов, и часто к нему в лавку приходили, чтобы разрешить спор, определить подлинность редкой вещи, или просто послушать его рассказы о дальних странствиях. Часто бывало, что до позднего вечера у Синдбада горела лампа, а слуга то и дело забегал внутрь, неся халву и «шай». Купцы, и дети купцов, и дети самого Синдбада сидели вдоль стен, повесив уши на гвоздь внимания, а он рассказывал. Он говорил о равнинах, где земля ярко-красная, а трава голубая. Он говорил об островах, где бродят птицы ростом с верблюда, о диких лесах, где кошки плачут человеческими голосами, об озёрах с розовыми берегами и водой, растворяющей плоть. Рассказывал об умных птицах, одну из которых он научил возносить хвалу Милосердному. Только о море он не говорил никогда, потому что для рассказа о море у него не было слов. И бывало, после таких разговоров слуга кормил в опустевшей лавке очередной десяток нищих.

Не пожив и года в великом городе, средоточии всех благ земли, Синдбад собрался переезжать. Лавку свою он оставил на надёжного управляющего, а дом с садом продал. Когда он позвал прощаться своих друзей, те спросили, почему он уезжает так поспешно.

- Я не могу заснуть ночью и не могу спать утром – сказал он – Друзья мои, я не могу жить в Багдаде.

Когда же друзья осведомились о причине такой бессонницы, Синдбад со вздохом ответил:

- Это всё чайки. Они прилетают с Тигра и с Диялы, от их криков я не могу заснуть.

И, так решив, Синдбад-купец и Синдбад-домосед переселился в Тадмор, так далеко от моря, как только может быть. Там не было чаек, и ветер никогда не пах солью, а только песком и жаром. Там воду можно было увидеть только в фонтанах, да ещё в колодцах глубоко под землёй. Жители тех мест никогда

не видели корабля, а покажи им – дивились бы, не зная, что это такое. Там зажил Синдбад-купец новой жизнью. Караваны его отправлялись в пустыни и горы от Нила до страны армян и от столицы неверных до благословенного Багдада, привозя дамасские клинки, и белый гладкий папирус для письма, и шёлковые одежды, и книги, написанные мудрецами. Сыновья его, щедро одарённые Всевышним, ходили в мактаб, а те, что постарше – в медресе, и никто из новых соседей не спрашивал его о море. Любой другой возносил бы хвалу Аллаху денно и ночью, вот только Синдбад не радовался жизни.

Даже в Тадморе он не отказался от кое-каких привычек, что напоминали о милостивом сердцу Багдаде. Как-то на досуге он обустроил на веранде у своей лавки «шайхану» и посадил при ней толкового чайханщика. Там всегда можно было насладиться утоляющим жажду напитком, или заказать «каф» на песке, по-йеменски, чёрный как ночь и горький как судьба, а также всяческие сладости и закуски. Там начали собираться по вечерам отдохнуть от трудов праведных местные купцы, ювелиры, лекари и звездочёты, и всех привечал Синдбад. Туда же стал наведываться багдадский врач Мухаммад Ар-Рази, приехавший в Тадмор, чтобы написать трактат о проказе и оспе. Однажды, когда все посетители разошлись и остался один Синдбад, Ар-Рази с поклоном обратился к нему.

- О, достойный и радушный хозяин, да ниспошлёт Аллах милости свои на тебя и твой дом, дозвожь мне рассказать тебе кое-что. Ты знаешь, что я – лекарь, а вступая в звание лекаря, мы даём клятву не оставлять без помощи тех, кто в ней нуждается, пусть даже сами они не знают о своей болезни.

И, получив разрешение, обратился к нему с такой речью:

- Я вижу в тебе, о достопочтенный Синдбад, некий давний недуг, причём имеющий своим началом не тело, а душу. Как говорил в своём трактате «о жизненных соках» учитель учителей Гиппократ, в теле есть четыре жидкости, чья циркуляция и равновесие даёт нам здоровье. Кожа здорового человека чиста, глаза ясны, движения соразмерные и осанка прямая. В тебе же, о Синдбад, я вижу темноту кожи, в особенности вокруг глаз, осторожность и замедленность движений, лёгкую, но заметную глазу лекаря согбенность стана. Всё это, как учит Гиппократ, указывает на накопление и застой тёмной желчи. Прости меня за дерзость, о Синдбад, но тебя что-то гнетёт.

Ничего не ответил Синдбад, но и не остановил говорящего. Ар-Рази, ободрившись, продолжил.

- Сначала я предположил, прости мне эти слова, что ты сохнешь по некоей черноокой красавице. Но тогда в тебе происходили бы также, чаще или реже, разлития светлой желчи, делая движения и слова резкими и подвигая на безрассудства. Ничего подобного я в тебе не видел. Значит, не человек тому причиной, и не по человеку ты тоскуешь. Быть может, тебе снятся какие-то дальние края, в которых познал ты счастье и куда не можешь вернуться. Вот то, что я хотел тебе сказать.

И тогда, поражённый мудростью врача, узревшего так многое глубоко в чужой душе, Синдбад рассказал о своей печали. Ар-Рази попросил у него

времени до утра, сказав, что волею Милостивого может вернуться с лекарством. Всю ночь он читал древние свитки Гиппократата, и Галена, и Ааруна, и Масерджея Аль-Джуди, и других учёных мужей, не пренебрегая и жёнами, и к утру сразу после намаза явился к Синдбаду в дом. Там он пожелал хозяевам дома сего мира, и призвал на них благословение, и обратился к Синдбаду с такими словами:

- Знай же, о Синдбад, что от твоей болезни есть лекарство. Но лечение потребует долгого времени, и усидчивости, и ещё кое-каких талантов, которые тебе нужно будет развить.

Синдбад же, услышав эти вести, весь обратился в слух.

-Запасись же папирусом, - продолжил Ар-Рази – и перьями для письма, и напиши о своих путешествиях. Чем ярче и подробнее ты о них напишешь, чем точнее передашь цвет волн, и запахи леса, и вид удивительных птиц и зверей, тем меньше станет твоя тоска. Она перейдёт в грусть и радость воспоминаний, и недуг твой со временем пройдёт.

Тогда Синдбад, возблагодарив Аллаха, одарил врача драгоценными тканями, и золотом, и, сняв с пояса, протянул ему в знак благодарности калам, инкрустированный самоцветами и перламутром, достойный самого калифа. Сам же, взяв из товара стопку папируса, удалился в дом, спеша начать своё лечение.

Позднее не раз и не два вспоминал Синдбад слова учёного лекаря, жалея о том часе, когда поддался видимой лёгкости лечения. И не одну сотню листов папируса разорвал он в клочья, или скормил очагу, или выбросил в помойное ведро. Будучи образованным купцом, он знал девять стилей письма, и куфи, и насх, и изящный сульс, и умел выразить свою мысль словами, находя нужные для увещевания нерадивых и приободрения усталых. Мало кто от столицы неверных до благословенного Багдада мог сравниться с ним в написании *Quaestio* и *Reclamatio*, но в новом деле были нужны новые таланты, которыми, дважды и трижды увы, он не обладал.

Синдбад то заключал птицу фантазии в клетку рассудка, и из-под его калама ложилась на папирус сплошная скука, то отпускал фантазию в полёт, и тогда рассказы его превращались в рассказы, в которых гороподобные рыбы глотали корабли целиком. Но был упорен Синдбад, и готов учиться, и половину отведённого для лечения времени он читал книги мудрых, а вторую половину времени пытался писать своё. Пока длилось тадморское душное лето, он нашёл свой стиль и ритм, и уже не боролся до изнеможения с мыслями, памятью и фантазией, а направлял их, как направляет возница коней в упряжке.

И вот, когда настала осень, неся облегчение усталым и напоение жаждущим, когда чайханщик по утрам стал выметать с веранды нанесённый ветрами песок и опавшие листья, когда ушли пыльные бури и пришли редкие долгожданные дожди, тогда в один из вечеров Синдбад показал Ар-Рази свою работу. Взяв листок, покрытый безупречной вязью, лекарь прочитал:

- Чтобы достичь острова Дина Маграбин, возьми курс на юго-восток от рога земли мальгашей. Если плывёшь ты зимой, то ветер донесёт тебя до острова, ровный и сильный, и утром третьего дня ты увидишь над рассветным морем двурогую главу его, чёрную в зелёных полосах. Подходить близко к берегу остерегайся, ибо море там изобилует подводными скалами, опасными для кораблей. Ищи у северо-западной оконечности раздвоенный мыс и к нему уже иди смело, сколь бы ни казались страшны окружающие его утёсы. Раздвоение мыса приведёт тебя в уютную бухту, всю в зелени и белом камне, как драгоценное ожерелье. Смело становись там на якорь, и ни одна буря не потревожит тебя. В глубине бухты есть водопад с водой благоуханной и сладкой, словно бы падающей из райских садов. И, наслаждаясь той водой, знай, мореход, что в эту минуту я завидую тебе.

- Всё – сказал Синдбад – я записал, что помню, что я видел и чувствовал, и память об этом острове больше не тревожит меня. Даже когда он является во сне, я не тоскую, а, вспоминая, грущу и радуюсь. Воистину, ты великий врач, ибо всё, милостью Всевышнего, свершилось по твоим словам.

Ар-Рази же, скромно и с достоинством приняв похвалу, спросил Синдбада, есть ли у него землеописания помимо этого. Синдбад отвечал, что уже пятьдесят земель, морей, гор и островов он описал с должным тщанием и ещё примерно триста ждут своей очереди. Тогда лекарь обратился к нему с такой просьбой:

- Знай же, о благородный Синдбад, что и я не чужд искусства землеописания. Сейчас я как раз закончил свой труд о природе болезней и раздумывал, куда направить свой ум. Твои папирусы навели меня на мысль откомментировать «Альмагест». Бадалами аль-Искандери жил давно и с тех пор появилось множество новых сведений. Я хотел бы включить твои описания в комментарии, особенно если ты опишешь и нарисуешь звёзды тех дальних мест.

Синдбад с радостью и почтением согласился, и целых два года после этого разговора посылал в Багдад к Ар-Рази всё новые и новые землеописания, дополняя их рисунками и картами, в которых оказался большим мастером. Сам же лекарь посадил за переписывание и перерисовывание своего старшего сына Али, отрока с живым умом и точной рукой. А через два года Мухаммад Ар-Рази сломал в сердцах подаренный ему калам, искусно украшенный самоцветами и перламутром, потому что сын его Али покинул отчий дом и сам решил пуститься странствовать и повидать мир. Труд по описанию земель остался не законченным, и лекарь, горюя, продал его задёшево торговцу редкостями и диковинами, которых в Багдаде тогда было множество.

«Комментарии» Ар-Рази не пропали в Багдаде, и не были забыты, и не пролежали столетия в лавке древностей, ибо человек предполагает, а Аллах располагает, и для всякой души и всякого дела есть у него место и время. Через несколько лет рукопись попала на глаза Абуль-Хасану Аль-Масуди, уже тогда прозванному имамом географов и шейхом историков. Тот купил её

не торгуясь, и долго после искал автора заметок, пока ему не донесли через третьи руки, что Синдбада Ал-М'лаха Аль-Багдади нет уже среди живых. Аль-Масуди включил рукопись Синдбада в свой труд, а потом её переписал для короля Сицилии Аль-Идриси, и тогда под названием «Отрада страстно желающего пересечь мир» она попала к ференги, чествующим Ису. Стоит ли удивляться, что двести лет спустя корабли португальских мореплавателей шли от острова к острову Южных морей, как будто их направляла чья-то дружественная рука. Ибо так делается под Солнцем, что доблестный прибавляет к доблести, а мудрый – к мудрости, и ничто из сделанного не исчезает в веках.

...

Говоривший умолк, в тёмной таверне настала тишина, и сразу стали слышны не замечаемые раньше вой ветра и рокот волн, шелест пальм, шлёпающих по застеклённой стене таверны. В разрывах туч мелькнула луна, осветив причал, редкий колышущийся частокол мачт вдоль него и тёмную россыпь домов Порт-Матурина вверх по холму. Хозяин таверны Субаш, едва угадываемый на фоне тёмной стены, поднялся со скрипучего стула, щёлкнул выключателем. Ничего не изменилось.

- Значит, провода – гулко выдохнул Субаш – Значит, до утра сидеть без света. Если кто хочет – тащите сюда спальники, я вас тут устрою. Всё ж не в качку спать. А завтра, если не дадут свет, поможете опустошить холодильник.

Он прикрутил газовую лампу, отчего в помещении стало чуть светлее. Поздние посетители, коротавшие в таверне штормовую ночь, засобирались наружу: кто посмотреть свой катер или яхту, крепко ли держат швартовы, не трутся ли о пирс борта, кто – на борт, за спальниками, а кто-то решил, что сон в своей каюте слаще, чем в чужой таверне. Давешний рассказчик по арабскому обычаю попрощался с хозяином, вышел наружу и некоторое время стоял, смотря и слушая. Затем кивнул и направился по заливаемому волнами молу туда, где виднелся точёный силуэт двухмачтового парусного дхоу. Он попробует выйти с рассветом, чтобы утихающий шторм донёс его до острова Дина Маграбин.

Пояснения к тексту:

Кандалатчи: пекарь и кондитер высокой квалификации, имевший право делать халву.

Фесенджан: пряное блюдо иранской кухни, тушёное мясо с орехами и гранатом.

Кад: назначаемый судья-чиновник с правом вершить суд на основе шариата и толковать священные книги с точки зрения закона. Считался главой мусульман городского района или города.

«о равнинах, где земля ярко-красная, а трава голубая» - скорее всего, равнины востока Южной Африки. Впрочем, прибрежные равнины северо-запада Австралии тоже подходят под описание.

«бродят птицы ростом с верблюда» - возможно, имелась в виду птица-слон, достигавшая в высоту трёх метров, ныне вымершая.

«о диких лесах, где кошки плачут человеческими голосами» - здесь Синдбад ошибался, мадагаскарские лемуры – не кошки, а приматы.

«об озёрах с розовыми берегами и водой, растворяющей плоть» - солёные озёра Восточной Африки, накапливающие соду, самое известное из которых – озеро Натрон.

Тигр, Дияла – реки, на пересечении которых стоит Багдад.

Тадмор – (от араб. «город пальм») сейчас Пальмира, город в современной Сирии.

Столицей неверных называли Константинополь, столицу Византийской Империи.

Мухаммад Ар-Рази - Абу́ Бакр Мухаммад ибн Закария́ ар-Рази́, врач, химик, астроном Арабского Востока XI – начала X века. Известен трактатами по медицине, алхимии, астрономии.

Клятва Гиппократа в несколько модифицированном виде давалась врачами арабского Востока.

Оба недуга известны нам по первоначальным греческим названиям: *меланхолия* (*μελαγχολία* – «чёрная желчь») и *холерия* (*χολή* – одновременно «желчь» и «гнев»).

Гален – древнеримский медик, хирург и философ (III в.), положивший начало научной анатомии и физиологии человека.

Аарун (арабизированная форма имени Аарон) аль-Искандери — александрийский священник, философ и врач VII века.

Масерджей Аль-Джуди – дамаский врач иудейского вероисповедания, живший в VIII веке, известный переводами греческих и римских авторов. Трудов самого Масерджея до настоящего времени не дошло.

Калám — письменная принадлежность, остро отточенная тростинка. Имеет ещё одно значение: способ доказательства, основанный на разуме, а не на авторитетах. Именно в этом был смысл подарка.

Куфи, насх, сульс – традиционные виды рукописного шрифта арабской каллиграфии. Их предназначение тоже различно: формальные письма, повседневные записки и «изящное» письмо, соответственно.

Quaestio, Reclamatio – запрос, рекламация. Стандартные формы деловых документов в Римской империи.

Остров Дина Маграбин – остров Реюньон. Находится к В-ЮВ от острова Мадагаскар (упомянутый в лоции как «земля мальгашей»). Описанной в лоции бухты в настоящее время нет.

Альмагест – (аль-китаб-л-миджести) первоначально «математическое собрание в 13 книгах», фундаментальный труд астронома Клавдия Птолемея (в рассказе упомянутого по арабизированному имени Бадалами Аль-Искандери). За прошедшие от написания века из-за прецессии земной оси наблюдения и расчёты нуждались в коррекции.

Аль-Масуди – (Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди) – арабский историк, географ и путешественник (X в). Его тридцатитомный труд по географии большей частью утрачен.

Аль-Идриси – арабский географ, составивший «описание земли» для короля Сицилии, чей труд известен европейцам как «книга Рожера».

Ференги – (от «фаранги» - «франк») общее название западноевропейцев на арабском и индийском Востоке.

Иса – Иисус Христос. В исламе он почитается как один из пророков.

Порт-Матурин – административный центр и единственный порт острова Родригес в государстве Маврикий. Гавань Порт-Матурина практически не защищена от ветров в диапазоне от юго-западных до северных.

Дхоу – классическое арабское небольшое судно для перевозки пассажиров и груза с латинским парусным вооружением на 1-2 мачтах. Дизайн практически не менялся со времён Синдбада.

Муравьёв Иван Валентинович

Родился в 1966 году в посёлке Пестяки Ивановской области. В детстве с семьёй поехал по стране, по медицинским показаниям. Тяга к путешествиям осталась по сей день. В 1989 закончил Второй Московский

мед, параллельно занимался нейрофизиологией. За долгие годы накопилось достаточно интересного, чтобы о нём поведать. Чем и занимаюсь, урывая минутки между работой и семейством.

<https://www.litres.ru/ivan-muravev/>

Гибель "Адмирала Нахимова"

Очерк этот я написал на основании материалов, публиковавшихся в прежние годы в советской прессе. А телевидение лет семь назад показало интереснейший документальный фильм об этих событиях. В советском флоте случилось множество аварий, но гибель «Нахимова» выделяется из всех прочих. Уж очень много нехороших человеческих факторов сработало в этом случае. Да, и по количеству жертв – тоже одно из первых мест в мировой статистике. Около 500 человек погибло.

И ничего удивительного. Случилось это в 1986-м году. СССР полным ходом шел к краху. Чернобыль!.. Руст!.. Речной пассажирский теплоход «Суворов»!.. Многочисленные аварии на субмаринах. До п\л «Комсомолец», правда, было еще три года, а до «Курска» - целых 14 лет. Но пассажирский лайнер «Нахимов» хорошо вписывается в эту картину. Дядя Вася, водопроводчик, сказал так: - «Нет смысла менять одну трубу, когда вся система гнилая». В брежневскую эпоху социализм созрел, как фурункул, Горбачев попытался подправить, что-то там ковырнул отверткой, ну, оно и хлынуло.

Итак, пассажирский лайнер «Нахимов» выходит из Новороссийска и направляется на юг. Простые советские граждане отдыхают по горящим профсоюзным путевкам. А сухогруз «Васев», доверху наполненный пшеницей, канадской, естественно, спешит в Новороссийск, чтобы накормить этих самых граждан хлебом. Страна испытывала временные трудности с хлебом. Правда, без хлеба страна тоже испытывала трудности. Но, не будем отвлекаться.

В Новороссийске «Нахимов» задержался и выбился из графика. Причина? Ждали прибытия из Одессы начальника областного управления КГБ. Помните генерала Петренко из кинокомедии «На Дерибасовской хорошая погода?..». Итак, в Одессе генерал не успел сесть на судно, и теперь он примчался в Новороссийск на черной «Волге», где и должен был подняться на борт вместе с женой и дочерью. Занятый человек, он опять опаздывал. Видимо, его ангел-хранитель пытался сработать. Конечно, семеро одного не ждут, но... Итак, «Нахимов», хоть и с опозданием, выходит, наконец, из Новороссийска.

И вот, на подходе к порту пересекаются курсы двух огромных судов. «Нахимов» видел зерновоз справа и по МППСС (Международные Правила предупреждения столкновений судов) должен был уступить ему дорогу. То есть, сбавить ход или отвернуть вправо. Или - и то, и другое одновременно. Задача эта решается просто, любой курсант мореходного училища без запинки расскажет, что надо делать, чтобы избежать столкновения. Только соблюдай требования МППСС, и ничего не случится.

Ну, диспетчеру порта не обязательно знать, и тем более, соблюдать МППСС; это капитаны должны знать и неукоснительно выполнять эти правила. Но, диспетчер порта нервничал; «Нахимов», как вы знаете, выбился из графика, а диспетчер тоже человек, он устал, дело шло к полуночи, ему хотелось побыстрее отделаться от «Нахимова», поужинать и лечь поспать. Поэтому он связался с судами по радиостанции УКВ и дал указание «Васеву» сбавить ход и пропустить «Нахимов» вперед. А «Нахимову» диспетчер приказал продолжать следовать по назначению, прежним курсом.

Итак, все знают, что МППСС – это закон. И нарушение этого закона является преступлением. Даже, если бы потом никто и не погиб, то, все равно, первое преступление уже свершилось.

Радиостанции УКВ, по идее, должны были помочь благополучно разойтись этим двум судам, но, на деле, использование этой связи УКВ и привело к столкновению. Если бы эта радиосвязь тогда вдруг, каким-то чудесным образом, вышла бы из строя, то суда эти обязаны были бы маневрировать согласно МППСС, и столкновение не случилось бы.

Вообще, я восторгаюсь этими МППСС. Они составлены так грамотно, там так все предусмотрено и детально расписано, что, если бы хоть один из двух судоводителей будет знать и строго выполнять требования этих правил, то столкновение никогда не случится. Никогда!!! Между тем, в мире ежегодно сталкиваются и гибнут сотни судов. Человеческий фактор, однако.

Причин, приводящих к столкновениям, много. Одна из них – нет профессионального отбора судоводителей. Поэтому на мостиках судов много судоводителей нерешительных, по своему психическому складу неспособных к своевременным и решительным действиям.

При опасном сближении судов такой судоводитель тянет до последнего и ничего не делает. Ну, как беременная девушка, все ждет – может само рассосется. Ждет-ждет, а потом, когда сказала маме, то уже и поздно делать аборт. Так и нерешительный судоводитель. Он потом, вероятно, вызовет капитана на мостик, когда уже будет поздно, или начнет маневрировать сам, но тоже будет поздно.

Вот такой нерешительный судоводитель, вместо того, чтобы действовать, начинает по радиостанции УКВ договариваться с другим судном о том, как они будут расходиться. То есть, вот он, закон – МППСС, он предписывает то-то и то-то, но считается, что по УКВ можно договориться о нарушении этого закона. Вроде бы, закон и есть, а вроде бы, он и вовсе не закон, и выполнять его не обязательно. Но, ведь, нигде не написано, что если договорились по УКВ, то можно наплевать на МППСС! МППСС всегда должны быть на первом месте! А техника, она призвана только помогать судоводителю.

Я в своей работе часто сталкиваюсь с этим. Капитан встречного дна вызывает, предлагает – ты отверни влево, и мы разойдемся правыми бортами, а то мне отворачивать вправо нежелательно. Я всегда резко отвечаю – нет! Начинает клянчить – ну, почему? Отвечаю: – потому, что это – противозаконно. Есть МППСС (КОЛЬРЕГ- сокращение в английском), ты и выполняй требования КОЛЬРЕГ. Если забыл, то я подскажу – ты обязан отвернуть вправо и дать мне дорогу! Все, разговор окончен! – а сам стою в готовности начать маневр последнего момента. Я уже понимаю, что за судоводитель на том судне. Отворачивает... Не уважаю я таких судоводителей. Человек на мостике случайный, не соответствует своему положению.

Вот, в Цемесской бухте и сошлись все эти факторы – нерешительные и неуверенные судоводители, незаконное, то есть, преступное вмешательство портового диспетчера в работу судоводителей, незаконное, то есть, преступное, выполнение судоводителями незаконного приказа диспетчера, неумелые и нерешительные действия судоводителей по выполнению этого приказа.

Впрочем, не мной сказано – строгость законов в России компенсируется необязательностью их исполнения. Не всем читателям интересны эти судоводительские тонкости, но любознательному судоводителю мои советы могут помочь. Все - таки, я уже почти 60 лет на мостике, и без столкновений.

Итак, приказ портового диспетчера судоводители стали выполнять. Но, все они чувствовали, что тут что-то не так. Вроде бы, диспетчер и не имеет права отдавать такой приказ, а с другой стороны – кто ж его знает? Все-таки, начальник. Лучше не перечить. Лучше промолчать, на всякий случай. Поэтому и приказ этот сомнительный стали выполнять кое-как. Вроде бы, и выполняют этот, как бы, приказ. Но не очень и стараются.

Вообще, пытаюсь понять их чувства и мысли. Вероятно, чувствовали, что, как в трясику затягивает, а что делать – никто не знает. Да и надо ли что-то делать? Когда затягивает в трясику, то лучше не барахтаться. Станешь делать резкие движения – быстрее утонешь.

Итак, мостик «Нахимова». Судном управляет второй помощник. Он видит, что суда опасно сближаются. В этом случае он обязан вызвать капитана на мостик. Вообще-то, на выходе из порта капитан и без вызова обязан быть на мостике. Это - железное правило! Но, известно, что женщина на корабле – к несчастью. А тут, на «Нахимове», их тысяча. Молодых и нарядных. А капитан, он отвечает не только за их безопасность; он отвечает также и за их настроение. Они ждут от него внимания, согласно купленным билетам.

Вероятно, поэтому капитан и отсутствовал на мостике. Еще одно преступление. А, возможно, второй пом. его и не вызывал. В этом случае преступление совершил второй пом, ну и капитан, как я уже сказал чуть выше. Ну, если при выходе из порта на мостике нет капитана, то уж старпом-то должен быть обязательно. А у старпома, наверняка, есть дублер. Да, и у капитана, тоже. Но они, ведь, тоже должны уделять внимание пассажирам. Что они и делают, думаю, с удовольствием.

Так или иначе, «Нахимовым» управляет второй помощник, который, как я понимаю, оказался человеком нерешительным, неуверенным в себе, и судоводителем неопытным. Видя, что суда сближаются и возможно столкновение, он начал немножко маневрировать, так, для очистки совести. Типичное поведение нерешительного человека. Вроде бы и надо что-то делать, но что? Ну, он начал понемногу отворачивать влево. Вроде бы, и что-то сделал, но если капитану не понравится, то, вроде бы, и ничего не делал. Опять же, как девушка, вроде бы, немножко забеременела, а, возможно, и не очень...

То есть, в данном случае, из под удара судно он не уводит, но немножко оттягивает момент удара. Если бы он резко повернул руль влево на борт, то под удар подставил бы корму. Последствия не были бы столь трагичными. И, скорей всего, удар был бы скользким, под небольшим углом, то есть, зерновоз прошелся бы вдоль борта «Нахимова» и содрал бы краску. Это, конечно, неприятно, но не смертельно. Такой маневр –

подставить под удар корму – знают все судоводители. Это – маневр последнего момента, это - лучший способ избежать гибели судна. Если уж прошляпил и допустил до этого.

Итак, капитана и старпома на мостике нет, второй не знает, что делать, и боится что-то делать. Ну, сухогруз и въехал «Нахимову» почти под прямым углом в правый борт, в кормовую часть, как раз в машинное отделение, в самое уязвимое место.

А на мостике «Васева» происходят более интересные события. Если судоводители «Нахимова» - типичные представители нашего штурманского племени, то капитан «Васева» - совсем наоборот. Этот судоводитель явно не похож на всех; это - яркий и редкий экземпляр, орел на капитанском мостике, всю жизнь проживешь, но такого не встретишь. А ему так хочется, чтоб о нем знали все! Ну вот, всем нам и повезло, в 1986-м мы все о нем и узнали. Не повезло только тем 500-м пассажирам, которых он утопил.

Капитан «Васева», кстати, мой однофамилец - судоводитель сверх всякой меры решительный, он обладает стальными нервами, он страстно любит технику и рожден для великих дел. Ну, у нас на Украине, или на Кубани, много таких «хлопців». Командовать танковыми корпусами и армиями Сталин любил назначать именно украинцев (Рыбалко, Лелюшенко, Кравченко, Бурдейный, Черняховский...). В годы войны он был бы непревзойденным командиром подводной лодки и стал бы многократным Героем СССР. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес!..».

Но, увы, сейчас он вынужден водить судно, подчиняясь каким-то дурацким МППСС, и каким-то дурацким приказам портового диспетчера - этой береговой крысы. А таким «хлопцям» всегда тесно в рамках правил, они не любят подчиняться, они любят только командовать. Да еще, главное, чтоб на виду у зрителей! Его портрет потом публиковали в газетах. Насколько я помню – молодой, жгучий брюнет с шикарными усами. «Гарный хлопэць!». Буденный, или Чапаев на капитанском мостике, и с шашкой наголо!

Потом, на суде выяснились ТАКИЕ подробности!.. Вот, например, раньше, его судно идет на опасное сближение с другим судном. Наш герой, согласно МППСС, должен уступить дорогу, то есть, своевременно изменить курс. А встречное судно, тоже согласно МППСС, должно продолжать идти прежним курсом и скоростью, но быть готовым к маневру последнего момента. На флоте говорят – всегда надо брать поправку на дурака.

Когда надо сменить курс и уступить дорогу? Все это МППСС не указывают, они дают капитану возможность задействовать здравый смысл.

Ну, у капитана «Васева» было все высшего класса, и рост, и усы, за исключением пустяка – в его голове начисто отсутствовал этот самый здравый смысл. Продолжим рассказ о прежних его подвигах. Итак, суда опасно сближаются, и наш герой обязан уступить дорогу. В этой ситуации он и говорит вахтенному помощнику: - «Видишь вон того немца (француза, китайца, и т. д.)? Я ему обязан уступить дорогу. Я уступлю ему дорогу, но он у меня попляшет! Он наложит в штаны! Сейчас посмотрим, у кого нервы крепче! Ты, ведь, знаешь, что я расхожусь в десяти метрах! Такой мой метод судовождения. Смотри внимательно и учись, пока я жив!».

И вот, начинается игра на нервах. Наш герой тянет до последнего момента, а потом резко отворачивает и уступает дорогу встречному судну. Это – на волоске от столкновения. Тут – у кого нервы крепче! В любом случае, это – удар по нервам того капитана, а нашему герою - забава. Так он самоутверждается. А то скучно, понимаете-ли? Гормоны играют!

Ну, человек этот, явно, ненормальный. Ему и велосипед-то доверить опасно. А такой корабль, как «Васев», если при «полном вперед», дать «полный назад», он будет еще несколько километров двигаться вперед.

Почему помощники терпели и не сообщали об этих явных заскоках и бзиках в голове капитана? Возможно, и сообщали. Ну, такая у нас была гнилая система. Сообщил - себе дорожке обойдется. Ведь капитан большого судна - номенклатура обкома КПСС. Он утверждает в парткоме пароходства, потом, и в обкоме. Если он ненормальный, то куда смотрели партийные органы? Они что, ошиблись? Но, ведь общеизвестно, что Партия может колебаться, но она никогда не ошибается. Вот так и продолжалось годами. До этой роковой встречи с «Нахимовым» на пересекающихся курсах.

Кроме того, у капитана «Васева» был еще один серьезный недостаток – он слепо верил технике, и не верил своим глазам. Такой недостаток широко распространен среди нынешних судоводителей; с появлением техники они все реже используют свой глазомер, ну, тот и атрофируется. А потом уже, слепые, они и возлагают свою работу на технику. Они уже дисквалифицировались. Без техники они уже не могут работать. Вот, все это и происходило в ту роковую ночь, в Цемесской бухте.

Капитан «Васева» был на мостике, но лучше бы его там и не было. Он принял приказ диспетчера к исполнению, но исполнить его решил в своей обычной манере. Он включил систему автоматического расхождения, это – когда тебе прибор покажет, куда изменить курс и насколько. Ну, я уже писал – прибор

может помочь тому капитану, который и без прибора знает, как маневрировать. А кто не уверен в себе, тот надеется, что прибор вместо него будет работать. Опасное заблуждение.

Итак, наш герой устал в прибор автоматического расхождения и решил с его помощью пройти, в своей обычной манере, в 10 метрах по корме у «Нахимова». Погода была штилевая, видимость была отличная, на палубах «Нахимова» много женщин, и они наблюдают за развитием событий; надобности в приборе никакой не было, но зато капитан получил прекрасную возможность пощекотать нервы всем этим любопытным нарядным дамочкам, и показать им, какой он крутой парень.

Говорят, Чкалов пролетал под мостом, на котором в толпе зевак стояла его возлюбленная, которую он хотел поразить. А капитан большого корабля, он что хуже? И они в этом убедятся! Вот будут ахать, вот будут прижимать ручки к груди!

Короче, наступил звездный час крутого украинского «хлопца»; пусть все они с 10-метрового расстояния хорошенько рассмотрят такого «козака». А он в этот момент будет стоять на крыле, небрежно покуривать сигаретку, наслаждаться произведенным впечатлением и старательно делать вид, что пассажиры на палубах лайнера его нисколько не интересуют.

Но, повторяю, женщина на корабле – к несчастью. Потому, что капитан всегда ощущает на себе ее взгляд. И он в этот момент перестает быть капитаном, и становится актером. Он уже не думает о том, как управлять судном; он теперь думает только о том, какое впечатление он производит, как он смотрится со стороны, как он выглядит в ее глазах. Глухарь, когда он начинает токовать, он уже ничего не видит и не слышит. Поэтому он и зовется глухарем. Опасна даже одна женщина на корабле. А тут их – сотни. И все смотрят на нашего героя. Весь мир – театр, а люди в нем – актеры! И, одновременно, зрители.

Вахтенным штурманом на мостике «Васева» в это время был третий помощник. Он видит, что надо отворачивать влево, он без всякого прибора видит, что сейчас суда столкнутся, он говорит об этом капитану, но бесполезно. Капитан требует идти прежним курсом и не мешать, он верит только прибору. Но, ведь, прибор не выдает свои рекомендации мгновенно. Компю требуется время для вычислений, его рекомендации относятся к прошедшему моменту времени, его советы слегка запаздывают.

Что должен бы делать в этой ситуации третий пом? Ведь он тоже отвечает за судно. Ну, ладно, капитан явно рехнулся, капитан может даже умереть на мостике, но вахтенный пом. в любом случае должен бы спасти судно. У него еще была возможность схватить в руки рычаг управления рулем и переложить «лево на борт», или «право на борт». И это было бы спасением. Но он ничего этого не сделал, только робко сообщил капитану, что сейчас, мол, столкнемся. Опять то же самое – нерешительность, неопытность судоводителя и гнилость всей нашей системы.

Представим себе, что третий пом. развернул руль на борт. Если бы он этим маневром увел судно от столкновения, то его обвинили бы в нарушении приказа капитана. Долго пришлось бы отмываться. Ведь, никому потом не докажешь, что, только разворотом руля он спас суда от этого страшного столкновения. Разверни он руль, вероятнее всего, произошло бы скользкое столкновение, и это было бы спасением для «Нахимова», но в этом случае вся вина за столкновение была бы возложена на третьего помощника теплохода «Васев». А капитан, он, в любом случае, остается чист. Ну, третий пом. решил все правильно, с точки зрения собственной безопасности; он делал все по Уставу, и вся вина легла на этого ненормального капитана. Все было бы хорошо, но 500 человек-то, они погибли.

Ну, столкновение состоялось, вся вина ложится, естественно, на капитана «Васева». Он сделал все, что мог, чтоб утопить этих несчастных, лучше него никто не смог бы так блестяще выполнить эту задачу. Кстати, капитан «Васева» тоже пострадал; когда суда столкнулись, то он стукнулся лбом о прибор. Могло бы быть сотрясение мозга, если бы там был этот самый мозг. Дальше мне рассказывать неинтересно, кто захочет, тот сам поднимет подшивки газет и прочтет. Но из памяти не выходит судьба несчастных детей, которые утонули вместе с лайнером.

Там сложилась такая ситуация. На «Нахимове» было много матерей-одиночек, дело было в августе, в школу еще рано, ребенка оставить не на кого, детей взяла с собой. Но вы должны понимать психологию несчастной советской женщины. Раз в жизни выпал счастливый шанс, приближается осень... «Листопад, листопад! Если женщина просит, бабье лето ее торопит не спешить». Дети мешали подбирать последние крохи незамысловатого женского счастья, поэтому матери их заперли в каютах, на ключ, а ключи сдали, куда следует, и пошли получать последние подарки от своей, не очень щедрой, женской судьбы.

Вот, ключи все висят на некоей пирамидке, которая похожа на елочку, что-то наподобие стоячей вешалки для одежды. А когда случился удар, вешалка эта упала, ключи все оказались в одной куче, и теперь найти ключ от своей каюты никто не сможет при всем желании. Этих ключей там оказалось великое множество. Правда, по правилам, у ответственных лиц должны быть дубликаты ключей, но началась паника, ответственные лица не знали, что первые экземпляры ключей уже утеряны, ну и... Все дети так и остались в замкнутых каютах, и утонули вместе с судном. Отдохнули, называется. До сих пор отдыхают.

Интересна дальнейшая судьба всех причастных лиц. Начальник Одесского областного Управления КГБ утонул вместе с пароходом, женой и дочерью. Его ангел-хранитель еще пытался что-то сделать, генералу сообщили, что лайнер тонет, надо спасаться. Но он ответил так: - «Ничего страшного. Если будет опасность, то мне сообщат по спецсвязи». До сих пор ждет звонка.

Второй пом капитана «Нахимова» осознал, что люди тонут по его вине, закрылся в каюте на ключ и категорически отказался открывать. Так и утонул вместе с судном.

Капитанам обоих судов дали по несколько лет, там, зачеты – перезачеты, скоро их и выпустили по УДО. За хорошее поведение. Дескать, если еще раз утопите судно, тогда уж - не взыщите! Тогда уж, все!.. На полную катушку!.. А сейчас – гуляйте.

Капитана «Нахимова» вскоре после освобождения назначили на должность... нет, боюсь сказать – умрете со смеху! Ну, ладно, крепче держитесь за стул! Его назначили на должность руководителя Службы Безопасности Мореплавания родного Пароходства. Дескать, пуганая ворона научит всех куста бояться. Знаменитый одесский юмор, однако.

Но, самое интересное случилось, опять же, с капитаном «Васева» Ткаченко. Ну, с этим не соскучишься! Он прекрасно знал, что это именно он утопил всех этих людей, в новой России он себя чувствовал неуютно, в самостийной Украине – тоже; сменил он фамилию (вероятно, на Weber), и уехал в Израиль.

Там он сменил диплом, и некий американский мультимиллионер нанял его на должность капитана своей большой и прекрасной яхты. Ну, как у Абрамовича! Бывший капитан еще мог произвести впечатление. Вот, вероятно, по внешности и выбрал его миллионер капитаном на свою шикарную яхту. Что интересно – миллионер сумел сколотить свои миллионы, причем, это было не в России, в период «Большого Хапка»; видимо, он был неглупым человеком, но проверить послужной список своего капитана не догадался.

Как управляет судном этот капитан, бывший Ткаченко, вы уже знаете. А менять свой стиль он не хотел, да, вероятно, уже и не мог. Гены уже затвердели. Так все теперь и продолжалось. До поры – до времени. Пригласил как-то хозяин на яхту много гостей, чтобы совершить приятную прогулку по Атлантическому океану. Ну, среди гостей было много молодых, красивых женщин, а женщины эти, вероятно, с интересом посматривали на капитана. А, может, это ему просто казалось... Ну, вы еще не забыли? Женщина на корабле - к несчастью. А тут их – десятки! И одна другой краше!

Ну, капитан, естественно, захотел их удивить и обратить на себя внимание, и он, в обычной своей манере, решил пощекотать им нервы и проскочить на полном ходу под носом у встречного судна. «О, как округлятся их глаза, как замрут от страха и восторга их сердца, с каким удивлением и восхищением они будут смотреть на меня! А я буду стоять на крыле, небрежно облокотившись и покуривая сигаретку, и старательно буду делать вид, что они меня нисколько не интересуют!» - подумал, вероятно, капитан и уставился в прибор автоматического расхождения.

Ну, обо всем дальнейшем вы уже догадались. Да, так оно все и случилось! Что-то там не сработало, встречное судно повернуло как-то не так, оно врезалось в яхту и легко разрежало ее на две части. «Так острый нож входит в кусок украинского сала» - вероятно, успел подумать лихой капитан. Яхта затонула мгновенно. Вместе с капитаном, хозяином и всеми его гостями. Ни один человек не спасся. Все! Конец фильма!

P. S. Награда, наконец, нашла героя, медаль за идиотизм капитан получил посмертно, из рук самого Нептуна. И случилось это на самом глубоком дне самого глубокого подводного ущелья. «Упаси нас Бог от старых кораблей и молодых капитанов» - говорят англичане. Ну, и нас - тоже! Счастливого плавания!

6.01.15

Николай ТКАЧЕНКО, капитан дальнего плавания

Анатолий Акулов

МУЛАТКА С МАЛЕКОНА

Капризны и порой запутаны морские пути-дорожки. Мой знакомый моряк Леонид раньше жил с родителями в Испании, в порту Виго и там нанялся работать матросом на испанский сухогруз. После списания с испанского сухогруза, Леонид бросил «свой якорь» на Кубе, в порту Гавана. Частенько,

по вечерам заглядывал в бар, рядом с набережной Малекон. Здесь обычно тусовались гаванские влюблённые парочки.

Малекон - не имя собственное, с испанского - просто «набережная».

Фактически - это ещё и променад, который тянется на семь километров.

Если пройти по нему от начала и до конца, можно охватить взглядом всю историю города. Набережная не слишком поднята над водой. В штормовую погоду волны буквально обрушиваются на променад. Зрелище весьма впечатляющее. Каждый год в феврале здесь проходят праздничные карнавалы. Девчонки - самая главная достопримечательность Кубы.

Они красивые и разные, сама непосредственность, не показное дружелюбие и милый, добрый нрав, отсутствие комплексов. На Малеконе можно было быстро познакомиться с девушками лёгкого поведения и со студентками гаванских университетов, там все гуляли, наслаждаясь великолепными морскими видами и архитектурой Гаваны.

Малекон

Во время одного из этих феерических праздников Леонид и встретился со своей мулаткой. Ей было лет 17-18, она была высокого роста, шоколадного цвета кожей, роскошными чёрными вьющимися волосами, высокой грудью, длинными красивыми ногами, обаятельной улыбкой и белоснежными ровными белыми зубами. Мулатку звали Исабель, видно было, что она прошла хорошую школу девушек с Малекона! К русским кубинцы вообще были очень дружелюбно настроены, а Леонид был в том самом возрасте, когда женский пол проявляет к мужчине особенное внимание.

Лет 27-28, высокого роста, стройный, с вьющимися каштановыми волосами, серыми лучистыми глазами, оттеняемыми пушистыми ресницами - видный и запоминающийся парень!

Испанским языком Леонид владел прекрасно, что облегчало ему жизнь в Гаване. При знакомстве с кубинками излучал целый фейерверк испанских любезностей - это было очень важно при дальнейших развитиях событий. После списания с испанского сухогруза Леонид долго искал себе работу на

других морских судах, но, не имея морского диплома об образовании и никакого другого сертификата на морскую специальность, кроме матроса, ему не удавалось зацепиться ни на одном из этих судов. Имеющиеся скудные деньги скоро закончились и встала печальная перспектива: «Что дальше?». Первое время, когда был при деньгах, то Исабель благосклонно принимала его ухаживания и даже приводила к себе домой, в маленькую каморку, с душем и кроватью. Такое поведение было нетипично для девушек с Малекона, их водили клиенты в гостиницы сами, но Леонид очень понравился мулатке и она нарушила все неписанные правила. Несколько раз они посещали варьете «Тропикана» - там Исабель зажигательно танцевала румбу, ча-ча-ча и другие кубинские танцы. Да так, что многие мужчины останавливали на ней свои восхищённые взгляды и громко комментировали, что не совсем нравилось Леониду. Запретить ей танцевать так, как она это делала, не мог и молча ревновал свою Исабель ко всем мужчинам. Вечером Исабель уходила работать, а в полночь возвращалась в каморку, принимала душ и, как ни в чём ни бывало, расспрашивала, как он провёл время! Леониду была противна сама мысль, что находится на содержании у женщины. Ведь она ещё и угощала его бутылочкой холодного пива! Когда осознание такого положения становилось невыносимым, Леонид уходил, но снова возвращался - у него не было никаких вариантов! В один из вечеров, когда снова решил уйти от Исабель, прогуливаясь по набережной, заметил, что на Малеконе происходит какая-то потасовка.

Подошёл поближе и увидел, что два парня избивают девушку - это была Исабель! Какой русский может пройти мимо такой картинки и не вступить за свою девушку. Он вступил в драку, но подоспело ещё несколько кубинцев, его сбили с ног и скрутили руки. Голова была разбита, глаз оплыл, но Леонид понял, что его грузят в багажник автомашины и куда-то увозят! Очнулся в полной темноте. Ощупав стены, определил что находится в каком-то каменном помещении. Сверху, через окошко, проникал бледный свет луны. Добраться туда сразу не удавалось. Собравшись с силами, стал ощупывать

уступы в камнях и карабкаться вверх, к окошку! Стояла яркая лунная ночь, под окном по ряби тёмной воды пролегала зыбкая полоска лунного света. Показалось, что в ней затаились хищные силуэты крокодилов! До воды было метров десять. Расчёт был прост: самостоятельно выбраться и выпрыгнуть в окошко бесполезно, неясно, куда плыть дальше.

А если ещё и крокодилы внизу стерегут свою добычу! Вот ведь попал: - Чёрт возьми! – промелькнула мысль: «А может быть меня хотят скормить крокодилам?» Перед глазами прошла вся его короткая, небогатая на события жизнь, родители, родные степные края, друзья, девушки, но всё это было так далеко, а он находится здесь, в тёмном закутке, не надеясь на удачный исход! Слышал, что на Кубе было развито разведение крокодилов, из кожи крокодилов кубинцы изготавливали массу сувениров: от обуви и сумочек, до всевозможных безделушек, мясо служит деликатесом для гурманов. Этим занималось и государство и небольшие фермерские хозяйства, на одно из которых его привезли.

Вдруг услышал знакомый для кубинцев позывной : - Пс- псы!.

Выглянул из окошка. Ну и чудеса! Внизу, в маленькой лодочке, с какими-то чёрными парнями сидела его Исабель! Ребята с помощью обычной пацанской рогатки запустили тонкую леску. С её помощью передали канат. Леонид молил Бога чтобы похитители не услышали возню под окошком. В конце концов ему удалось спуститься в ялик! Обнимая хрупкое, бесконечно дорогое ему существо, был благодарен Богу, что прислал Исабель на помощь! Лодка быстро шла к берегу, как оказалось, речной запруды, сопровождаемая голодными крокодилами. Исабель рассказала Леониду, что знакомые ребята-кубинцы, которые видели драку, сами предложили ей помощь в вызволении его из плена. Они хорошо знали эту банду. Ждали только повода, чтобы наказать. Леонид потом часто думал, что же заставило эту кубинскую девчонку так рисковать ради него?

Ведь не только чувство благодарности вызвало у нее желание вызволить его из беды, а нечто большее... Это было загадкой!

Объяснить эту загадку можно было только одним - между ним и Исабельель возникла та невидимая нить, которая связывает душевные чувства мужчины и женщины и выражается одним словом: Любовь! Её улыбка, смех, близость и красота тела возбуждали в нем возвышенные чувства полёта души и той нежной ласки, которую можно подарить только любимой женщине.

Ведь все могло закончиться гораздо хуже и драматичнее.

Они могли там все вместе погибнуть, так как похищение русского моряка не могло закончиться просто так, похитители никогда бы его не выпустили.

На Кубе в то время был жесточайший закон - за русского моряка похитители были бы сурово наказаны, вплоть до расстрела!

Исабель и её друзья рисковали своей жизнью!

Судьба Леонида сложилась непросто. Он нашёл временную работу в порту, продолжая встречаться с Исабель, даже снял себе дешёвое временное жильё в одном из подвалов в старой Гаване. Как-то они попали на конкурс аргентинского танго, который проводился в Испанском культурном центре.

Исабель пригласил на танец танго мужчина, солидного возраста, небольшим брюшком, седыми пышными волосами. Танцевали они так зажигательно, так красиво, что все находящиеся в зале посетители устроили им бурные аплодисменты! По правилам конкурса они получили первый приз и тогда обнаружилось, что партнёр Исабель - капитан аргентинского балкера. Исабель познакомила капитана с Леонидом, представив его женихом, и попросила устроить работать на судно матросом. Капитана долго упрашивать не пришлось, и уже на следующий день, пройдя все формальности, Леонид был зачислен в экипаж балкера! Прощание с Исабель было мучительным и болезненным, Леонид прикипел душой к этой отчаянной, смелой девчонке и понимал, что расстаются они навсегда! Вот так получилось, что простая кубинка-мулатка с Малекона так много сделала для него - спасла от бандитов, дала возможность вернуться к любимой работе. Это дорогого стоит! Но это уже другая история.....

ЗОЛОТО ВОЛОС

Этот рассказ я услышал от своего друга Владимира, который долгое время жил и работал в Калининграде.

Недавно он ушёл от нас в другой мир, и я решил написать случившуюся с ним историю, которую буду писать от первого лица.

Наш корабль пришёл в Гавану после перехода через Атлантику из испанского порта Виго. На Кубу мы привезли груз парфюмерии. Несмотря на блокаду, кубинские власти сохранили прекрасные отношения с Испанией и успешно торговали. Везли в Испанию сахар, сигары, а оттуда - всевозможные грузы: рис, другие продукты, технику и прочие товары, включая парфюмерию.

В конце шестидесятых, начале семидесятых годов на судостроительных верфях Испании было построено несколько рыболовных траулеров. Принимали их после постройки советские моряки и перегоняли на Кубу, загрузив в пустые трюмы сопутствующие грузы. На одном из этих траулеров в должности второго механика работал и я. В тот раз один из наших трюмов был загружен бесценным для женской половины Кубы грузом – парфюмерией. В ящиках находились знаменитые кремы, пудра, духи и одеколоны популярных европейских стран: Франции, Италии, Испании. К

такому грузу не могла остаться равнодушной и женская половина наших представительств на Кубе - посольства и торгпредства.

Они нагрянули на корабль в сопровождении своих мужей и работников посольства.

Среди русских дам выделялась молодая красивая женщина с великолепной копной ослепительно золотых волос, казалось, сияющих под тропическим солнцем!

- Зоя, - представилась она.

Работники советских представительств, считая себя привилегированной кастой, неохотно общались с членами экипажа. Но их жёны были, очевидно, другого мнения и смотрели на нас другими, ищущими глазами...

Чувствовал, что мои взгляды не раз пересекаются с откровенными взорами золотоволосой красавицы.

Мне тогда исполнилось 24 года. Природа не обидела внешностью. Я не выглядел красавцем, но смотрелся симпатичным, хорошо сложенным, выше среднего роста, с мягкой спортивной походкой быстрым парнем.

При взглядах на Зою с моего лица не сходила широкая улыбка, я моментально влюбился!

Женщинам, наверное, нравилось, что от моряков хорошо пахло мужским парфюмом. Секрет запаха был прост.

Во время погрузки упал один из ящиков с мужским одеколоном, разбился, но морякам удалось из этого стеклянного крошева запасти несколько флаконами элитного одеколону. Моряцкая братия не скупилась баловаться пахучей жидкостью! Таким образом, мы были вне конкуренции скучным и нудным мужьям-чинушам из советских представительств.

Узнали у женщин, что живут они в небольшом посёлке специалистов, недалеко от Гаваны, не более пятнадцати километров и туда ходит рейсовый автобус. В шутку женщины пригласили нас в гости, не предполагая, что такое предложение может смутить душевный покой не одного моряка, тем более второго механика! Зоя, как бы невзначай, сообщила, что её домик располагается прямо у тропинки, ведущей к морю.

Женщины и мужья покинули наш борт, предварительно оговорив с капитаном и властями перечень закупленных изделий. После прощания мир показался мне пустым, что даже жгучее тропическое солнце стало тусклым и неярким!

Решил в эту же ночь увидеть ещё раз золотовласую блондинку! Отстояв вахту, пошёл на вечерний автобус, который направлялся в этот посёлок. Где и как её можно будет там найти, – все эти вопросы я старался даже не задавать себе. Наверное, только молодым свойственно совершать безумные поступки. К их числу смело можно было причислить и меня.

Смеркалось, загорелись первые вечерние огни...

Автобус остановился в незнакомом посёлке. Сердце бешено колотилось, голова горела огнём, желание подстёгивало.

Мозг и рассудок отказывались работать. Я полностью был в заторможенном состоянии. Теперь главное - разыскать в темноте этот домик. Сверлила мысль, а если дома муж, соседи, да мало ли кто может быть там в это время. Как не странно, я быстро нашёл бунгало у тропинки к морю и притаился в густой темноте карибской ночи, сдерживая сердце, готовое выскочить из груди. Видно и правда, что случай помогает влюблённым. На террасу вышла Зоя, я её тихо окликнул. Она не удивилась, а только спросила: - «Кто это?». Ответил, дрожащим от страха голосом. Зоя рассмеялась и протянула мне свою руку. Всё дальнейшее было, как во сне...

Не буду рассказывать, какие слова и взаимные клятвы были тогда произнесены, но когда копна золотых волос закрыла мне лицо – я подумал, что Рай на земле все-таки существует и имя ему - Зоя!

Всё прекрасное когда-нибудь кончается...

Мне предстояло возвращение домой, на корабль. Пришлось покинуть этот Рай обетованный! Автобусы уже не ходили, но что стоило мне, молодому, пылко влюблённому в ослепительно прекрасную женщину, пройти пешком пятнадцать километров...

Через много лет, передо мной снова и снова встает картина тропического ночного неба, усыпанного яркими звездами, с неповторимыми запахами неведомых южных цветов и трав. Сердце сдавливает грусть, но я улыбаюсь тому мальчишке, который, не разбирая дороги, мчался по этим травам. Больше мы с ней никогда не встретились, потускнело в памяти золото волос, но не пропадает щемящая радость от былой встречи. О как часто вспоминаются и эти звёзды, и буйная радость любви, которая мчалась рядом со мной в эту безумную, безумную ночь!!!

Прошло много лет после моего пребывания на острове Свободы, где произошла встреча с прекрасной обладательницей золотых волос. Надеюсь, что память об этой встрече не сотрется из памяти и у этой женщины. Не вычеркнется наша Ночь из череды событий, через которые ей предстояло впоследствии пройти...

Акулов Анатолий

1962 - закончил среднее Херсонское Мореходное училище.

1975 - закончил Калининградский технический институт.

1962-1991 - работал в Эстонском рефрижераторном флоте.

1992-2010 - работал старшим механиком в Иностранном торговом флоте.

С 2010 - пишет свои воспоминания о работе в море.

С ноября 2012 года принят в Общество Русских Литераторов Эстонии

<https://www.spr.ru/akulov.php>

Сергей Черных

ЗАКОН БУМЕРАНГА ПО-ФЛОТСКИ

Как уволить в запас «под елочку» нарушителя воинской дисциплины

На кораблях флота всегда в той или иной степени существовали неуставные взаимоотношения. Существуют понятия: «дедовщина» в армии и ее флотский аналог – «годковщина». Там, где офицеры и мичманы полностью отдавали себя службе, занимались воспитанием личного состава и контролем над его деятельностью, годковщина была загнана под пайолы и не высывалась практически никогда. Там же, где руководители относились к службе формально, лениво, спустя рукава, она расцветала и приносила весьма горькие плоды.

В кают-компаниях были матросы-вестовые, которые тщательно отбирались для этой работы. Потому что вестовые слышали все разговоры офицеров и мичманов за столом или при проведении совещаний в кают-компаниях. И не должны были выносить то, что слышали, из кают-компаний. То есть делиться услышанным с другими моряками срочной службы было, мягко говоря, не принято.

Тут надо учесть, что у вестовых были не только кроме обязанностей по приготовлению пищи, мытья посуды, стирки скатертей, накрытия и уборки столов, были еще и определенные льготы. Они в удобное для них время могли помыться в офицерской сауне, посмотреть телевизор после отбоя. Если они, разумеется, с офицерского стола.

В 1989-1993 годах я служил на большом десантном корабле БДК-55 121-й бригады десантных кораблей 37-й дивизии морских десантных сил Краснознаменного Северного флота в должности старшего помощника командира корабля. И был у нас вестовой кают-компаний призыва осени 1991 года матрос Слава Харченко из Харькова. Он смолodu был отобран для работы в кают-компаниях, так как был аккуратен, спортивен и организован. Когда он был матросом нового пополнения, его защищали офицеры и мичманы от возможных нападков со стороны старослужащих («годков»), так что чувствовал он себя вполне вольготно и комфортно. Прошел год и две полосочки-лычки украсили погоны теперь уже старшины 2 статьи Харченко. Он стал старшим вестовым кают-компаний офицеров и мичманов. У него появилась возможность бывать в городе по служебным делам, закупая продукты для улучшения стола в кают-компаниях. Мы, офицеры и мичмана, время от времени сбрасывались по рублю для покупки сметаны, специй, салфеток и разной мелочевки вроде зубочисток, для создания большего комфорта и домашнего уюта за столом. Этим занимался старший вестовой. Казалось бы, что еще надо? Служи, не хочу!

Как-то раз вечером, после отбоя, сижу в каюте, курю. Слышу шум в коридоре, выхожу и вижу за хлопнувшуюся дверь к вестовым, слышу грохот сбегающих по трапу ног. Заглядываю в раздаточную:

– Харченко, что случилось?

– Да, – говорит, – дух (молодой матрос. – С.Ч.) «залетал, бутер просил.

– А ты?

– А я объяснил ему политику партии и сказал, что сегодня не подаю.

– Смотри, Харченко, не переусердствуй!

Прошло несколько спокойных дней. Опять ночью шум, вскрик, топот ног... Старший лейтенант Ярочкин, назначенный дознавателем по этому происшествию, потом доложил, что «годок» Бурухтанов, которому не терпелось съесть бутерброд, посылал в кают-компанию «молодого» матроса Петрова с задачей добыть провиант хоть из-под земли, и это происходило неоднократно. А кроме как в кают-компании бутерброды ночью нигде не водились. А старший вестовой старшина 2 статьи Харченко, завидев просителя в дверях, просто бил оного в лоб открытой ладонью, чтобы не оставить синяков, и отправлял восвояси. Нет, чтобы пригласить Бурухтанова и поговорить с ним по-серьезному. Командиром было принято решение лишить Харченко воинского звания «старшина 2 статьи». Что и было сделано на утреннем построении при подъеме флага в присутствии всего экипажа. Начальник вещевого снабжения мичман Корецкий перед строем матросов и старшин аккуратно срезал лычки с погон старшего вестового. Я предупредил Славу, что при увольнении в запас он сойдет с корабля последним. На что он ответил, что ему по фигу. В общем, дерзко, броско, лихо! Ну, думаю, ладно. Наступила пора увольнения в запас очередного призыва. Время шло к Новому 1993-му году. Мы отпускали по три-четыре человека в день. Из призыва осени 91-го остался один Харченко. Мы хотели отправить его домой «под елочку», то есть 29 декабря, но днем ранее произошло то, чего и следовало ожидать. Мы с замполитом «сидели» в обеспечивающей смене, когда после отбоя ко мне в каюту просунулась физиономия вестового Воронько:

– Чайку сделать?

«С чего это такой заботливый?» – думаю. Но говорю:

– Ну, сделай, пожалуйста.

Воронько принес чай в подстаканнике и заговорщицки попросил:

– Не выходите из каюты, пока чай не допьете, минут пять.

Я без задней мысли кивнул и прихлебнул чай из стакана. Потом сердце екнуло, и я вышел из каюты, почувствовал неладное. По трапу в офицерский коридор кто-то поднимался. По нетвердой походке я понял, что «тело» перебрало, и пытается добраться до койки. Еще не увидев, кто это, хотел уйти в каюту, чтобы избежать обязательного разноса нетрезвого сослуживца, но узнал по знакомому голосу, издавшему короткий стон, вестового Харченко.

– Слава, что с тобой? – спрашиваю.

– На трапе поскользнулся, упал, – отвечает.

– Что ж ты так неосторожно, вроде опытный моряк?

Смотрю, а у Славы ухо, как у Миронова после того, как его «разбудил» Папанов в «Бриллиантовой руке», под глазом зреет фингал. Походка нетвердая, речь смазанная, координация движений нарушена.

Пока Харченко пошел в раздаточную, вызываю замполита Колю Федорова, объясняю обстановку. Спрашиваю, где воинские перевозочные документы (ВПД) Харченко. Оказалось, у него, командир поручил замполиту выписывать увольняющимся в запас ВПД. Иду в каюту командира, достаю печать из сейфа. Зам со мной. Вызываю Харченко к себе.

– Ну что, матрос Харченко, пользуясь властью, доставшейся нам в отсутствие командира, мы с замполитом решили уволить вас не завтра, а сегодня. Одевайтесь, время на сборы 15 минут.

На всякий случай вызываю командира БЧ-5 Диму Тарасова, чтобы он был готов смотаться на своем «Москвиче» в Мурманск на вокзал. Вызываю продовольственника мичмана Антропова и вещевого мичмана Корецкого попридти на проводах «героя». Нас в моей каюте уже четверо. Появляется одетый по форме Харченко. Приглядываюсь, а на погонах знаки отличия старшины первой статьи! Требую военный билет и прошу мичмана Корецкого привести воинское звание вестового в соответствие! Потом приглядываюсь, а шинель-то новая. Как так, два года служил, и ни капельки не износил? Присмотрелись и нашли на шинельке выведенную хлоркой фамилию молодого матроса Щукина из БЧ-4. В итоге Саша Корецкий побежал приводить в соответствие сроку службы шинель новоявленного увольняющегося в запас.

Тем временем, найдя свободное поле в военном билете, делаю запись: «За время службы в войсковой части №..... имел неоднократные случаи неуставных взаимоотношений по отношению к личному составу нового пополнения». Подписываюсь, ставлю печать. Пока Харченко был без шинели, выяснилось, что и форменка и брюки были «изъяты» у молодых матросов. Даже ботинки не его, тоже уведены у молодого матроса. С этим разобрались довольно быстро. После переодевания Харченко уже не выглядел так браво, как в начале. Правда, Саше Корецкому пришлось несколько раз смотаться в вещевую кладовую, принося все новую рухлядь.

– А что у нас, ребята, в дипломате? – поинтересовался я, когда увольняющийся был соответствующе одет.

Да, там, естественно, был дембельский альбом. Гордость любого матроса, память о службе, фотографии кораблей и сослуживцев. Давайте, посмотрим. А это что? Фотография на причале на фоне штаба флота? К черту эту фотографию, порвал. А это фото нашего секретного корабля на фоне нашего секретного берега? К черту, порвал. Так, пройдясь по альбому, оставил меньше половины. Сказал Харченко, чтобы шел к трапу. Оставил в каюте мичмана Антропова.

– Толя, – говорю, – надо человека пролечить до конца. Вот тебе полфлакона шила, разведи, и дуйте на вокзал с механиком. С Корецким сядете с двух сторон от Харченко, предложите выпить за окончание службы. Сами не усердствуйте, на вокзале сдадите его на руки патрулю, который едет до Москвы. Понял?

– Понял, – сказал Толя, – и по его взгляду я понял, что Толя действительно понял.

На вокзале «готового» Харченко сдали на руки без дела болтающемуся патрулю, объяснив при этом, что он особо буйный, пьяный, склонный к дебошу, так что ему следует особый уход. Как я понял потом, нашего героя пристегнули в плацкарте к какой то стойке и он «отдыхал» до Москвы.

Прошло время, и получаю я от матроса Харченко письмо. Мол, так и так, приехал домой, хотел устроиться на работу, и вдруг облом: «Не берут благодаря вашей записи в военном билете».

Я не отвечал. Но понял, что он думал, что на военной службе все пройдет никем незамеченным. А не прошло.

Через год пришло еще одно письмо от Харченко замполиту, где наш бывший вестовой просил прощения у меня, у зама, и у тех матросов, которых он нещадно бил по лбу.

Все-таки, закона бумеранга еще никто не отменял. А на флоте тем более.

Черных Сергей Витальевич

В 1979 году окончил штурманский факультет

Калининградского высшего военно-морского училища. Службу начал на гвардейском большом противолодочном корабле «Гремящий», боевая служба которого, кстати, длилась 264 дня.

Потом служил командиром БЧ-1 на эскадренном миноносце «Осмотрительный», на котором совершил переход из Балтийска во Владивосток, на эсминцах «Осмотрительный» и «Безупречный», большом десантном корабле БДК-55. Службу закончил в 1993 году.

<https://www.litres.ru/sergey-chernyh/zapiski-shturmana-ili-ne-strelyayte-v-oficera-flota-on-esch/>

Андрей Рискин

В МОРЕ ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОГА – КОМАНДИР КОРАБЛЯ

**Почему на флоте все должны постоянно быть в эмоционально
вздрюченном состоянии**

Есть такой фильм – «Первый после Бога» (что-то вроде из истории про командира подлодки «С-13» Маринеско, что-то вообще из области фантастики). Но название более чем правильное. Командир на корабле – главный, и над ним на корабле нет никого, кроме Бога. От него зависит все – и выполнение боевой задачи, и выживание экипажа в экстремальной ситуации, и успешное возвращение в родную базу (как в боевой обстановке, так и в мирное время). Не случайно даже есть такой праздник – День командира корабля (отмечается в октябре).

Малый разведывательный корабль «Линза»

Я, увы, командиром не стал и не мог стать по определению, хотя и закончил ракетно-артиллерийский факультет военно-морского училища. Стал я в итоге политработником (это уже другая история). Как известно, командиры и политработники не всегда находили общий язык. Но это, как говорится, не в мой адрес. Может, именно потому, что закончил не политическое училище, а строевое. Только речь не об этом. А о моих командирах.

Первый мой командир (он же – командир сторожевого корабля «Туман», то есть «полтинника») капитан-лейтенант Сергей Сергеевич Степанов дал мне и первые уроки флотской жизни. Для начала устроил мне и другим лейтенантам экзамен по МППСС (Международным правилам предупреждения столкновения судов в море): на знание навигационных огней, створных знаков расхождения кораблей и т.д. И после первой же проверки запретил смотреть вечером фильм в кают-компании до сдачи на «отлично».

Вскоре я экзамен сдал. До сих пор помню мнемонические правила. Например, такое: если вертикальные огни – зеленый, белый, зеленый, это означает «Заходи, браток, заходи» (то есть разрешается заход в бухту). Как-то я был старшим на физзарядке, выгнал моряков на морозец, а сам надел канадку. Гонял я морячков по полной программе по причалу. А в итоге услышал от кэпа: «Лейтенант, мать твою, если гоняешь людей, то бегай вместе с ними, и не в теплой канадке».

А потом, когда ко мне пришел проверяющий из политотдела, Сергей Сергеевич прислал в каюту, где мы с проверяющим (между прочим, целым капитаном 2 ранга) находились, вестового. Тот сообщил: «Товарищ лейтенант, вас вызывает командир». Но капдва меня не отпустил. И тогда сверху раздался грозный рык командира: «Лейтенант (далее пропущу, так как цензурных слов не было), немедленно ко мне (далее опять нецензурно)!»

Когда я поднялся в каюту командира, Сергей Сергеевич спокойным и даже умиротворенным тоном мне сказал: «Ты думаешь, это я тебя материл? Нет, лейтенант, не переживай. Это все для твоего проверяющего. Чтобы знал, кто кораблем командует. А говна он так и так накопает».

Потом я служил на морском тральщике «Марсовый», который мы в итоге продали Ливии. Командиром был Николай Николаевич Бочаров. Человек не строгий, несколько нелепый, но, как говорится, справедливый. Никогда не подставлял подчиненных (хотя порой было за что).

Тральщик не входил в состав ВМФ России, поэтому морские нам не платили (к слову, это треть от оклада), хотя в море мы болтались регулярно. И вот явился на «Марсовый» очередной проверяющий адмирал, а кто-то из офицеров встретил его, выражаясь аккуратно, с небольшого бодуна. Адмирал Бочарову: «Командир, почему у вас офицеры в ненадлежащем виде?»

Командир: «Товарищ адмирал, мы из морей сутками не вылазим, а нам даже морские не платят». Адмирал подумал минуту и говорит: «Понял вас, прощаю». Видимо, тоже не один год командиром корабля был.

Единственный командир, с которым у меня были непростые отношения, – командир ливийского экипажа «Марсового» капитан-лейтенант Муфтах.

Как-то он был не в духе и, обнаружив на выходе в море пару наших морячков, дрыхнувших на койках (на что те имели полное право как свободные от вахты), поднял страшный шум. Вызвал старшего на борту, командира нашего дивизиона тральщиков Васю Красикова по прозвищу Рыба (за вечно выпученные в гневе глаза): мол, что за безобразие, мы вам, русским, платим валютой за наше обучение, а ваши моряки спят.

«Хорошо, – сказал комдив, – все спящие будут строго наказаны».

Никого, конечно, не наказали. Но на очередном выходе в море Вася вызвал старпома Эрика Корженевского: «Пройти по всем кубрикам и боевым постам, переписать всех спящих ливийцев».

Через полчаса список провинившихся, вполне приличный, особенно с учетом небольшой качки, был у Васи.

«Крапивка, – сказал комдив нашему переводчику-арабисту, – объясни этому нерусскому флотоводцу, что мы такой бардак терпеть не намерены. Мы тратим моторесурс, соляру, блюем тут – почему зря (это не переводит), чтобы учить флотской жизни этих дятлов (это тоже помягче как-то скажи), а они спят. Это просто бардак».

На следующий день выход в море был сорван. В назначенный срок автобус с ливийским экипажем не появился у причала, где стоял «Марсовый». Как выяснилось, все провинившиеся матросы ливийского экипажа были наказаны. Ударами палками по пяткам. Как гласит «Зеленая книга» Муаммара Каддафи, «мужчина – тоже человек. Это бесспорная и несомненная истина». А раз истина – то по пяткам.

Мой третий командир – Виктор Михайлович Мавзолевский на малом разведывательном корабле «Линза». Многие мои сослуживцы до сих пор вспоминают его добрым словом (Михалыча уже нет в живых). Не случайно

механик Коля Станиславский посвятил Михалычу стихи, в которых были такие строчки:

*«На Фареро-Исландских широтах,
Там, где шторма глотают туман,
За твоей наблюдая работой,
Стал тебя уважать, Капитан».*

Командир «Линзы» Виктор Мавзолеевский (слева)

В первый же день, когда я прибыл на «Линзу», командир и старпом Валера Носуля проверили, тот ли им замполит попался. Налили стакан шила (спирта). Но я, слава богу, уже не первый год был на флоте – не поморщился. Так что служили дружно и в море на боевую службу ходили за милую душу. Кстати, когда Михалыч ушел в отпуск (правда, мы тогда у стенки стояли), а старпом был в командировке, исполнять обязанности командира оставили меня.

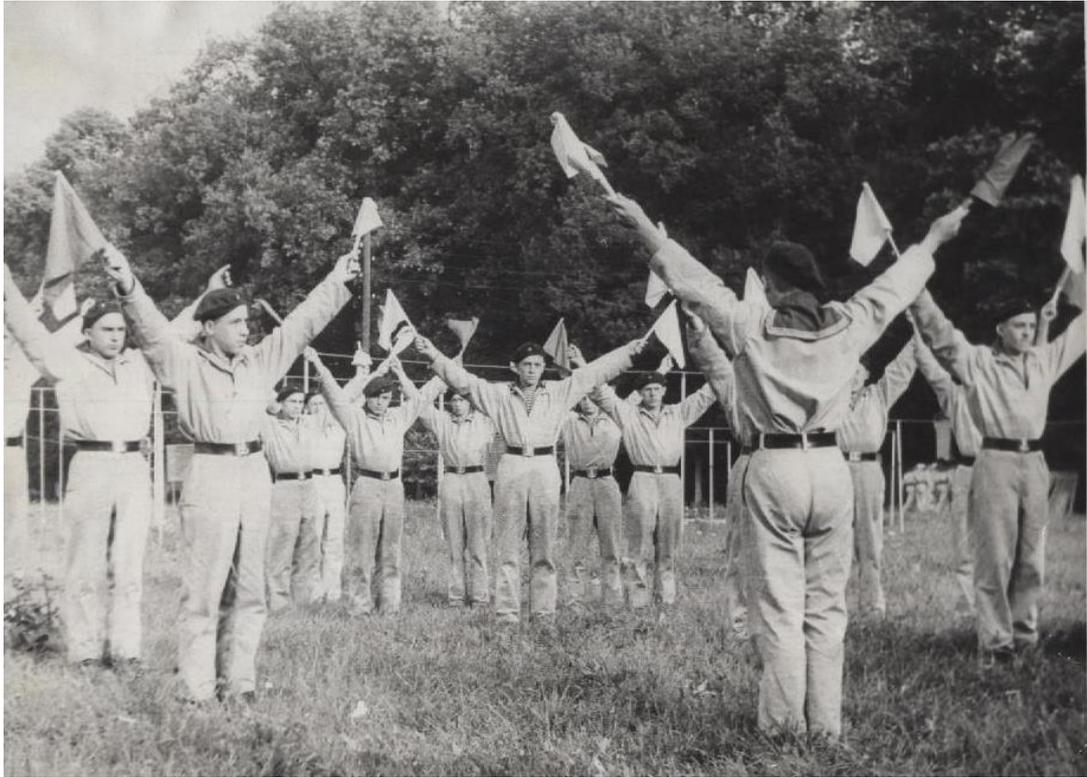

На борту морского тральщика «Марсовый» с дисциплиной было строго

По-моему, это единственный такой случай в нашем дивизионе ОСНАЗ. После Балтийска меня перевели в Ригу, в дивизион учебных кораблей, на тральщик «Дмитрий Лысов». И очередная удача – командиром корабля был Эрик Корженевский, с которым мы продавали «Марсовый» Ливийской Джамахирии. Тут, понятно, проблем в отношениях командира и замполита не могло быть по определению. Правда, имелись проблемы в отношениях с начальством, но это обычное дело. Потому что не тонем мы исключительно благодаря начальникам, которые нас проверяют и постоянно держат, как говорил мой первый командир, в эмоционально вздрюченном состоянии. А если мы из этого состояния вышли, значит, все, кранты, пропал флот, утонул у стенки.

НА ХУДОЙ КОНЕЦ ОТДАДИМ ДОЧКУ ЗАМУЖ ЗА ОФИЦЕРА, или Возьмите себя наконец-то в руки, товарищ курсант

В 1978 году я получил погоны лейтенанта, закончив любимую «бурсу» или, как чаще говорят выпускники военно-морских училищ, «систему». Калининградское высшее военно-морское училище (КВВМУ) – самое молодое училище в СССР. Кстати, в Советском Союзе военно-морских училищ было 11. Все они располагались в приморских городах. Кроме Киевского высшего военно-морского политического училища (которое понятно где базировалось).

Семафор

В 1973 году, когда я поступал в «систему», конкурс был 10 человек на место. Это объяснимо, ведь в те времена папаши юных девиц с гордостью говорили: «Моя дочка вышла замуж на морского офицера». Потом, в 90 е, папаши говорили иначе: «Ну, на худой конец выдадим дочь за флотского офицера».

КВВМУ, без сомнения, было уникальным учебным заведением. То, что большую часть времени курсанты занимались не изучением материальной части и военно-морских наук, а копали, строили, подметали плац и т.д., — ясно. Другие училища в этом смысле ничем от нас не отличались. Но начальник нашего училища вице-адмирал Владимир Степанович Пилипенко (между прочим, Герой Советского Союза) мыслил более чем масштабно. Особенно Пилипенко гордился тем, что плац в училище по квадратному метражу был больше Красной площади (для чего пришлось снести несколько строений). А еще вокруг плаца на огромных щитах красовались картины на морскую тематику. «Бой авианосной ударной группы с подводной лодкой противника», «Высадка морского десанта при поддержке авиации», «Корабли в кильватерном строю» и т.д.

На главной башне в здании, где находились дежурный по «системе» и знамя училища, были большие часы. Каждые полчаса они играли мелодию «Ты, моряк, красивый сам собою...». Жители окрестных кварталов были очень недовольны, но победить адмирала, да еще Героя Советского Союза, не смогли...

КВВМУ – главная училищная башня с часами

А еще Пилипенко (в училище его звали Герой, Барин, Хозяин) любил фонтаны. Один (квадратный) находился перед главным входом в училище и бил на три метра выше петергофского «Самсона». Второй (круглый) – в училищном скверике. В центре фонтана высилась статуя Нептуна, который держался двумя руками за рога мины образца 1905 года.

Когда я еще был кандидатом в курсанты, то есть только сдавал экзамены, мимо фонтана шли два абитуриента из Белоруссии. И один из них сказал другому:

– Во, глядзі, у міну ўпярдоліў.

Мы же называли фонтан просто – «Нептун, насилующий мину».

А еще у нас было Лебединое озеро. Там плавали зеркальные карпы и утки. Для охраны уток от водяных крыс выделялся мичман с воздушной винтовкой.

Кстати, была такая традиция на пятом курсе. Выпускника, который первым защитил диплом, кидали в фонтан с Нептуном или в Лебединое озеро сразу после сдачи прямо в форме первого срока (в которой и сдавался экзамен). В 1978 году таким выпускником в нашем классе оказался я.

Главное же – у нас были прекрасные преподаватели.

Вот, к примеру, капитан 1 ранга Петр Соломонович Однопозов, преподаватель кафедры тактики, с вполне естественной кличкой Однопузов, строгий, но веселый. В свои немного за 40 он обладал сверкающей лысиной и страдал зеркальной болезнью (из за солидного живота мог видеть свое

мужское достоинство только в зеркале). Как ни странно, при этом Однопозов выглядел подтянуто.

Утром, как всегда, перед первой парой занятий капитан 1 ранга построил два класса у входа в аудиторию. Принял доклад дежурного и хорошо поставленным голосом рявкнул:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

А мы всю ночь картошку чистили. На все училище, а это почти полторы тысячи ртов. Естественно, особого энтузиазма никто из нас не испытывал. И ответная здравница получилась невнятной.

Однопозов разгильдяйства не потерпел:

– Плохо здороваетесь, придется повторить. Здравствуйте, товарищи курсанты!

И тут мы гаркнули. И красиво так, с задержкой, на одном дыхании, словно и не было за спиной бессонной ночи:

– Здравия желаем, товарищ капитан 1 ранга!!!

Задрожали старые училищные стены, эхо понеслось по длинным коридорам, вернулось назад, заметалось в поисках выхода и... здоровенный шмат штукатурки сорвался с облезлого потолка, рухнув на лысину уважаемого каперанга. Лысина потеряла первоначальный блеск и окрасилась в красный цвет. Лекции не было. Пришлось заниматься самоподготовкой.

Были, конечно, и офицеры, которых мы не слишком любили. К примеру, командир нашей роты Геннадий Иванович Кулишов. Мы его тихо ненавидели (до такой степени, что на выпускной банкет его не пригласил ни один взвод – уникальная для училища ситуация).

Про Гену даже анекдот ходил. Зашел как то Кулишов в церковь (уже смешно), а там деревянная скульптура распятого Христа. Смотрит на Гену и говорит тихо тихо:

– Счастливый ты, Кулишов...

Комроты удивился и бегом в училище. А навстречу ему Марат Николаевич Громов – начальник нашего артиллерийского факультета. Тоже тот еще деятель. Кулишов ему:

– Вы представляете, товарищ капитан 1 ранга! Захожу в церковь, а мне Христос говорит: мол, счастливый ты, Кулишов...

– А почему счастливый то?

– Вот, черт, а я не спросил!

И назад в церковь. Подошел к статуе, а Христос опять:

– Счастливый ты, Кулишов...

– А почему счастливый то, Господи?

– Да потому что мне руки гвоздями приколотили...

И еще пару слов о Кулишове и Громове. Я случайно благодаря неплохим, скажем так, отношениям с девушками из строевого отдела училища смог ознакомиться со своей переводной аттестацией за 4 й курс, подписанной нашим командиром роты. Ее следует привести почти целиком: «За период обучения на 4 м курсе серьезно не занимался над формированием в себе

командирских качеств. Уставы знает, но не всегда руководствуется ими в повседневной жизни. Медлителен в выполнении команд. С товарищами заносчив. Склонен к резкости и грубости. В период практики совершил грубый проступок. Склонен к употреблению спиртных напитков. Демагог. Ради собственного удовольствия готов принести в жертву интересы товарищей и коллектива. Высокомерен. К труду не приучен. Работоспособность низкая. Увлекается литературой. Несколько улучшил свои спортивные показатели.

Выводы: командирские качества крайне низкие. Деловитости, настойчивости, инициативы нет. Если не произойдет резкого улучшения воинской дисциплины и не будут изжиты отмеченные недостатки, то предлагаю назначение после выпуска произвести на малоперспективную должность.

Начальник 4-го курса артфака капитан лейтенант Кулишов».

Самое любопытное далее – резюме начальника факультета: «Достоин перевода на 5-й курс. Осмотритесь. С такими качествами нельзя мириться. Возьмите себя в руки. Недостатки устранить на 5-м курсе».

Судя по тому, что закончил «систему» только с четверками и пятерками, да еще успешно прослужил на флоте 22 года, в руки я себя все-таки взял.

Рискин Андрей Борисович

Родился в декабре 1956 года в Москве. В 1973 году поступил на артиллерийский факультет Калининградского высшего военно-морского училища. Служил на сторожевом корабле «Туман» в Лиенае, потом на морском тральщике «Марсовый» в Риге, потом на малом разведывательном корабле «Линза» в Балтийске и, наконец, на тральщике «Дмитрий Лысов» опять же в Риге. Семь лет на «железе». Плюс минно-торпедный склад в Риге. И лишь через 11 лет офицерской службы с нежно любимым личным составом удалось стать военным журналистом. То есть перейти на службу в газету «Страж Балтики». Заочное закончил отделение факультета журналистики Латвийского государственного университета. С 1999 года работает в «Независимой газете» г. Москва.

<https://www.litres.ru/andrey-riskin/>

Владимир Цмокун

ТРИ ПТИЦЫ НА ЛЬДУ

Играли «Сокол» и «Чайка», а победил «Белый аист»

Дело было зимой 1987 года в районном центре поселок Черниговка Приморского края. Я уже три года как перевелся с корабля на техническую ракетную базу в 9 км от ближайшего шахтерского поселка Реттиховка. Деревня эта, основанная переселенцами в начале прошлого века, получила свое название в честь полковника, а потом и генерал лейтенанта Генерального штаба Российской империи, военного топографа Александра Федоровича Риттиха. Крестьяне букровку в фамилии изменили, и название прижилось.

Это вообще, наверное, тема отдельного исследования. Мой же рассказ коснется события из спортивной жизни части, о которой и пишу.

Командиром части в ту пору был подполковник Виталий Ильич Протас. Именно его стараниями в части были созданы футбольное поле и хоккейная коробка, закуплены форма и спортивное имущество. Офицерская, мичманская и матросская команды регулярно соревновались между собой, победители всегда получали заслуженного поросенка.

Нанятыми за канистру спирта бульдозеристом и экскаваторщиком из шахтерского хозяйства был выкопан бассейн возле домов гарнизона. А земляной склон до КПЧ части зимой превращался в ледяную горку, на которой катались и малыши, и ребята постарше, подложив под себя принесенные отцами из воинской части тарелки из под списанных зеркал головок самонаведения крылатых ракет.

Естественно, наши сборные команды по хоккею и футболу, состоящие из лучших игроков части, регулярно выезжали помериться силами с командами ближайших районов. Если желающих поболеть за своих набиралось много, командир приказывал выделять для болельщиков отдельную машину. В общем, все было по серьезному. Наша футбольная сборная называлась «Альбатрос», хоккейная команда именовалась «Чайкой». Наш главный и постоянный соперник – совхоз «Черниговский». Совхозом крепко и грамотно руководила женщина. Жаль, не помню, как ее звали. Пару раз, будучи в управлении совхоза по служебным делам, видел, как из ее кабинета вываливались здоровенные мужики, чуть не плача. Ну, понятное дело, такая женщина просто не могла не создать в своем совхозе отличный спортивный климат. Она по возможности присутствовала на всех играх своих команд. Когда наш «Альбатрос» играл в футбол с черниговским «Лотосом», вместе со своими колхозниками кричала: «Не вопрос, не вопрос, проиграет «Альбатрос»!» А наши отвечали: «Хорошо играет «Лотос», но победит сегодня Протас!»

В общем, как то раз в чудесный зимний вечер наша сборная команда по хоккею, состоящая в основном из офицеров и мичманов части, и автобус с болельщиками поехали на очередной матч в Черниговку, которая находилась в 23 км от нашего места базирования. Я в этот вечер заступил в наряд дежурным по части, поэтому только посмотрел вслед красным огонькам отъезжающих от домов гарнизона машин и мысленно пожелал нашим удачи. Игра должна была проходить на хоккейной площадке совхоза. Вокруг площадки, естественно, были построены простенькие трибуны для зрителей,

стояло несколько прожекторов. Под трибунами находилась небольшая общая раздевалка для хоккеистов. Я знал, что по прибытии на матч болельщики во главе с командиром рассядутся на трибуны, уже, наверное, заполненные черниговцами, а команда пойдет в раздевалку переодеваться и ждать сигнала для выхода на поле. Судьи всегда были самые настоящие, с какой то там судейской категорией, не просто дядя Вася из гаража. Обычно они приезжали к началу игры. Как я уже говорил, наша команда именовалась «Чайка», команда соперников носила гордое название «Сокол». Дальнейший мой рассказ основывается на отзывах очевидцев и участников того необыкновенного матча. А началось все с того, что к назначенному времени начала игры не прибыл судья. Выехал он из какого то отдаленного района и должен был вот вот подъехать. Мобильников тогда не было, решили ждать. Команды, уже одетые в форму и стоящие на коньках, терпеливо сидели в раздевалке, когда дверь распахнулась и кто то из местных болельщиков крикнул своим во весь голос: «Мужики, водку привезли!»

Должен напомнить, что шел 1987 год, горбачевская кампания по борьбе за трезвость была в самом разгаре. Спиртное в магазинах было редкостью, на радость старушкам самогонщицам из соседнего немногочисленного села Грибное. Село это как раз находилось между нашей Реттиховкой и Черниговкой. Но сейчас не об этом. После такого известия черниговские хоккеисты и, конечно же, наши быстро снарядили по гонцу от каждой команды, помогли быстренько освободиться от коньков, снабдили деньгами и спортивными сумками и отправили в магазин. Несмотря на скорость, с которой гонцы прибыли к магазину, и доброжелательное отношение мужиков в очереди, пропустивших хоккеистов в полном облачении к прилавку, возникло небольшое затруднение – водку уже разобрали. Зато оставалось несколько ящиков молдавского коньяка «Белый аист», который и был закуплен на все имеющиеся деньги.

После возвращения гонцов и распределения коньяка в соответствии с вложенными ресурсами ожидание продолжилось. Так и осталось неизвестным, кто первый предложил принять «по пять капель на грудь» за успех предстоящей игры. Однако предложение встретило живой отклик. Приняли. Потом приняли за дружбу, потом – за Рабоче крестьянский Военно морской флот, потом – за Черниговку и т.д. В общем, к приезду судьи и сигналу выхода на поле команды были уже «готовы».

Болельщики, сидевшие на трибунах вокруг хоккейной коробки, не сразу поняли, в чем дело, в отличие от судьи, метавшегося по полю в полном изумлении. Очевидцы рассказывали, что игроки в процессе игры были очень вежливы и дружелюбны к соперникам, силовые приемы применялись крайне редко, а упавших на лед противников пытались поднимать, нередко падая рядом. Лица игроков выражали полное удовольствие от игры, самыми суровыми выглядели вратари, которые были в масках. В погоне за шайбой обе команды проявляли хорошую спортивную настойчивость, но кривые, которые выписывали игроки на льду, сталкиваясь по ходу матча между собой, не всегда приводили к нужному результату. Надо сказать, что шайбы

в ворота обоих соперников все таки иногда залетали. При этом автора удачного броска похлопывали по плечу не только соратники по команде, но и бойцы из команды противника. Зрители на трибунах, поняв вскоре, в чем дело, всячески подбадривали своих. Не скажу за черниговцев, но наши мужики (имею в виду офицеров и мичманов) практически всегда имели в кармане фляжку со спиртом, чтобы по возможности сразу отметить очередной успех команды.

В общем, игра прошла очень оживленно и весело. Как мне говорил один из сидевших на трибуне: «В цирке так не смеялся!» Какой был счет – уже не помню. Когда поздно вечером после обхода территории части я зашел в рубку дежурного, помощник доложил мне, что машины из Черниговки прибыли, проехали в автопарк несколько минут назад. Конечно, было интересно, как сыграли наши, но я решил узнать об этом утром, когда кто то из офицеров придет в часть. Тем более что дел ночью у дежурного по части хватает, а еще и поспать хорошо бы, хоть и, как сказано в уставе, «не более четырех часов, не снимая снаряжения и не раздеваясь».

Утром, около 8. 30, с КПП поступил доклад, что в часть прибыл командир. Я встретил его, как положено, у штаба части, доложил об отсутствии происшествий за ночь. «Хорошо», – сказал командир и пошел было к штабу, но мой вопрос «А как сыграли вчера, Виталий Ильич?» заставил его остановиться. Он посмотрел на меня удивленно, потом, видно, понял, что я могу не знать о матче. «Понимаешь, Цмокун, – с расстановкой ответил командир, – Играли две птицы – «Сокол» и «Чайка». Но победил в итоге «Аист». Махнул рукой и прошел в штаб. Минут 20 – до прибытия в часть кого то из офицеров – я раздумывал над загадочными словами командира. Потом мне рассказали. Ну, а я сейчас вот рассказал эту старую историю.

ТАК ВЫ ЖЕ НЕ ЖАЛОВАЛИСЬ

Как получить заветный спирт благодаря адмиральской проверке

Летом 1980 года наш ракетный крейсер «Владивосток» нес боевую службу в зоне Индийского океана. На подходе к Филиппинам попали в жестокий шторм. Смыло за борт плохо закрепленные бочки с различными техническими жидкостями и растительным маслом, многотонными волнами покорежило и погнуло леера и другие металлические конструкции.

Не доставило радости затопление отдельных внутренних помещений.

Наскоро отремонтированные в заводе перед выходом в море холодильные машины и рефрижераторная камера для мясных продуктов тоже вышли из строя. Командир трюмной группы старший лейтенант Миша Рязанцев со своими бойцами, набранными на флот из кишлаков и аулов, героически устранял заводские недоделки, работая в нечеловеческих условиях жары, влажности и тесноты.

Ракетный крейсер «Владивосток». Фото с сайта [www. history. navy. mil](http://www.history.navy.mil)

Остальной экипаж тоже не сидел без дела. Каждое утро после завтрака по кораблю раздавалась команда: «Начать устранение последствий шторма!» Кстати, о завтраке, а также и об остальных приемах пищи в тот веселый период хочется сказать особо. Рефкамера вышла из строя уже через несколько дней после начала похода. В связи с этим мясо во всех его видах несколько дней составляло основную часть меню экипажа. То есть сначала ели отварное мясо три раза в день, потом, по мере появления запаха, мясо стали обжаривать, потом наступила очередь обжаренных кур, потом – обжаренной колбасы. Поскольку дрожжи тоже испортились, а сухих на борту не было, хлеб выпекать перестали. Экипаж дружно перешел на сухари и заспиртованные в пакетах батоны.

Экипажу было объявлено, что рандеву с транспортом снабжения скоро состоится, а пока надо потерпеть. Порог этого терпения у всех был разный. Наиболее слабые желудки не выдерживали, понос начал косить людей, невзирая на возраст и звания. Количество работоспособных членов экипажа стало быстро сокращаться. Из семи вахтенных офицеров нас осталось трое – я, Юра Мишаков и Шура Тупицын. Несли вахты по четыре часа через восемь, а надо было ведь еще заниматься матчастью, матросами, заполнять документацию и поспать между вахтами. Корабельный док Коля Третьяк срочно соорудил три изолятора – для матросов, офицеров и мичманов. Перед входом в кают компанию появился тазик с какой то вонючей жидкостью, куда мы макали руки перед приемом пищи. Мало того – такими же вонючими стали супы, чай и компот. Плюс всепроникающая жара.

Конечно, лейтенантское сообщество принимало и дополнительные меры дезинфекции – начали быстро сокращаться запасы спирта (шила), бережно сэкономленные после регламентных работ на материальной части. Впрочем, шила и не могло хватить надолго, мы получали его не в том количестве. Очень скоро дошла очередь и до водки, закупленной перед началом похода и бережно уложенной на дно шкафов и рундуков. Конечно, никто не пил стаканами, но перед едой или после перехватывали по чуть чуть – для дезинфекции. Помогало не всем...

Потом мы встретились с транспортом снабжения, пополнили запас продуктов, опять начали выпекать свой хлеб. Героическими усилиями дока эпидемия диареи была побеждена, и наши исхудавшие в изоляторе товарищи заняли свои места в графике несения ходовых вахт. Жизнь налаживалась. Правда, в первый день очередного месяца, когда мы, командиры групп и батарей БЧ 2, собрались со своими литровыми бутылками под спирт у каюты капитан лейтенанта Виктора Комиссарова, очень уважаемого командира нашей боевой части, нас ждал неприятный сюрприз. «Шила нет и не будет... пока», – оторвавшись от заполнения каких то формуляров, командир БЧ развернулся от стола в своем вращающемся кресле и с суровой отеческой добротой добавил: «Шило смыло, потерпите! Придем на Сокотру – получите! Свободны!»

Получив ясный ответ, мы разошлись по каютам и уж там то дали волю расстроенным чувствам. Запасами спирта ведал помощник командира, мужик серьезный и ответственный. Ну, понятно – на шторм можно многое списать, но не может быть такого, рассуждали мы, чтобы «помоха» не имел заначки. И у «бычка» (командира БЧ) она тоже наверняка имелась. В общем, на нас, командирах групп и батарей, решили сэкономить. Конечно, было обидно, но решили, что потерпим. Тем более что ходу до якорной стоянки у острова Сокотра оставалось несколько суток, и мы уже мечтали о том, что наконец то, черт возьми, выспимся, а там и все остальное наладится.

Но на следующее утро после ставшей уже привычной команды по трансляции «Начать устранение последствий шторма» мы услышали продолжение: «Офицерскому составу собраться в кают компании». Собрались. Командир объявил, что получена радиограмма – приказано следовать с официальным визитом в Мозамбик, в порт Бейра. Естественно, кроме различных ремонтных работ, экипажу надо будет заняться и покраской корабля. Учитывая, что в Мозамбике в ту пору шла война с Родезией и порт Бейры недавно бомбила родезийский авиация, все было непредсказуемо. После командира выступил замполит. Он сказал, что командование понимает, что люди устали, что которую уже неделю мы на ходу, но дело предстоит государственной важности и офицеры, особенно командиры групп и батарей, должны довести до каждого матроса, что надо «проникнуться, собраться, осознать» и так далее.

Когда через несколько долгих недель на горизонте показались желтые берега Сокотры, мы обрадовались, как дети. Наутро после постановки на якорь на рейде получили наконец команду заняться регламентными работами на

матчасти. Естественно, опять собрались у каюты командира БЧ со своей тарой под спирт. «В общем, так, товарищи офицеры! Спирт пока не подвезли, – сказал командир БЧ. – Ничего, обойдетесь пока. Предлагаю вам для работы на материальной части использовать внутренние резервы! Потом все компенсирую. И главное – только что нас, командиров БЧ, собирал командир корабля. Послезавтра состоится прием крейсера в состав 8 й эскадры. Сначала проверка офицерами штаба по боевым частям, потом – строевой смотр, опрос жалоб и заявлений. Проводить смотр будет командир эскадры контр адмирал Михаил Хронопуло. Срочно всем заняться документацией, формой одежды личного состава, проверить у всех книжки «Боевой номер». И подстригите ваших бойцов, наконец! Свободны». Мы не стали больше задавать лишних вопросов и разошлись по своим подразделениям. Времени было в обрез.

Поясню для тех, кто не понял, почему какая то задержка в выдаче совсем невкусного технического спирта ректификата ГОСТ 18300 так воспринималась нами, лейтенантами, в то время. У всех служба была не сахар. Могли быть неожиданные поломки техники, проблемы с личным составом, нас снимали с вахт за неправильно отданную по трансляции команду, и мы в этот же день заступали снова – могло случиться еще много других неожиданностей. Даже зарплату могли выдать с опозданием. Но одно на корабле было постоянным: в первый день месяца командир боевой части наливал каждому командиру группы и батареи его законные литр полтора для протирки различных контактов, клеммных плат, электроразъемов и прочего. Ну, а мы уже выдавали по мере надобности своим старшинам непосредственно для работ. Наличие своего НЗ (неприкосновенного запаса) этого продукта позволяло периодически скрашивать корабельные будни, устраивать ночные посиделки с друзьями, душевно отмечать дни рождения, очередную звездочку на погонах, уход в отпуск, рассчитаться с работягами в заводе за внеплановый ремонт и т.д.

Поздней ночью, накануне смотра, возникла идея. К нам зашел командир второй зенитной батареи, мой однокашник Юра Мишаков: «Мужики, есть мысль! Завтра на строевом смотре адмирал будет, как положено, проводить опрос жалоб и заявлений офицеров. А если каждый из нас заявит жалобу, что нам второй месяц шило не выдают?» У большинства сослуживцев победил здравый смысл, но мы с Юркой решили, что попробуем. Как говорится, «дальше ТОФа не пошлют, меньше пушки не дадут».

Проверку мы прошли. И вот финал: на юте, на раскаленной от солнца палубе опять построен экипаж для опроса жалоб и заявлений. Отдельно матросы, мичманы и офицеры. Всем, от матроса до командира эскадры, не хочется ни одной лишней секунды стоять на горячем железе, поэтому опрос жалоб и заявлений проходит очень быстро. Адмирал перед строем матросов: «Товарищи матросы, у кого есть жалобы и заявления?» Пять секунд тишины. «Старпом, отпускайте личный состав!» – «Разойдись!» Далее – к строю мичманов. Тот же вопрос. Тишина. «Разойдись!»

У офицерского строя порядок другой. Адмирал останавливается напротив каждого офицера, тот называет свою должность, звание и фамилию и говорит: «Жалоб и заявлений не имею!» Рядом с адмиралом – офицер штаба с журналом в руках, в котором пока нет ни одной записи. БЧ 1 (штурмана) – два офицера, жалоб нет. Теперь наша шеренга, БЧ 2. Очередь до командира 2 й батареи старшего лейтенанта Юры Мишакова доходит быстро. «Имею жалобу – второй месяц не получаю спирт, положенный по нормам обслуживания материальной части!» – докладывает он. Дисциплинарный устав, как известно, запрещает подавать общие жалобы. Каждый – только за себя. Адмирал, конечно, оживился. Наверное, он уже представил, как командирский катер уносит его в прохладный адмиральский салон штабного корабля, а тут... Кивок офицеру с журналом. Тот, конечно, не запомнил ни фамилии, ни сути жалобы. Приходится повторять, штабной записывает. Далее в строю командир третьей батареи, командиры групп. Жалоб нет. Адмирал останавливается передо мной. «Командир 4 й батареи старший лейтенант Цмокун», – представляюсь и слово в слово повторяю текст жалобы. На сей раз повторять два раза не пришлось. Жалоба записана. Далее – минер, связисты, офицеры радиотехнической службы, механики, политработники, группа вертолетчиков. Жалоб и заявлений нет. Все обливаются потом, сверху – солнце, снизу ноги через тонкую кожу подошв тропических тапочек прожигает раскаленная палуба.

Наконец команда адмирала: «Командир, заканчивайте и со мной в вашу каюту!» После команды «Разойдись!» ныряем в спасительный полумрак коридора кормовой аварийной партии, к своим каютам. Идем с Юрой, перед дверью коридора ловим на себе недовольные взгляды остающихся на юте офицеров штаба – они уже собирались спуститься в ошвартованный у борта командирский катер, но без адмирала катер никуда не пойдет.

А мы с Юрой бежим в носовой кубрик, находим матроса секретчика, буквально тащим его в секретную часть и получаем свои «Инструкции по техническому обслуживанию». Юра – своей пусковой установки зенитных ракет, толстенную книгу, ну а я – своих артустановок АК -725, намного тоньше. Быстро возвращаемся в каюту и ставим закладки на страницах инструкций, где есть указания о протирке спиртом различных клемм, контактов и разъемов.

Нашу торопливую работу с инструкциями прервала ожидаемая команда по внутренней трансляции: «Старшим лейтенантам Мишакову и Цмокуну срочно прибыть в каюту командира корабля!» Встаем, закидываем книги в брезентовую сумку для ношения секретных документов, выходим из каюты. Слышим вслед: «Ни пуха ни пера, мужики!» Стучимся в каюту командира, заходим. За столом сидит командир. Сбоку, на диванчике салона, контр адмирал Хронопуло. В уголке на стульчике приткнулся замполит, куда ж без него. Докладываем о прибытии. «На основании каких документов вы требуете выдачу спирта?» – первым задал вопрос командир эскадры. Юра вытаскивает из сумки свою двухкилограммовую «Инструкцию по эксплуатации и техобслуживанию пусковой установки ЗРК «Волна». «Вот,

товарищ адмирал. Там, где закладки – промывка или протирка приборов спиртом», – он протянул книгу командиру эскадры. Адмирал берет книгу, читает несколько строк, закрывает книгу и отдает обратно Юре, после чего вопросительно смотрит на командира. Командир понимает адмирала: «Ну, с вами, Мишаков, понятно. А что у вас, Цмокун?» Достаю «Техническое описание и инструкцию по эксплуатации артустановки АК 725».

Конечно, она гораздо меньше по формату и тоньше, но несколько упоминаний о спирте и в ней есть. Командир мрачно смотрит на адмирала. Тот, наоборот, кажется вполне довольным. Еще бы, разобрались быстро, сейчас командирский катер домчит его в родной адмиральский салон на «Ямале». «Свободны», – адмиральский кивок головой выносит нас с Юрой из каюты. Вроде пронесло.

Вскоре нас вызывает командир БЧ 5. Заходим. Виктор Сергеевич, как всегда, спокоен. Под столом – знакомая канистра. «Ну, давайте тару, что ли, – командир БЧ без лишних слов наливает шило в подставленные бутылки под самый верх. – Свободны!» Выходим в коридор и наблюдаем такую картину: почти все наши командиры групп и батарей боевой части стоят напротив каюты с пустой тарой. За нами из каюты выходит командир БЧ, но, абсолютно не обращая внимания на собравшихся, закрывает дверь. И тут мы, уходя по коридору, слышим такой диалог: «А нам, Виктор Сергеевич?» – «А вы идите на хрен». – «А почему?» – «Так вы ведь не жаловались». И пусть кто-нибудь скажет, что на флоте нет справедливости!

ТАК ВЫ ЖЕ НЕ ЖАЛОВАЛИСЬ

Как получить заветный спирт благодаря адмиральской проверке

Летом 1980 года наш ракетный крейсер «Владивосток» нес боевую службу в зоне Индийского океана. На подходе к Филиппинам попали в жестокий шторм. Смыло за борт плохо закрепленные бочки с различными техническими жидкостями и растительным маслом, многотонными волнами покорежило и погнуло леера и другие металлические конструкции.

Не доставило радости затопление отдельных внутренних помещений.

Наскоро отремонтированные в заводе перед выходом в море холодильные машины и рефрижераторная камера для мясных продуктов тоже вышли из строя. Командир трюмной группы старший лейтенант Миша Рязанцев со своими бойцами, набранными на флот из кишлаков и аулов, героически устранял заводские недоделки, работая в нечеловеческих условиях жары, влажности и тесноты.

Остальной экипаж тоже не сидел без дела. Каждое утро после завтрака по кораблю раздавалась команда: «Начать устранение последствий шторма!» Кстати, о завтраке, а также и об остальных приемах пищи в тот веселый период хочется сказать особо. Рефкамера вышла из строя уже через несколько дней после начала похода. В связи с этим мясо во всех его видах несколько дней составляло основную часть меню экипажа. То есть сначала

ели отварное мясо три раза в день, потом, по мере появления запаха, мясо стали обжаривать, потом наступила очередь обжаренных кур, потом – обжаренной колбасы. Поскольку дрожжи тоже испортились, а сухих на борту не было, хлеб выпекать перестали. Экипаж дружно перешел на сухари и заспиртованные в пакетах батоны.

Экипажу было объявлено, что рандеву с транспортом снабжения скоро состоится, а пока надо потерпеть. Порог этого терпения у всех был разный. Наиболее слабые желудки не выдерживали, понос начал косить людей, невзирая на возраст и звания. Количество работоспособных членов экипажа стало быстро сокращаться. Из семи вахтенных офицеров нас осталось трое – я, Юра Мишаков и Шура Тупицын. Несли вахты по четыре часа через восемь, а надо было ведь еще заниматься матчастью, матросами, заполнять документацию и поспать между вахтами. Корабельный док Коля Третьяк срочно соорудил три изолятора – для матросов, офицеров и мичманов. Перед входом в кают компанию появился тазик с какой то вонючей жидкостью, куда мы макали руки перед приемом пищи. Мало того – такими же вонючими стали супы, чай и компот. Плюс всепроникающая жара.

Конечно, лейтенантское сообщество принимало и дополнительные меры дезинфекции – начали быстро сокращаться запасы спирта (шила), бережно сэкономленные после регламентных работ на материальной части. Впрочем, шила и не могло хватить надолго, мы получали его не в том количестве. Очень скоро дошла очередь и до водки, закупленной перед началом похода и бережно уложенной на дно шкафов и рундуков. Конечно, никто не пил стаканами, но перед едой или после перехватывали по чуть чуть – для дезинфекции. Помогало не всем...

Потом мы встретились с транспортом снабжения, пополнили запас продуктов, опять начали выпекать свой хлеб. Героическими усилиями дока эпидемия диареи была побеждена, и наши исхудавшие в изоляторе товарищи заняли свои места в графике несения ходовых вахт. Жизнь налаживалась. Правда, в первый день очередного месяца, когда мы, командиры групп и батарей БЧ 2, собрались со своими литровыми бутылками под спирт у каюты капитан лейтенанта Виктора Комиссарова, очень уважаемого командира нашей боевой части, нас ждал неприятный сюрприз. «Шила нет и не будет... пока», – оторвавшись от заполнения каких то формуляров, командир БЧ развернулся от стола в своем вращающемся кресле и с суровой отеческой добротой добавил: «Шило смыло, потерпите! Придем на Сокотру – получите! Свободны!»

Получив ясный ответ, мы разошлись по каютам и уж там то дали волю расстроенным чувствам. Запасами спирта ведал помощник командира, мужик серьезный и ответственный. Ну, понятно – на шторм можно многое списать, но не может быть такого, рассуждали мы, чтобы «помоха» не имел заначки. И у «бычка» (командира БЧ) она тоже наверняка имелась. В общем, на нас, командирах групп и батарей, решили сэкономить. Конечно, было обидно, но решили, что потерпим. Тем более что ходу до якорной стоянки у острова

Сокотра оставалось несколько суток, и мы уже мечтали о том, что наконец то, черт возьми, выспимся, а там и все остальное наладится.

Но на следующее утро после ставшей уже привычной команды по трансляции «Начать устранение последствий шторма» мы услышали продолжение: «Офицерскому составу собраться в кают компании».

Собрались. Командир объявил, что получена радиограмма – приказано следовать с официальным визитом в Мозамбик, в порт Бейра. Естественно, кроме различных ремонтных работ, экипажу надо будет заняться и покраской корабля. Учитывая, что в Мозамбике в ту пору шла война с Родезией и порт Бейры недавно бомбила родезийская авиация, все было непредсказуемо.

После командира выступил замполит. Он сказал, что командование понимает, что люди устали, что которую уже неделю мы на ходу, но дело предстоит государственной важности и офицеры, особенно командиры групп и батарей, должны довести до каждого матроса, что надо «проникнуться, собраться, осознать» и так далее.

Когда через несколько долгих недель на горизонте показались желтые берега Сокотры, мы обрадовались, как дети. Наутро после постановки на якорь на рейде получили наконец команду заняться регламентными работами на матчасти. Естественно, опять собрались у каюты командира БЧ со своей тарой под спирт. «В общем, так, товарищи офицеры! Спирт пока не подвезли, – сказал командир БЧ. – Ничего, обойдетесь пока. Предлагаю вам для работы на материальной части использовать внутренние резервы! Потом все компенсирую. И главное – только что нас, командиров БЧ, собирал командир корабля. Послезавтра состоится прием крейсера в состав 8 й эскадры. Сначала проверка офицерами штаба по боевым частям, потом – строевой смотр, опрос жалоб и заявлений. Проводить смотр будет командир эскадры контр адмирал Михаил Хронопуло. Срочно всем заняться документацией, формой одежды личного состава, проверить у всех книжки «Боевой номер». И подстригите ваших бойцов, наконец! Свободны». Мы не стали больше задавать лишних вопросов и разошлись по своим подразделениям. Времени было в обрез.

Поясню для тех, кто не понял, почему какая то задержка в выдаче совсем невкусного технического спирта ректификата ГОСТ 18300 так воспринималась нами, лейтенантами, в то время. У всех служба была не сахар. Могли быть неожиданные поломки техники, проблемы с личным составом, нас снимали с вахт за неправильно отданную по трансляции команду, и мы в этот же день заступали снова – могло случиться еще много других неожиданностей. Даже зарплату могли выдать с опозданием. Но одно на корабле было постоянным: в первый день месяца командир боевой части наливал каждому командиру группы и батареи его законные литр полтора для протирки различных контактов, клеммных плат, электроразъемов и прочего. Ну, а мы уже выдавали по мере надобности своим старшинам непосредственно для работ. Наличие своего НЗ (неприкосновенного запаса) этого продукта позволяло периодически скрашивать корабельные будни, устраивать ночные посиделки с друзьями, душевно отмечать дни рождения,

очередную звездочку на погонах, уход в отпуск, рассчитаться с работягами в заводе за внеплановый ремонт и т.д.

Поздней ночью, накануне смотра, возникла идея. К нам зашел командир второй зенитной батареи, мой однокашник Юра Мишаков: «Мужики, есть мысль! Завтра на строевом смотре адмирал будет, как положено, проводить опрос жалоб и заявлений офицеров. А если каждый из нас заявит жалобу, что нам второй месяц шило не выдают?» У большинства сослуживцев победил здравый смысл, но мы с Юркой решили, что попробуем. Как говорится, «дальше ТОФа не пошлют, меньше пушки не дадут».

Проверку мы прошли. И вот финал: на юте, на раскаленной от солнца палубе опять построен экипаж для опроса жалоб и заявлений. Отдельно матросы, мичманы и офицеры. Всем, от матроса до командира эскадры, не хочется ни одной лишней секунды стоять на горячем железе, поэтому опрос жалоб и заявлений проходит очень быстро. Адмирал перед строем матросов:

«Товарищи матросы, у кого есть жалобы и заявления?» Пять секунд тишины. «Старпом, отпускайте личный состав!» – «Разойдись!» Далее – к строю мичманов. Тот же вопрос. Тишина. «Разойдись!»

У офицерского строя порядок другой. Адмирал останавливается напротив каждого офицера, тот называет свою должность, звание и фамилию и говорит: «Жалоб и заявлений не имею!» Рядом с адмиралом – офицер штаба с журналом в руках, в котором пока нет ни одной записи. БЧ 1 (штурмана) – два офицера, жалоб нет. Теперь наша шеренга, БЧ 2. Очередь до командира 2 й батареи старшего лейтенанта Юры Мишакова доходит быстро. «Имею жалобу – второй месяц не получаю спирт, положенный по нормам обслуживания материальной части!» – докладывает он. Дисциплинарный устав, как известно, запрещает подавать общие жалобы. Каждый – только за себя. Адмирал, конечно, оживился. Наверное, он уже представил, как командирский катер уносит его в прохладный адмиральский салон штабного корабля, а тут... Кивок офицеру с журналом. Тот, конечно, не запомнил ни фамилии, ни сути жалобы. Приходится повторять, штабной записывает. Далее в строю командир третьей батареи, командиры групп. Жалоб нет. Адмирал останавливается передо мной. «Командир 4 й батареи старший лейтенант Цмокун», – представляюсь и слово в слово повторяю текст жалобы. На сей раз повторять два раза не пришлось. Жалоба записана. Далее – минер, связисты, офицеры радиотехнической службы, механики, политработники, группа вертолетчиков. Жалоб и заявлений нет. Все обливаются потом, сверху – солнце, снизу ноги через тонкую кожу подошв тропических тапочек прожигает раскаленная палуба.

Наконец команда адмирала: «Командир, заканчивайте и со мной в вашу каюту!» После команды «Разойдись!» ныряем в спасительный полумрак коридора кормовой аварийной партии, к своим каютам. Идем с Юрой, перед дверью коридора ловим на себе недовольные взгляды остающихся на юте офицеров штаба – они уже собирались спуститься в ошвартованный у борта командирский катер, но без адмирала катер никуда не пойдет.

А мы с Юрой бежим в носовой кубрик, находим матроса секретчика, буквально тащим его в секретную часть и получаем свои «Инструкции по техническому обслуживанию». Юра – своей пусковой установки зенитных ракет, толстенную книгу, ну а я – своих артустановок АК -725, намного тоньше. Быстро возвращаемся в каюту и ставим закладки на страницах инструкций, где есть указания о протирке спиртом различных клемм, контактов и разъемов.

Нашу торопливую работу с инструкциями прервала ожидаемая команда по внутренней трансляции: «Старшим лейтенантам Мишакову и Цмокуну срочно прибыть в каюту командира корабля!» Встаем, закидываем книги в брезентовую сумку для ношения секретных документов, выходим из каюты. Слышим вслед: «Ни пуха ни пера, мужики!» Стучимся в каюту командира, заходим. За столом сидит командир. Сбоку, на диванчике салона, контр адмирал Хронополо. В уголке на стульчике приткнулся замполит, куда ж без него. Докладываем о прибытии. «На основании каких документов вы требуете выдачу спирта?» – первым задал вопрос командир эскадры. Юра вытаскивает из сумки свою двухкилограммовую «Инструкцию по эксплуатации и техобслуживанию пусковой установки ЗРК «Волна». «Вот, товарищ адмирал. Там, где закладки – промывка или протирка приборов спиртом», – он протянул книгу командиру эскадры. Адмирал берет книгу, читает несколько строк, закрывает книгу и отдает обратно Юре, после чего вопросительно смотрит на командира. Командир понимает адмирала: «Ну, с вами, Мишаков, понятно. А что у вас, Цмокун?» Достаю «Техническое описание и инструкцию по эксплуатации артустановки АК 725».

Конечно, она гораздо меньше по формату и тоньше, но несколько упоминаний о спирте и в ней есть. Командир мрачно смотрит на адмирала. Тот, наоборот, кажется вполне довольным. Еще бы, разобрались быстро, сейчас командирский катер домчит его в родной адмиральский салон на «Ямале». «Свободны», – адмиральский кивок головой выносит нас с Юрой из каюты. Вроде пронесло.

Вскоре нас вызывает командир БЧ 5. Заходим. Виктор Сергеевич, как всегда, спокоен. Под столом – знакомая канистра. «Ну, давайте тару, что ли, – командир БЧ без лишних слов наливает шило в подставленные бутылки под самый верх. – Свободны!» Выходим в коридор и наблюдаем такую картину: почти все наши командиры групп и батарей боевой части стоят напротив каюты с пустой тарой. За нами из каюты выходит командир БЧ, но, абсолютно не обращая внимания на собравшихся, закрывает дверь. И тут мы, уходя по коридору, слышим такой диалог: «А нам, Виктор Сергеевич?» – «А вы идите на хрен». – «А почему?» – «Так вы ведь не жаловались». И пусть кто-нибудь скажет, что на флоте нет справедливости!

Цмокун Владимир Муневич

Капитан 3 ранга запаса. Закончил КВВМУ в 1977 году. Попал на РКР Владивосток, полгода служил инженером БЧ-2, потом комбатом батареи МЗА на АК-725. С 1983 года командир БЧ -2 на ЭМ 56-го проекта

«Вызывающий». В 1984 году по состоянию здоровья списан с плавсостава и назначен начальником лаборатории цеха подготовки крылатых ракет на ТРБ под пос. Реттиховка. С 1985 по 1988 годы – помощник командира базы по МТО. С 1988 года – офицер отдела тыла острова Русский. С 1994 года – офицер по кадрам управления гарнизона острова Русский.

Вадим Кулинченко

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫХОД

Рассказ, основанный на реальных событиях. Всё в нём подлинно, кроме имён действующих лиц. Их имена заменены, чтобы не тревожить их, ушедших в мир иной, но многие ещё живы и помнят эти события.

Подводные атомоходы проекта 675, предшественников проекта 949 шифр «Гранит», флотские остряки называли «раскладушками» из-за конструкции ракетных контейнеров. Они отличались большой шумностью и вероятный противник их, тоже шутя, называл «ревущими коровами».

Один из таких атомоходов, ПЛАРК 675 проекта, выполнив весной-летом 1967 года нелёгкие задачи боевой службы в Средиземном море, возвратился домой на Северный флот. Это была первая боевая служба атомоходов в СРМ, так называют моряки Средиземноморский морской театр, совпавшая с Египетско – израильской войной 1967 года. Присутствие советского атомохода в море сыграло положительную роль в разрешении военного конфликта. Пробыв в море более девяносто суток, подводники заслуживали похвалы, но этого сделано не было. Недаром на флоте бытует поговорка – Не наказали – значит поощрили! Хорошо, что дали передохнуть.

Отдохнув в доме отдыха города Зеленогорск Ленинградской области, члены экипажа разъехались по отпускам. В начале сентября экипаж, полностью закончив отпуска, принял свою подводную лодку от второго экипажа. Вторые экипажи, это подтвердит любой подводник, не очень уделяют внимание «железу». Одним словом, нашему экипажу скучать не приходилось, он приступил к трудной службе на берегу. Нужно было приводить корабль в порядок, подтверждать задачи и становиться в строй.

Служба для подводника на берегу подчас труднее службы в море. Там командир начальник, а на берегу над командиром десятки начальников-чиновников, руководствующихся одним принципом – Люблю море с берега, а моряков в ресторане! Порой машину приходится выбивать за литр «шила» или банку таранки, чтобы доставить автономный паёк со склада на борт. Бывалые подводники поймут, что это не преувеличения...

В октябре 1967 года подводная лодка, выполнив все курсовые задачи, вступила в строй. За это время подводники успели пережить трагедию подводной лодки «К-3», на которой от пожара в первом отсеке погибло 39 человек и в их числе капитан 3 ранга Лев Каморкин, близкий товарищ и сокурсник помощника командира ПЛАРК Владислава Кулика. Своими действиями Лев фактически спас корабль от гибели.

Но долго переживать не пришлось, был получен приказ готовить корабль к новой боевой службе. Командир ПЛАРК капитан 1 ранга Владимир Швец, собрав офицеров корабля, поставил задачи и окончил свою речь – За работу, товарищи! «А Вас попрошу зайти ко мне», — сказал он помощнику Владиславу Кулику.

В кабинете командира у них состоялся разговор, смысл которого сводился к тому, что старпом капитан 2 ранга Борис Костин, так принципиально и не сдавший на самостоятельное управление лодкой проекта 675, наконец-то добился своего перевода в Москву, но до получения приказа будет исполнять обязанности. «Но Вы сами понимаете, - говорил Швец, - фактически Вам придётся это время исполнять обязанности и старпома. Вы знаете, что я Вам доверяю, не подведете меня и корабль!».

Владислав Кулик почувствовал, какая ответственность ложится на него. Он дружил с Костиным, знал его стремление перебраться в Москву, он был родом оттуда, но не предполагал, что так сложится обстановка. Знал он и своего командира Владимира Швеца, опытного командира с большим стажем, добрейшего человека, про которого даже говорили – В первую

очередь Швец хороший человек, а потом уже командир, а на флоте нет должности «хороший человек», а есть должность – командир. Швец, при всех его достоинствах был человеком с ленцой, поэтому рассчитывать на его помощь в подготовке к боевой службе особо не приходилось. Но делать нечего, пришлось согласиться. Тем более, Кулик рассчитывал остаться на этой лодке старпомом, с экипажем которой он сроднился с новостройки. Его уже не раз приглашали старпомом другие командиры, но всех их останавливал Швец словами – Не для других растили! У него была ещё одна слабость – держать хороших офицеров в экипаже, даже если их просили на повышение.

Началась подготовка к боевой службе. В экипаже не без оснований шутили – Опять пойдём в края родные! Походы на боевую службу атомоходов Северного флота в СРМ стали регулярными, и 6-й Флот США в лице 5 ОПЭСК ВМФ получил достойного противника.

Подготовка проходила в утомительном ритме, многое приходилось в буквальном смысле «выбивать». Но у экипажа был уже опыт и дела шли. К концу сентября всё было готово к выходу на боевую службу («БС»), кроме загрузки боезапаса. Предстоял десятидневный контрольный выход в море, на котором должны были пройти проверку все механизмы подводной лодки, да и для людей это было не лишне – передохнуть от базовой нервоотрёпки. Моряка всегда ласкает присказка – В море дома, на берегу – гостях!

На контрольный выход обычно выходили флагманские специалисты дивизии, а то и флотилии. А тут экипажу «повезло». Было приказано взять на борт группу специалистов Академии наук из четырёх человек, из них одна женщина, а, как известно, женщина на борту боевого корабля... Группа занималась замерами гравитационного поля Земли в подводном положении. Все сопротивления командира лодки и командования дивизии были пресечены в корне, приказ исходил сверху. На борт была загружена соответствующая аппаратура, взяты на довольствие члены группы с приказанием при плавании выполнять их требования, и лодка поплыла...

Контрольный выход в Баренцево море, это переход из полигона в полигон, работа в полигоне несколько дней, если он большой, и так далее. В начале ноября контрольный выход ПЛАРК приближался к концу, экипаж готовился встретить праздник седьмого ноября на берегу, а там загрузка боезапаса и..., полный вперед на боевую службу! За время контрольного выхода серьезных недостатков обнаружено не было, все были в хорошем расположении духа. Так было и в тот момент.

Время приближалось к ужину. В кают-компанин накрывали стол, бочковые разносили ужин по отсекам. В центральном посту это был четвертый отсек, вахтенным офицером стоял опытный командир ракетной части капитан 2 ранга Эдуард Савченко, в отсеке кроме вахтенного механика находились ещё сам «дед» с двумя помощниками флагманских. Командир Швец вызвал Кулика в центральный и попросил подменить его на командирской вахте, Владислав уже имел допуск к самостоятельному управлению кораблём, чтобы побриться перед ужином. – Как-то неудобно,

ведь, в кают-компании будет женщина, - с улыбкой сказал он и направился в свою каюту во второй отсек.

Лодка шла на глубине 80 метров со скоростью 14 узлов. Вахтенный офицер доложил обстановку Кулику и сказал, что «наука» просит всплыть на глубину 60 метров и уменьшить скорость до 12 узлов. Маневр несложный, и Кулик дав «добро» на его выполнение, стал разговаривать с баталером, который высунувшись по грудь из трюмного люка, спрашивал его какие консервы выдавать на ужин. Весь продовольственный запас на автономку был уже на борту.

И этот момент, этого не ожидал ни кто, ведь только был доклад акустиков – Горизонт чист! Лодка как бы встала на дыбы! Нос подбросило, всё, что было не закреплено, покатило в корму, а мичман, стоящий на трапе перед Куликом, куда-то исчез – будто провалился.

Три механика, будто сговорившись, без команды бросились на клапана быстрого продувания балласта... Лодка в это время, сбавив скорость, всплывала на глубину 60 метров, а Кулик пытался дать команду на телеграфы - Обе турбины полный ход! - чтобы увеличить плавучесть лодки. Все сразу подумали о пробое... Но команда не дошла до боцмана, он не успел передвинуть указатели телеграфа, как все почувствовали, что лодка закачалась на волнах...

Поднять перископ! – скомандовал Кулик. Перископ пошёл вверх и на середине встал. Приказав опустить его, Кулик повторно подал команду на подъём. В это время в отсеке появился Швец. Он был в финском шерстяном белье, выдавали такое, и с канадкой под мышкой. Первыми были его слова – Мина! Сбили перископ! На что Кулик ему ответил – Если бы мина, нас давно бы не было. А перископ был в шахте. В это время перископ поднялся до конца, а командир, отстранив Кулика от него, приказал ему отдраить верхне рубочный люк, а сам прильнул к окуляру перископа. Поднимаясь по трапу к люку, Кулик услышал его слова – Подводная лодка справа тридцать!

Люк не поддавался, в суматохе забыли сравнить давление с атмосферным, пришлось воспользоваться свинцовой кувалдой. Крышка люка откинулась, и Кулик вместе со Швецом выскочили на мостик.

- Там! – показывал Швец рукой. Но было темно, шёл дождь, и за его пеленой ничего не было видно, только волны спокойно перекатывались через корпус субмарины, которая уверенно держалась на поверхности, продолжая ход вперёд.

Извинившись перед «наукой» за непредвиденные обстоятельства, экипаж принялся разбираться в этом форс мажоре.

Командир, посоветовавшись с Куликом, чтобы не поднимать тревогу по флоту, решили дать сигнал по таблице коротких сигналов – «Имею контакт с иностранной подводной лодкой». После этого, Швец, вызвав шифровальщика на мостик, стал диктовать ему содержание шифровки о столкновении с подводной лодкой в подводном положении, а Кулика отправил осмотреть всю лодку и поговорить с личным составом.

Кулик начал с опроса акустиков. Те сами были в недоумении – горизонт был чист, никаких признаков цели и, вдруг, удар и вспышка во весь экран, что определить направление, откуда пришла беда, не представлялось возможным.

Начав обход с первого отсека, Кулик попал в обстановку истерически-гомерического хохота личного состава отсека. Все, хохоча, указывали на бочкового матроса, который обвешанный с головы до ног содержимым борща, всё ещё не мог прийти в себя. В момент удара он разливал борщ по мискам, и... всё содержимое бочка выплеснулось на него. Что удар был в районе первого отсека, подтвердили все последующие осмотры, а пока сработал психологический фактор и опросы личного состава кормовых отсеков, где утверждали, что удар был в районе кормы, ведь лодка получила большой дифферент на корму. Но турбины работали исправно, винты крутились в обычном режиме.

После передачи шифровки, через считанные минуты была получена квитанция на переданное радио, а через короткое время пришёл приказ – прекратить все работы и немедленно кратчайшим путём следовать в базу! И даже уже было указано место швартовки. Командиру так же предписывалось сообщить все сведения о столкновении командиру КПУГ (корабельно поисковая ударная группа), направленной в район столкновения.

Все стали приходить в себя от пережитого шока, стали раздаваться даже шутки. Кулик задал вопрос Швецу – Владимир Павлович, а за чем Вы схватили канадку? – На всякий случай, - с улыбкой ответил командир. Но все по серьёзному стали готовиться к разбору происшествия, случай-то был не рядовой для флота.

По пути в базу повстречались с тремя кораблями КПУГ, которые, приблизившись на голосовую связь, запросили дополнительные сведения о столкновении, на что Швец ответил – К тому, что уже сообщил, ничего добавить не имею. Следую в базу, а Вам желаю удачи!

Была глубокая ночь, но в базе прямо на плавпирсе стояла внушительная группа офицеров во главе с первым заместителем Командующего флотом. У пирса никого не было кроме водолазного катера.

Лодка ошвартовалась, и командир доложил адмиралу обстановку. Владислава Кулика, механика Анатолия Масленного и некоторых других офицеров сразу взяли в объятия, и повели на плавбазу. Остальным офицерам после приведения своих заведений в порядок было приказано прибыть туда же.

Разговор был долгий и кончился докладом водолазов, что повреждения корпуса не обнаружено. Была ночь, поэтому все разбирательства были отложены на предстоящий день.

А днём водолазы обнаружили в носовом обтекателе ГАК (гидроакустический комплекс) «Керчь» пробоину размером три на четыре метра. Все разговоры о боевой службе отпали сами собой. ПЛАРК стали готовить в док...

Вот такой неординарный случай произошёл с одной из ПЛАРК в 1967 году в Баренцевом море на контрольном выходе. Это было не первое и не последнее столкновение под водой. Шла «холодная война» и слежение друг за другом не исключало подобных случаев.

До трагедии АПЛ «Курск» было ещё 33 года, а до этого только известных столкновений под водой набралось более двух десятков...

А Вы говорите о романтике подводной службы – она не только романтична, но порой и трагична!

Кулинченко Вадим Тимофеевич

Родился 23 декабря 1936 года в городе Острогожск Воронежской области. Отслужил в Вооружённых Силы 32 календарных лет. Капитан 1 ранга в отставке. Служа на подводных лодках, совершил шесть выходов на боевую службу. Одна из них была в 1967 г. в Средиземное море, где АПЛ «К-131» участвовала в арабо – израильской войне в июне 1967г., за что В. Т. Кулинченко имеет статус «Ветеран боевых действий». Проходя службу на ВЗПУ ГК ВМФ, одного из основных подразделений ЦКП ВМФ, совершил много учебных вылетов на флоты. Одновременно нёс оперативную службу на основном Командном пункте ВМФ в должности старшего помощника ОД ВМФ.

<https://www.litres.ru/vadim-kulinchenko/ob-avtore/>

«МОРСКИЕ ДОСУГИ» №5

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Составитель Каланов Н.А.

© Каланов Н.А.

© На обложке фото Сергея Балакина

ISBN: 978-5-6042237-9-6

Москва
ООО «Горизонт»
2019

Вячеслав Прытков

ПОДАРОК ГОСУДАРЯ

«Море оперного цвета
Шелковало вдалеке.
Роза жаждала рассвета
Чтоб увясть в твоей руке.

Море было так небесно,
Небо – морево. Суда
В отдаленьи неизвестно
Шли откуда и куда.»

«Полдень первого дня.»
И. Северянин (Далматинский цикл)

Земли Сербии, Хорватии и Словении. Многокилометровая полоса берега Адриатического моря от Котора (Бока Которска) до Сушака с Фиуме. На ней лежат старые славянские города – Котор, Дубровник с пригородом Груж и длинной синей бухтой Омбла, Макарска, Сплит, Шибеник и др. Берега эти тесно связаны с Россией. Дубровник (древняя Рагуза) знавал загадочную княжну Тараканову, графа Орлова, адмирала Сенявина, Которской бухте известны имена Войновича и Змаевича, служивших России. Прославились ещё эти земли благодаря имени внука И. Айвазовского – художника – мариниста Алексея Васильевича Гензена (1876 – 1937).

С балкона виллы «Олимпия», которую А. Гензен приобрёл в 1922 году после эмиграции из России, открывался великолепный вид на расстилавшийся вдали залив Груж. Кто знает, возможно, своё название последнее пристанище художника – эмигранта получило в честь имени его жены – Олимпиады Васильевны (Мурузи) – вдовы, вышедшей замуж во второй раз и имевшей уже двух сыновей – Константина и Владимира от первого брака.

Открывавшаяся на море и острова панорама издревле потрясала селившихся здесь жителей, а обилие солнца, воды из местных источников позволяли выращивать виноград, оливки, апельсины, инжир и другие фрукты.

Алексей Васильевич в послеобеденные часы обычно выходил на балкон, где набрасывал свои эскизы, либо подолгу вглядывался в голубые дали расстилавшейся бухты Омбла, вспоминая минувшее.

На память пришли, ставшие уже далёкими события прощания с Одессой, когда он вместе с женой, совершенно не имея средств, покидал родину на английском корабле и чтобы как – то заработать кое – какие деньги, продавал английским морякам свои рисунки, исполненные на палубе прямо у них на глазах.

Оказавшись на благодатной земле Далмации, под Дубровником, он много писал, его картины получили признание и успешно продавались даже королевским домам Югославии, Румынии и Италии. Главную улицу Дубровника – Страдуну украшали его марины.

Внезапно раздумья художника прервал звонкий мальчишеский голос: «Дедушка, а дедушка! О чём ты так задумался?» - воскликнул подбежавший внук Миша – сын Константина и Варвары Мурузи.

«А, это ты, Мишенька. Да вот вспомнил, как я приехал сюда когда – то.»
«Слушай, дедушка! Расскажи мне что –нибудь интересное, я знаю, ты однажды выходил в море на большом русском корабле», - попросил внук.

«Хорошо, Мишенька. Я это запомнил на всю жизнь. Дело было ещё в России. Нарисованные мною картины многих военных кораблей нравились морякам, и меня пригласили совершить поход на новом крейсере «Адмирал Макаров», названный в честь погибшего на войне знаменитого человека. Крейсер назначили охранять самого русского Государя Императора во время его плавания на собственной яхте «Штандарт» в Германию, Францию и Англию. Вышли мы из Кронштадта, с нами – ещё один крейсер «Рюрик» и два миноносца «Эмир Бухарский» и «Москвитянин». Везде нас торжественно встречали и провожали корабли тех стран, куда мы заходили, а в честь визитов устраивали фейерверки и салюты.

Особенно запомнилось посещение Англии, где участвовал почти весь английский флот – 400 кораблей! Наш Государь повидался с английским королём на его яхте «Виктория и Альберт». Поход длился чуть больше двух недель, а когда мы вернулись домой, Государь побывал на крейсере «Адмирал Макаров» и поблагодарил всех моряков за службу.

Во время плавания я много рисовал и решил подарить одну картину самому Государю, называлась она «Яхта -Штандарт», но и я получил от него подарок – красивую булавку с изображением герба России, украшенную бриллиантами.»

«Как здорово, дедушка! Ты молодец!» - обрадованно произнёс Миша.

.....
Тот 1909 год стал особенным для Алексея Васильевича Ганзена, помимо совершённого плавания ему предложили должность художника при Морском министерстве России. Он продолжал рисовать корабли и море. В 1916 году вышел целый альбом его картин «Российский императорский флот», со временем ставший настоящей редкостью среди художественных изданий. А. Ганзен оставил после себя свыше 3000 полотен, но большинство из них осели в частных коллекциях, а среди известных - «Линейный корабль Царевич и эсминец типа Всадник», «Залп линкора Гангут», «Эсминцы Финн и Новик», «Бой св. Евгении с Гебенем» и многие другие.

ЖАЛЬ, ЧТО РОДИНА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ НЕ ОЦЕНИЛА И НЕ РАСКРЫЛА ТАЛАНТ ХУДОЖНИКА – МАРИНИСТА, ВНУКА ВЕЛИКОГО И. АЙВАЗОВСКОГО.

Примечание: А. В. Ганзен был сыном третьей дочери И. Айвазовского – Марии Ивановны и Вильгельма (Василия) Львовича Ганзена.

Прытков Вячеслав Юрьевич

Родился 9 ноября 1950 года в Литве, в городе Мариямполье, в семье военнослужащего. После окончания Каунасской средней школы, учился на вечернем отделении Каунасского политехнического института. В 1969 – 1972 годах служил на Краснознаменном Черноморском Флоте. Закончил машиностроительный факультет института в 1977 году.

Литературным творчеством начал заниматься ещё в юности. В 80 – е годы сотрудничал с рядом республиканских газет, российских журналов "Номинант премии "Наследие - 2017". Произведения включены в 2 том "Антологии русской прозы - 2018. "Медаль А.С. Пушкина. Номинант премии "Наследие- 2019" Произведения одобрены для включения в "Антологию русской прозы – 2019. <https://www.proza.ru/avtor/bark1>

Иван Муравьев

НУЛЕВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СИНДБАДА

Все вы, я думаю, слышали о купце Синдбаде аль-Багдади, известном ещё как Ал-М'лах, Мореход и о его поистине удивительных странствиях среди дальних морей и земель. Те из вас, кто держат незакопчённой лампу своей памяти, помнят даже, как закончились его путешествия.

После долгого пути он вернулся в свой родной город, где его уже не надеялись увидеть живым. Жена и приятели Синдбада подсчитали, сколько всего лет он не был дома, и оказалось - двадцать семь лет.

- Довольно тебе ездить по чужим странам,- сказала ему жена.- Оставайся с нами и не уезжай больше.

Все так уговаривали Синдбада, что он, наконец, согласился и дал клятву больше не путешествовать. Тогда он думал, что этим всё и закончилось. Но мы-то с вами знаем, что человек предполагает, а Аллах – располагает, и оттого Он, милостивый и милосердный, заповедал нам не клясться попусту.

На радостях Синдбад закатил пир для домочадцев и друзей. Поутру его слуги обошли все базары славного Багдада в поисках всего самого лучшего, самого свежего и вкусного для праздничного дастархана. И в зимней кухне, и в летней, и в большом тандыре в саду жарилось, варилось, пеклось и румянилось всё, что только можно себе представить. Когда пришло время мешать плов, от казана пошёл такой вкусный дух, что все мужчины в округе закатили глаза и прищёлкнули языками. Когда же кандалатчи стали перекладывать на блюда свежую халву, настала очередь закатывать глаза женщинам и детям.

Гостей, друзей и родственников пришло так много, что все не поместились бы в доме, и дастархан разложили в саду. Во главе его сидел Синдбад, уже больше не Синдбад-Мореход, а Синдбад-Домосед. В кои-то веки сидел он на мягких подушках, а не на жёстких досках палубы. Он пил чёрный горький каф, а больше того – мёд улыбок и дружеских речей. Он смаковал пряный фесенджан, а больше того – дух застолья и вид знакомых лиц. И, как хозяин дома, он следил, чтобы гостей обносили блюдами, вежливо, по старшинству, сам по долгу хозяина пробуя первый кусочек.

Спустился стремительный весенний вечер, в померкшем саду под зелёным небом слуги зажгли лампы и светильники. Застолье тоже стало размеренным, гости насытились и теперь пили напиток «шай» из далёкой Индии, слушая мудрые речи местного кади Сейфала, почётного гостя на пиру. Разговор зашёл о том, как коротка в великом городе весна, пора цветов и радость влюблённых, и как скоро настанет иссушающее и опаляющее лето. Ведь как только Солнце в своём пути по небу приблизится к точке сэнт ар-ра'с, зенит, тут и настанет время зноя.

- Но благословен Рахманом наш город, и народ наш! – вещал кади, - ибо далее к югу, в землях чернокожих и свирепых зинджей, солнце и вовсе не уходит из зенита, даже зимой. Там оно питает своим жаром вход в Джаханнам, мучилище проклятых, который находится на краю земного диска. От близости страшного того места черны тела и помыслы проживающих там людей. Ни один корабль не может приблизиться к тем берегам и остаться целым, потому что морские воды низвергаются с края земли чудовищным водопадом...

- Дозволь поправить тебя, о мудрейший! – вежливо обратился к кади Синдбад – Что до края земли, я ни разу не достигал его, но уверяю, что он не лежит в странах зинджи, иначе бы я о нём знал. А я прошёл вдоль берега почти все земли чернокожих.

- Значит, ты прошёл недалеко, о Синдбад! – отвечал Сейфал – ибо вероучители свидетельствуют об этом!

- Покорно прошу извинить меня за дерзость – отвечал Синдбад, но покорства не было в его словах – только я проплыл на юг до дальнего острова Зан-Зиббар, а потом, запасшись припасами и водой, отправился дальше. Я тоже искал края земли, и я не нашёл его. Но скажу вам, я заплыл далеко, ибо с тех мест на небе видны совсем другие звёзды, а солнце в полдень уходит не к югу, а к северу. Это так же верно, как то, что я здесь сижу.

- Ты лжёшь, несчастный! – вскричал кади – или разум твой помутился от тягостей пути! Солнце не может уходить к северу, ибо Рахман в неизъяснимой мудрости своей разделил небо незримой чертой на две части и повелел Солнцу оставаться в южной.

- Что же мне теперь, не верить своим глазам? – спросил его Синдбад – посмотри сам: вот здесь сидят мои друзья, и мои родные, и товарищи мои, купцы. Все знают, что я всегда был честен и не обманывал даже в мелочах, и в торговле, и в других делах. Если вы мне не верите, я берусь доказать мои слова! Завтра же распорядюсь заложить корабль... – и тут он осёкся и закусил бороду свою зубами, поняв, что уже собирался презреть свой обет. И тогда Синдбад велел слугам позвать с улицы десять нищих, просящих подаяние, и накормить их тем, что было на пиру, ибо так должен поступать всякий правоверный, нарушивший клятву или задумавший нарушение. А про свои путешествия в тот вечер он больше не произнёс ни слова.

С той поры Синдбад стал жить в благословенном Багдаде, занимаясь делами торговыми. Он пользовался уважением среди купцов, и часто к нему в лавку приходили, чтобы разрешить спор, определить подлинность редкой вещи, или просто послушать его рассказы о дальних странствиях. Часто бывало, что до позднего вечера у Синдбада горела лампа, а слуга то и дело забегал внутрь, неся халву и «шай». Купцы, и дети купцов, и дети самого Синдбада сидели вдоль стен, повесив уши на гвоздь внимания, а он рассказывал. Он говорил о равнинах, где земля ярко-красная, а трава голубая. Он говорил об островах, где бродят птицы ростом с верблюда, о диких лесах, где кошки плачут человеческими голосами, об озёрах с розовыми берегами и водой, растворяющей плоть. Рассказывал об умных птицах, одну из которых он научил возносить хвалу Милосердному. Только о море он не говорил никогда, потому что для рассказа о море у него не было слов. И бывало, после таких разговоров слуга кормил в опустевшей лавке очередной десяток нищих.

Не пожив и года в великом городе, средоточии всех благ земли, Синдбад собрался переезжать. Лавку свою он оставил на надёжного управляющего, а дом с садом продал. Когда он позвал прощаться своих друзей, те спросили, почему он уезжает так поспешно.

- Я не могу заснуть ночью и не могу спать утром – сказал он – Друзья мои, я не могу жить в Багдаде.

Когда же друзья осведомились о причине такой бессонницы, Синдбад со вздохом ответил:

- Это всё чайки. Они прилетают с Тигра и с Диялы, от их криков я не могу заснуть.

И, так решив, Синдбад-купец и Синдбад-домосед переселился в Тадмор, так далеко от моря, как только может быть. Там не было чаек, и ветер никогда не пах солью, а только песком и жаром. Там воду можно было увидеть только в фонтанах, да ещё в колодцах глубоко под землёй. Жители тех мест никогда не видели корабля, а покажи им – дивились бы, не зная, что это такое. Там зажил Синдбад-купец новой жизнью. Караваны его отправлялись в пустыни и горы от Нила до страны армян и от столицы неверных до благословенного Багдада, привозя дамасские клинки, и белый гладкий папирус для письма, и шёлковые одежды, и книги, написанные мудрецами. Сыновья его, щедро одарённые Всевышним, ходили в мактаб, а те, что постарше – в медресе, и никто из новых соседей не спрашивал его о море. Любой другой возносил бы хвалу Аллаху днём и ночью, вот только Синдбад не радовался жизни. Даже в Тадморе он не отказался от кое-каих привычек, что напоминали о милом его сердцу Багдаде. Как-то на досуге он обустроил на веранде у своей лавки «шайхану» и посадил при ней толкового чайханщика. Там всегда можно было насладиться утоляющим жажду напитком, или заказать «каф» на песке, по-йеменски, чёрный как ночь и горький как судьба, а также всяческие сладости и закуски. Там начали собираться по вечерам отдохнуть от трудов праведных местные купцы, ювелиры, лекари и звездочёты, и всех привечал Синдбад. Туда же стал наведываться багдадский врач Мухаммад Ар-Рази, приехавший в Тадмор, чтобы написать трактат о проказе и оспе. Однажды, когда все посетители разошлись и остался один Синдбад, Ар-Рази с поклоном обратился к нему.

- О, достойный и радушный хозяин, да ниспошлёт Аллах милости свои на тебя и твой дом, дозвожь мне рассказать тебе кое-что. Ты знаешь, что я – лекарь, а вступая в звание лекаря, мы даём клятву не оставлять без помощи тех, кто в ней нуждается, пусть даже сами они не знают о своей болезни.

И, получив разрешение, обратился к нему с такой речью:

- Я вижу в тебе, о достопочтенный Синдбад, некий давний недуг, причём имеющий своим началом не тело, а душу. Как говорил в своём трактате «о жизненных соках» учитель учителей Гиппократ, в теле есть четыре жидкости, чья циркуляция и равновесие даёт нам здоровье. Кожа здорового человека чиста, глаза ясны, движения соразмерные и осанка прямая. В тебе же, о Синдбад, я вижу темноту кожи, в особенности вокруг глаз, осторожность и замедленность движений, лёгкую, но заметную глазу лекаря согбенность стана. Всё это, как учит Гиппократ, указывает на накопление и застой тёмной желчи. Прости меня за дерзость, о Синдбад, но тебя что-то гнетёт.

Ничего не ответил Синдбад, но и не остановил говорящего. Ар-Рази, ободрившись, продолжил.

- Сначала я предположил, прости мне эти слова, что ты сохнешь по некой черноокой красавице. Но тогда в тебе происходили бы также, чаще или реже, разлития светлой желчи, делая движения и слова резкими и сподвигая на безрассудства. Ничего подобного я в тебе не видел. Значит, не человек тому причиной, и не по человеку ты тоскуешь. Быть может, тебе снятся какие-то

дальние края, в которых познал ты счастье и куда не можешь вернуться. Вот то, что я хотел тебе сказать.

И тогда, поражённый мудростью врача, узревшего так многое глубоко в чужой душе, Синдбад рассказал о своей печали. Ар-Рази попросил у него времени до утра, сказав, что волею Милостивого может вернуться с лекарством. Всю ночь он читал древние свитки Гиппократы, и Галена, и Ааруна, и Масерджея Аль-Джуди, и других учёных мужей, не пренебрегая и жёнами, и к утру сразу после намаза явился к Синдбаду в дом. Там он пожелал хозяевам дома сего мира, и призвал на них благословение, и обратился к Синдбаду с такими словами:

- Знай же, о Синдбад, что от твоей болезни есть лекарство. Но лечение потребует долгого времени, и усидчивости, и ещё кое-каких талантов, которые тебе нужно будет развить.

Синдбад же, услышав эти вести, весь обратился в слух.

-Запасись же папирусом, - продолжил Ар-Рази – и перьями для письма, и напиши о своих путешествиях. Чем ярче и подробнее ты о них напишешь, чем точнее передашь цвет волн, и запахи леса, и вид удивительных птиц и зверей, тем меньше станет твоя тоска. Она перейдёт в грусть и радость воспоминаний, и недуг твой со временем пройдёт.

Тогда Синдбад, возблагодарив Аллаха, одарил врача драгоценными тканями, и золотом, и, сняв с пояса, протянул ему в знак благодарности калам, инкрустированный самоцветами и перламутром, достойный самого калифа. Сам же, взяв из товара стопку папируса, удалился в дом, спеша начать своё лечение.

Позднее не раз и не два вспоминал Синдбад слова учёного лекаря, жалея о том часе, когда поддался видимой лёгкости лечения. И не одну сотню листов папируса разорвал он в клочья, или скормил очагу, или выбросил в помойное ведро. Будучи образованным купцом, он знал девять стилей письма, и куфи, и насх, и изящный сульс, и умел выразить свою мысль словами, находя нужные для увещевания нерадивых и приободрения усталых. Мало кто от столицы неверных до благословенного Багдада мог сравниться с ним в написании *Quaestio* и *Reclamatio*, но в новом деле были нужны новые таланты, которыми, дважды и трижды увы, он не обладал.

Синдбад то заключал птицу фантазии в клетку рассудка, и из-под его калама ложилась на папирус сплошная скука, то отпускал фантазию в полёт, и тогда рассказы его превращались в рассказы, в которых гороподобные рыбы глотали корабли целиком. Но был упорен Синдбад, и готов учиться, и половину отведённого для лечения времени он читал книги мудрых, а вторую половину времени пытался писать своё. Пока длилось тадморское душное лето, он нашёл свой стиль и ритм, и уже не боролся до изнеможения с мыслями, памятью и фантазией, а направлял их, как направляет возница коней в упряжке.

И вот, когда настала осень, неся облегчение усталым и напоение жаждущим, когда чайханщик по утрам стал выметать с веранды нанесённый ветрами

песок и опавшие листья, когда ушли пыльные бури и пришли редкие долгожданные дожди, тогда в один из вечеров Синдбад показал Ар-Рази свою работу. Взяв листок, покрытый безупречной вязью, лекарь прочитал: - Чтобы достичь острова Дина Маграбин, возьми курс на юго-восток от рога земли мальгашей. Если плывёшь ты зимой, то ветер донесёт тебя до острова, ровный и сильный, и утром третьего дня ты увидишь над рассветным морем двурогую главу его, чёрную в зелёных полосах. Подходить близко к берегу остерегайся, ибо море там изобилует подводными скалами, опасными для кораблей. Ищи у северо-западной оконечности раздвоенный мыс и к нему уже иди смело, сколь бы ни казались страшны окружающие его утёсы. Раздвоение мыса приведёт тебя в уютную бухту, всю в зелени и белом камне, как драгоценное ожерелье. Смело становись там на якорь, и ни одна буря не потревожит тебя. В глубине бухты есть водопад с водой благоуханной и сладкой, словно бы падающей из райских садов. И, наслаждаясь той водой, знай, мореход, что в эту минуту я завидую тебе.

- Всё – сказал Синдбад – я записал, что помню, что я видел и чувствовал, и память об этом острове больше не тревожит меня. Даже когда он является во сне, я не тоскую, а, вспоминая, грущу и радуюсь. Воистину, ты великий врач, ибо всё, милостью Всевышнего, свершилось по твоим словам.

Ар-Рази же, скромно и с достоинством приняв похвалу, спросил Синдбада, есть ли у него землеописания помимо этого. Синдбад отвечал, что уже пятьдесят земель, морей, гор и островов он описал с должным тщанием и ещё примерно триста ждут своей очереди. Тогда лекарь обратился к нему с такой просьбой:

- Знай же, о благородный Синдбад, что и я не чужд искусства землеописания. Сейчас я как раз закончил свой труд о природе болезней и раздумывал, куда направить свой ум. Твои папирусы навели меня на мысль откомментировать «Альмагест». Бадалами аль-Искандери жил давно и с тех пор появилось множество новых сведений. Я хотел бы включить твои описания в комментарии, особенно если ты опишешь и нарисуешь звёзды тех дальних мест.

Синдбад с радостью и почтением согласился, и целых два года после этого разговора посылал в Багдад к Ар-Рази всё новые и новые землеописания, дополняя их рисунками и картами, в которых оказался большим мастером. Сам же лекарь посадил за переписывание и перерисовывание своего старшего сына Али, отрока с живым умом и точной рукой. А через два года Мухаммад Ар-Рази сломал в сердцах подаренный ему калам, искусно украшенный самоцветами и перламутром, потому что сын его Али покинул отчий дом и сам решил пуститься странствовать и повидать мир. Труд по описанию земель остался не законченным, и лекарь, горюя, продал его задёшево торговцу редкостями и диковинами, которых в Багдаде тогда было множество.

«Комментарии» Ар-Рази не пропали в Багдаде, и не были забыты, и не пролежали столетия в лавке древностей, ибо человек предполагает, а Аллах

располагает, и для всякой души и всякого дела есть у него место и время. Через несколько лет рукопись попала на глаза Абуль-Хасану Аль-Масуди, уже тогда прозванному имамом географов и шейхом историков. Тот купил её не торгуясь, и долго после искал автора заметок, пока ему не донесли через третьи руки, что Синдбада Ал-М'лаха Аль-Багдади нет уже среди живых. Аль-Масуди включил рукопись Синдбада в свой труд, а потом её переписал для короля Сицилии Аль-Идриси, и тогда под названием «Отрада страстно желающего пересечь мир» она попала к ференги, чествующим Ису. Стоит ли удивляться, что двести лет спустя корабли португальских мореплавателей шли от острова к острову Южных морей, как будто их направляла чья-то дружественная рука. Ибо так делается под Солнцем, что доблестный прибавляет к доблести, а мудрый – к мудрости, и ничто из сделанного не исчезает в веках.

...

Говоривший умолк, в тёмной таверне настала тишина, и сразу стали слышны не замечаемые раньше вой ветра и рокот волн, шелест пальм, шлёпающих по застеклённой стене таверны. В разрывах туч мелькнула луна, осветив причал, редкий колышавшийся часток кол мачт вдоль него и тёмную россыпь домов Порт-Матурина вверх по холму. Хозяин таверны Субаш, едва угадываемый на фоне тёмной стены, поднялся со скрипучего стула, щёлкнул выключателем. Ничего не изменилось.

- Значит, провода – гулко выдохнул Субаш – Значит, до утра сидеть без света. Если кто хочет – тащите сюда спальники, я вас тут устрою. Всё ж не в качку спать. А завтра, если не дадут свет, поможете опустошить холодильник.

Он прикрутил газовую лампу, отчего в помещении стало чуть светлее. Поздние посетители, коротавшие в таверне штормовую ночь, засобирались наружу: кто посмотреть свой катер или яхту, крепко ли держат швартовы, не трутся ли о пирс борта, кто – на борт, за спальниками, а кто-то решил, что сон в своей каюте слаще, чем в чужой таверне. Давешний рассказчик по арабскому обычаю попрощался с хозяином, вышел наружу и некоторое время стоял, смотря и слушая. Затем кивнул и направился по заливаемому волнами молу туда, где виднелся точёный силуэт двухмачтового парусного дхоу. Он попробует выйти с рассветом, чтобы утихающий шторм донёс его до острова Дина Маграбин.

Пояснения к тексту:

Кандалатчи: пекарь и кондитер высокой квалификации, имевший право делать халву.

Фесенджан: пряное блюдо иранской кухни, тушёное мясо с орехами и гранатом.

Кади: назначаемый судья-чиновник с правом вершить суд на основе шариата и толковать священные книги с точки зрения закона. Считался главой мусульман городского района или города.

«о равнинах, где земля ярко-красная, а трава голубая» - скорее всего, равнины востока Южной Африки. Впрочем, прибрежные равнины северо-запада Австралии тоже подходят под описание.

«бродят птицы ростом с верблюда» - возможно, имелась в виду птица-слон, достигавшая в высоту трёх метров, ныне вымершая.

«о диких лесах, где кошки плачут человеческими голосами» - здесь Синдбад ошибался, мадагаскарские лемуры – не кошки, а приматы.

«об озёрах с розовыми берегами и водой, растворяющей плоть» - солёные озёра Восточной Африки, накапливающие соду, самое известное из которых – озеро Натрон.

Тигр, Дияла – реки, на пересечении которых стоит Багдад.

Тадмор – (от араб. «город пальм») сейчас Пальмира, город в современной Сирии.

Столицей неверных называли Константинополь, столицу Византийской Империи.

Мухаммад Ар-Рази - Абу́ Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази́, врач, химик, астроном Арабского Востока XI – начала X века. Известен трактатами по медицине, алхимии, астрономии.

Клятва Гиппократа в несколько модифицированном виде давалась врачами арабского Востока.

Оба недуга известны нам по первоначальным греческим названиям: *меланхолия* (*μελαγχολία* – «чёрная желчь») и *холерия* (*χολή* – одновременно «желчь» и «гнев»).

Гален – древнеримский медик, хирург и философ (III в.), положивший начало научной анатомии и физиологии человека.

Аарун (арабизированная форма имени Аарон) аль-Искандери — александрийский священник, философ и врач VII века.

Масерджей Аль-Джуди – дамаский врач иудейского вероисповедания, живший в VIII веке, известный переводами греческих и римских авторов. Трудов самого Масерджея до настоящего времени не дошло.

Калám — письменная принадлежность, остро отточенная тростинка. Имеет ещё одно значение: способ доказательства, основанный на разуме, а не на авторитетах. Именно в этом был смысл подарка.

Куфи, насх, сульс – традиционные виды рукописного шрифта арабской каллиграфии. Их предназначение тоже различно: формальные письма, повседневные записки и «изящное» письмо, соответственно.

Quaestio, Reclamatio – запрос, рекламация. Стандартные формы деловых документов в Римской империи.

Остров Дина Маграбин – остров Реюньон. Находится к В-ЮВ от острова Мадагаскар (упомянутый в лоции как «земля мальгашей»). Описанной в лоции бухты в настоящее время нет.

Альмагест – (аль-китаб-л-миджести) первоначально «математическое собрание в 13 книгах», фундаментальный труд астронома Клавдия Птолемея (в рассказе упомянутого по арабизированному имени Бадалами Аль-Искандери). За прошедшие от написания века из-за прецессии земной оси наблюдения и расчёты нуждались в коррекции.

Аль-Масуди – (Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди) – арабский историк, географ и путешественник (X в). Его тридцатитомный труд по географии большей частью утрачен.

Аль-Идриси – арабский географ, составивший «описание земли» для короля Сицилии, чей труд известен европейцам как «книга Рожера».

Ференги – (от «фаранги» - «франк») общее название западноевропейцев на арабском и индийском Востоке.

Иса – Иисус Христос. В исламе он почитается как один из пророков.

Порт-Матурин – административный центр и единственный порт острова Родригес в государстве Маврикий. Гавань Порт-Матурина практически не защищена от ветров в диапазоне от юго-западных до северных.

Дхоу – классическое арабское небольшое судно для перевозки пассажиров и груза с латинским парусным вооружением на 1-2 мачтах. Дизайн практически не менялся со времён Синдбада.

Муравьев Иван Валентинович

Родился в 1966 году в посёлке Пестяки Ивановской области. В детстве с семьёй поездил по стране, по медицинским показаниям. Тяга к путешествиям осталась по сей день. В 1989 закончил Второй Московский мед, параллельно занимался нейрофизиологией. За долгие годы накопилось достаточно интересного, чтобы о нём поведать. Чем и занимаюсь, урывая минутки между работой и семейством.

<https://www.litres.ru/ivan-muravev/>

Газета «Морской Профсоюзный Телеграф»

МОРЕ СМЕЯЛОСЬ

«Ну, что, как дела на берегу? Какие фильмы показывают, что новенького в театрах? Что читаешь?» Третьего помощника даже передернуло от этой лавины вопросов, исходящих от здоровенного лысого мужика в вытянутом и линялом свитере цвета кирпича. Этот здоровенный дядька был капитаном славного балтийского лесовоза, прозванного в народе любовно «Освенцимлес».

... Третий штурман попал на судно случайно: попросил в кадрах дать ему возможность поплавать, как говорят, «поближе», то есть не на Кубу. Основная цель смены парохода была меркантильная: попасть на судно с заходами в Европу, чтобы собрать капитал на внесение первого взноса в кооператив. А это по тем временам тянуло на три тысячи рублей. Таких денег на «кубинских» судах сразу же не заработаешь, потому что на них можно было разжиться только чеками «Внешторгбанка», которые шли по 15 рублей за штуку. Таким образом, при зарплате третьего помощника сбор капитала растянулся бы на долгое время. Заходы же в Европу сулили хорошую «отоварку» в виде мохера, покрывал и ковров «два на три», реализация чего здесь сразу давала прибыль в триста процентов... И тут вступал в силу закон Маркса, по которому капитал после трехсот процентов прибыли готов на любые преступления.

В кадрах ему сказали, что хороших пароходов мало, а уж на Европу можно попасть только летом, и то, чтобы подменить кого-то. «Но есть тут один пароходик, ну, ты наверно слышал про него», – подмигнул кадровик. И, пожалуйста – этот легендарный лесовоз.

«Авось пронесет», – подумал Саня. Опыт работы третьим помощником у него был большой, а что нехорошей репутации парохода, то ничего, может и обойдется. В общем, согласился.

...Судно стояло в Выборге, отход был суматошным. Перед летними отпусками около двух третей экипажа ринулись отдыхать. Получилось так, что из штурманов остался только «сэконд», но ему было обещано

продвижение, а «чиф» и «третий» убыли без всяких обещаний на возвращение.

На вопрос «как дела?» сменщик только как-то хитро улыбнулся и сказал, что-то, типа, сам все увидишь. Но дал мудрый совет: с мастером не спорить и во всем соглашаться, не рассуждать, а только слушать. Тогда, возможно, все будет «о'кей»

Народная молва утверждала, что на этом «Освенцимлесе» сухой закон, и не только в отношении горькой, но и по части чая. Его нельзя пить в каюте, а только во время приема пищи, также нельзя собираться компаниями более двух человек. Кроме того, на судне проводились абсолютно все собрания, лекции и политинформации, а кино показывали только три раза в неделю. И в довершение на борту не было ни одной женщины, а буфетчицей работал сорокот и штатный стукач по прозвищу Тимоха, хотя возраст у него был далеко за шестьдесят.

Капитан запрещал вешать что-либо на переборки, поэтому никакой наглядной политагитации на судне не было, кроме стенда с членами Политбюро в Красном уголке и меню в столовой. Стенгазету, если ее делали, вывешивали только под контролем капитана и на скотч, который капитан выделял из своих запасов, а других запасов ни у кого не было. Все хранилось у капитана и выдавалось только под подробные объяснения «куда и зачем». Это правило относилось также к шариковым ручкам фирмы «Big», стирательным резинкам, и фломастеры тоже входили в стратегический запас. По-другому и быть не могло, потому что все это закупалось за валюту и исключительно на «спецнужды».

Короче, Саня «сам все увидел» непосредственно после отхода. По судну шнырял первый помощник по кличке Лёлик, который ставил службу на судне в угоду капитану выше высокого служения родной КПСС.

Лёлик до утра ходил по пароходу в мягких тапочках, требовал отхода ко сну строго в 23.00 и долго ошивался около каюты нового электромеханика, уловив его подозрительные перегляды с начальником радиостанции. В общем, за дисциплиной следили откровенно филерским методом тупого контроля за передвижением моряков.

«Ну, и ладно! – подумал Саня. – Пить – здоровью вредить!». А тут все хорошо, все трезвые и спать уложатся в 23 часа, на судне тишина, что редко бывает с отходом, особенно на «кубинских» пароходах: там до выхода в океан народ колобродил, а тут... Красота...

С капитаном контакта практически не было, доложил о приеме дел, и вперед, работы у третьего на лесовозе невпроворот – считай, все штурманское хозяйство на плечах, да еще две вахты и судовая касса.

В общем, вопросы лысого капитана застали Саню врасплох, он однозначно ответил: «Все хорошо!» и отбежал посмотреть в радар, как себя ведет пароход в пяти милях справа. Капитану ответ явно понравился, и он начал рассказывать, как сходил с женой в театр, правда, забыл название и театра, и спектакля, но все равно представление было ужасно, ему не понравилось,

актеры почему-то кричали, перебивали друг друга, и реквизит был бедноватый.

Третий подумал: «Что спорить, все правильно, да еще билетов в приличный театр типа БДТ или Ленсовета не достать, а в Пушкинский продают в качестве нагрузки к билетам на концерт «Червонных гитар». Но третий всего этого не сказал, памятуя о том, что нужно слушать, соглашаться и молчать.

Дальше больше, капитан завел разговор о литературе: «Вот ты чего читаешь? Я, например, уважаю Горького, можно сказать, только его и читаю...»

Что случилось с Санькой, и зачем он сделал это, он сам не понял, но слово было сказано: «Ага... Море смеялось...»

Капитан замер. Он понял, что это вызов, только какой? Или этот третий слишком умный? Или... А если он проверяет на вшивость, типа, ты читал Горького, так вот тебе крылатое выражение!

Капитан, или как его звали «Васильмихалыч», из Горького помнил только: «Испортит песню, дурак!» А тут: «море смеялось»... Злобно глянув в сторону третьего: «Ты тут повнимательней!», он покинул мостик. Что было дальше, Санька не узнал – кто бы ему рассказал, на судне ведь больше трех не собирались...

А мастер быстро спустился вниз и, буквально, ворвался в каюту Лёлика, который настраивал свою «Спидолу», чтобы послушать «вражий голос». Вид раскрасневшегося капитана его встревожил: неужели кто-то дыхнул на капитана запахом алкоголя?!

– Ты Горького читал?

Первый съезжился. В голове дзинкнуло: «Баллада... Нет, песня... Нет, поэма о Соколе, нет, о буреветнике... Что-то про пингвина?» Не дождавшись, Васильмихалыч почти прошептал: «Море смеялось!»

Лёлик понял, что тут не до смеха, тем более, если «море смеялось!»

– А что это?

– - Это я тебя спрашиваю: «Что?» Ты же в высшей партийной школе учился, там Горького должны были вам каждый день давать!

Первый вспомнил, что Горький говорил: «Если враг не сдается – его уничтожают!», но причем тут «море смеялось?»

- Все, Васильмихалыч, понял, пошукаю, спрашиваю, может, что и узнаю.

- Ты мне kota за хвост не тяни! Узнай, и быстро!

Лёлик побежал в кладовую, где хранилась судовая библиотечка, заодно посмотрел и запись в тетрадке, что третий читает.

В затертой тетради по выдаче книг значилось, что третий помощник взял для чтения «Тихий Дон» Шолохова и «Старик и море» Хемэнгуэя. Лёлик присвистнул: «диссидент!» Буквально на днях «вражий» голос клеветал на Шолохова, что, дескать, «Тихий Дон» написал не наш лауреат Нобелевской премии, а какой-то царский офицер. Вот зачем он взял «Тихий Дон»!

Чтобы еще раз удостовериться в инакомыслии штурмана, помполит достал из тощей папки «Подписка на II полугодие» тетрадные листочки, в которых все вновь прибывшие указывали, на что они хотели бы подписаться. Ага, вот листочек с неразборчивым торопливым почерком: «III помощник: газета

«Молодежь Эстонии» (в скобках для Лёлика разъяснение – комсомольская), журнал «Корея» и «Вымпел» (морское издание)». Вроде бы все, как рекомендовано парткомом: комсомольское издание, морское и для души. Все сложилось в голове помполита: и «море смеялось», и Горького читает, а Горький был еще тем кадром - эмигрировал на Капри и еле-еле заманили обратно, и подозрительные газеты и журналы выписывает, и слушает «вражьи голоса». Отсюда и «море смеялось», очевидно, над моряками советского торгового флота!

Но что-то остановило его от высказывания этих предположений капитану, видимо, страх перед реакцией парткома: там не очень-то одобряли как диссидентов, так и тех, кто их разоблачает...

Мимо озабоченной походкой проходил вновь назначенный электромеханик, всем своим видом показывающий чрезвычайную занятость.

- Можно вас на минутку? – пролепетал Лёлик.

- Да, да, слушаю.

Чтобы преждевременно не вызвать подозрений, Лёлик ляпнул:

- Да вот кроссворд разгадываю. Вы не подскажете название повести Горького о море?

- А что, он писал об этом? – удивился электромеханик, - Ах, да, что-то было в ранних рассказах... «Челкаш» подходит?

Лёлик встрепенулся:

- Рассказы? Да-да, ранние рассказы Горького...

В то время на суда первым помощникам выдавали литературу для проведения интернациональной работы, всякие брошюры типа «100 вопросов и ответов о СССР», иногда давали книжечки для иностранцев, изучающих русский язык. На одной странице текст на русском, на другой, скажем, на испанском или французском.

Открыв кладовку, Лёлик судорожно стал высыпать содержимое крафт-мешков с этой литературой. И – о, счастье! - Горький М. «Рассказы в помощь изучающим испанский язык». Лёлик судорожно листал страницы: «Челкаш». Где тут море смеялось? Мимо – нет такого. «Однажды осенью» - мимо, «Бывшие люди» - мимо...» Но удача сопутствовала помполиту: рассказ «Мальва», первый абзац, «море смеялось». Пришлось прочитать и этот рассказ. Ничего антисоветского Лёлик не узрел, полубандитская история. Побежал к капитану:

- Вот, Васильмихалыч: Горький Максим, рассказ «Мальва».

- Это что, про собаку?

- Про любовь...

Мастер деловито полистал книжку, причмокнул, на лице появилась улыбка. Обернулся на третьего. На мостике третий ставил точку на карте, потом взял бинокль, стал что-то рассматривать.

- Так, говоришь, «море смеялось»... Но не только оно смеялось, еще «волны звучали и солнце сияло...».

Третий не понял, причем тут «волны звучали» - он же не читал «Мальву». А «море смеялось» была любимая присказка капитана с предыдущего парохода, который так и говорил, поднимаясь утром на мостик: «Как говаривал Максим Горький, море смеялось!»

Поймав тяжелый взгляд Васильмихалыча, Санёк понял, что впереди у него будут очень трудные вахты...

... Будучи более взрослым человеком, и прочитав, наконец, рассказы Горького, Санёк, а впоследствии Михалыч, часто рассказывал эту историю и получал благодарственные хихиканья. На днях он рассказал эту историю Денису, сыну хорошего знакомого.

Денис окончил «Макаровку» и уже сделал пару рейсов на норвежском газовозе. Внимательно выслушав рассказ, он виновато улыбнулся:

- Дядь Саш, а в чем прикол? «Максима Горького» недавно списали «на гвозди»!

И Михалыч понял, что для нынешних третьих штурманов «Максим Горький» это только пароход...

«Ну что же, будем читать Пелевина!»

СКАЗКА ПРО БАНЮ

Многие говорят, мол, чудес не бывает, деды морозы перевелись, желания не сбываются, выпить не с кем и все такое прочее. А мы говорим: бывает, не перевелись, сбываются, и очень даже с кем. Главное в этом деле - активная жизненная позиция. А в качестве подтверждающего примера - вот вам новогодняя сказочка.

«Дед! А не устроить ли нам «баню» для экипажа?» – спросил у стармеха т/х «Африкан Кон» Палываныч – он же капитан этого судна...

Вообще-то Павел Иванович Зубков жил довольно обособленно, и даже не из-за какой-то капитанской фанаберии, а просто работа под «удобным флагом» имеет свою специфику: ты тут вроде и капитан, но не такой, как во времена Балтийского пароходства, царствие ему небесное. Нет той капитанской свободы, нет того многочисленного экипажа, а главное – дух, дух пропал. Вроде раньше и посмеивались над политинформациями, стенгазетами, коллективными просмотрами патриотических фильмов – а теперь что-то подсасывает внутри. И, что характерно, если в начале «перестройки», он тогда еще молодой «секонд», тащился от всяких «Полицейских академий», «Греческих смоковниц» и пересмотрел все «Эммануэли», а в итоге все равно тянет на советское. Отсюда и мысли про «баню»: в смысле «каждый год 31 декабря мы с друзьями», далее по тексту. И не то чтобы сильно в баню хотелось, а хотелось традиции какой-то, чего-то объединяющего.

Пароход тем временем безнадежно застрял на рейде одного индийского порта. Впереди был Новый год и никаких шансов попасть к причалу. Экипаж был интернациональный: весь комсостав - россияне и братья-украинцы, рядовые – филиппинцы и два орла из экзотической Кирибати. Капитан в формировании экипажа не участвовал, всем руководили немцы - истинные владельцы судна. Вообще-то отношения со штаффом были неплохие – Палываныч отработал десять контрактов и имел даже бонус, типа, за выслугу лет, но все расходы нужно было все равно согласовывать.

Перед отходом из Китая директор по персоналу в виду приближающегося праздника разрешил закупить небольшие сувениры для членов экипажа и ящик шампанского. Там же был приобретен молочный поросенок – а то для филиппков Новый год без поросенка то же, что для наших без оливье. Справедливости ради надо сказать, что компания очень серьезно относилась к работе с экипажем, и на этот счет в компании были даже разработаны специальные письменные инструкции, как европейцам работать с филиппинцами. И Палываныч, честно говоря, подозревал, что инструкции для филиппков на предмет совместной работы с европейцами тоже существовали. Как бы то ни было, хотя эти инструкции выполнялись, особой сплоченности в экипаже не наблюдалось. Вот это капитана время от времени и провоцировало на разного рода попытки возродить командный дух...

Короче, капитан загорелся «баней», то есть празднованием Нового года. Дед был коренным одесситом, бывалым и совсем не смешным. Про «баню» он не понял. Кроме того, на пароходе не было сауны, и бассейна не было, и спортзала, и много чего не было из того, что было на советских судах. К тому же Дед не был таким сентиментальным как Зубков, и единственное, что ему приходило на ум при смысловой конструкции «баня и пароход», это эротичный проход актера Леонова из ванной в «Полосатом рейсе». Капитан прояснил что под «баней» он имел в виду «весело встретим Новый год». «Давай, Дедуля, тряхнем стариной – порадуем экипаж!» - «А давай!» - согласился дед, с облегчением поняв, что от него не требуется организовывать сауну в машинном отделении.

Позвали «молодежь»: старпома, обоих вторых: и штурмана и механика, и главного балагура – третьего помощника ростовчанина Шурика. Позвали еще «старшего» из филиппинской части экипажа – боцмана. Инструкция по работе с филиппинцами предписывала вычислить среди членов экипажа их неформального лидера, так сказать, Фернандо Маркеса. На «Африкан Кон» Маркесом у филиппков был боцман.

Программу праздника прикинули довольно быстро: проводы Старого года за час до Нового по местному времени, концерт, Новый год – салют, фейерверк, барбекю, продолжение концерта и встреча Нового года по московскому времени. Шурик, как самый молодой и креативный, взял на себя режиссерские функции, капитан и дед выступили в роли снабженцев и выкатили свои запасы «подогрева». Получилось неплохо: на пятнадцать человек ящик шампанского, пять коробок пива, ящик виски и две бутылки водки по полтора литра каждая. Что было в наличии у филиппков, никто не

знал, но знали, что несколько ящиков пива у них есть. На пиво и делался основной упор, так как филиппки пьют в основном пиво, а вот сочетание водка-пиво-виски вряд ли потянут.

Но напитки – это полдела. Главное, как говорится, культурная программа: нужно было продумать сценарий, тосты, кто чего будет говорить и вообще. Шурик посматривал на деда и что-то хотел сказать, но все не решался, а потом все же выдал: «А вот вы, Алексей Петрович, не согласились бы стать Делом морозом, так сказать, Санта-Клаусом? Человек вы солидный, и голос у вас низкий и серьезный».

Дед растерялся - он никогда не был «затейником». Более того, попадая в «не одесскую» компанию, он чувствовал себя неловко: от него всегда ждали чего-то оригинального, а он молчал и даже «по-одесски» не говорил. Ну, разве только путал «про» с «за» - вместо «расскажи про компанию «Valem» говорил «расскажи за компанию «Valem»». Машков в «Ликвидации» выглядел большим одесситом, чем Дед. «Ну, ладно, попробую, только вот костюмчик вы уж сами - я кроме пуговиц пришивать ничего не умею».

А Шурик продолжил разговор уже с «Маркесом». Тот сразу врубился, что «топы» предлагают «карнавал» и барбекю, выразил полную поддержку и готовность помочь во всех начинаниях. Шурик, как умел, объяснил, что нужны костюмы для нашего Деда Мороза, или по-ихнему Санта-Клауса, он же Папа Нуэль, но в российском исполнении – условно назвали его Гран Па Фрози. Снегурочку обозвали Леди Сноу, снежинки – Сноуфлэйками, а Новый год – Нью-Ир бой.

Долго ли, коротко ли, умелые филиппинские ручки из подручного материала, а проще говоря, из старых флагов, смастерили халаты–поддевки для действующих лиц новогоднего праздника. Для массовки изготовили короны с полумесяцами, звездами и рогами. Режиссер-Шурик объяснил, что рога были на шлемах у викингов, а викинги были первыми моряками.

Повару заказали и показали, как сделать винегрет, салат оливье, малосольные огурцы. Замариновали мясо для шашлыков, ну а остальное взял на себя кок: поросенка, а также гуся с яблоками. Елку, конечно, взять было неоткуда, и это был большой минус, но Дед согласился пожертвовать своим кактусом – в смысле вынести его из каюты на палубу и украсить снежинками, вырезанными из пакетов из-под чипсов. Филиппинцы замерли перед невиданным торжеством, Шурик попытался у них выведать процедуру встречи Нового года по-ихнему, но кроме запуска петард и ракет ничего познавательного для себя не узнал. «О кей, будем гулять по-русски»...

В 23.00 по судовому времени раздался сигнал общесудовой тревоги, и экипаж пригласили на шлюпочную палубу правого борта. Там был накрыт общий стол, за которым предстояло проводить Старый год. Встретить же Новый запланировали на корме, где был установлен мангал.

Поскольку температура наружного воздуха даже ночью была в пределах плюс тридцати, публика была одета соответствующим образом: в шортах, майках, на головах кокошники в виде звезд и снежинок. Полумесяцы отдали командирам - все филиппки были христианами. С мостика спустился Шурик

в костюме Снежинки - на голове проволочное сооружение, напоминающее корону статуи Свободы, майка расшита кусками ваты, и сам весь обсыпан конфетти. Он вел за руку моториста-филиппинца, который изображал Снегурочку – Леди Сноу. На Снегурке был халатик из флага республики Вануату, белые гетры, обшитые ватой, чтобы было похоже на валенки, и кокошник с голубой звездой. Морда лица была затонирована белым кремом. Моторист-Снегурочка радостно прыгал около Шурика и кричал: «Хэппи Нью Ир! Шайбу-шайбу! Хэй Тотого! Спасибо!» Текст выдавал руку Шурика. Шурик приказал всем «фор бигинниг» налить по виски, и попросил Снегурочку позвать Гранд Па Фрози. Снегурка радостно заорала: «Хэй, хэй, Гранд Па! Кам хиа!» (иди, типа, сюда). Народ такого никогда не видел и не слышал, но первая порция виски уже осела в горле. Раздались дружные вопли: «Дедушка Мороз, иди сюда!» Наверху запылал фальшфейер, и в его свете появился Дед Мороз, он же Гранд Па Фрози.

Видок у него был красочный: на голове парик из распущенных растительных концов, ватная борода, папаха из какой-то мочалки и халат из двух китайских флагов. Дед был подвязан поясом для работы на высоте, в одной руке был посох с китайской мигающей лампой, в другой – огромная зеленая сетка из-под овощей, чем-то до отказа набитая. Гранд Па спустился и заорал: «Гуд бойз! Вы все дела сделали в 2010 году? Готовы проститься со мной?» В ответ раздался рев: «Да, готовы!!!» «Тогда подходи по одному и тот, кто споеет, спляшет или что-то покажет, получит от меня капитанский подарок!» Капитан встал из-за стола, кивнул в ответ и подтвердил, что Гранд Па не обманывает.

Первым показал пример второй помощник. Он подошел к Деду Фрозу, взгромоздился на бочонок из-под краски, объявил, что споеет песню на украинском языке, и спел тоненьким голоском: «У малестенькой Яринки е червоны прапорци...». Филиппки, хотя ничего не поняли, радостно захлопали. В ответ Дед достал из мешка пакетик, в котором лежали часы «Rolex». 20 долларов за штуку.

И началось! Образовалась очередь из желающих получить подарок: кто пел, кто свистел, кто пытался делать стойку на голове. Получившего подарок подзывал мастер, самолично наливал вискаря и давал кусочек поросенка, которого уже разделили на равные кусочки.

Пока Дед одаривал подарками моряков, за столами шла дегустация огурцов и винегрета. Салат «Столичный» шел на ура. Славяне добились, что филиппинцы после каждой выпитой рюмки кричали: «На здоровье!» и «Хорошо пошла!». В 23.50 слово взял капитан, поблагодарил экипаж, сказал, что счастлив с ними работать, и предложил проводить Старый год и подготовиться к встрече Нового. Ровно в полночь раздался грохот, и стартанула звуковая спасательная ракета. То же самое полетело, практически, со всех судов, стоящих на рейде. Небо озарилось, вверх беспрерывно взмывали сигнальные ракеты, виднелось зарево фальшфейеров. «Топы» дружно раскупорили шампанское, поливая при этом всех сидящих за столом. С Новым годом! Хэппи Нью Ир!

Как-то незаметно из-за стола исчез снежинка-Шурик, и через полчаса со стороны кормы раздались всем знакомая музыка «АББЫ»: «Хэппи нью ир»...

Дед Фрози провозгласил: «Банкет продолжается!» и махнул посохом в сторону кормы, где гремела музыка. Выстроив цепочку под дружную песню командиров «В лесу родилась елочка», народ поскакал в указанном направлении. На корме, украшенной гирляндами огоньков, уже хозяйничал Шурик в белой рубашке, черных шортах и пионерском галстуке, на голове была пилотка с цифрами «2011», а через плечо - лента с надписью «New Year 2011». Мангал уже сверкал углями, на импровизированном столе лежали горы шашлыков – кок постарался на славу. За мангалом командовал Шурик - в Ростове знали, как готовить шашлыки; вокруг стояли ящики пива и сиротливо скучали огромные бутылки «Smirnoff».

Вечер продолжили судовая джаз-банда под командованием моториста-Снегурочки: у филиппков нашлись две гитары, а барабаны сделали из бочек. Пели все и всё: за «Калинкой-малинкой» шло «О, май харт», за «Хей, Джуд» - «Подмосковные вечера». Инструкции компании по взаимодействию европейцев с азиатами явно нарушались, причем с обеих сторон, но этого никто не замечал. Филиппинцы валились с ног в прямом смысле, но капитан все видел и контролировал. Слабых уводили. До Нового года по Москве устоял почти весь комсостав, ну и семеро филиппинцев – их азиатские рожки блаженно сияли...

Когда съедено было почти все, а пить уже никто не хотел, народ стал постепенно расходиться. Палываныч сидел, прислонившись к фальшборту, и прикидывал, хватит ли вахте двух часов, чтобы прийти в себя. Праздник, без сомнения, удался. На минуту ему даже почудилось, что он вернулся на тридцать лет назад. Он скинул с себя это наваждение, и подумал, что даже самые умные инструкции судовладельца ничто по сравнению с моряцким застольем...

Сказка ложь, да в ней намек. Что бы чудеса случались, их нужно кому-нибудь творить.

Газета «Морской Профсоюзный Телеграф»

Выходит с мая 2005 г. Учредитель - Балтийская территориальная организация Российского профсоюза моряков.

<http://spb.sur.ru/>

Михаил Пруцких

СТОЯНКА НА ВОДНОМ СТАДИОНЕ

В самом начале 90 х годов прошлого столетия, я работал старшим механиком на судне класса "О-пр" СТ-1323. Деньги обесценивались очень быстро, я бы даже сказал стремительно, процентов на 30 в месяц. То, что нам казалось очень приличной зарплатой, когда мы нанимались на работу, очень быстро обесценилось, заставляя нас искать новые пути заработка. Бывший

судовладелец, к которому мы нанимались на работу, скоро исчез, по слухам попав в какие то криминальные разборки, и мы какое то время были предоставлены сами себе, приходя на работу скорее по привычке. Правда, вскоре, появился новый владелец, с которым мы оформили трудовые отношения официально, с записью в трудовую книжку. Снова появилась надежда на заграничные рейсы, и на борту судна даже появилась гордая надпись – ISTANBUL LINE, которая вначале вызывала у нас гордость, пока, через несколько месяцев, не стала поводом для насмешек. Руководство компании «Интерферма», которая и стала судовладельцем, несколько раз обсуждало возможность работы судна на международных линиях, но столкнулось с трудностями при оформлении судовых документов и неподъемными суммами на снабжение, необходимое в соответствии с международными требованиями.

От нас потихоньку отступились, предоставив нас самим себе, в прочем платить нам не перестали, хотя постепенно, когда то очень приличная зарплата, стала превращаться в жалкое пособие по безработице. Время было хоть и трудное, но очень интересное. Союз трещал по швам. Законы оставались старые, но отношения между людьми и взгляды на жизнь постепенно менялись, расширяя горизонты для инициативы, основанные на практической сметке.

Судно стояло на Москве реке, недалеко от станции метро «Водный стадион». В этом месте, когда-то, проводили водные представления. Место было оборудовано скамейками для зрителей, и, по-моему, даже навесом от дождя. Наше судно стояло у причала не одно, вторым бортом к нам стояла еще одна «эстешка» - СТ-1319. Делать было абсолютно нечего. Развлекались тем, что смотрели телевизор и пили пиво, иногда звонили в главный офис, чтобы узнать, когда нам повысят зарплату. В конце концов, на каждом судне осталось по 2 человека. На СТ-1323 главным был я, а на СТ-1319 – мой товарищ Суслов Валерий Викторович. Стояли вахту – сутки через сутки, а, иногда, и сутки через двое. Как я говорил, предоставлены мы были самим себе. Начальство к нам не приезжало. Вот тут нам в голову и пришла смелая мысль использовать суда не по своему прямому назначению, а как гостиницу. В начале 90-х предпринимательство только зарождалось, и каждый воротил, что хотел, в зависимости от своей внутренней свободы и деловой хватки. В то время гостиничного бизнеса еще не было, а в государственных гостиницах, как обычно, не было мест.

Объехав с моим товарищем близлежащие гостиницы, мы договорились, чтобы всех, кому не достались места в гостинице, направляли к нам. Постепенно к нам потянулись клиенты. Условия на судах были хорошие, да и брали мы недорого. В основном это были узбеки и таджики – продавцы арбузов и дынь. Но были и серьезные клиенты, и хорошенькие женщины. За хорошенькими женщинами мы пытались ухаживать, иногда достаточно успешно. Ухаживание начиналось с рассказов о тяжелой морской жизни, перемежавшимися с расхожими байками, умеренным потреблением

спиртных напитков, и походом в сауну. Отношения завязывались легкие, и ни к чему не обязывающими, что устраивало обе стороны.

Однажды в дверь кают-компании, где мы смотрели телевизор, заглянули симпатичные девчонки – баскетболистки, у которых где то рядом была тренировочная база, и попросили разрешения сходить к нам в сауну. Девчонки были стройные и симпатичные, правда, на голову выше нас, но разве это главное - нам же не в баскетбол с ними играть. Конечно, мы сразу согласились. Они обещались прийти через час. За это время мы основательно подготовились: растопили сауну, затарились спиртным и освежили в памяти дежурные байки о тяжелой морской жизни и скабрзные анекдоты. Все было готово, и мы, с нетерпением, стали ждать девчонок.

Хлопнула входная дверь и стали слышны приближающиеся шаги. Дверь в кают-компанию приоткрылась, и в проеме двери показались «наши девчонки». Но, что это за ними стояли здоровенные ребята. Если девчонки были выше нас на голову, то ребята были выше нас на две головы. Какой же был облом. Жаль, что на этот раз, наши надежды не сбылись. Вскоре снова поменялся судовладелец – вместо советско-американской компании «Интерферма», в которой не было ни одного американца, хозяином судна стала советско-швейцарское предприятие «ИТЭКО», в котором не было ни одного швейцарца. На нас это никак не отразилось. Мы и узнали об этом не сразу, а когда нас пригласили в офис для занесения записи в трудовые книжки. Первое время мы боялись, что начнутся проверки, и наш гостиничный бизнес пострадает. Но нас никто не трогал, и время тянулось неспешно. Как мы узнали позже, компания «ИТЭКО» брала кредиты, на какие-то свои нужды, под залог судна и не собиралось использовать его в работе. Нас это вполне устраивало.

Был и еще один случай, который мы удачно использовали для своей пользы. Через некоторое время нам позвонили и предупредили, что на судно должна приехать главный бухгалтер компании для проведения инвентаризации. Мы уже давно стояли на вахте по одному человеку, т.к. на судах все равно делать было нечего. Практически мы их только охраняли, но в компании это не должны были знать. Чтобы претендовать на повышение зарплаты, нужно было убедить руководство, что мы наоборот загружены работой.

В день приезда бухгалтера, на вахте был я. С самого утра я одел грязную робу и стал ждать ее прихода. Когда она пришла, я пригласил ее в кают-компанию, извинился, что не могу попить с ней чаю, т.к. очень много работы, и начал имитировать бурную деятельность. Я старался как можно больше шуметь и быть у нее на виду. Я имитировал разные аварийные ситуации и героически их устранял. Выключал освещение и вентиляцию, ссылаясь на поломки систем, и тут же самоотверженно их устранял. Включал и выключал сигнализацию, и целый день бегал по судну с самым большим гаечным ключом, который у нас был. Дождавшись ее ухода, я переоделся, принял душ, и включил телевизор. Я порядком устал, но бегал я не зря. Наверно, на бухгалтера произвела впечатление моя «работа» и во время выплаты зарплаты, я получил почти в два раза больше. С учетом

гостиничных доходов, зарабатывали мы неплохо, но все в нашем мире имеет конец. С наступлением холодов, электрических грелок уже не хватало, а судовой котел у нас не работал. Постепенно наши постояльцы разъехались, а скоро уволились и мы, найдя более достойную работу.

.....

Рассказ 1

Понимая, что мои суждения и оценки могут быть субъективны и, не желая незаслуженно обижать людей, о которых я упоминаю в своем рассказе, прошу считать имена людей и названия компаний вымышленными, образы – собирательными, а совпадения – случайными.

Во время работы на флоте жизнь сталкивает со многими людьми, но запоминаются самые яркие и самобытные. Одним из таких был Арсентий Юрьевич Чушков. Это был сухощавый человек небольшого роста далеко за 70. Основными его достоинствами были необычайная энергия и огромное самомнение, которое заменяло все другие профессиональные качества. У него был большой опыт работы на судах в качестве судоводителя, но знания безнадежно устарели, и, по хорошему, ему нужно было уйти с флота лет 15-20 назад. Над некоторыми его рассуждениями можно было бы посмеяться, если бы он не был генеральным директором. Конечно, генеральным директором его можно было назвать достаточно условно. Серьезных вопросов он не решал, но нес ответственность за все перед судовладельцем. Такой зицпредседатель

Фунт из романа «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Он был человек яркий и неординарный. И, наверно, его надолго запомнят капитаны и механики, которым «посчастливилось» работать под его началом. Я думаю, что Арсентий Юрьевич достоин стать героем моих рассказов.

Нужно сказать, что Арсентий Юрьевич, хоть и был человеком почтенного возраста, но старался казаться моложе, что само по себе и неплохо, если бы, в некоторых случаях, не выглядело нелепо. Все женщины, которые приходили в офис компании, будь то почтальон или бухгалтер из соседней фирмы, немедленно подвергались домогательствам Арсентия Юрьевича, с целью их поцеловать. Некоторые из них терялись, а некоторые откровенно пугались. Сам он, о чем он часто говорил, считал себя доминантным самцом, и очень этим гордился. Женщины нашей компании давно привыкли к его чудачествам, и старательно пытались избежать его поцелуев, но не всегда это получалось, Арсентий Юрьевич нападал неожиданно и стремительно. Офисная работа предполагает скучное сидение за компьютером целый день, но избыток энергии Арсентия Юрьевича искал выход и находил его в бесконечных разговорах и монологах, которые наш бухгалтер – Ольга Анатольевна называла «словесным поносом». Голос Арсентия Юрьевича безостановочно доносился из соседней комнаты, и было непонятно когда же он работает. Но стоило ему замолчать, как появлялось ощущение тревоги, - «Уж не случилось ли чего». Он очень любил шутить, и, наверно считал себя

хорошим рассказчиком, но, чаще всего он сам и смеялся над своими шутками. Однажды Ольга Анатольевна пожаловалась, что у нее болят ноги. «А вы их не слишком широко раздвигайте», - пошутил Арсентий Юрьевич. Шутка получилась двусмысленной и неуместной, особенно и потому что рядом был ее муж. Ольга Анатольевна мгновенно парировала, - «Ты следи за собой старый хорек». Она никогда не давала ему спуска, и он ее откровенно побаивался, прикрываясь фальшивым смешком. Как я уже говорил, Арсентий Юрьевич любил поговорить, и большинство тостов, на праздничных корпоративах, произносил он. Когда он произносил тост, то никогда нельзя было предугадать, чем он его закончит, наверно этого не знал и он сам. Однажды, заканчивая очередной тост, он повернулся к офисному повару, и, неожиданно сказал, - «А вас Людмила Сергеевна, я так ни разу и не шпокнул», наверно имея в виду – не поцеловал. Люди нагнулись к тарелкам, не поднимая глаз. Каждый интерпретировал слово «шпокнул» по своему, а Людмила Сергеевна растерялась, не зная то ли обидеться, то ли рассмеяться. Для Арсентия Юрьевича был не так важен результат разговора, как сам процесс. Когда он звонил на судно капитану, то разговор складывался примерно так: Сначала Арсентий Юрьевич начинал объяснять капитану прописные истины, которые тот отлично знал и сам. Если капитан говорил, что у него срочная швартовка или какое-нибудь другое неотложное дело, и он перезвонит позже, то Арсентий Юрьевич отвечал в том плане, что самое важное дело, это слушать его и не перебивать. Он искренне считал, что без его разговоров, капитаны не смогут ни швартоваться, ни оформлять документы, ни вообще работать. После 5 – 10 минут монолога Арсентия Юрьевича, капитан опять взрывался и уже кричал, что не может говорить сейчас. Некоторые более импульсивные кидали трубку. Арсентий Юрьевич немедленно набирал номер опять и доводил разговор до конца, искренне не понимая, что только мешает работе. Если же в швартовке из-за этого что-то шло не так, Арсентий Юрьевич тут же обвинял капитана, что тот его не дослушал и поэтому виноват только сам капитан. Поэтому не удивительно, что капитаны менялись довольно часто. Не каждый мог долго работать с Арсентием Юрьевичем. Я был свидетелем, как в офис пришел один капитан на собеседование к Арсентию Юрьевичу. Уже внешне капитан вызывал уважение – в форме, подтянутый, серьезный, с седыми висками. Он минут десять слушал, что говорил ему Чушков, а потом поднялся и сказал, - «Извините, но, пожалуй, работать у вас я не буду», и с достоинством ушел. Вообще Арсентий Юрьевич искренне считал, что работает только он один. Он часто спрашивал сотрудников офиса, - «Вы ведь знаете, что на судне никто не работает?», и сотрудники уклончиво кивали, не желая спорить с генеральным директором. Таким я помню Арсентия Юрьевича по работе в офисе. В следующих рассказах я напишу каким я помню его на флоте.

Рассказ 2

Однажды, в самом начале нашей совместной работы, мы поехали с Арсентием Юрьевичем в командировку, на один из буксиров. В дальнейшем, я старательно избегал совместных поездок. Я заранее позвонил капитану

буксира и предупредил его о моем приезде. « Да, конечно, мы вас встретим. А вы будете один?», - как-то с опаской спросил капитан. « Нет, вместе с Арсентием Юрьевичем», - ответил я. Повисло тягостное молчание. «Хорошо, мы вас встретим», - упавшим голосом сказал капитан. Уже в самолете я понял, что не нужно было брать места рядом. Арсентий Юрьевич сидел у иллюминатора, а я ближе к проходу. Арсентий Юрьевич без конца то выходил в туалет, и мне приходилось вставать, то громко и бесцеремонно флиртовал со стюардессой (если бы он был к ней ближе, то, наверняка, попытался бы ее поцеловать), то нагибался к соседям впереди, чтобы попросить газету, то поворачивался к соседям сзади, рассказать анекдот. Сидеть спокойно он не мог. Моя надежда спокойно собраться с мыслями перед первым посещением буксира, растаяла как дым. Из самолета я вышел уже немножко измочаленный. На буксир мы приехали ближе к вечеру. В ходовой рубке нас ждали капитан и старший механик. Арсентий Юрьевич, только успев поздороваться, взял судовой журнал и другие судовые документы и сразу стал распекать капитана за неправильное ведение документации. «Но Арсентий Юрьевич, я делаю, как вы сказали в прошлый раз», - попытался оправдаться капитан. «Я не мог такого сказать», - отрезал Арсентий Юрьевич. « А вы слушайте и не пререкайтесь». Я хотел спуститься в машинное отделение со старшим механиком, но Арсентий Юрьевич сказал, - «Старший механик не уходите, у меня к вам есть вопросы».

Стар.мех - «Арсентий Юрьевич мне нужно делать тех.уход двигателю».

А.Ю - «Делать будете позже»

Стар.мех – «Когда?»

А.Ю. – «Хоть ночью. Вы и так ничего не делаете».

Слушать все это было неприятно, особенно в первый приезд на судно. Но дальше стало еще интересней. « Вы составили список необходимого снабжения?», - спросил Арсентий Юрьевич стар.меха. «Мы его отправили вам еще два месяца назад, но вы так ничего и не поставили», - ответил стар.мех. Он достал список требуемого снабжения и передал его Арсентию Юрьевичу. Я посмотрел список. Он состоял примерно из тридцати пунктов. Ничего необычного: инструменты и расходные материалы, обычная судовая заявка. «Вы согласны», - спросил Арсентий Юрьевич меня.

«Да», - ответил я. «Тогда подпишите». Я почувствовал какой-то подвох, но подписал.

« А теперь разберем список по пунктам», - как-то торжественно сказал Арсентий Юрьевич.

Первым пунктом были ножовочные полотна. Самые обычные ножовочные полотна, которые всегда должны быть в запасе. В заявке было указано – две пачки.

« А почему именно две пачки, а не одна или три? Сколько вы используете ножовочных полотен в день? Как часто они ломаются? И почему они ломаются?». « Арсентий Юрьевич, да это копейки, полотна всегда нужны». Лучше бы я не спорил. Арсентий Юрьевич тут же прочитал лекцию о том, что все снабженцы идиоты, и им нужно составлять заявки очень подробно.

Обсуждение первого пункта заняло минут 40.

Кончилось тем, что стар.мех сделал очень подробный чертеж ножовочного полотна, с расстояниями между отверстиями под крепление, высокой и наклоном зубьев, материалом, из которого изготовлены полотна и еще кучей разной информации. Арсентий Юрьевич был очень доволен. Попахивало маразмом. Я понял почему капитан и стар.мех так боялись приезда Арсентия Юрьевича на буксир. Представил, как будут смеяться снабженцы, получив заявку. И каким идиотом должен чувствовать себя старший механик. Ножовочные полотна я купил в магазине и, тайком от Арсентия Юрьевича передал стар.меху.

Рассказ 3

На счастье Арсентия Юрьевича у него появился очень грамотный заместитель, который взял всю штурманскую работу по организации и координации флота на себя.

Наверно судовладелец не вполне доверял Арсентию Юрьевичу. Чтобы удержаться на своем месте и подтвердить в глазах судовладельца свою востребованность, Арсентий Юрьевич не нашел ничего лучшего, как переключиться, к несчастью для механиков, на решение технических вопросов. К сожалению, его знания были на уровне замены масла в двигателе его машины, зато с избытком было юного задора и пролетарского напора. Я забыл сказать, что когда то Арсентий Юрьевич был депутатом местного уровня в каком то небольшом городе, где и отточил умение побеждать в словесных баталиях. Спорить с ним было абсолютно бесполезно, так как любой спор он рассматривал как попытку подрыва своего авторитета, и отстаивать свою точку зрения было для него принципиально важно. Может быть, в прошлой жизни, Арсентий Юрьевич был знаменитым ритором, и умение уничтожать оппонента в споре передалось ему на генном уровне. Его жажда спорить всегда перевешивала его технические знания, поэтому он не любил давать письменные приказы по техническим вопросам, т.к. от устных приказов всегда можно было отказаться. Но, если он и давал письменные указания, то они были сделаны настолько расплывчато и не корректно, что от них можно было отказаться также легко, как и от устных. Когда Арсентий Юрьевич спускался с машинное отделение на судне, то главной задачей старшего механика было уследить за всеми манипуляциями Арсентия Юрьевича, и, по возможности незаметно, вернуть все в прежнее состояние. Посещение машинного отделения Арсентием Юрьевичем происходило примерно так: А.Ю. шел впереди и крутил маховики на трубопроводах, открывал или закрывал краны, дергал ручки и нажимал кнопки на судовых системах, а старший механик шел сзади, и незаметно возвращал все в прежнее состояние.

Для того, чтобы показать свое неоспоримое превосходство А.Ю. часто пользовался проверенным приемом: Вечером дома он находил в интернете какой-нибудь очень сложный и каверзный вопрос, дотошно штудировал его, запоминая наизусть, но не понимая вопрос по сути, и на следующее утро, подождав когда в офисе будет побольше народу, как бы невзначай задавал

этот вопрос механику-наставнику. Ответить на такой вопрос сразу было очень сложно, но как раз это и нужно было А.Ю., он сразу же обвинял оппонента в незнании вопроса, и, с торжеством в голосе говорил, - «Почему же я судоводитель это знаю, а вы механик – не знаете?». В глазах не посвященных, А.Ю. мгновенно утверждался как полиглот, но большинство знали истинные знания А.Ю. и только снисходительно посмеивались. Однажды механики решили подшутить над А.Ю. и отыскиали в интернете подзабытый морской термин – вымбовка, и также, как-бы невзначай, спросили А.Ю. что же это такое? Было слышно как А.Ю. отчаянно бьет по клавиатуре, чтобы отыскать незнакомое ему слово. Но то ли интернет у А.Ю. завис, то ли А.Ю. неправильно вбил слово, но ответить быстро на вопрос А.Ю. не смог. И тогда механик-наставник с неподдельным недоумением, и плохо скрытым злорадством, сказал, - «Как же так А.Ю. я механик знаю, что такое вымбовка, а вы судоводитель – нет. Чему же вы можете научить молодых штурманов, если не знаете таких простых вещей?». Потом мы долго и от души смеялись, а А.Ю. надолго перестал пользоваться этим приемом.

- Вымбовка (нидерл. windboom, от winden — «навивать» и boom — «дерево») — один из выемных деревянных или металлических рычагов, служащий на судах для ворочанья баллера ручного шпиля, стоячего ворота, навоя, бочки. Вставляется горизонтально в четырёхугольное гнездо (шпильгат) в головке ручного шпиля. В шпильгате вымбовка раскрепляется с помощью специального шпильболта. Иногда, для взаимного скрепления, вымбовки обносятся по концам специальным тросиком (верёвкой), носящим название шпильтрос или свистов.

Рассказ 4

Арсентий Юрьевич (в дальнейшем для удобства – А.Ю.) был замечателен не только гипертрофированной въедливостью и дотошностью, но и многими другими замечательными качествами. Его вулканическая энергия и самоуверенность, переходящая в самовлюбленность, заставляла его искать новые сферы деятельности для приложения своих сил. Самоуверенность, помноженная на непрофессионализм, сыграла с ним злую шутку. Все, чем бы он ни занимался, превращалось в фарс. Одно из поприщ, которое А.Ю. выбрал как сферу своей деятельности, стала экономия расходной части бюджета компании «Альфамарин». Бюджет любой компании складывается из доходов и расходов. Чем больше разница, тем успешнее компания. Не имея достаточных знаний, чтобы увеличить доходную часть А.Ю. приложил все силы, чтобы уменьшить расходную часть. С Ленинским размахом и комсомольским задором А.Ю. взялся за новую для себя сферу деятельности. Плоды его деятельности сразу почувствовали как в офисе, так и на судах. Подменяя собой бухгалтерию, А.Ю. стал проверять командировочные расходы сотрудников: он скрупулезно следил за расходами на питание и расходами на общественный транспорт, распекая за слишком частые поездки, узнавал, куда сотрудник ездил и с какой целью, сверяя с какими-то

своими записями. Все это он старался делать в присутствии судовладельца, при этом искоса поглядывая на него, чтобы удостовериться, что судовладелец оценил его рвение и рачительность. Доходило до абсурда. Место стоянки судов компании «Альфамарин» было расположено в труднодоступном месте, куда можно было добраться только на такси. А.Ю. лично нашел самого дешевого частника, на древней «колымаге», и в приказном порядке заставил сотрудников, ехавших в командировку, пользоваться только этой «колымагой». Колымага скрипела и чадила. Никогда нельзя было быть уверенным, что ты сможешь благополучно доехать до судна. Но этого оказалось мало, и А.Ю. нашел дополнительный способ сэкономить даже на этой колымаге: А.Ю. договорился с водителем, чтобы тот не довозил командировочных до самого места, а высаживал их примерно в 1 – 2 км от места назначения. Это расстояние сотрудники шли пешком, проклиная и экономию А.Ю., и самого А.Ю. Однажды А.Ю., чтобы сэкономить на такси, заставил идти сотрудника, с тяжеленными сумками, от гостиницы пешком. Район, где находилась гостиница, был промышленным, и ближайшая остановка автобуса была в 1,5 км от гостиницы. Шел сильный дождь, и сотрудник, не имея возможности держать зонтик, так как руки были заняты, сильно промок, а А.Ю. шел рядом, держа зонтик над собой, и рассказывал о преимуществах здорового образа жизни. Пытливый ум А.Ю. искал новые способы экономии, и находил их: судовые экипажи, направленные на замену, А.Ю. селил в гостинице по двое в одноместных номерах. Здоровые мужики, с традиционной ориентацией, возмущались и костили А.Ю. почему зря, особенно когда в гостинице их, с плохо скрытым ехидством, спрашивали, какой им нужен номер с одной кроватью или с двумя. Естественно А.Ю. уверял, что это делается только в целях экономии. Капитаны судов компании «Альфамарин» были абсолютно убеждены, что это изощренное издевательство, и называли поведение А.Ю. – «синдромом старпома». Наверно, в свое время А.Ю. сильно досталось от капитанов, в бытность его старпомом, и А.Ю. вымещал, накопившиеся у него комплексы, на подчиненных ему капитанах. Нет ничего удивительного в том, что вскоре он нашел еще один способ экономии - оказывается, что сотрудники печатают документы непозволительно крупным шрифтом. А.Ю. быстро подсчитал экономию, если уменьшить размер шрифта до предельно малого. Сюда вошли и расходы на чернила, и частота замены картриджа, и расходы по доставке картриджа, умножил все это на какие-то, только ему известные поправочные коэффициенты. За месяц выходила солидная сумма. А.Ю. тут же побежал к судовладельцу, чтобы поделиться своими расчетами. Судовладелец пригласил А.Ю. в свой кабинет для разговора. Через некоторое время А.Ю. вышел из кабинета немного потухший и какой-то помятый, и мы поняли, что экономия чернил откладывается. Но не такой был А.Ю., чтобы долго унывать из-за «разноса» судовладельца. В погоне за экономией А.Ю. совсем перестал следить за качеством работ. Экономия стала самоцелью, тем более, что все последствия этой экономии А.Ю. ничтоже сумняшися перекладывал на плечи механиков. А.Ю. старался изо всех сил. В погоне за

благосклонностью судовладельца, А.Ю. готов был пойти и на откровенную авантюру: Однажды какой-то проходимец предложил А.Ю. покрасить судно краской на водной основе, что-то вроде акварели. Перспективы вырисовывались радужные. От масштаба экономии кружилась голова. А.Ю. тут же ухватился за эту идею, и стал добиваться ее исполнения с энергией достойной лучшего применения. Нужно сказать, что процесс покраски судна – очень ответственная процедура. Подводную часть корпуса судна красят в ДОКе, раз в четыре года. И все это время краска должна держаться на корпусе судна в агрессивной среде – соленой воде. Предложенная краска облезла бы в первые же дни, но расчет А.Ю. строился на том, что под водой этого не видно. Экономия на цене краски была огромная, но ущерб от коррозии металла был многократно выше. Наверно этот проходимец сделал А.Ю. предложение, от которого нельзя отказаться, т.к. А.Ю. долго пробивал эту идею. И все-таки идея была настолько авантюрна, что даже титаническими усилиями, А.Ю. не смог воплотить ее в жизнь. Технический директор обратился к судовладельцу и А.Ю. был вызван на «ковер» для дачи объяснений. После «разбора полетов» А.Ю. вышел из кабинета судовладельца немного поникший и помятый, как ребенок, которого вместо похвалы поставили в «угол».

Наверно хорошо, что А.Ю. во время завершил депутатскую карьеру, хотя скорее всего он ушел не сам, а его «ушли» (депутатская карьера слишком сладкая, чтобы оттуда уходить добровольно). Ущерб, который А.Ю. мог причинить, приложив руку к законотворчеству, был бы намного выше, чем ущерб от его деятельности на флоте, и мы стали бы свидетелями перлов, достойных Петросян-шоу.

Михаил Пруцкий

В 1982 году закончил ЛИВТ (Ленинградский институт водного транспорта), по специальности инженер – судомеханик. С 1982 – по 1987 год работал в Беломорско-Онежском пароходстве. С 1987 – по 1990 г. работал в ЭСМП (Экспедиция специальных морских проводок речных судов). В лихие 90-е годы работал в частных судоходных компаниях старшим механиком. Последнее место работы – начальник службы эксплуатации компании «Ультрамарин». Сейчас - пенсионер. Коллекционирую монеты, статуэтки моряков, пищу родословную нашей семьи.

<https://www.proza.ru/avtor/mariman1>

Олег Озернов

МОЙ СТАМБУЛ 70-Х

Часть первая.

Выплеснулось ответом на репортаж замечательной моей творческой подруги Марины

Спасибо, Марина! Сподвигла порыться в закромах памяти. Ожило всё давно забытое старое в перелистывании архива. Буду в параллель с тобой выставлять находки нехитрые.

Невольно, но перед вами предстанет некая параллель во времени Стамбула сегодняшнего, о котором, так ярко делится впечатлениями Марина, и Стамбула моего, из моей флотско-пассажирской молодости Стамбула семидесятых, ещё не тронутого так фатально ветром безличия и усреднения душ, самобытности, уникальности черт разнообразия. Смотрю и понимаю, как всё изменилось там. И, как по мне, то это грустно. Оевропеился град великий.

Сохраню его в себе таким. Не мешайте, люди!...

Мой Стамбул другой. Сколько раз там был в круизных рейсах и не вспомню.

Кальяны, золотые ряды, кофе из турочек в песке с малюсенькими стаканчиками воды, похожими на бутон молодой розы... Голуби и торговцы солёными семечками в жестянках и кулёчках из газет, на площади Новой мечети, проулки, уставленные противнями восточных сладостей с рахат-лукумом и казинаками ста сортов, тысячи курительных трубок из пенки, бриара, фарфора, босфорские трамвайчики, увешанные по бортам рядами спасательных кругов, старики в фесках, играющие в нарды за кофе на скамеечках у домов, вездесущие мальчишки, разносящие подносики с чаем и кофе тем старикам, минареты, увешанные старыми репродукторами и мелодичными криками муэдзинов...

Автобус с угощением зевак пёстрыми коробочками рахат-лукума разноцветного-разновкусного, шесть кубиков в каждом. Первая мысль, - домой, гостинец заморский. Фиг! Краснел, но стрескал, пока по мосту Босфорскому мчались. Глазел в окно, и как бы невзначай... Только одну... Ну, ещё одну и всё! Ну, ещё эту зелёную, наверняка с фисташками... Стыдно, Озернов! До сих пор...

Дворец султана с куском ржавой цепи, перекрывавшей Босфор от прохода вражеских судов, и экспозицией второго в мире по величине бриллианта. Пройти к нему можно было, только через строй-коридор свирепых турецких янычар-десантников, одетых в тёмный, волосатый войлочный «камуфляж», и с короткими автоматами в смуглых руках наперевес. Маршрут был втиснут в узкий лабиринт из мощных, блестящих трубчатых ограждений. Туристы гуськом внутри, десантники снаружи. И были выстроены все эти извивы в ковровом зале специально заковыристо.

И вели они к стойке с кубом прозрачным, в центре которого, на тёмно-синем, ближе к чёрному бархате лежал он, размером с яйцо индюшачье, играя в лучах специальной подсветки тысячей граней.

Пушки, ядра, роскошь Востока. Не расслабляться, комсомолец Озернов, больше гордости! Вражеские пушки, ядра! А мы бивали их, и если что!... Будет всем и Синоп, и Чесма, и Гангут в придачу. Добавим полосок на гюйс морской формы твоей курсантской, что сменил недавно на комбез механика., флот не опозорим.

Не знаю, Марина, сохранился ли сегодня незабываемый аромат восточного морского города-великана, удивительно сочетающий в себе запах моря, жаренной, свежей рыбы, кофе, фисташек, добрых табаков, сладких кальянов, вековой толщи ковров мечетей, камня стен крепостных, и ещё тысячи запахов векового колорита великого города-ворот моря Чёрного? Попробуйте прочувствовать его в картинках моих.

Часть вторая.

Мусульманский Восток не живёт без музыки. Везде, где нет войны, она доносится отовсюду, из каждой лавки, кофейни, и ещё непонятно откуда. Смешиваясь, с часто висящими в воздухе мелодийными призывами муэдзинов на минаретах, она создаёт неповторимый магический, восточный колорит, так гармонирующий с гаммой ароматов настоящего кофе, кальянов, вкусно жареной рыбы и мяса, бойкой торговли, моря, и чего-то ещё неуловимо волшебного.

Под восточную музыку хочется делать детей, ехать во главе каравана на верблюде, раскачиваясь вместе с мешками золотых монет в такт его ходьбе, философствовать о вечном, жевать горячую лепёшку, запивая её хладным вином, и между делом гадая, какие земли завоевать завтра, и что подарить второй любимой жене перед тем, как уйти от неё в опочивальню к третьей.

Восточная музыка завораживает, уносит в гаремы, чётки, величие, нарды, кинжалы, баранов на вертелах и пески. Похоже, в шестнадцатом рождении я был султаном. Феска мне и сейчас идёт. Чалму не пробовал, но думаю, будет сидеть, как влитая. Особенно, если над ней будет витать пара опахал, а перед ней, неистовствовать в танце живота пяток юных наложниц.

Встретив вот такую колоритную картину неподалёку от входа в мечеть Айя – София (фото в заголовке), комсомолец Озернов обалдел окончательно, будто накурился самого лукавого кальяна, в самой тайной кальянной. Под вековым деревом расположился турецкий бард, а может, и самый настоящий бедуин с флейтой. И был слышен, только её тихий мудрый звук, как будто не было вокруг многомиллионного Стамбула, и толп туристов в непосредственной близости. И был он отрешён от бренного мира, как и звуки, извлекаемые им из простого инструмента.

И поддался я магии увиденного, и потерял счёт времени. И, только возвращённый в него, кем-то из экипажа, - «цигель-цигель, ай лю-лю, «Михаил Светлов» (читай «Грузия»)), очнулся, фоткнул этот фрагмент другой галактики, кинул монет человеку, двинулся в мечеть.

Часть третья.

Стамбульский базар.

Моряк дальнего заплыва, кому, как не ему, таки знать, что такое базар. Оно понятно. Моряк-базар, базар-моряк. Не знаю, как там нынче, а у советских моряков было, только так. Кормились мы с базаров вещевых, они были основным источником заработка. Бултыхались морячки в море и базарах заморских, а их женщины в комиссиях и промрынках отечественных. И

каждый мариман овладевал непростым искусством превращения своих скудных валютных зарплаток в хрустящее советское дензнаковое счастье. И очень скоро, велением жизненным, становился мастером сего странного искусства.

Тема достойная отдельного многотомного повествования, в котором можно собрать тысячи удивительных, смешных, детективных, контрабандных и, даже любовных историй.

Там же можно поведать и о припортовых рядах, кварталов маклацких лавок, заточенных сугубо под моряков, в основном советских. А, поскольку флот страны советской был непререкаемо громаден в мире, масштабы сией социо-коммерческой галактики впечатлял.

Отойду от дел инженерных, ударюсь напоследок жизни в литераторство, отпишусь и в ту сторону непременно. Пусть народ взгрустнёт и обхохочется! А пока, коротенько, наброском.

Все базары понятно схожи, где бы не находились, чем бы на них не торговали. Но восточные, азиатские, китайские, африканские, индийские например, в моём разумении восприятии стоят очень отдельно. Как впрочем, и сам Восток, Азия, с их магической культурой, ещё не тронутые в те годы костлявой рукой глобалидиотизма, не обигмаченные цирквильзацией, не застеклённые прогрестрессом.

Многолетнее видя и погружаясь в эту культуру, бесконечно сожалею от осознания самой возможности растворения со временем этих миров в общем знаменателе унифицированной стекло-бетонной серости Запада. Хотя, и наоборот не хотелось бы. Всё агрессивнее обе.

Для меня Восток, это, прежде всего и всегда Сказка. И не вижу причин не доверять своим таким чувствам. И сохраняю их в себе, и не стоит это трудов. И делюсь этим, при каждой возможности. Делиться Сказкой так приятно. Стамбульский базар совсем недалеко от порта. Базары на Востоке везде жмутся к порту, к воде, к рыбе, к морякам, грузам, туристам. Оно понятно, моряки и туристы народ спешащий, стоянки судов коротки. Рыба не любит сухопутных дорог. Ей, если уж попалась в сеть, лучше сразу на огонь, свеженькой, чтоб не мучиться.

Как во всяком великом городе, стамбульский базар огромен. И за все мои многократные посещения, вряд ли я там наследил собой больше, чем на одной его четверти. При всём моём любопытстве, времени всегда не доставало. Но, хуже того, «романтичным» прогулкам окрест мешало ещё и присутствие рядом двух обязательных спутников из экипажа, нацеленных, сугубо на посещение определённых рядов с подходящим для коммерции товаром. Согласно «Правилам поведения советского моряка за границей», увольнение в заграничный порт полагалось ходить, только в составе группы из трёх человек, один из которых, старшой, как правило из командного состава. Когда сам дорос до старшого, стало легче.

Как не присесть на корточки или постоять у колоритной парочки, играющих в нарды на базарной улице, под развешенным на плечиках товаром, турецких мужичков, попивающих чай и кофе из миниатюрных чашечек или стеклянных стаканчиков. Как не попробовать понаблюдать за ними ненавязчиво, перекинуться парой приветствий, фраз... Нереально, когда чуть поодаль стоят двое твоих одноклассников, нервно мусолят глазами часы и крутят пальцем у виска на каждой пятой минуте.

Как не завязать обстоятельный разговор с чеканщиком, торговцем кальянами, курительными трубками на русско-английско-тарабарском, полужестовом языке... Невозможно по той же причине. Промолчат, но не поймут. Фиг ли! Это ж трубки, не дублёрки, мохер, гипюр!!! Хорошо, если поблизости на прилавках есть такое. Тогда отвлекутся от тебя на время в делах своих ко'ммерских.

Эх, как ловко обегают тебя и бесконечный поток людей эти мальчишки-разносчики чая и воды, с почти десятком хрупких стекляшек, фарфорочек на круглом подносике, и с белой полотняной салфеткой, перекинутой через худой рукавчик! Как удаётся им не опрокинуть, не уронить, выписывая такие пируэты и па через голову?!

Хочешь золота? Много, разного, почти настоящего и настоящего с бирочками сертификатными, которые рисуют на соседней улице? На! Вот они золотые ряды, пещерки Али-Бабы. От лотков, точно таких же, с которых торгуют меховыми трусами, до застеклённых пещерок в коридорах с каменными сводами. Сим-Сим, откройся! Здесь всё солидней, но так же восточно двусмысленно, как и везде.

Фальшь перемешана в металле и продавцах, с редко узнаваемыми настоящими драгоценностями.

Базар клокочет

Глаза разбегаются, не собрать. Не успеваешь удивиться одним, тут же не успеваешь другим. Всё живое, экзотичное, яркое, просится в руки, на плечи, в сумку, в рот.

Что это, там между нагромождений висящих, чуть не в небе штанов и дублёнок, разложенных по бокам груд одежды и кож? Станный просвет, калитка,... и что-то за её решёткой? Пошли, глянем? Нет? Ладно, я быстро, далеко не отходите! Одноклассники отстали.

Путь преграждает пожилой турок. Нельзя! Уговорил на глянуть. В гуще базара островок дворика, пустынность которого на фоне базарной всеатомности вызывает восторженность, оторопь и молитвенность. Турок чуть говорит по-нашенски, родственники в Азербайджане. Это семейное кладбище. Многосотлетнее. Пока досточтимый аксакал отвлёкся на что-то, сфоткал тайком, нечестивец.

Ничто не случайно. Зачем разглядел это невероятие в таком месте, зачем небеса именно мне его показали?! С годами дошло. Наглядное подтверждение возможности сосуществования хаоса жизни с вечным

покоем. Их полную взаимосвязь и проистекание одного из другого. Можно нагромоздить сюда кучу философий, и наверное, извлечь из них премудрости горсть.

Как студент третьего курса заочного судомеха ОИИМФ-а, не растерялся, извлёк, и она очень пригодилась в разумении философской категории единства и борьбы противоположностей из курса диалектического материализма, экзамен по которому был не за горами.

Торговцы... От юнца до старца, и ни одной женщины из них. Не Европа, чай! Торговля на Востоке дело святое, прости наш Господь! К ней женщину не подпустят. Нигде на Востоке, да и в Африке, где был, не встречал на базарах женщин торговок. Как это мудро! Не должна восточная женщина общаться с кем ни попадя. Другими талантами должна быть богата, другим сосредоточена. Не всякому позволено с ней заговорить, а уговаривать, только мужа должна, угождать, только ему.

А тут, Озернов какой-то, с вопросами, желаниями, улыбками идиотскими полезет. Кинжал, смерть, шашлык, секир башка! Нравится мне такой подход. Правильный он, мудрый. Здесь опять моё султанство инкарнационное разыгрывает. Муж, - Господин, кормилец, защитник. Жена... - друг, мать, товарищ, и брат! Точка.

Восточные торговцы талантливы. Это вам не поляки, из маклацких лавок припортовых, коих в те времена по всему миру до Австралии была раскидано тьма. Фальшиво лебезливые, при том, затаённо-презрительные, паталогически жадные торгаши. Не знаю почему, но их по свету больше всех остальных этим просышляло.

Чувствуете разницу, торговец и торгош? Восточный торговец, это почти всегда талант. Тоже обкрутит, обведёт, втюхает, запутает, но как! Красиво, с эмоцией, обращением пять к раз к Аллаху глазами к небу, с длинными тирадами уровня молитвы, с любящими глазами и клятвами в вечной преданности всему твоему роду. Пестня!

Но, увидев в покупателе ум, понимание, юмор, хватку, открытость, расположится к нему до слёз, почти не наигранных, уважением внутренним, и поймёт его не больно, соблюдая и свой интерес, и его не разорив.

Восточный, стамбульский торговец, - психолог, полиглот (большинство сносно общается на русском и ещё трёх языках в объёме нужных торговле фраз). Он весельчак, калькулятор, немного бандит, и часто философ.

Совладай с таким. Только дружить! Семьями...

И, когда часто заходили круизами в Стамбул, завёл я себе несколько таких дружанов, которые, завидев меня задалёко, криками радости и приветствий ставили пол базара на уши. И все эти пол базара радовались вместе с ними, выражая радость улыбками и приветственными жестами.

Что радость покупки, в сравнении с радостью стольких турецких людей к тебе и твоему кошельку! Пролетарии всех стран соединяйтесь!

На том базаре резко обостряется работа всех пяти органов чувств, а главное, воображение. На ум идут слова Магриб, Алладин, Коран, лампа, сокровища, суры, динар, пещера, янычар. И все они смешиваются в один кальянный дурман, волшебным образом заполняя сознание, и вытесняя из него последние решения последнего партсъезда и офицерского собрания экипажа.

Про глаза я уже говорил. Руки тебе не подчиняются, хватают всё подряд, щупают, подносят к носу, который сам занят перевариванием восточных ароматов кож и кофе. Уши шевелятся в разноречивых попытках услышать всё сразу, - музыку, гомон базара, самое выгодное предложение.

Руки не понимают простой вещи. Если они взяли что-нибудь с прилавка, и даже сразу положили обратно, - всё! Ни они, ни остальное тело себе не принадлежат. На него мгновенно заявляет права собственности владелец прилавка. Если тело пытается сменить диспозицию, уйдя к другому прилавку, это практически невозможно. Новый владелец тела загоразживает своим тщедушным путем к отступлению, падает в ноги, машет своими руками, как гусар, отгоняющий саблей дождь.

Попробуй уйти не купив. Принятие отвергающих поз, категоричность занятия твоего рта горячим, хрустящим колечком с сезамом, означающим невозможность продолжения разговора, положения не спасают. Только, позорное европейское бегство, с подставлением спины, под летящее вдогонку, - «Вах, не джигит!» или чего-то ещё, слава Богу, совсем непонятного.

Это весело, интересно. Тот базар завораживает сочетанием современного бытия с многовековым укладом и мудростью, в которые ты никогда не проникнешь, которые никогда не постигнешь, как не старайся. И, только потому, что ты из другого мира. Мира борща, снега, берёз, других молитв, обетов, куполов, другого Солнца, других корней и рассветов.

И когда наступает час возвращаться в свой мир, всё дальше отходя от этой Сказки восточной, наплывает лёгкая грусть расставания с ней, её ароматом, пением рабынь, звоном чеканки, волшебством табаков и живой, откровенной еды, таинством восточной души. Хочется унести с собой кусочек этого пёстрого лоскутного одеяла. Чтобы там, в своём мире суровых зим и технологий, укрываться им иногда, доставая его из кладовок памяти мариманской.

Последний штрих Моего Стамбула. В памяти ещё много чего турецкого о Мерсине, Кемере, но надо успеть за жизнь ещё и о других памятных местах по всему свету рассказать. Их есть у меня.

ЗАМЕТКИ О КРУГОСВЕТКЕ. БАЛИ

Мой Бали моложе современного лет на 37 лет. Без отелей, толп праздничных людей, столов на берегу. Помню берег без утёсов, низкий, сплошь заросший пальмами, с редкими, проступающими в кронах, загадочной формы крышами каких-то строений.

Острова в океане... Попадая в такие экзотические места, человек из сегодняшнего мира Оруелла - "1984" становится умным ребёнком. Если душа его не переполнена "чернилами" до краёв, он впадает в эйфорию бесконечности мира и удивительное ощущения себя в этом мире, возвращается в забытое начало.

Сам не раз испытывал эти чувства, бывая в таких местах. Это не романтика. Это обнажение сути начальной человеческой чистоты. Там хочется сбросить одежды с тела и слиться с истинной чистотой и первозданностью.

"Леонид Собинов" за отсутствием здесь порта стоял на рейде. Пассажиров - англичан возили на берег мотоботами. Я на боте механиком. Океан был тих, как лесное озеро. Пассажиры не галдели, как обычно, замерли широко открытыми глазами в неизведанном. Даже второй помоха капитана (имени не помню), записной болтун и хохотун, затих и ушёл в себя, продолжая привычными руками вращать штурвал. Стучащий в этой тиши дизель, растерянно мешал покою мира вокруг.

Миля до берега плавно растворилась в празднике единения с природой. Остров встретил нас не берегом, но лесом свай, торчащих на 4-5 метров над водой. Бывшие деревья, пересаженные в океан, держали на себе целый посёлок из пальмовых домиков. Все домики одинаковые. Очевидно, здесь люди уже достигли апогея равенства и братства.

Детёныши этих детей сидели, свесив ноги на кромке бревенчатого настила, и махали нам ручками, приглашая в своё равенство.

Защёлкали фотоаппараты. Меня вернули в «цивилизацию». Включилось радио, сразу вызывающее вопрос, о выживаемости свайной конструкции при, допустим, сильном шторме. Берег, огибающий деревню, защищал её от океана только с одной стороны. Оптимизм, живущих здесь много лет аборигенов подсказал, что с другой стороны океан на них серьёзно не наезжает.

Причалили в деревне.

Наверное, так будут встречать землян, где-нибудь на планете из созвездия Кассиопеи.

Две шеренги неземных женщин в жёлто-оранжевых одеждах образовали длинный коридор от причала до большой площадки на верхнем настиле. В руках, каждая держала большое блюдо из пальмовых листьев, заполненное лепестками незнакомых мне бело-розовых цветов.

В конце коридора нимф сбоку расположился оркестр. Костлявое слово какое-то. Нет, здесь оно не к месту. Не придумали этому ещё названия. Это были пятнадцать маленьких будд, в того же цвета просторных одеждах, сидящих в позе лотоса. Между колен каждого лежал, незнакомый мне дотолем инструмент, издающий неслыханные мною звуки. Что-то похожее на гусли, бандуры, ксилофоны. У некоторых в руках – дудочки, рожки, у других «звуки ветра».

Звуки, издаваемые этим оранжево – жёлтым облаком, мне описать не под силу. Наверное, так звучит вселенский покой.

Было пасмурно, и на фоне тёмных строений, эти яркие пятна спустившиеся с небес, эти звуки, этот океан вокруг, это лёгкое покачивание мотобота гипнотизировали меня совершенно.

Я давно заглушил двигатель и стоял, всеми чакрами впитывая нирвану, прану, и дивный океанский воздух, приправленный лёгкой смесью ароматов пальмового леса и чужой, экзотической, деревенской жизни.

Пассажиры двинулись на выход.

Два матроса подавали им руки и провожали ко входу в райский коридор. На седые и не очень, просвещённые головы европейцев сыпались лепестки целомудрия и невинности працивилизации. Звуки вечности смывали с них запах «Мальборо», «Клима'» и хот-догов. Лица некоторых были растеряны по уголкам нереальности происходящего. Некоторые стыдились неуместности и одиозности своих фарфоровых улыбок, что явно читалось на остатках их лиц. Белоснежные улыбки аборигенов сияли вызовом Колгейту. Вспомнив себя, и дабы не отстать от очереди за дарами судьбы, я пристроился за процессией. Когда ещё меня, советского моряка неземные женщины искупают лепестками цветов?!

На комсомольском собрании? Или при вручении 50-ти рэ за очередное рацпредложение?

Пошёл.

Это того стоило. На меня лепестков хватило, хотя богини их не сэкономили.

С прикосновением цветов к лицу может сравниться только прикосновение матери или любимой.

Дошёл до конца коридора. Постоял возле будд-музыкантов. Туристов повели толпишкой куда-то за домики зарабатывать прибыли концерну «Басф». Встречающие женщины стали тихо растворяться в пространстве. Очевидно, им было пора на небо за очередной порцией лепестков. На подходе неподалёку жужжал второй мотобот с очередной порцией, прибывших на чистку души «цивиллов». Перед вылетом на небо некоторые из женщин робко подходили ко мне, и чуть присев в поклоне с улыбкой дотрагивались до руки.

Нужно ли говорить о том, что чистота и непосредственность этих улыбок затмевала Солнце?

Так улыбаются только младенцы и Мадонны с великих картин.

Может они так радовались моей молодости, одетой в безукоризненную, тропическую, морскую форму с золотыми погончиками? А может, благословляли на долгую жизнь ту частицу себя, своей энергетике, которую подарили мне на все отпущенные годы.

- Пора, трогаем! – донеслось с причала,

- Обед скоро, а нам ещё ходку сделать надо! – Это помо'ха объявился.

Сказки длинными не бывают».

Не знаю. Можно ли сказать, что был на Бали? Увольнения на берег в тот заход экипажу не давали. Но то, что он во мне навсегда – это точно.

Будет время и возможности, наведаюсь к «старикуну» ещё раз.

Посидим на Бали

Посидим на Бали возле края земли,

С океаном надышимся небом.

Пусть свезут далеко за туман корабли

Все сомнения наши и беды.

Я сравнюсь сединой с серебристостью волн.

Проиграю, русалкам на радость.

В честь победы салютом обрушит Эол

С этих волн миллион водопадов.

Улыбнешься легко этой глупости ты -

Два по тридцать - не двое по тридцать.

Не сложить совпадения, даже мечты,

В лишний повод себе удивиться.

Рига. 2013г.

НОТАЛЬГИЯ. ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?..

Эти заметки писались несколько лет назад для размещения на сайте Херсонского Мореходного Училища МРП СССР. Но они могут и сейчас быть интересны и полезны тому читателю, который ищет ответы на вечные вопросы о жизни, о здоровье, о счастье.

* * *

«Встречаем уже 2010-й. В новогодний вечер всегда вспоминаются счастливые мгновения прожитой жизни. "Был ли счастлив ты в жизни земной?». Конечно же был! Хотя бы, в тот зимний вечер, когда я, десятилетний, набегавшись за день на лыжах, забираюсь на горячую печь. На гвоздике керосиновая лампа, в руках новогодние и рождественские американские подарки, присланные по Лэнд-лизу, и книжка «Остров сокровищ». И теплая волна разливается в груди, и каждая натруженная и намерзшая клеточка моего тела ласково шепчет: - «Как хорошо!», и ты вдруг ясно понимаешь: - «Вот оно, счастье!»

Или, этот жаркий летний полдень. Мне 15, и я с друзьями спускаю на воду лодку, построенную своими руками. А я капитан на этом чудесном корабле. Счастливый «Пятнадцатилетний капитан». Оказалось, на всю долгую жизнь. И так – до последнего часа! Говорят, так - что запомнил, то ты и прожил, то и есть счастливые моменты в твоей жизни.

Или другой зимний вечер. Мне 17. 10-й "б" собрался встретить Новый год, 1954-й. И она здесь, та, единственная! Взгляд украдкой – и в груди что-то обрывается, и это «что-то» стремительно падает вниз. Девочки и мне изредка шлют записки, но я -то знаю, что ОНА не напишет. Никогда! Задушевные песни Утесова с пластинки, и... счастье в груди! "Нет любви несчастной, если любишь ты!"

Но на первом месте, по градусу счастья, конечно же, являются годы учебы в Мореходке. Лето 1955-го. "Самое синее в мире" и белоснежный красавец – пароход, учебное судно. "Адмирал Макаров". И весь день не стихает на палубе музыка из динамика. И бесконечно повторяется пламенная, жгучая, пряная мексиканская песня...Нет, это даже не песня! Это – Гимн Любви! Это – голос кипящей Жизни, это сладостный крик самого Счастья, смешанного с горем! Под названием - «Бесамемучо!»

Мы тогда не знали, что в дословном переводе с испанского это значит: «Целуй меня! Целуй меня крепче! Ведь это - в последний раз!» Но этот атомный взрыв чувств в переводе и не нуждается. Да, и никакой другой язык в мире не передаст высоковольтного накала этой гремучей смеси страсти и отчаяния перед безжалостной разлукой. Никакой! Кроме испанского! Испанский, как известно, идет из души, он создан для молитвы, для обращения к Богу. Впрочем, каковы люди, такой и язык. Вспомните «Юнона и Авось» ...

И ты слушаешь «Бесамемучо», и сердце твое в который раз замирает под эти звуки. Любовь, когда это Любовь, в переводчиках не нуждается. Когда людям, не дай Бог, придется бежать в неизвестность, и будет разрешено взять с собой только одну песню, то это будет, конечно же, «Бесамемучо!»

И вот ты драишь палубу, и слушаешь эту песню, и в груди какой-то жар, и предвкушение большой любви, и абсолютная уверенность в том, что впереди тебя ждет жизнь, прекрасная, как эта песня, и бесконечная, как это небо, и что силы твои неисчерпаемы, как это море. Это ли не счастье?!

Но главное, конечно же, это факт, что ты курсант Мореходки. А это - и гордость родителей, и зависть сверстников, и заинтересованные взгляды девушек, и красивая форма, и «полное государственное», и сам этот уютный городок, в котором каждый камень Суворова помнит.

Незабываемый момент – я впервые вхожу в кабинет навигации. Нет, не в кабинет... в Храм Мореходов! Где и говорить-то невозможно иначе, как шепотом. Здесь в полумраке застыли в молчании старинные компасы, сверкающие темными лакированными нактоузами и надраенной медью; и отметины на них - следы их прошлой службы на кораблях. Здесь и модели кораблей на подоконниках, и картины на морские темы, развешанные на стенах.

Но взгляд в первую очередь притягивают навигационные карты, разложенные на столах для предстоящей навигационной прокладки. На каждом столе только одна карта, чтобы не списывали, хотя, как-то трудно себе представить списывание у соседа, когда решаешь навигационную задачу, от которой зависит жизнь экипажа. А рядом с картами разложены приготовленные к работе прокладочные инструменты, и лампа-бра над каждым столом.

Я впервые переступил порог Храма с замирающим сердцем, и как-то сразу, с первого взгляда, в это сердце вошли и навсегда там остались и этот строгий интерьер в полумраке, и какая-то внушительная тишина, и находящийся тут же многолетний настоятель Храма, незабвенный Виктор Федотович Наумов, начальник судоводительской специальности, сдержанный и не улыбочивый, молчаливый и суровый, как Черное море перед осенним штормом.

И весь его внушительный вид, кряжистая фигура в темно-синем морском кителе как-то удивительно вписываются в эту обстановку; и ты сразу понимаешь, что ты именно сейчас, именно в этот момент торжественно принят в некое таинственное морское братство, куда уже входят и старые мореходы эпохи Великих географических открытий, и российские первопроходцы, покорители Северных морей, и нынешние моряки и рыбаки, и начальник специальности Наумов, и курсанты прошлых выпусков Мореходки, которые еще вчера сидели за этими столами и решали учебные задачи, а сейчас они уже старпомы и капитаны где-там, в загадочном Баренцевом море, окутанном полярной мглой, или в штормовом Беринговом, или у заснеженных берегов далекой Антарктиды... «Плывут морями грозными любимые твои ученики!...».

И ты остро, пронзительно, каждой клеточкой своего организма чувствуешь - как же тебе крупно тебе повезло, какой же счастливый билет ты вытянул, если принят в это братство как равный! И принят на всю жизнь. Навсегда! До конца! До последнего рейса...

А морской язык! Все эти бимсы и батоксы, мили и футы, топенанты и стаксели, кнехты и клюзы!.. И вот, все эти чудесные названия, звучащие как музыка - это отныне твоя обыденная, ежедневная речь, и ты можешь их небрежно произносить, со скучающим видом, как будто уже и надоело, а в это время сердечко твое сладко замирает от этих чарующих звуков, которые выходят из твоих уст...нет, даже не из уст, а из самых глубин твоей души, где они разместились так уютно и навсегда. И мелькает тревожная мысль: - а может это сон? Да нет, вроде и не сон, но и поверить в то, что все это счастье наяву, тоже трудно.

А эти навигационные термины! Нет, ты не зубришь эти слова! Нет! Ты ими упиваешься, как чудесным нектаром - напитком Богов. И даже голова слегка кружится. И каждая навигационная задачка, как праздник. Ты абсолютно уверен, что все решил правильно, но снова и снова проверяешь расчеты, т.к. не хочется расставаться со всеми этими румбами и курсами, нордами и зюйдами, широтами и долготами, пеленгами и крьюйс-пеленгами. Разве может счастье быть более острым и сладким?

Вообще, какую-то удивительно гармоничную, полную романтики картину составляли и широкий Днепр, и Херсон, с его невысокими домиками из одесского известняка, который даже зимой кажется теплым наощупь, и наш первый учебный корпус из того же известняка – двухэтажный, старенький, но такой уютный домик потемкинских времен, с его выходом на Кошевой спуск, с его мраморными ступенями, на которых прошедшие столетия оставили свои следы в виде двух впадин на каждой ступеньке, именно там, где ступали тысячи ног наших предшественников.

Особый, какой-то экзотический запах моря, и соленой рыбы, и разомлевших под южным солнцем просмоленных канатов, и лодок, как в повестях Александра Грина. И трехмачтовый барк «Товарищ» у Говардовской пристани! А названия-то какие!... Говардовская и Одесская пристани, Кошевой Спуск, улицы Ушакова и Суворова, реки Кошевая, Конка, Кардашинка, острова Большой Потемкинский, Черкасский... Слова, которые созданы для стихов, для музыки, для песен! И ты, как клятву, повторяешь бессмертные стихи Макса Волошина: - «Будь быстр, как ветер! Неутомим, как море! И мудростью наполнен, как земля! Люби далекий парус корабля, и песню волн, звучащих на просторе!». И сердце замирает, и ты можешь только тихо прошептать в ответ: - «Буду!...».

И наши наставники – преподаватели и офицеры-воспитатели, которые, кажется, только и родились для того, чтобы так естественно дополнить эту прекрасную, картину, созданную жизнью.

Начальник училища Вадим Георгиевич Сеницын. Его массивная внушительная фигура, высокий рост, но, главное – это усы. Огромные, пышные, черные усы. Курсанты прозвали его Сомом. Из-за усов. И в этом прозвище ничего обидного, только уважение и любовь, которую курсанты, конечно же, испытывали к нему. Да, его любили, пожалуй, не менее, чем родного отца, особенно если вспомнить, что многие из нас своих отцов потеряли на войне.

Да, повторяю, его любили по-сыновьи, но никто не признался бы в этом и под пытками. Не принято было! Не то место, не то время, не те люди. Его любили и гордились им, и сочиняли легенды, а может, это и не были легенды, о его героизме в годы войны. Как он на последней шлюпке уходил к Цюрупинску, когда немецкие танки уже выскочили на Одесскую пристань, и шлюпку заливала вода от близких разрывов. Его любили и несколько не боялись, он был добр и безобиден. И эти слова признательности, немислимые тогда, так легко идут из сердца теперь, более полувека спустя, когда Вадима Георгиевича давно нет... Увы, так устроен наш мир.

Капитан второго ранга Светлов. Начальник ОРСО. Его звали Слон. Опять же, за массивную и внушительную фигуру. Такое впечатление, что их кто-то подбирал по внешнему виду. Его, безусловно, уважали и любили. Им гордились. Да и как могло быть иначе, когда впереди первомайской колонны шествует такой великолепный флотский офицер, герой недавней войны, сверкающий золотом погон и орденов, и в такт с чеканным шагом только мерно колышется кортик и позвякивают многочисленные медали. Ну а мы, курсанты, шагаем следом в колонне, и тоже чеканним шаг. Черные квадраты рот, и только, если глядеть сверху, эти квадраты будут выглядеть ослепительно белыми, из-за белых чехлов мичманок, а с боков мерно колышется такой же белый, безусловно ровный пунктир от белых парадных

перчаток. И мы, курсанты, гордимся своим командиром. И собой, конечно - ведь и на нас слегка падают отраженным светом лучи этого великолепия.

А наши командиры рот. Все, как один, вчерашние боевые офицеры, и все тоже увешаны орденами и медалями. А на плечах тоже золото погон. Интеллигентный Матвеев Николай Михайлович, капитан третьего ранга, мой командир роты в течение всех лет учебы. И майор Гусев, он был командиром роты 1956 года выпуска. И добрейший майор Кукушкин Федор Алексеевич. И капитан третьего ранга Волков Яков Петрович, участник Феодосийского десанта, который был там жестоко изранен, а ныне преподает нам военно-морские науки. У всех грозный, боевой вид, который должен был бы вызывать у курсантов страх и трепет. Но все, без исключения, добрейшие люди. И их никто не боялся. И можно было нарушать сколько угодно, но в меру.

Теперь о курсантах. В эту новогоднюю ночь вспоминаю всех, рассказать могу только о некоторых. Так получилось, что жизнь моей группы проходила рядом с тремя группами СВС-1955, хотя мы и были на два курса младше. А по возрасту разница была еще больше. Из-за войны. Поэтому, естественно, мы не общались. Разные уровни. И я наблюдал их только со стороны. И смотрел снизу вверх. А было в этом выпуске ровно 77 молодых штурманов.

Какие там были ребята!!! Высокие, широкоплечие, все как на подбор. И форменки из самого лучшего флотского темно-синего сукна. Привозили с военных сборов и стажировок. Нам таких не выдавали. И они в этих форменках, как влитые, и только мышцы выпирают. Когда эти парни входили в актовый зал, где шли танцы, мы, младшие, выглядели бледно, и даже нарядные девушки, казалось, тускнеют на этом фоне.

Мне запомнились в первую очередь два друга, Слава Коршунов и Саша Гусев, а также Дима Семенов. Потому что они участвовали в художественной самодеятельности и часто выступали со сцены. Но самым видным был, конечно же, черноусый красавец Саша Степанов. Сибиряк. Природа для него не поскупилась. Он и среди гусар Дениса Давыдова был бы первым по стати.

И все ведут себя как-то спокойно, и с достоинством, как будто мир принадлежит только им. И никакой суетливости. Умом, конечно, понимаешь, что и они пользуются шпаргалками, и списывают, но как-то трудно себе это представить. Нечего и говорить, что я, понимая всю разницу, очень гордился, и до сих пор горжусь, что тоже входил в это содружество. И, конечно, старался быть похожим. Но это мне редко удавалось. Но потом всегда, в морях и на берегу, я старался отыскать, встретиться, пообщаться со всеми, без исключения, выпускниками – однокашниками.

Счастливы проходили курсантские годы. Учеба давалась мне легко, хоть я и не стремился к хорошим оценкам. Ведь, кроме учебников так много было вокруг захватывающе интересного. И прекрасная шлюпочная станция, где я скоро стал своим человеком и мог брать любую шлюпку даже на несколько дней. Чем часто пользовались и я, и мои товарищи. И танцевальные вечера в актовом зале. И прекрасные кинофильмы, особенно аргентинский фильм «Возраст любви» и наша «Карнавальная ночь». Мы были влюблены и в Лолиту Торрес и в Людмилу Гурченко одновременно. И, конечно, Днепр, который «чуден при тихой погоде», но меня он притягивал в любую погоду, от ранней весны и до первых морозов.

В первый же день, как я попал в Херсон, я на радостях переплыл Днепр дважды, без отдыха, в самом широком месте, напротив Говардовской пристани... А днепровские пляжи! А днепровская дельта, где мы на нашей шлюпке как – то даже заблудились в зарослях камыша 5-ти метровой высоты. И встречи Нового года в компании с симпатичными херсонскими девушками и с последующими выяснениями сложных отношений с ревнивыми херсонскими парнями.

И вот теперь встречаю Новый год один, на чужом судне, среди чужих людей, в далекой Южной Америке, куда меня судьба забросила в поисках работы и заработка, а может быть, и не только заработка. «Что ищет он в краю далеком, что бросил он в стране родной?»

Новогодний вечер... Как всегда, сладкая грусть. На столе сладкий и ароматный ром «Эльдорадо», тропические фрукты. Но главное - это мое мигающее пластмассовое чудо. Моя машина времени. Мой ковер-самолет. Это - мой компьютер.

Включаю, выхожу на сайт, и вновь я в Херсоне, в Мореходке, и все мы молодые, и все мы живы и счастливы. И я вновь и вновь вглядываюсь в знакомые лица курсантов, преподавателей и офицеров. Словно хочу понять что-то важное, а оно все ускользает. Кажется, вот – вот....

И опять, в который раз, вспоминаю и переживаю и радость встреч на морских просторах, и горечь утрат. Сашу Степанова я встретил через 25 лет после выпуска, в Мозамбике. Он был капитаном БМРТ «Балаклава», а я работал на берегу. Он меня, конечно, не узнал, да и не мог узнать.

Старшие младших обычно не помнят. Но от этого моя радость не была меньше. На правах хозяина я пригласил его в ресторан, и до сих пор счастлив, что доставил ему малость приятного. Только Саша тогда был какой-то грустный. Как что-то предчувствовал. Вскоре узнаю - «Балаклава» сгорела. Был ли он капитаном этого судна при пожаре, не знаю. И вот сейчас от кого-то узнаю, что Саша Степанов умер в Севастополе. Когда? А

может это неправда? Хочется надеяться несмотря на то, что такие новости приходят все чаще. Снаряды падают все гуще и все ближе.

Иногда спрашиваю себя - что заставляет меня заниматься розыском моих старых товарищей, при этом часто обжигаясь? Набираю номер телефона и боюсь - а что я услышу? Искал Эдика Рощина, СВС 1957, из моей группы. Нашел в Интернете, но данные устарели. Обзвонил и Керчь, и Николаев, и Одессу. Наконец говорят - вот его домашний телефон, только он... умер...три месяца назад... А, ведь я его начал искать ровно три месяца назад. Вероятно, в последнюю минуту Эдик послал из своей души сигнал: - «Всем! Всем! Всем!». И что-то сработало. 35 лет он возглавлял лоцманскую службу в Керчи.

Отвечаю так: ребята, я ищу вас такими, какими мы были 55 лет назад. В Херсоне. В Мореходке. Кажется, вот-вот нащупаю почву под ногами, если окажусь там, в том времени, среди вас, молодых и здоровых, стройных и красивых, веселых и счастливых. Если бы можно было сохранить неизменным, то время! «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» Вот так, вероятно, и выглядит Ностальгия.

И вновь я на волнах воспоминаний...

Лето 1957. Я нес службу помощником дежурного по училищу. Нахожусь, как и положено, в 1-м учебном корпусе. Вдруг с Кошевого в вестибюль вихрем влетает какой-то парень, в светлом костюме, лицо вроде знакомо. Как и положено, пытаюсь остановить, спросить: - «Вы к кому?». Он молча, не ответив, отстраняет меня рукой и бегом, перепрыгивая через три ступеньки, на второй этаж. Там была комната преподавателей и офицеров. И тут до меня дошло: - «Так это же выпускник СВС-1955! Если не ошибаюсь, Куликов! Приехал с ДВК, и первым делом куда?» Как вспомню эту сцену, так и сейчас что-то щемит. А вы говорите «бурса». Бурса не имеет такого магнита. И такой души. И эта таинственная сила взаимного душевного притяжения только увеличивается с годами.

Осень 1979. Я в Херсоне. И тут мне посчастливилось. С помощью Волкова Я.П. удалось собрать в ресторане «Киев» человек 20 преподавателей, офицеров и выпускников. Кое-кто тогда еще работал, остальные – пенсионеры. Были и Матвеев Н.М., и Коваленко А. Я., и Филиппов В. (СВС-1956), и Пилипенко В. (СМС -1954), и Коля Кононенко (СМС-1954), и другие. И я счастлив от этого до сих пор, и этот вечер в памяти навсегда.

Лето 1992. Мурманск. Иду по причалу. Ошвартовано судно - УТС «Хабаровск». Спрашиваю вахтенного: - «А у вас есть на судне выпускники ХМУ?» - «Есть...И капитан, и стармех».. Захожу, называю себя. Оказалось, капитаном здесь работает Дима Семенов, неизменный конферансье на

наших вечерах в те годы, а стармехом Лева Бродский (СМС-1954), он был в ХМУ известным волейболистом, входил в сборные. Надо сказать, Мореходка была богата спортивными талантами. И ныне и в Херсоне и в Мурманске уважительно произносятся имена боксера Адамовича или борца Шевченко...

Итак, УТС «Хабаровск». Заходят на огонек Саша Будкин, (СВС-1955), и В. П. Герцак, (СВС-1953). Радость встречи. И стол хорошо накрыт, и воспоминаниям нет конца. Потом не раз устраивали посиделки на этом судне, благо оно всегда у причала. Но, увы!.. Ухожу на пару недель в море. Возвращаюсь, и первым делом на «Хабаровск», а мне вахтенный сходу: - «А капитан помер, уже и похоронили». Было Диме тогда далеко до 60-и. 2009-й. Звоню домой к Саше Будкину. Отвечает внучка Ирина: «А дедушка умер 23-го января». Прошу извинения у читателя. «Ведь на то и Новый год, чтоб петь и веселиться!»

31.12.2009. Новогодний вечер продолжается. Я в каюте один. Но не одинок. Щелкаю комп, и опять со мною вы, мои старые товарищи. И я наполняю бокал и выпиваю до дна за ваше здоровье. И за светлую память о тех, которые ушли в свой последний рейс. И остались навечно в судовой роли. И вот поет для меня, для вас и для них наша старая любовь - Лолита Торрес, поет о любви, которая не имеет возраста. Поет Ив Монтан свою вечную песню об осенних листьях, как она была популярна в 1956-м! Поет Глеб Романов о «самом синем в мире», и Идалия Иванова - о «широком просторе, о море, зовущем в чужие края!». Все это – хиты из тех лет!

Ну, и естественно, звучит и звучит бессмертная «Бесамемучо». И все так же прекрасна эта песня, как прекрасна была та юная мексиканка, что сочинила песню много лет назад. Как и в далеком 1955-м, на моем первом корабле, так и сейчас, снова и снова звучит «Бесамемучо», звучит на корабле, который, возможно, станет моим последним. Как и тогда, в далеком 1955-м, я наслаждаюсь этой мелодией, жгучей, и сладкой, как этот ямайский ром. Только сегодня, кажется, чуть-чуть горчит...

Снова и снова летит над теплым южным морем этот Гимн Жизни, эта мелодия, волнующая, прекрасная и вечная, как сама Жизнь. Можно ли быть более счастливым в этой жизни земной? «И от сладостных слез не сумею ответить...»

Ткаченко Николай Адамович

Родился в 1937-м году в гор. Звенигородка, Черкасской области. 60 лет проведены на капитанском мостике, сначала – матросом-практикантом, а потом, и капитаном судна. Закончил в 1957-м Херсонское мореходное училище МРХ СССР, в 1968-м, заочно, и Калининградский технический институт МРХ СССР, по специальности – «Судовождение на морских путях». Инженер-судоводитель, капитан дальнего плавания.

Андрей Зуев

Николай Каланов 19 июля 2019 года в 00:33

Уважаемый Андрей! Прочитал ваши произведения (не все!) на ПРОЗА.РУ. Понравилось - "Демонстрация флага" и "Дуэль" - патриотично! Предлагаю вам поучаствовать в моём проекте - в сборнике морских рассказов "Морские досуги" (бесплатно). Посмотреть можно здесь - <http://www.litres.ru/serii-knig/morskie-istorii-i-bayki/>. Если желаете можно опубликовать ваши книги в Литресе.ру в сериях (с ISBN или без) - <http://gorizont.moscow/> С уважением - Каланов Николай - kalanov@list.ru www.kalanov.ru тлф-89166834408, скайп - [kalanov888](https://www.kalanov.ru) фейсбук - [Nikolay.kalanov](https://www.facebook.com/Nikolay.kalanov)

[Андрей Зуев](#) 3 декабря 2019 года в 20:27

Уважаемый Николай, благодарю Вас за прочтение моих рассказов. Я хотел бы поучаствовать в Вашем проекте но, к сожалению, не имею, пока, на это времени. Я сейчас и писать перестал. А все из-за того, что занялся строительством своего дома. Точнее домика. 6х6. Правда 2 этажа. Стройка подходит к финалу, я уже здесь живу. Первое же произведение будет о моем строительстве. Как я остался без квартиры, как мыкался по съемным квартирам и как покупал землю для строительства своего жилья. Это в будущем. А пока, увы, доделываю свой домик. С уважением А.В.Зуев

Дуэль

Андрей Зуев

Раннее утро в районе острова Сокотра. Возвращаясь в кубрик после сдачи вахты, я остановился у торпедного аппарата и, вдыхая пока еще прохладный, пахнущий водорослями и металлом воздух, блуждал взором по бескрайности двух океанов: воздушного и водного. Ослепительная голубизна купола небесного сливалась в бесконечной дали с синевой Индийского океана. В солнечных бликах искрящейся дорожки по левому борту плескалась стайка дельфинов, а на траверзе правого, менее чем в миле, выступал из воды каравай острова Сокотра. Берега его были отвесны и казались абсолютно непреступными, а потому вызывал вопросы: есть ли там люди, а если есть, то как они туда попали? Однако любопытство мое было не столь сильно, чтобы подойти к штурману и удовлетворить его. Вдруг на периферии зрения что-то блеснуло. Летучая рыбка! Она лежала под торпедным аппаратом. Почти каждое утро мы находили на палубе эти летучие создания. Я осторожно поднял рыбешку и расправил «крылышки» - очень большие плавники, которые позволяли ей выскочив из воды, а кончиком хвостового плавника поддерживая скорость, лететь на сотню метров от места старта. Она была чуть больше ладони, тельце квадратное и состояло, по-видимому, из одних мышц - сколько не пытался, так и не смог её согнуть. Не повезло этой рыбке - против стали не попрешь! Прощай рыбка, - сказал я, и, размахнувшись, вернул её безжизненное тельце в родную стихию.

В кубрике уже готовились к завтраку: бачковые «рубил баки» или, по-сухопутному, ставили столы в проходы между рундуками и шли на камбуз за завтраком. Как всегда был чай с белым хлебом, брусочком масла и сахаром рафинадом. Не все бросали сахар в чай, некоторые предпочитали хрустеть положив в рот с хлебом и маслом, и жевать долго, не запивая, и лишь потом напиток чаю, но уже без сахара. Наш трюмач, Славик, как всегда развлекал своеобразным способом завтрака: кидал в кружку с чаем сахар, а брусочек масла клал на край хлебного ломтя, потом, отхлебнув, откусывал кусочек хлеба, предварительно верхней губой отодвинув масло от края. И так все повторялось: глоток чая, губой сдвиг масла, откус хлеба, до тех пор пока оплывший масляный брусочек некуда было двигать. К этой минуте все в кубрике переставали жевать, ожидая кульминации акта. А Славик, протяжно вздохнув, закрывал глаза и вслепую направлял вождельный кусок хлеба с маслом в рот. Челюсти медленно перерабатывали лакомство. Превратив все в

жидкую субстанцию, он сладострастно замирал, по-видимому, достигнув пика наслаждения. Очевидно, в это время содержимое впитывалось организмом через слизистую рта. Мимика трюмача отражала высшую степень блаженства, словно он вкушал пищу богов! Но вот щеки снова приходили в движение и он сглатывал то, что не впиталось. Всего-то несколько секунд счастья, но - каждый день! Я тоже захотел ошастливить себя славным способом, но сколько не пробовал так поглощать завтрак, никакого наслаждения испытать не смог. Масло как масло. У нас с хохлами, вероятно, другое строение организма!

Внезапно наш ритуальный завтрак прервали «Колокола громкого боя». Тревога! Все бросились к выходу из кубрика. Вот где пригодилась муштра, которой «годки» регулярно подвергали «карасей». О! Они очень любили встать у трапа и смотреть, как молодежь преодолевает спуск и подъем. Но не дай бог споткнется о балясину или не так резво бежать по трапу, всё, часовая тренировка обеспечена. Зато теперь, во время тревоги, у трапа не образовывалась толчея, и матросы пулей вылетали на палубу, и, не сбавляя скорости, разлетались по своим боевым постам. Я по боевой тревоге должен находиться в артпогребе, где на стеллажах, поблескивая латунью, лежали снаряды корабельной артустановки, и это все за переборкой нашего кубрика, где была моя любимая коечка. Всего несколько миллиметров стали отделяли кубрик от погреба со смертью.

Как только начинает работать артустановка, тут и начинается моя работа. Надо вынуть снаряд из ячейки и вставить в кассету, а её с двумя снарядами поставить в приемный лоток. Дальше уже дело не мое, я только и слышу лязг металла, вой электродвигателей, грохот выстрелов и эвон отстрелянных гильз о палубу. Все это я слышал только один раз на учениях. Сейчас учений не предвиделось, тревога объявлена не учебная, что случилось? Вокруг рыщут различные военные корабли, недалеко минные поля, американские субмарины и на берегу сомалийцы палят из всех видов оружия. Может что началось? Мурашки кудато побежали по коже.

К нашей радости сыграли отбой тревоги и мы, как тараканы, повывлазили из всех щелей на главную палубу. Ох, хорошо! Поживем еще. Оказывается к нам подходил американский фрегат «Aulwin». Фрегат шел с явно мирными целями: с зачехленными пушками и стоявшими на палубе людьми. Наш командир, капитан третьего ранга Тесленко, я думаю, пообщался в эфире с «вероятным противником» и пришел к заключению, что войны еще нет. Разрешил им подойти. Фрегат бросил якорь не далеко от нас, в паре кабельтовых, и мы видели, как матросы, одетые в белую робу и какие-то панамки, уселись в шезлонги, закинув ноги на леера, начали ловить на спиннинги рыбу. Видно было, что там уже не мальчишки, а вполне взрослые дяди. Были на палубе и черные и белые. Мы тоже взялись за рыбалку, только без удочек, прямо с катушки и в воду. Приходилось перевешиваться через леера и, выставив руку, разматывать леску с наживкой. Иногда леска уходила так глубоко, что на катушке ничего не оставалось. На этот раз мы стояли на «банке» и глубина была не более ста метров. Редко когда грузило касалось дна, резкий рывок случался раньше, и на поверхность, после борьбы, вытаскивали разную рыбу. Удачей считался окунь килограммов на пять, а иногда с глубины поднимали рыбу раздутую как шар, она уже не боролась за жизнь - её сгубила кессонная болезнь.

День заканчивался, в тропиках темнеет быстро, и на кораблях загорелись огни. Экипаж отложил снасти и расположился на палубе в разных местах, но, с обязательным видом на фрегат. Заместитель командира по политчасти, ст. лейтенант (к сожалению, его фамилию не помню), приказал водрузить на юте, у самых лееров правого борта, большой экран для нашей киноустановки Украина. У противоположного борта поставили эту самую «установку залпового огня информации». По бокам экрана поставили самые большие колонки, которые, по замыслу замполита, должны донести всю правду о Советском оружии до одурманенных капиталистической пропагандой матросов и офицеров американского фрегата. И вот по экрану поползли танки, полетели самолеты и, побежала

наша героическая пехота. Диктор на чистейшем (наверное) английском языке, комментировал действие ударных сил советских войск. Весь наш экипаж, не исключая вахтенных, столпился на юте спиной к презренным мерикосам. Гордость за Советский военный флот грела наши души. Иногда мы оглядывались на силуэт фрегата, который почему-то пригасил огни. На нашем экране уже шли эскадры боевых кораблей, авианесущие крейсера и набитые морской пехотой десантные корабли, гордо развевались белоголубые военно-морские флаги с красными звездами, когда раздался над нашей палубой чей-то возглас:

- Смотрите, ребята, они тоже экран поставили! Сейчас они свою армию покажут.

Как по команде «кругом!», все повернулись в сторону фрегата в ожидании продолжения «дуэли». Американский «залп» не заставил себя ждать. И нас, советских моряков, готовых противостоять империалистическим проискам в любой стихии, он ошеломил и деморализовал с первых же секунд. На огромном экране их фрегата, в прекрасном цвете и при мощном звуке, без слов, но с красивой музыкой и томными вздохами, стонами и эротическими вскриками, пошла крутая порнография. Через короткое время крепкие и здоровые советские моряки пускали слюни и мяли шорты. Экипаж - по крайней мере все нижние чины, прилип намертво к леерам, и никакие крики замполита не производили должного эффекта. Только время от времени матросы срывались с места и, зажав рукой свое «хозяйство», неслись в галюн, где топили своих не рожденных детей в соленых водах Индийского океана. А на нашем экране уже все прибежали, и бобина крутилась вхолостую, да никто этого даже не заметил. Ни один советский моряк не смотрел на свой экран. Вот так ответным огнем американской информационной пушки, наше идеологическое оружие было сметено и раздавлено, втоптанно в грязь и полностью уничтожено. К сожалению, для всего экипажа, фрегат утром ушел, мы остались с приятными эротическими воспоминаниями. А как хотелось ... продолжения идеологической дуэли. Хотя, что бы мы им показали?

фото из Интернета.

Андрей Азарков

БАКЛАНЫ

«Да простит меня Greenpeace...»

Костик

Ну не любил Костик бакланов...

Нелюбовь возникла и окрепла во время службы матросом на Северном флоте.

...Флотские крейсерские будни.

Черная палуба, с индевелой каймой.

Зима. Суббота. Большая приборка.

Палуба надраена не единожды: «каком» к небу и скупому солнцу, с многочисленными поворотами «Все вдруг» после смачных плевков из гузок пролетающих бакланов.

Металл отликает холодным блеском.

Все чисто, но появление старпома настораживает...

Старпом движется неспешно и молча. И когда очередное пике неразумной птицы, завершается расплывающейся на черни белёсо-вонючей кляксой - крик старпома отправляет баклана ввысь, а моряков нагибает к палубе - большой приборке быть вечно!

Однако, работа – работой, а обед – по расписанию.

Там и родилась у морячка из боцкоманды жестокая антибакланная идея.

В следующую субботу, набив карманы «прикормом» - катышками хлебного мякиша с сердечниками из карбида, гвардия прибыла на приборку.

Ветер леденит кожу, отгоняя тепло от работающих корабельных механизмов. Трудятся братцы, надраивают палубу, отскребют бакланы метки. Когда – вне видимости старшего – распрямляют спины и, почти с подскока, высоко подбрасывают в серое небо «прикорм». Не достигая воды, начинённый хлебушек исчезает в клацающих бакланных клювах.

И кружатся птицы, погаживая и ожидая новой поживы. Но вдруг, замедляя лёт и раздуваясь в нелепом грюканьи, навсегда пикируют в волны.

И старпом шевелит мохнатыми бровями, наблюдая за неведомым доселе явлением.

«Бомбы падают мимо, поднимая волну, снова неумоимо мы идём на войну» - натирая палубу, напевает морячок из боцкоманды...

...Уже матерым, выдавшим жизнь в разных ее проявлениях, занесла Костю судьба на далекий остров, где суровые работяги бурили мерзлый грунт.

Ну и как же там без бакланов?

Эти бестии носились по небу, плюхались в воду, хватали что ни попадя в алчные клювы и беспрестанно гадили. Все по-прежнему.

Когда работа «кипит» – без разницы: есть бакланы, нет бакланов.

Но случилась незапланированная трудовая пауза. Оборудование стало и наступила зябкая скука.

Из-за скудности выбора вариантов отдыха, народ трезво философствовал и делился разными байками на фоне привычного пейзажа. Неумоимо кромсали крыльями воздушное пространство уже надоевшие бакланы.

И когда на «спецуху», прямо на плечо Костяну, с небес плюхнулась вонючая бакланья поклажа, расплывшись адмиральской звездой – придумалась роковая забава.

Бригада была разбита надвое. Был установлен срок готовности, выданы краски и птицеловы разбежались в разные концы оговоренной территории.»

...Вскоре над островом закружили эскадрильи бакланов с крестами «Люфтваффе» и нашими красными звёздами.

Разворачивались нешуточные воздушные бои за добычу и две команды работяг, заморожено смотря ввысь и по сторонам, вели строгий учёт: кто - кого.

Жизнь наладилась. Но за активным отдыхом никто не подумал о том, что в остров вгрызались не только наши, но и иноземные труженики, явно не понимающие загадочной русской души.

Через пару дней на остров прилетело озверелое начальство, «разогретое» чуть ли не Министерством иностранных дел с подачи импортных защитников природы. Начальство топало ногами и угрожающе

материлось. Рядом смущенно лопотали иностранцы, тыча пальцами в пролетающие «мессеры» и «ястребки».

В итоге был объявлен нереальный срок поимки и отмыва от краски несчастных птиц, с последующим решением участи охреневших выдумщиков.

Время сжималось. Отловить и отмыть всех меченых бакланов в общей массе?!

И тут, кстати, Косте вспомнилась история с «прикормом».

Карбид был...

В установленный срок прибывшее начальство недоверчиво обозревало небеса, в коих летали бакланы - «все в белом»...

Обманула Костика народная примета: «птичка какает – к деньгам» и отбыл он на материк со всей обезденеженной бригадой.

Начальство не забыло и не простило, хотя по докладам, вся птица была поймана, отмыта и отпущена на волю. Может, иноземцы что донесли...

Ну не любил Костик бакланов.

ЭБОЛА

Случилось так, что в свои далеко за пятьдесят каперанг запаса загрузил. Затосковал, понимая – откуда берется она, тоска сермяжная, и не понимаемая – зачем.

Зачем сам, сидящий сейчас в аэропорту и готовый к вылету на Юг, воевал на безымянных войнах, за кого, за олигархов?

Нет – за сыновей и внуков... А что им сумел донести, отдать?...

Цветная толпа внутри аэровокзала легко спасала от зябкого тумана северной Столицы, прилипшего к стеклам и, по-детски, зовущего что-то нарисовать на стекле или написать нехорошее слово, адресованное тоске.

По прилету, была машина и ожидание встречи со старыми, может уже и забывшими дружбу, друзьями. Все были объединены морем. Пусть не тем, которое рядом, но морем.

От асфальта парило.

...Он видел миражи, от выстрелов превращающиеся в реальность пустыни, лежащих на песке ребят, которых невозможно было донести до базы...

Он видел детей, мам, пап, пожилых людей, которые не являлись им дедушками или бабушками, но все улыбались.

Лето. Юг.

Слегка неуклюжий, с щетиной на вырост и глазами, вобравшими давление океана, в уже не военной форме с погонами вновь связавшего его с работой на воде и под ней (вернее – в ней), по-сталински прищурясь, смотрел и радовался Крыму.

Тоска исчезла. Значит понятно: почему и зачем.

Крым – НАШ.

Встречались по делу и без него. По делу, обмен опытом в новых реалиях, легко переходил в объятия той стихии, которая легко уравнивала разные моря, покачивая, а порой – штормя. Потом отдыхали.

На отдыхе каперанг, наотмашь падал в набегающую волну, фыркал по северному, выползал ленивым тюленем на раскаленную гальку и, расплывшись в улыбке, рассматривал кристаллизацию соленых капель, стекающих с бороды.

Лето. Крым.

В местах, ранее не по-людски огороженных ухватистыми Бенями, Юлями, Петями, Арсюшами и другими строителями незалеженной неньки (чтобы у моря плохо не лежало), ныне лежали на солнце разнокалиберные отдыхающие, а главное – возлежал Он и его ветеранистые друзья.

На ветру, замешанном на йоде водорослей, парении шалфея и чабреца, думалось и говорилось легко.

Общались. Вспоминали. Удивлялись.

Плавали и ныряли – не глубоко.

Вечер набряк отяжелевшими веками.

На небо набегали звезды. Все больше и больше.

Тени расплывались в качании пряной южной ночи.

И в нее он, споткнувшись, упал.

Вернее – полетел. Небо – выше, кусты можжевела – рядом.

Шаркнул лицом о теплую крымскую землю и удивился.

Утро отлета обозначилось хлопком незакрытой двери и незатейливой озабоченностью друзей.

Он проснулся раньше.

Вспоминал.

Посмотрел на себя в зеркало.

Вздыхнул и улыбнулся.

Юг. Крым.

В номере шумели. Предлагали ему принести тональный крем или «гражданку» - с таким видом, в форме и в самолет?!

Улыбнулся. Попросил принести маску.

Было предложено: еще и ласты и понырять в море.

Он их отправил в аптеку.

Асфальт парил.

Аэропорт шумел чуть больше, чем в голове каперанга и радостные дети, мамы, папы и пожилые люди, что не являлись им бабушками или дедушками, улыбались: в отглаженной, строгой форме и лихо завязанной медицинской маске, одиноко, в цветной толпе, уверенно шел к трапу самолета каперанг.

На – Вы больны? От очаровательно вышколенной бортпроводницы, он, чуть покачнувшись ответил краткое: Эбола.

После паузы добавил: нет не болен, а во всем мире свирепствует Эбола, предохраняйтесь...

Полет прошел нормально.

В основном, он дремал.

Северная столица встречала удивленной женой и привычным туманом, в котором оседали, еще не остывшие от крымского солнца шушукание и уважительные взгляды экипажа и пассажиров.

МУЖЧИНКА! А Я ВАС ПОМНЮ...

(основано на реальных событиях)

Моему другу Володе Гуду посвящается

Больничная палата была чистой, с высоким потолком, стенами цвета слоновой кости и зимним пейзажем за огромным окном. Со своим сложным переломом лодыжки я попал ночью по «скорой» в эту ауру спокойствия и обходительности – кардиохирургическое отделение, по случаю отсутствия свободных коек даже в переполненных коридорах стонущей в тяжёлом запахе «травмы».

Зима и последствия долгих новогодних праздников: где души широко разворачиваются, а непослушные тела опадают с хрустом на крепкий лёд;

пробитые головы и ножевые раны из нетрезвых разборок; просто немощь стариков перед природой, где каждая зима – неожиданное стихийное бедствие.

Палата на четверых заключала в себе особенную, размеренно-молчаливую жизнь людей, в чьих глазах угадывалось тревожно-спокойное ожидание неизбежности пересечения тайной границы, из-за которой обязательно нужно вернуться назад. Моя койка была приставлена пятой и первое время, я был здесь чужаком. Ошеломлённый неутраченной болью, я вклинивался в этот глубокомысленный покой с трудом сдерживаемыми стонами и скрежетом зубов.

Это поздним утром, после обморочного полусна, я познакомился, а позже и сдружился с Толей, поступившим сюда для замены стента в коронарной артерии. Он, почему-то радостно называл меня «товарищ полковник», хвалил за стойкость и участливо спрашивал – не изжевал ли я за ночь все свои зубы. В ходе разговора шутил и, внезапно подхватив мою «утку», размашисто выплёскивал ее содержимое в раковину умывальника и, ополоснув, задорно басил:

- Наливай!

Толя обладал крепкой коренастой фигурой, кулаками с пивную кружку и открытым скуластым лицом с карими глазами потаённого философа, работающего прорабом на стройке.

...После визитов кардиохирурга и анестезиолога к Толе пришла жена, много моложе него, такая же кареглазая и очень тихая. Нежно прижавшись, они сидели на больничной койке, почти без движения, негромко говорили и подолгу молчаливо смотрели друг на друга. Уходя, супруга отдала плюшевого медвежонка. И, сидя в тишине, Толя долго и лаково гладил игрушку по шёрстке, смотря в, казалось только ему ведомую даль. И взор его проникал сквозь стену. Потом он сделал много звонков, всякий раз, спокойно завершая разговор:

- «Надеюсь, позвоню послезавтра».

Когда Толю увезли в операционную, отблески неярких солнечных лучей оживили карие пуговицы глаз медвежонка, одиноко сидящего на примятой кровати и сосредоточенно смотрящего в ту далёкую даль, которую указал ему, уезжая, хозяин.

Спустя сутки, седой, с Хемингуэевской бородкой, Иваныч, почёсывая свой «баян» - распиленную и скрепленную капроновой нитью грудную клетку, торжественно доложил прибывшему из реанимации Толе, что в его отсутствие медвежонок не шалил и честно, в третий раз, дождался своего хозяина.

Уже свой в палате, я так и оставался чужаком для всего персонала кардиохирургии, числясь в травматологии. Отделения были разделены многочисленными этажами и по нескольку дней не было ни обхода врачей, ни каких-либо сведений о дате операции. Шли пятые больничные сутки.

Собранные в приёмном отделении кости неумолимо срастались по принципу «как придётся». Неизвестность и обездвиженная беспомощность душили до слёз. Ускорить срок операции не могли ни звонки влиятельных знакомых, ни просьбы уважаемого профессора, чей кабинет был той самой «травме». Его ежедневно будоражил просьбами мой давний друг Володя. И профессор обещал – непременно помочь, пристально смотря на Володю. И глаза профессора обнажали мудрость, словно воскрешая из далёкого непредсказуемого прошлого слова известного еврейского актёра и режиссёра Михоэlsa:

- Глаза это единственный кусочек «открытого» мозга.

Так говорил актёрам лауреат Сталинской премии Соломон Михайлович, безжалостно, насмерть (в прямом смысле) раздавленный МГБ-шной машиной.

Володя работал вместе с профессором, совмещая научную медицинскую деятельность со своим литературным трудом, напроць захлестнувшим его разрывающуюся натрое жизнь – между родной березовой Белоруссией, солнечно-солёным Севастополем и зябко-гранитным Петербургом, осиянным златовласым ангелочком - доченькой Верочкой, ниспосланной Господом в его шестьдесят лет.

Военно-морской врач, не единожды командированный в Афган и другие горячие точки, с искорябанными в кровь воспоминаниями о первой семье и нелёгком былом, он писал глубинные, светлые стихотворения, пронзительные новеллы, где смешения времён, судеб и чувств сплетали упругую батутную сеть, затягивающую и внезапно подбрасывающую читателя в неведомые, влекущие миры. И конечные многоточия вмещали вселенные: *«Завтра будет убит взводный Ваня Здоровых, а пока он сидит в офицерской столовой...»*; *«Вокзал – несгораемый ящик разлук, наших встреч и разлук...»*; *«...Белая чайка летит в Красную книгу заката»*.

Сезонно возвращаясь в Севастополь, не расставаясь с фотоаппаратом, он подолгу бродил по Балаклавской яйле, сливаясь с рассветами и закатами, пронзал собой волны и обаял стихами встреченные прекрасные создания. Он цепко фиксировал уходящие мгновения и лица. И потом, в сумраке Петербурга, они оживали на бумаге. Похожие и не похожие...

Мы обязательно встречались с Володей в Севастополе. И я писал посвящения моему всегда радостно лучистому или светло задумчивому другу:

*Он улыбочив и свеж,
Не взирая на годы,
Что текут, как песок –
И Афганский.... И Крымский,
Переполнен надежд -
Вседержатель погоды,
Ту, что наискосок
Приобнял побратимски.*

*И на рыжих откосах,
И в серости скал,
И во взрывах волны,
Понимающей братство –
Выплывая – на осах
Тельняшку искал,
На изломы Страны
Собираясь взобраться....*

2.

*Какие были времена!
И мы бродили бесшабашно
С бокалом красного вина
По золотистой кромке пляжной,
Читали яркие стихи,
В волну кудлатую ныряли,
В переплетения стихий
Страны, что вскоре потеряли...
Мы верили, страна вернётся,
Но Век не верил, лиходей,
И всё бросал монеты солнца
За горизонт прожитых дней.
Какие были времена...*

3.

*Немного сыра и вина,
И притяженья горизонта
К подножьям гор, где бьёт волна
Баклуши гальки всесезонно,
Немного ветра и дождя
От Питера для крымских сосен...
И некто, с лысиной Вождя,
Меня почти внезапно спросит:
- Кто гиппократей всех врачей?
- Бродитель по откосам рыжим,
Ловитель солнечных лучей
На дамах трепетно бесстыжих,
И романист, и книгочей!*

После волшебных профессорских пинков, ко мне прибежал взъерошенный заведующий травматологическим отделением и честно говорил, что ежедневно планирует мою операцию, но опять поступают тяжёлые больные, и когда на кону их жизнь – моя нога должна подождать.

Вестником из «травмы» для меня был Гурамчик – весёлый пухленький армянчик, хрустнувший лодыжкой в один день со мной. Мы почти

одновременно поступили в приёмный покой, где и познакомились. Гурамчик каким-то чудом выбил себе место в переполненном коридоре травмы. Его перелом был без смещения костей, почти без боли и ежедневно, выставив как орудийный ствол свою гипсу, он прикатывал ко мне на «блатной коляске» шумно сказать о том, что его, лежащего у самой ординаторской, ещё не прооперировали, а главное – Гурамчик убеждался, что я его не опередил. Он колесил «туда-сюда» по палате, хохмил и доверительно шептал, что уже кто надо кому надо позвонил, и завтра нас уже точно будут готовить к операции. Меня не оставляло ощущение, что Гурамчик кого-то напоминал...

На шестой день Гурамчик подозрительно исчез и на мои звонки не отвечал.

В очередной раз отправив просительницей в «травму» расстроенную жену, я заодно просил её узнать, как поживает наш балагур. Настойчиво нарастало обидное подозрение, что Гурамчику уже сделали операцию. Но всё оказалось иначе.

В недавний вечер к нему пришли девчонки, к которым он спустился на лифте в вестибюль. Потом его видели выписывающим пируэты профи-колясочника. Он весело шумел и на поворотах внезапно втыкался в пышные чресла подруг оранжевым ногтем большого пальца ноги, задорно торчавшим из гипсовой пушки:

- Пхух! Пхи-хи, красавица, пхух!!!

В отделение Гурамчик заехал по кривой траектории, задев проходящую дежурную сестру и бортанув каталку с бабушкой-одуванчиком, разбившей о пол обронённый телефон, тем самым оборвав животворящую связь с забольничным миром. Гурамчик был немедленно уличён в благодушной нетрезвости и, как ни странно, на следующий день безжалостно выписан в травмпункт по месту жительства.

Затаенная обида прошла и возникло осознание того, что гордость не прооперированного, изгнанного горца не могла позволить Гурамчику отвечать на мои настырные звонки.

Так исчез мой Гурамчик - поставщик хрупких, обожжённых армянским солнцем, кирпичиков для разрушающейся в ветрах больничного ожидания пирамиды надежды. И я понял, кого же он мне напоминал!

...Ашотик был флотским лейтенантом. Небольшого роста, плотно упитанный, с чуть укороченными по отношению к общему абрису фигуры руками и орлиным носом, горделиво гнездящимся на вершине смоляных усиков. Очень исполнительный, но реально годный для решения не срочных и не сложных задач. Ещё Ашотик любил шутить, хорошо покушать и носить флотскую форму. В течение двух лет его службы в части, никто не видел Ашотика «по гражданке». Говорили, что даже в отпуске (как положено лейтенанту – зимнем) он ходил по родному селу в своей чёрной, до щиколоток, шинели, скрестив руки на животике, дабы не потерять их в длинных рукавах. А ещё – соседские мальчишки как-то перепутали его с пономарём местной церкви, увидав со спины.

В столовой Ашотик регулярно незлобно подтрунивал над молоденькой раздатчицей и не желающей стареть кассиршей. Ритуально подносил тарелку с внушительной горкой снеди к чуткому орлиному носу, пульсировал ноздрями, «вахал» и сладостно урчал:

- А за-а-апах!

Женщинам это бесконечно нравилось и как результат – лучшие куски мяса всегда придерживались для Ашотика.

В осенний призыв, как самого исполнительного, Ашотика отправили за молодым пополнением куда-то за Урал. Помощниками были выделены матёрые мичманы: Семёныч и Палыч, знающие как и кого отбирать на призывном пункте, и как избежать происшествий в пути следования.

Убыли планово. Планово прибыли. Доложили командиру:

- Молодое пополнение прибыло в полном составе, больных нет, происшествий не случилось.

Но грустен был наш Ашотик. Завидев мичманов из сопровождения, старался их обойти и даже не смотреть в эту сторону. В столовой, заказывая традиционную двойную порцию, был печально вежлив, а главное, что удивляло окружающих – исчезла его «коронная» фраза: «А за-а-апах!».

О причине произошедших изменений в поведении Ашотика мичманы упорно молчали или же переводили разговор на другие темы. Но как-то за «рюмкой чая» дюжий Семёныч не выдержал. Кто-то во время застолья вспомнил Ашотика. И суровый Семёныч, смачно жевавший шмат копчёного сала, проталкивая им в глубь своего чрева только что опрокинутые «сто пятьдесят», вдруг набылчился, густо покраснел и порскнул в кулак. Потом долбанул рукой по столу и сипло выдохнул:

- Больше не могу терпеть, братцы!

Так был рассекречен казус Ашотика.

После погрузки в поезд принятого молодого пополнения, согласно непреложному правилу соблюдения санитарных норм, мичманы провели традиционный «шмон». У «молодых» отбирались все скоропортящиеся продукты чтобы в пути не случился «дростопад» - никакого зверства: что не портится – ешь сколько хочешь, пей чай да спи на полке или считай мелькающие столбы на фоне заснеженных чащоб. «Неликвида» собрали много и даже нашли несколько бутылок спиртного, которые умельцы сумели, обойдя все препоны, взять с собой в дальний путь. Отобранные продукты мичманы снесли в «командирское» купе дабы выбросить на ближайшей станции, о чём и известили огорчённый личный состав. Далее «молодняк» выстроили в вагонном проходе и доходчиво инструктивно «пропесочили». А затем, распаленный мичман Палыч, рыкнув: «От сукодеи!», начал хрустко бить друг о друга бутылки над выставленным перед строем, заранее раздобытым у проводника, пластиковым ведром. Закончив, в гробовом молчании строя, праведное действие, Палыч обозрел всех до единого выпученными глазами и выдал завершающее:

- Я научу Родину любить – мать вашу!

И прилюдно отправил Семёныча слить всё в унитаз, напомнив о проведении доклада командиру.

Ашотик восседал на нижней полке командирского купе среди уймы пакетов с отобранной снедью. Руки его возлежали на пухлом животике, глаза были благостно полузакрыты, а волосатые ноздри, подрагивая, втягивали перепутанный аромат. Мысленно пронзая непрозрачность пакетов, он явно видел жареных и варёных курочек, натертых чесночком и краплёных зеленью, пряные домашние колбасы, румяные рыбные пироги, и ещё, ещё, ещё...

В купе, звякнув ведром, заглянул Семёныч, доложил: «Исполнено!» и схватив пустые пластиковые бутылки, нож и перевязочный пакет, убыл в тамбур.

Запершись в туалете, Семёныч ловко срезал верхнюю, с горлышком, осьмушку бутылки, обтянул ее бинтом и вставил в нижнюю часть. Сел на стульчак и надёжно зажав приспособление меж колен, начал аккуратно сливать «горючее», фильтруя мелкое стекло. Для «молодняка» в туалете – спиртной дух, в отхожем ведре – бутылочные стёкла, а начальству – нежданное успокоительное, как говорится - на сон грядущий.

Мичманы занимались с личным составом и Ашотик, вывалив содержимое пакетов на полки, начал делёж продуктов по принципу: «точно на выброс» и «можно оставить». Разложив «делюгу» по разным полкам, он решил вздремнуть до прихода мичманов. Однако запахи не давали уснуть. Ашотик, сглатывая слюну, смотрел и смотрел на продукты. Потом поднялся, походил по купе «туда-сюда», вышел в коридор, деловито подошёл к Палычу, потом к Семёнычу, строго осмотрел молодежь и не стал мешать рабочему процессу. Вернувшись в купе, мысленно произнёс: «Всё равно выбрасывать» и приступил к ревизии полки с продуктами «точно на выброс». Он откладывал те продукты, что определялись как «точно-точно на выброс» и, настороженно обнюхав, торопливо съедал те, что попали в эту категорию ошибочно.

...Ночью поезд остановился на каком-то глухом полустанке и, как оказалось, стоянка продлиться около часа. Оставив Палыча приглядывать за спящими бойцами, Ашотик с Семёнычем вышли на свежий воздух.

Густой лес подступал к железной дороге высокой гаревой стеной, нанизавшей на вершины деревьев тяжёлое, почти беззвёздное небо. Скрипучий на ветру навесной фонарь раскачивал мутно-жёлтый свет, пятная угол станционной будки, редкозубый штакетник забора и кривобокие кусты. Казалось, что вот-вот в тиши скрипнет дверь и выйдет в ночь Пушкинский станционный смотритель.

Замахнувшийся не одну «соточку» Семёныч философски, на грани вселенского понимания, молчал и, запрокинув голову, пускал папиросный дым в непроглядную темь.

Ашотик невысоко попрыгал, помахал руками, несильно повертел туловом из стороны в сторону и после адресованного Семёнычу «Грустно,

брат..», испуганно ойкнул. Резкие боли пронзили низ живота, Ашотика бросило в дрожь и, кажется, даже выступила липкая испарина. В памяти возникло ехидное сравнение из старого фильма – «Бронетёмкинпоносец» и Ашотик простонал:

- Семёныч, прихватило...Щас ус..сь!

Подниматься в вагон было страшно. Казалось – задери ногу - разомнутся сведённые до дрожи полужопицы, и всё...

- Там сортир - Семёныч ткнул в темноту корявым пальцем.

И взволнованный Ашотик едва различил покосившееся деревянное строение нужного назначения.

В нахлобученной чёрной шапке, утопая под куполом чёрной шинели, по-монашески семеня на полусогнутых ногах и тихо подвывая, Ашотик растворился во тьме.

На деревянном сортире двери не было, что было логично из-за отсутствия искусственного освещения и безлюдности окружающей местности.

Ашотик, взмахнув крылами шинели, орлом взлетел на дырявый насест и превратился в чёрный напыженный комочек, не различимый в дверном проёме, как если бы добавилась капля чёрной краски на холсте «Чёрного квадрата» Малевича.

...Из станционной будки выкатилась грузная пожилая женщина с торчащими из карманов телогрейки сигнальными флажками. Негромко напевая, она неспешно направилась в сторону сортира.

Семёныч замер, наблюдая процесс движения первого живого существа, встреченного в этой дремотной пустоте. Сначала он хотел крикнуть, что сортир занят, но помешкав, решил не пугать отрешённо от всего идущую по делам женщину – подойдёт и поймет, что место занято, подождёт...

Откуда было знать Семёнычу, что дверь в сортире отсутствовала?

Ашотик пыхтел и ёрзал над зловонной дырой, а резь в кишечнике то обманчиво затихала, то вновь нарастала в болезненном стремлении вытолкнуть всё, что было загружено из кучки «на выброс».

...Крупная фигура (назовём так незнакомую женщину) зашла с тыла отхожего места, привычно достигла траверза дверного проёма и задрал подол, да спустив исподнее стала, почти не глядя, заходить задом в сортир.

Услышав посторонние звуки и негромкое пение, Ашотик приподнял голову и, в ужасе, обозрел надвигающуюся на него огромную голую задницу, за которой стремительно исчезали и графитовый лес, и даже едва ранее различимый краешек ночного неба!

Не понимая зачем, а скорее инстинктивно, гортанным командирским голосом Ашотик рявкнул:

- Стой, кто идёт!

Что подсказал ему внутренний голос, выдавая «на-гора» караульный окрик – что задница остановится или растворится во тьме?

Эффект происшедшего был аналогичен тому, если бы мирно пасущуюся на лугу и тужащуюся корову резко дёрнули за хвост.

Из нацеленной задницы салютно ухнуло и плюхнуло одновременно!

И лишь потом два жутких крика слились в единый ужасающий вой, и последовало подпрыгивающее-стремительное исчезновение загадочно возникшей фигуры.

Семёныч, схватившись за пустую кобуру, рванулся на душераздирающие вопли:

- Бегу, Ашот Айратович, бегу!!!

Из-за покосившегося ещё больше сортира медленно и трагично, с разведёнными в стороны руками с поникшими концами длинных рукавов появился Ашотик. Ошарашенный Семёныч, увидев уделанного от шапки до колен лейтенанта, выдохнул:

- Живой! Ну, вылитый Пьеро, только слёзки из каки...

Потом, не зная зачем, громче добавил:

- А за-а-апах!

...Наконец, мне дали команду готовиться к завтрашней операции!

Уверенность в том, что развязка близка, подкрепляло то, что с вечера, пожалев молоденькую медсестру, я, балансируя на одном колене и позвякивая о кафель кружкой Эсмарха, как корабельной рындой, успешно совершил акт очищения.

А еще, с утра, меня посетил врач анестезиолог!

Шумно распахнулась дверь в палату и ввалилась ОНА – анестезиолог с фигурой располневшего борца-вольника, увенчанной головой в форме «лампочки Ильича», маркированной жестко покрашенными мутными клеймами глаз. Безошибочно выбрала единственного загипсованного:

- Аллергия на лекарства?!

- Нет...

- Открыть рот, высунуть язык, показать зубы! Да, б..., голову выше и к свету!

Придавленный напором мощнотелого существа, как вспотевший хлюпик к борцовскому ковру, я негромко сопротивлялся:

- Нельзя ли повежливей? Сказали бы как Вам надо, я бы и повернулся...

- Зубы хорошие, не протез?!

- Нет. Да не щёлкайте по зубам своими пальцами!

- Так, руку освободил выше локтя!

Делая укол для проверки реакции ошеломлённого организма на вводимый препарат, гипнотизирующим взглядом кобры она замораживала мозг и обездвиживала протестующее тело намеченной жертвы. Потом, её лоснящееся, в рытвинках, лицо оказалось так близко, что сиплое: «До завтрачка...», выхлопнувшее из-под недовырванных чёрных усиков, ударной волной стойкого табачного перегара почти впечатало меня в больничную стену:

- Охренеть... С такими врачами я ещё не встречался. Не баба, а боцман с бодуна. Явно давно мужика у неё нет. А лечь с такой – легче «шкертануться»!

Смех в палате, оборвался шумом распахнутой двери, и сиплым баском вынырнувшей из-за неё раскалённой лампочки:

- Мужчинка! А я ещё не ушла....

- Теперь, полковник, главное – не терять бдительность! – резюмировал Иваныч и загадочно похлопал себя по штопаной груди.

Ночью мне приснился покойный друг – каперанг Саня. Он улыбался и призывно махал рукой с ошвартованного у пирса эсминца. По пирсу лихо проколесил баламут Гурамчик, отчаянно подталкивая загипсованной ногой каталку с недвижно лежащим на ней, отходящим в мир иной, наркошей (я его видел в приёмном покое). Наркоша был дорого одет, с лысым черепом, жёстко обтянутым желтушной кожей ритуального барабана, найденного на раскопках стоянки племени людоедов. Потом из шершавой серой стены вышла, поскрипывая блестящей кожанкой Каваллерийского эскадрона РККА, Ольга Зотова из фильма «Гадюка». Она злобно посмотрела и выплонула к моим ногам мятую папиросу с исключительным мундштуком...

А на следующий день, часам к пятнадцати мне сообщили, что операцию перенесли.

В тревожном ожидании баба-боцман была мной забыта.

Самой большой загадкой для меня была оставшаяся не заполненной в моей истории болезни строка «Лечащий врач».

Просчитываемых вариантов, кто же мне будет делать операцию, вырисовывалось два: либо заведующий отделением, либо весёлый балагур – хирург Заур Муратович, ибо больше никто из «травмы» ко мне не приходил. В итоге, истина оказалась где-то рядом. Оперировали они двое, вернее – почти двое: часа два, непрерывно трудился Заур Муратович, а зав. отделением, как я понял, в перерывах между своими операциями, внезапно появлялся, ненадолго вклинивался в процесс и также внезапно исчезал, как нинзя – видимо действовали волшебные пинки профессора, подталкиваемого Володей...

На операцию меня, почти утратившего веру в то, что она вообще когда-нибудь свершится, повезли часам к четырнадцати – а это почти завершение операционного дня.

Беззащитно голого, хотя - в гипсе и под одеялом, меня катили под высокими серыми сводами с мерцающими подслеповатыми лампами, по нескончаемым коридорам и переходам с клацающими о каталку железными дверьми, а я, успокаивая себя, мысленно представлял ход операции: наркоз – укол в позвоночник, два неощутимых разреза на ноге (надо скреплять две сломанных кости - так говорил мне зав. отделением), безболезненное и только слышимое прикручивание титановых пластин. А где-то, глубоко внутри - ехидно звучал басок:

- Мужчинка! А я ещё не ушла....

В операционной (по-моему одной, из имеющихся четырнадцати), шерстистый Заур Муратович, весело мне подмигнув, вызвал анестезиолога...

Хрупкая блондинка в накрахмаленном душистом халатике нежно произнесла:

- Я ваш анестезиолог. Будем делать эпидуральную анестезию. Иголочка тонкая, совсем не больно. Сядьте, пожалуйста.

Как благодно было слышать этот голос!

Ощупывание позвоночника. Комариный укус. И нижняя часть тела – в отключке. Окружающий мир сузился до различных звуков и того, что можно было обзреть: занавешенная перед лицом шторка, многоглазослепящая лампа над операционным столом и, частично, обстановка по бокам от себя.

Муратович хрустко вскрыл гипс. Спросил – чувствую ли я ноги и, в подтверждение моего: «Нет», приподняв мою ногу за большой палец, уронил её на стол. Я ничего не почувствовал.

- Ну и гематомы! Сколько же со дня перелома? – склонился он надо мной.

- Девятый день. Была бы у лодыжки душа – уже бы отлетала...

- Да... Будэм брить!

В операционной было подозрительно тихо. Кроме хирурга, скребущего станком по ноге, где-то в дальнем углу угадывалось присутствие ещё одного человека – явно не ассистента. Анестезиолог с помощником недавно ушли – эта часть процесса подготовки к операции их не касалась.

Закончив бритьё, под негромкий жизнеутверждающий абхазский напев, Муратович цокнул и удовлетворенно произнёс:

- Не нога – яйцо пасхальный! А где мои ассистенты?

- Да все ещё на занятиях, обещали быть – ответил женский голос из дальнего угла.

- Время... время. Будем начинать! Инструменты подавать можешь?

- Доктор, вы только их не роняйте, обработанных больше нет. А подавать могу.

Появились анестезиолог с помощником. Поставили капельницу, соединили меня проволочками с приборами и надели кислородную маску. Заур Муратович громыхнул подброшенным к операционному столу допотопным табуретом, а наклонившаяся ко мне нежная блондиночка по Гагарински улыбнулась:

- Поехали!

Отгоняя неясную тревогу, мой взгляд цепко обшаривал ограниченное пространство, цепляясь за каждую мелочь, неожиданно обретающую запоминающуюся важность. Вот он добрел до края халата сидящего на табурете и колдующего над операционным полем Муратовича. Видимая мне часть табурета представлялось реликвией времён Мукденского сражения. Многочисленные щербинки и вмятины – следы осколков и шрапнели обрамлялись многоцветной и разнокалиберной чешуёй наслоений краски – словно срезами картин Малевича...

Пикали приборы, негромко о чём-то говорил анестезиолог с помощником и ещё кем-то. И, вдруг, выстрелил знакомый боцманский басок:

- Мужчинка! А я вас помню!

И уже впивались в меня очково очерченные, злобные змеиные глазки, и горклый табачный дух настырно вползал под кислородную маску.

- И я вас никогда не забуду! Но, укольчик уже сделали – изо всех сил выкрикнул я сквозь прижатый к лицу силикон.

И прикрыл глаза...

Оперируя «в одиночку», Муратович таки звонко ронял инструмент. Пускал ли он его снова в дело – за ширмой мне видно не было.

Появился зав. отделением, подбадривающее глянул на меня и спросил Заура:

- Зачем такой большой разрез?

- Большой нога – большой разрез! Логично.

Потом они что-то негромко обсуждали и, случайно, слышно для меня Заур произнёс:

- Все складывается. Но есть ещё небольшой осколок кости, который штатным шурупом никак не могу притянуть.

- Вряд ли повлияет... Да выбрось его на х..!

Даже сквозь маску ими был услышан мой отчаянный крик:

- Как на х..?!!!

Оба удивлённо склонились надо мной. И Заур пошёл искать нужный шуруп в других операционных. И нашёл!

Раздался гомон из неопознанных гортанных голосов. Появились долгожданные ассистенты, они же – интерны. Муратович, радостно дал себе передых и переключился с меня на прибывших. Русская речь плавно трансформировалась в родной Зауру диалект. И ему отвечали, как могут отвечать обрадованные земляки.

- Доктор, доктор! Сзади вас – у больного кровотечение – теребила Заура женщина, подававшая инструменты.

- Э... Договорим и всё остановим! Нэ волнуйся, дорогая!

Нестерпимо хотелось отмотать всё назад и оказаться под общим наркозом!

Прошло часа полтора. И, как я понимал, собрали и скрепили пластиной только одну кость.

Блондиночка анестезиолог поговорила по мобильнику и обратилась к Зауру:

- Пора заканчивать, уже почти шестнадцать. А мне ещё надо успеть ребенка из садика забрать.

И они закончили операцию!

Про перелом второй кости, не дожидаясь моего вопроса, прибывший зав. отделением мне доверительно сказал, что, судя по снимку, вторая кость срастается правильно и решено пластину не устанавливать – зачем дополнительно травмировать ногу?

Вынули иглу капельницы, отключили проводки, сняли маску, отодвинули ширму. И широко улыбающийся Заур Муратович волосатой рукой в перепачканной кровью перчатке, традиционно – за большой палец, поднял мою обновлённую ногу так, чтобы я её видел и торжественно произнес:

- Нога человеческая. Одна штука. Готово – забирайте!

И театрально разжал свои толстые пальцы.

Нога с мертвецки провалившейся внутрь коленной чашечкой шмякнулась на стол.

...Травматолог, к которому я был выписан по месту жительства, покручивая мелированный временем ус, долго сравнивал снимки ноги до и после операции, и уважительно произнёс:

- Филигранная сборка!

- И осколки все собрали? И вторая кость срастается правильно? – беспокоился я.

- Мастера работали. Все в норме.

Через месяц, переполненный благодарностью, я приехал в больницу вынимать шуруп, который жёстко фиксировал стопу. Наступало время реабилитации сустава. И я снова гадал, кто будет мне выкручивать шуруп, кого осыпать благодарностью: зав отделением или Заура Муратовича. Истина снова была где-то рядом.

...Трое интернов восточного типа окружали Заура, нащупывающего под кожей головку нужного шурупа (место разреза) и проговаривающего каждое своё действие. Обречённо, я осознавал, что это раньше был уважаемый «капраз», а теперь – просто «пенсик». На ком ещё набивать руку интернам - будущим медицинским светилам?

Горбоносый и небритый интерн, упорно сопя, крутил и крутил отвертку, налегая всем своим весом на прижатую, на выверт, к столу ногу. Время шло, хрустела костная ткань, а результата не было:

- Заур Муратович, шуруп прокручивается...

Перехватив отвёртку, очень похожую на ту, что я недавно купил в строительном магазине, Заур сделал ею несколько оборотов и, шлёпнув по курчавому затылку интерна, изрёк:

- Я тебе какое место показывал, балбэс? Там нет шурупа, там кость!

Чуть позже рука мастера извлекла и предъявила моим очам окровавленный длинный шуруп. Я смотрел на него, а виделась расковырянная лишняя дырка в многострадальной кости.

- Спасибо, доктор! Да здравствует наша медицина – самая гуманная медицина в мире!

Через год, нарушив установленные правила, я поехал снимать пластину в другую клинику к рекомендованному мне другом талантливому врачу.

Наркоз был, как говорится «с полным погружением» и я, очнувшись, узнал, что всё прошло удачно, а на ноге было сделано только три небольших разреза.

...В голове слегка шумело. На душе было светло и радостно – кончились хирургические мытарства! Но блазнилось мне, разомлевшему в мягко навалившемся тёплом спокойствии, что из самых дальних глубин подсознания натужно прорывается прокуренный ехидный басок:

- Мужчинка! А я вас помню...

Агарков Андрей Леонидович

Родился в 1963 году в Севастополе. Окончил Черноморское высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова. Капитан 1 ранга запаса. 33 года его военной службы прошли в Севастополе на Черноморском флоте. Член Союза писателей России с 2006 г. Первая публикация в 1979 году появилась в газете «Слава Севастополя». Автор книг «Цветные мгновения» (1999 г.), «Лучей изломы» (2001 г.), «Амальгама сердца» (2006 г.), «Звучанье цвета» (2010 г.), «Грани света» (2017 г.). Печатался в журналах «Смена», «Советский воин», альманахах «Истоки», «Севастополь», «Брега Тавриды», «Поэтическая карта Крыма» и др., коллективных сборниках. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого (Севастопольская городская администрация 2007 г.).

После увольнения в запас переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. В настоящее время — заместитель председателя Межрегиональной Санкт-Петербургской городской и Ленинградской областной общественной организации «Всероссийского Общества Спасания на Водах» (ВОСВОД), полковник ВОСВОД.

Михаил Бортников

1984. ПОЖАР НА ТЕПЛОХОДЕ «КОНСТАНТИН СИМОНОВ»

Случай, о котором я хочу рассказать, произошёл в 1984 году, а узнал я о нём буквально на днях, от моего старого друга, Владимира Владимировича Кошкуля, бывшего в то время старшим механиком теплохода "Константин Симонов".

Теплоход «Константин Симонов», - грузопассажирский паром польской постройки, типа «Дмитрий Шостакович», был построен в апреле 1982 года. Судьба его сложилась так, что за короткое время он успел побывать в составе Дальневосточного морского пароходства, Черноморского, Балтийского, затем был продан за долги в мальтийскую компанию и носил имя "Ирис" - "Радуга". В ЧМП он проработал неполные четыре года. Использовался для перевозки кубинских студентов в Одессу, и обратно на родину,

работал на Ближневосточной линии, на Крымско-Кавказской, совершал круизы с советскими и иностранными туристами по Черному, Средиземному и Балтийскому морям.

Теплоход «Константин Симонов»

В 19 часов, в первой половине сентября 1984 года, строго по расписанию круиза, судно вышло из Ялты на Сочи, имея на борту полный комплект советских пассажиров. Около 23 часов, по своей многолетней привычке, Владимир отправился в машину, чтобы убедиться, что там всё в порядке, и можно ложиться отдыхать.

Машинное отделение на этих судах состояло из пяти водонепроницаемых, и изолированных друг от друга, многоярусных отсеков. В одном из них были размещены четыре главных среднеоборотных двигателя Зульцер, которые работали попарно на гребной винт через редуктор. Вспомогательные двигатели и котлы находились в других отсеках.

Стармех направился сначала в ЦПУ, центральный пост управления главной силовой установкой, но ещё в коридоре он услышал сигнал пожарной сигнализации. Это сработал температурный датчик над дизелем. Вахтенных в посту управления не оказалось, все они, как увидел Владимир через окно в ЦПУ, находились возле третьего главного двигателя. Центральный пост управления от машины отделяли тепло- и звукоизолирующие переборки, с двумя дверьми и большим окном, позволяющим наблюдать за машинами. Над двигателем стоял столб пламени. Не медля, Владимир дистанционно остановил все главные двигатели и перекрыл подачу топлива к дизелям, одновременно предупредив об этом вахтенного штурмана. Сказал и о пожаре в машине, и о возможном применении углекислоты.

Количество баллонов с углекислотой рассчитывается по объёму самого большого охраняемого помещения, и обычно им является машинное отделение. В данном случае, её было достаточно только для одного отсека. Применяется углекислота только по приказу капитана, и включает её, как правило, старший механик, после того, как первичными средствами тушения пожара погасить его не удаётся.

После остановки двигателей пожар не прекратился, наоборот, дизель охватило пламя со всех сторон. Вахта прибежала в ЦПУ. Никаких других средств для тушения, кроме углекислоты не оставалось. Но до её применения следовало полностью герметизировать машинное отделение, лишив его притока свежего воздуха и убедиться в отсутствии людей в машине.

На герметизацию ушло всего шесть минут, но разрешения на пуск углекислотной не было. Даже несмотря на то, что все члены машинной команды были налицо, по инструкции следовало сначала получить доклад от группы разведки, что людей внутри не осталось.

Пять человек, одетых в термостойкие костюмы пожарного, в касках и изолирующих противогазах спустились вниз, а старший механик остался снаружи возле закрытой двери с сигнальным тросом. Самые долгие двенадцать минут в жизни, говорит Володя. Хотелось узнать, почему так долго, рвануться внутрь самому. Но не в спортивном же костюме, в котором он спустился в ЦПУ! Связь с мостиком была некачественной, с группой разведки - вообще никакой, не считая запутавшегося где-то троса.

Наконец, получив доклад группы разведки пожара и приказ капитана о применении углекислоты, Владимир открыл газ в помещении главных двигателей. Причину пожара на тот момент ещё не знали, и её некогда было устанавливать. Следовало непрерывно охлаждать переборки машинного отделения струями воды из пожарных шлангов для снижения их температуры. К счастью, конструкция судна позволяла работать всем механизмам, и в первую очередь, дизель-генераторам, вырабатывающим электроэнергию.

Конечно, был подан сигнал SOS, и в район терпящего бедствие судна стягивались другие, их в то время в Чёрном море было много. В первую очередь имелось в виду спасение пассажиров, если их придётся эвакуировать. Все спасательные шлюпки были спущены, проверены, пассажиры в спасательных жилетах находились возле них согласно расписания, без паники и спешки.

Через пять часов после подачи углекислоты, группа разведки аварийной партии во главе со старшим механиком, зашла в машинное отделение в изолирующих противогазах. Это было довольно опасно, если бы пожар разгорелся вновь, тушить его пришлось бы только водой и кошмой. Но судно было в круизе, и руководство приняло решение рискнуть. Глазам очевидцев предстал лунный пейзаж, как его назвал Владимир Владимирович. Обгоревшая изоляция переборок и трубопроводов, сторевшая и облупившаяся краска, закопченный дымом подволок машинного отделения, перегретый, а затем резко охлаждённый монорельс мостового крана над двигателем стал похож на змею, кран, который передвигается по нему, едва удерживался от падения. Пластмассовый манипулятор крана просто расплавился. Стекланные баллоны электроламп накаливания лопнули. Все электрокабеля автоматического управления двигателями были повреждены или уничтожены огнём полностью.

Но разглядывать эти чудеса было некогда. Электрослужба обеспечила освещение переносными лампами. К счастью силовые кабели насосов находились в самом низу машинного отделения и не пострадали. Один из баллонов пускового воздуха был пуст - перегрелась и лопнула предохранительная мембрана. Второй был цел и почти полон. Запустили один за другим все насосы, обслуживающие главную силовую установку, а затем и сами двигатели.

Об автоматическом управлении не приходилось и думать. Сохранились только местные приборы контроля, в ЦПУ не работало ничего кроме телефона и судовой радиотрансляции. Вышел из строя даже машинный телеграф, но судно не потеряло мореходности. С управляемостью было хуже. Силовые кабели рулевых машин проходили через отсек главных двигателей, и были повреждены пожаром.

К счастью, нашелся в запасе кабель, и рулевые были запитаны через просверленные отверстия из машины. Команды с мостика подавались в машину по телефону, и через восемь часов после пожара "Симонов" уже взял курс на Сочи. Три главных двигателя работали на винт. Круиз продолжался.

Причиной пожара, как выяснилось позже, стала конструктивная недоработка. Разорвало корпус возвратного клапана на отсечном трубопроводе топлива от топливных насосов высокого давления, мелко распыленное топливо попало на коллектор выхлопных газов и воспламенилось.

В Сочи для предварительного "разбора полётов" прислали механика-наставника, который пригодился только в Новороссийске для организации перезарядки углекислотных баллонов. Никакой другой помощи от него не дождались, а вот угроз наслушались достаточно. Круиз тем временем шёл по расписанию, и никто из туристов даже не догадывался, что в машинном отделении пожар уничтожил 70 (семьдесят) километров(!) кабельных трасс. Так, на ручном управлении дошли и до Батуми, и вернулись в Одессу.

В Одессе встречать судно пришли и главный инженер, и начальник механико-судовой службы, и начальник службы мореплавания, и десяток специалистов рангом поменьше. Вид у них был суровый, и намерение наказать виновных легко читалось на их лицах. Но когда посетители спустились в отсек главных двигателей, и увидели, что он слабо освещён только двенадцативольтовыми переносными лампами, рассмотрели с их помощью последствия пожара, настроение начальства переменялось.

- Спасибо, что спас пароход - с такими словами главный инженер пароходства Бондарев пожал руку моему другу. Судно не вывели из эксплуатации ни на один день. Все ремонтные работы по восстановлению кабельных трасс и прочего сгоревшего оборудования велись большой бригадой электромонтажников и автоматчиков в море, не прерывая движения судна по круизному расписанию.

В следующем рейсе на борту проводился форум стран Черноморского бассейна под эгидой Организации Объединённых Наций. Он и прошёл - без каких-либо заминок. Остаётся только назвать имена моряков, участвующих в тушении пожара. Конечно, не всех, это понятно. Но хоть некоторых. Страна должна знать своих героев, а в интернете об аварии теплохода "Константин Симонов" можно обнаружить только происшествие с одноимённым речным пассажирским судном.

Итак, это капитан, Ким Николаевич Лоскутов, к сожалению, уже покойный. Старший помощник капитана, Александр Васильевич Беспалов. Старший механик - Владимир Владимирович Кошкуль. Второй механик - Александр Седченко. Электромеханик - Юрий Макаревич. Пожарный помощник капитана - Василий Савченко.

Бортников Михаил Иванович

Родился в 1945 в Одессе, где и живу до сих пор. После окончания ОВИМУ(ныне ОГМУ), работал на судах Черноморского пароходства, Черноморского рыбо-промышленного

*объединения "Антарктика, с 1993 года - старший механик иностранных торговых судов.
С 2015 года занимаюсь литературной деятельностью, публикую свои произведения на
сайте <https://www.proza.ru/avtor/oldmike>*

Сергей Черных

ЗАКОН БУМЕРАНГА ПО-ФЛОТСКИ

Как уволить в запас «под елочку» нарушителя воинской дисциплины

На кораблях флота всегда в той или иной степени существовали неуставные взаимоотношения. Существуют понятия: «дедовщина» в армии и ее флотский аналог – «годковщина». Там, где офицеры и мичманы полностью отдавали себя службе, занимались воспитанием личного состава и контролем над его деятельностью, годковщина была загнана под пайолы и не высывалась практически никогда. Там же, где руководители относились к службе формально, лениво, спустя рукава, она расцветала и приносила весьма горькие плоды.

В кают-компаниях были матросы-вестовые, которые тщательно отбирались для этой работы. Потому что вестовые слышали все разговоры офицеров и мичманов за столом или при проведении совещаний в кают-компаниях. И не должны были выносить то, что услышали, из кают-компаний. То есть делиться услышанным с другими моряками срочной службы было, мягко говоря, не принято.

Тут надо учесть, что у вестовых были не только кроме обязанностей по приготовлению пищи, мытья посуды, стирки скатертей, накрытия и уборки столов, были еще и определенные льготы. Они в удобное для них время могли помыться в офицерской сауне, посмотреть телевизор после отбоя. Ели они, разумеется, с офицерского стола.

В 1989-1993 годах я служил на большом десантном корабле БДК-55 121-й бригады десантных кораблей 37-й дивизии морских десантных сил Краснознаменного Северного флота в должности старшего помощника командира корабля. И был у нас вестовой кают-компаний призыва осени 1991 года матрос Слава Харченко из Харькова. Он смолodu был отобран для работы в кают-компаниях, так как был аккуратен, спортивен и организован. Когда он был матросом нового пополнения, его защищали офицеры и мичманы от возможных нападков со стороны старослужащих («годков»), так что чувствовал он себя вполне вольготно и комфортно. Прошел год и две полосочки-лычки украсили погоны теперь уже старшины 2 статьи Харченко. Он стал старшим вестовым кают-компаний офицеров и мичманов. У него появилась возможность бывать в городе по служебным делам, закупая продукты для улучшения стола в кают-компаниях. Мы, офицеры и мичмана,

время от времени сбрасывались по рублю для покупки сметаны, специй, салфеток и разной мелочевки вроде зубочисток, для создания большего комфорта и домашнего уюта за столом. Этим занимался старший вестовой. Казалось бы, что еще надо? Служи, не хочу!

Как-то раз вечером, после отбоя, сижу в каюте, курю. Слышу шум в коридоре, выхожу и вижу за хлопнувшуюся дверь к вестовым, слышу грохот сбегающих по трапу ног. Заглядываю в раздаточную:

– Харченко, что случилось?

– Да, – говорит, – дух (молодой матрос. – С.Ч.) «залетал, бутер просил.

– А ты?

– А я объяснил ему политику партии и сказал, что сегодня не подаю.

– Смотри, Харченко, не переусердствуй!

Прошло несколько спокойных дней. Опять ночью шум, вскрик, топот ног...

Старший лейтенант Ярочкин, назначенный дознавателем по этому происшествию, потом доложил, что «годок» Бурухтанов, которому не терпелось съесть бутерброд, посылал в кают-компанию «молодого» матроса Петрова с задачей добыть провиант хоть из-под земли, и это происходило неоднократно. А кроме как в кают-компании бутерброды ночью нигде не водились. А старший вестовой старшина 2 статьи Харченко, увидев просителя в дверях, просто бил одного в лоб открытой ладонью, чтобы не оставить синяков, и отправлял восвояси. Нет, чтобы пригласить Бурухтанова и поговорить с ним по-серьезному. Командиром было принято решение лишить Харченко воинского звания «старшина 2 статьи». Что и было сделано на утреннем построении при подъеме флага в присутствии всего экипажа. Начальник вещевого снабжения мичман Корецкий перед строем матросов и старшин аккуратно срезал лычки с погон старшего вестового. Я предупредил Славу, что при увольнении в запас он сойдет с корабля последним. На что он ответил, что ему по фигу. В общем, дерзко, броско, лихо! Ну, думаю, ладно. Наступила пора увольнения в запас очередного призыва. Время шло к Новому 1993-му году. Мы отпускали по три-четыре человека в день. Из призыва осени 91-го остался один Харченко. Мы хотели отправить его домой «под елочку», то есть 29 декабря, но днем ранее произошло то, чего и следовало ожидать. Мы с замполитом «сидели» в обеспечивающей смене, когда после отбоя ко мне в каюту просунулась физиономия вестового Воронько:

– Чайку сделать?

«С чего это такой заботливый?» – думаю. Но говорю:

– Ну, сделай, пожалуйста.

Воронько принес чай в подстаканнике и заговорщицки попросил:

– Не выходите из каюты, пока чай не допьете, минут пять.

Я без задней мысли кивнул и прихлебнул чай из стакана. Потом сердце екнуло, и я вышел из каюты, почувствовал неладное. По трапу в офицерский коридор кто-то поднимался. По нетвердой походке я понял, что «тело» перебрало, и пытается добраться до койки. Еще не увидев, кто это, хотел уйти в каюту, чтобы избежать обязательного разноса нетрезвого сослуживца,

но узнал по знакомому голосу, издавшему короткий стон, вестового Харченко.

– Слава, что с тобой? – спрашиваю.

– На трапе поскользнулся, упал, – отвечает.

– Что ж ты так неосторожно, вроде опытный моряк?

Смотрю, а у Славы ухо, как у Миронова после того, как его «разбудил» Папанов в «Бриллиантовой руке», под глазом зреет фингал. Походка нетвердая, речь смазанная, координация движений нарушена.

Пока Харченко пошел в раздаточную, вызываю замполита Колю Федорова, объясняю обстановку. Спрашиваю, где воинские перевозочные документы (ВПД) Харченко. Оказалось, у него, командир поручил замполиту выписывать увольняющимся в запас ВПД. Иду в каюту командира, достаю печать из сейфа. Зам со мной. Вызываю Харченко к себе.

– Ну что, матрос Харченко, пользуясь властью, доставшейся нам в отсутствие командира, мы с замполитом решили уволить вас не завтра, а сегодня. Одевайтесь, время на сборы 15 минут.

На всякий случай вызываю командира БЧ-5 Диму Тарасова, чтобы он был готов смотаться на своем «Москвиче» в Мурманск на вокзал. Вызываю продовольственника мичмана Антропова и вещевого мичмана Корецкого попридти на проводах «героя». Нас в моей каюте уже четверо. Появляется одетый по форме Харченко. Приглядываюсь, а на погонах знаки отличия старшины первой статьи! Требую военный билет и прошу мичмана Корецкого привести воинское звание вестового в соответствие! Потом приглядываюсь, а шинель-то новая. Как так, два года служил, и ни капельки не износил? Присмотрелись и нашли на шинельке выведенную хлоркой фамилию молодого матроса Щукина из БЧ-4. В итоге Саша Корецкий побежал приводить в соответствие сроку службы шинель новоявленного увольняющегося в запас.

Тем временем, найдя свободное поле в военном билете, делаю запись: «За время службы в войсковой части №..... имел неоднократные случаи неуставных взаимоотношений по отношению к личному составу нового пополнения». Подписываюсь, ставлю печать. Пока Харченко был без шинели, выяснилось, что и форменка и брюки были «изъяты» у молодых матросов. Даже ботинки не его, тоже уведены у молодого матроса. С этим разобрались довольно быстро. После переодевания Харченко уже не выглядел так браво, как в начале. Правда, Саше Корецкому пришлось несколько раз смотаться в вещевую кладовую, принося все новую рухлядь.

– А что у нас, ребята, в дипломате? – поинтересовался я, когда увольняющийся был соответствующе одет.

Да, там, естественно, был дембельский альбом. Гордость любого матроса, память о службе, фотографии кораблей и сослуживцев. Давайте, посмотрим. А это что? Фотография на причале на фоне штаба флота? К черту эту фотографию, порвал. А это фото нашего секретного корабля на фоне нашего секретного берега? К черту, порвал. Так, пройдясь по альбому, оставил

меньше половины. Сказал Харченко, чтобы шел к трапу. Оставил в каюте мичмана Антропова.

– Толя, – говорю, – надо человека пролечить до конца. Вот тебе полфлакона шила, разведи, и дуйте на вокзал с механиком. С Корецким сядете с двух сторон от Харченко, предложите выпить за окончание службы. Сами не усердствуйте, на вокзале сдадите его на руки патрулю, который едет до Москвы. Понял?

– Понял, – сказал Толя, – и по его взгляду я понял, что Толя действительно понял.

На вокзале «готового» Харченко сдали на руки без дела болтающемуся патрулю, объяснив при этом, что он особо буйный, пьяный, склонный к дебошу, так что ему следует особый уход. Как я понял потом, нашего героя пристегнули в плацкарте к какой-то стойке и он «отдыхал» до Москвы. Прошло время, и получаю я от матроса Харченко письмо. Мол, так и так, приехал домой, хотел устроиться на работу, и вдруг облом: «Не берут благодаря вашей записи в военном билете».

Я не отвечал. Но понял, что он думал, что на военной службе все пройдет никем незамеченным. А не прошло.

Через год пришло еще одно письмо от Харченко замполиту, где наш бывший вестовой просил прощения у меня, у зама, и у тех матросов, которых он нещадно бил по лбу.

Все-таки, закона бумеранга еще никто не отменял. А на флоте тем более.

Черных Сергей Витальевич

В 1979 году окончил штурманский факультет

Калининградского высшего военно-морского училища. Службу начал на гвардейском большом противолодочном корабле «Гремящий», боевая служба которого, кстати, длилась 264 дня. Потом служил командиром БЧ-1 на эскадренном миноносце «Осмотрительный», на котором совершил переход из Балтийска во Владивосток, на эсминцах «Осмотрительный» и «Безупречный», большом десантном корабле БДК-55. Службу закончил в 1993 году.

<https://www.litres.ru/sergey-chernyh/zapiski-shturmana-ili-ne-strelyayte-v-oficera-flota-on-esch/>

Андрей Рискин

В МОРЕ ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОГА – КОМАНДИР КОРАБЛЯ

**Почему на флоте все должны постоянно быть в эмоционально
вздрюченном состоянии**

Есть такой фильм – «Первый после Бога» (что-то вроде из истории про командира подлодки «С-13» Маринеско, что-то вообще из области фантастики). Но название более чем правильное. Командир на корабле – главный, и над ним на корабле нет никого, кроме Бога. От него зависит все – и выполнение боевой задачи, и выживание экипажа в экстремальной ситуации, и успешное возвращение в родную базу (как в боевой обстановке, так и в мирное время). Не случайно даже есть такой праздник – День командира корабля (отмечается в октябре).

Малый разведывательный корабль «Линза»

Я, увы, командиром не стал и не мог стать по определению, хотя и закончил ракетно-артиллерийский факультет военно-морского училища. Стал я в итоге политработником (это уже другая история). Как известно, командиры и политработники не всегда находили общий язык. Но это, как говорится, не в мой адрес. Может, именно потому, что закончил не политическое училище, а строевое. Только речь не об этом. А о моих командирах.

Первый мой командир (он же – командир сторожевого корабля «Туман», то есть «полтинника») капитан-лейтенант Сергей Сергеевич Степанов дал мне и первые уроки флотской жизни. Для начала устроил мне и другим лейтенантам экзамен по МППСС (Международным правилам предупреждения столкновения судов в море): на знание навигационных огней, створных знаков расхождения кораблей и т.д. И после первой же проверки запретил смотреть вечером фильм в кают-компании до сдачи на «отлично».

Вскоре я экзамен сдал. До сих пор помню мнемонические правила. Например, такое: если вертикальные огни – зеленый, белый, зеленый, это означает «Заходи, браток, заходи» (то есть разрешается заход в бухту).

Как-то я был старшим на физзарядке, выгнал моряков на морозец, а сам надел канадку. Гонял я морячков по полной программе по причалу. А в итоге услышал от кэпа: «Лейтенант, мать твою, если гоняешь людей, то бегай вместе с ними, и не в теплой канадке».

А потом, когда ко мне пришел проверяющий из политотдела, Сергей Сергеевич прислал в каюту, где мы с проверяющим (между прочим, целым капитаном 2 ранга) находились, вестового. Тот сообщил: «Товарищ лейтенант, вас вызывает командир». Но капдва меня не отпустил. И тогда сверху раздался грозный рык командира: «Лейтенант (далее пропущу, так как цензурных слов не было), немедленно ко мне (далее опять нецензурно)!» Когда я поднялся в каюту командира, Сергей Сергеевич спокойным и даже умиротворенным тоном мне сказал: «Ты думаешь, это я тебя материл? Нет, лейтенант, не переживай. Это все для твоего проверяющего. Чтобы знал, кто кораблем командует. А говна он так и так накопает».

Потом я служил на морском тральщике «Марсовый», который мы в итоге продали Ливии. Командиром был Николай Николаевич Бочаров. Человек не строгий, несколько нелепый, но, как говорится, справедливый. Никогда не подставлял подчиненных (хотя порой было за что).

Тральщик не входил в состав ВМФ России, поэтому морские нам не платили (к слову, это треть от оклада), хотя в море мы болтались регулярно. И вот явился на «Марсовый» очередной проверяющий адмирал, а кто-то из офицеров встретил его, выражаясь аккуратно, с небольшого бодуна. Адмирал Бочарову: «Командир, почему у вас офицеры в ненадлежащем виде?» Командир: «Товарищ адмирал, мы из морей сутками не вылазим, а нам даже морские не платят». Адмирал подумал минуту и говорит: «Понял вас, прощаю». Видимо, тоже не один год командиром корабля был.

Единственный командир, с которым у меня были непростые отношения, – командир ливийского экипажа «Марсового» капитан-лейтенант Муфтах. Как-то он был не в духе и, обнаружив на выходе в море пару наших морячков, дрыхнувших на койках (на что те имели полное право как свободные от вахты), поднял страшный шум. Вызвал старшего на борту, командира нашего дивизиона тральщиков Васю Красикова по прозвищу Рыба (за вечно выпученные в гневе глаза): мол, что за безобразие, мы вам, русским, платим валютой за наше обучение, а ваши моряки спят. «Хорошо, – сказал комдив, – все спящие будут строго наказаны».

Никого, конечно, не наказали. Но на очередном выходе в море Вася вызвал старпома Эрика Корженевского: «Пройти по всем кубрикам и боевым постам, переписать всех спящих ливийцев».

Через полчаса список провинившихся, вполне приличный, особенно с учетом небольшой качки, был у Васи.

«Крапивка, – сказал комдив нашему переводчику-арабисту, – объясни этому нерусскому флотоводцу, что мы такой бардак терпеть не намерены. Мы тратим моторесурс, соляру, блюем тут – почему зря (это не переводит), чтобы учить флотской жизни этих дятлов (это тоже помягче как-то скажи), а они спят. Это просто бардак».

На следующий день выход в море был сорван. В назначенный срок автобус с ливийским экипажем не появился у причала, где стоял «Марсовый». Как выяснилось, все провинившиеся матросы ливийского экипажа были наказаны. Ударами палками по пяткам. Как гласит «Зеленая книга» Муаммара Каддафи, «мужчина – тоже человек. Это бесспорная и несомненная истина». А раз истина – то по пяткам.

Мой третий командир – Виктор Михайлович Мавзолевский на малом разведывательном корабле «Линза». Многие мои сослуживцы до сих пор вспоминают его добрым словом (Михалыча уже нет в живых). Не случайно механик Коля Станиславский посвятил Михалычу стихи, в которых были такие строчки:

*«На Фареро-Исландских широтах,
Там, где шторма глотают туман,
За твоей наблюдая работой,
Стал тебя уважать, Капитан».*

Командир «Линзы» Виктор Мавзолевский (слева)

В первый же день, когда я прибыл на «Линзу», командир и старпом Валера Носуля проверили, тот ли им замполит попался. Налили стакан шила (спирта). Но я, слава богу, уже не первый год был на флоте – не поморщился. Так что служили дружно и в море на боевую службу ходили за милую душу. Кстати, когда Михалыч ушел в отпуск (правда, мы тогда у стенки стояли), а старпом был в командировке, исполнять обязанности командира оставили меня.

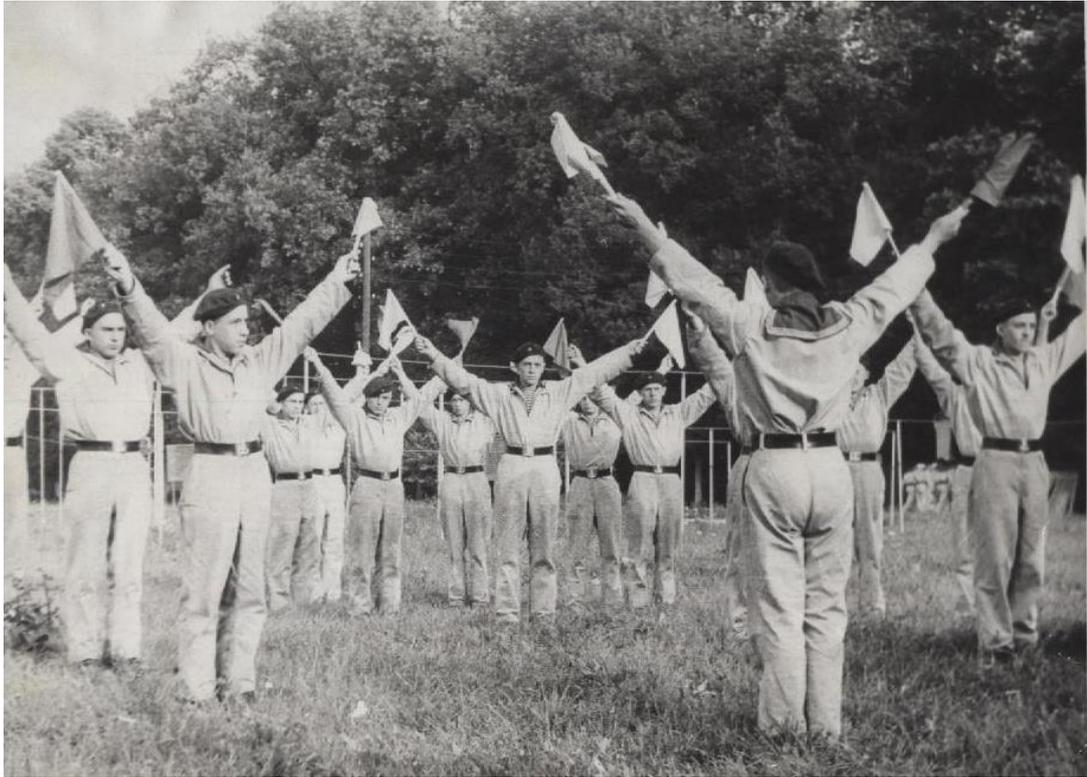

На борту морского тральщика «Марсовый» с дисциплиной было строго

По-моему, это единственный такой случай в нашем дивизионе ОСНАЗ. После Балтийска меня перевели в Ригу, в дивизион учебных кораблей, на тральщик «Дмитрий Лысов». И очередная удача – командиром корабля был Эрик Корженевский, с которым мы продавали «Марсовый» Ливийской Джамахирии. Тут, понятно, проблем в отношениях командира и замполита не могло быть по определению. Правда, имелись проблемы в отношениях с начальством, но это обычное дело. Потому что не тонем мы исключительно благодаря начальникам, которые нас проверяют и постоянно держат, как говорил мой первый командир, в эмоционально вздрюченном состоянии. А если мы из этого состояния вышли, значит, все, кранты, пропал флот, утонул у стенки.

НА ХУДОЙ КОНЕЦ ОТДАДИМ ДОЧКУ ЗАМУЖ ЗА ОФИЦЕРА, или Возьмите себя наконец-то в руки, товарищ курсант

В 1978 году я получил погоны лейтенанта, закончив любимую «бурсу» или, как чаще говорят выпускники военно-морских училищ, «систему». Калининградское высшее военно-морское училище (КВВМУ) – самое молодое училище в СССР. Кстати, в Советском Союзе военно-морских училищ было 11. Все они располагались в приморских городах. Кроме Киевского высшего военно-морского политического училища (которое понятно где базировалось).

Семафор

В 1973 году, когда я поступал в «систему», конкурс был 10 человек на место. Это объяснимо, ведь в те времена папаши юных девиц с гордостью говорили: «Моя дочка вышла замуж на морского офицера». Потом, в 90 е, папаши говорили иначе: «Ну, на худой конец выдадим дочь за флотского офицера».

КВВМУ, без сомнения, было уникальным учебным заведением. То, что большую часть времени курсанты занимались не изучением материальной части и военно-морских наук, а копали, строили, подметали плац и т.д., — ясно. Другие училища в этом смысле ничем от нас не отличались. Но начальник нашего училища вице-адмирал Владимир Степанович Пилипенко (между прочим, Герой Советского Союза) мыслил более чем масштабно. Особенно Пилипенко гордился тем, что плац в училище по квадратному метражу был больше Красной площади (для чего пришлось снести несколько строений). А еще вокруг плаца на огромных щитах красовались картины на морскую тематику. «Бой авианосной ударной группы с подводной лодкой противника», «Высадка морского десанта при поддержке авиации», «Корабли в кильватерном строю» и т.д.

На главной башне в здании, где находились дежурный по «системе» и знамя училища, были большие часы. Каждые полчаса они играли мелодию «Ты, моряк, красивый сам собою...». Жители окрестных кварталов были очень недовольны, но победить адмирала, да еще Героя Советского Союза, не смогли...

КВВМУ – главная училищная башня с часами

А еще Пилипенко (в училище его звали Герой, Барин, Хозяин) любил фонтаны. Один (квадратный) находился перед главным входом в училище и бил на три метра выше петергофского «Самсона». Второй (круглый) – в училищном скверике. В центре фонтана высилась статуя Нептуна, который держался двумя руками за рога мины образца 1905 года.

Когда я еще был кандидатом в курсанты, то есть только сдавал экзамены, мимо фонтана шли два абитуриента из Белоруссии. И один из них сказал другому:

– Во, глядзі, у міну ўпярдоліў.

Мы же называли фонтан просто – «Нептун, насилующий мину».

А еще у нас было Лебединое озеро. Там плавали зеркальные карпы и утки. Для охраны уток от водяных крыс выделялся мичман с воздушной винтовкой.

Кстати, была такая традиция на пятом курсе. Выпускника, который первым защитил диплом, кидали в фонтан с Нептуном или в Лебединое озеро сразу после сдачи прямо в форме первого срока (в которой и сдавался экзамен). В 1978 году таким выпускником в нашем классе оказался я.

Главное же – у нас были прекрасные преподаватели.

Вот, к примеру, капитан 1 ранга Петр Соломонович Однопозов, преподаватель кафедры тактики, с вполне естественной кличкой Однопузов, строгий, но веселый. В свои немного за 40 он обладал сверкающей лысиной и страдал зеркальной болезнью (из за солидного живота мог видеть свое

мужское достоинство только в зеркале). Как ни странно, при этом Однопозов выглядел подтянуто.

Утром, как всегда, перед первой парой занятий капитан 1 ранга построил два класса у входа в аудиторию. Принял доклад дежурного и хорошо поставленным голосом рявкнул:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

А мы всю ночь картошку чистили. На все училище, а это почти полторы тысячи ртов. Естественно, особого энтузиазма никто из нас не испытывал. И ответная здравница получилась невнятной.

Однопозов разгильдяйства не потерпел:

– Плохо здороваетесь, придется повторить. Здравствуйте, товарищи курсанты!

И тут мы гаркнули. И красиво так, с задержкой, на одном дыхании, словно и не было за спиной бессонной ночи:

– Здравия желаем, товарищ капитан 1 ранга!!!

Задрожали старые училищные стены, эхо понеслось по длинным коридорам, вернулось назад, заметалось в поисках выхода и... здоровенный шмат штукатурки сорвался с облезлого потолка, рухнув на лысину уважаемого каперанга. Лысина потеряла первоначальный блеск и окрасилась в красный цвет. Лекции не было. Пришлось заниматься самоподготовкой.

Были, конечно, и офицеры, которых мы не слишком любили. К примеру, командир нашей роты Геннадий Иванович Кулишов. Мы его тихо ненавидели (до такой степени, что на выпускной банкет его не пригласил ни один взвод – уникальная для училища ситуация).

Про Гену даже анекдот ходил. Зашел как то Кулишов в церковь (уже смешно), а там деревянная скульптура распятого Христа. Смотрит на Гену и говорит тихо тихо:

– Счастливый ты, Кулишов...

Комроты удивился и бегом в училище. А навстречу ему Марат Николаевич Громов – начальник нашего артиллерийского факультета. Тоже тот еще деятель. Кулишов ему:

– Вы представляете, товарищ капитан 1 ранга! Захожу в церковь, а мне Христос говорит: мол, счастливый ты, Кулишов...

– А почему счастливый то?

– Вот, черт, а я не спросил!

И назад в церковь. Подошел к статуе, а Христос опять:

– Счастливый ты, Кулишов...

– А почему счастливый то, Господи?

– Да потому что мне руки гвоздями приколотили...

И еще пару слов о Кулишове и Громове. Я случайно благодаря неплохим, скажем так, отношениям с девушками из строевого отдела училища смог ознакомиться со своей переводной аттестацией за 4 й курс, подписанной нашим командиром роты. Ее следует привести почти целиком: «За период обучения на 4 м курсе серьезно не занимался над формированием в себе

командирских качеств. Уставы знает, но не всегда руководствуется ими в повседневной жизни. Медлителен в выполнении команд. С товарищами заносчив. Склонен к резкости и грубости. В период практики совершил грубый проступок. Склонен к употреблению спиртных напитков. Демагог. Ради собственного удовольствия готов принести в жертву интересы товарищей и коллектива. Высокомерен. К труду не приучен. Работоспособность низкая. Увлекается литературой. Несколько улучшил свои спортивные показатели.

Выводы: командирские качества крайне низкие. Деловитости, настойчивости, инициативы нет. Если не произойдет резкого улучшения воинской дисциплины и не будут изжиты отмеченные недостатки, то предлагаю назначение после выпуска произвести на малоперспективную должность.

Начальник 4-го курса артфака капитан лейтенант Кулишов».

Самое любопытное далее – резюме начальника факультета: «Достоин перевода на 5-й курс. Осмотритесь. С такими качествами нельзя мириться. Возьмите себя в руки. Недостатки устранить на 5-м курсе».

Судя по тому, что закончил «систему» только с четверками и пятерками, да еще успешно прослужил на флоте 22 года, в руки я себя все-таки взял.

Рискин Андрей Борисович

Родился в декабре 1956 года в Москве. В 1973 году поступил на артиллерийский факультет Калининградского высшего военно-морского училища. Служил на сторожевом корабле «Туман» в Лиенае, потом на морском тральщике «Марсовый» в Риге, потом на малом разведывательном корабле «Линза» в Балтийске и, наконец, на тральщике «Дмитрий Лысов» опять же в Риге. Семь лет на «железе». Плюс минно-торпедный склад в Риге. И лишь через 11 лет офицерской службы с нежно любимым личным составом удалось стать военным журналистом. То есть перейти на службу в газету «Страж Балтики». Заочное закончил отделение факультета журналистики Латвийского государственного университета. С 1999 года работает в «Независимой газете» г. Москва.

<https://www.litres.ru/andrey-riskin/>

Владимир Цмокун

ТРИ ПТИЦЫ НА ЛЬДУ

Играли «Сокол» и «Чайка», а победил «Белый аист»

Дело было зимой 1987 года в районном центре поселок Черниговка Приморского края. Я уже три года как перевелся с корабля на техническую ракетную базу в 9 км от ближайшего шахтерского поселка Реттиховка. Деревня эта, основанная переселенцами в начале прошлого века, получила свое название в честь полковника, а потом и генерал лейтенанта Генерального штаба Российской империи, военного топографа Александра Федоровича Риттиха. Крестьяне букровку в фамилии изменили, и название прижилось.

Это вообще, наверное, тема отдельного исследования. Мой же рассказ коснется события из спортивной жизни части, о которой и пишу.

Командиром части в ту пору был подполковник Виталий Ильич Протас. Именно его стараниями в части были созданы футбольное поле и хоккейная коробка, закуплены форма и спортивное имущество. Офицерская, мичманская и матросская команды регулярно соревновались между собой, победители всегда получали заслуженного поросенка.

Нанятыми за канистру спирта бульдозеристом и экскаваторщиком из шахтерского хозяйства был выкопан бассейн возле домов гарнизона. А земляной склон до КПЧ части зимой превращался в ледяную горку, на которой катались и малыши, и ребята постарше, подложив под себя принесенные отцами из воинской части тарелки из под списанных зеркал головок самонаведения крылатых ракет.

Естественно, наши сборные команды по хоккею и футболу, состоящие из лучших игроков части, регулярно выезжали помериться силами с командами ближайших районов. Если желающих поболеть за своих набиралось много, командир приказывал выделять для болельщиков отдельную машину. В общем, все было по серьезному. Наша футбольная сборная называлась «Альбатрос», хоккейная команда именовалась «Чайкой». Наш главный и постоянный соперник – совхоз «Черниговский». Совхозом крепко и грамотно руководила женщина. Жаль, не помню, как ее звали. Пару раз, будучи в управлении совхоза по служебным делам, видел, как из ее кабинета вываливались здоровенные мужики, чуть не плача. Ну, понятное дело, такая женщина просто не могла не создать в своем совхозе отличный спортивный климат. Она по возможности присутствовала на всех играх своих команд. Когда наш «Альбатрос» играл в футбол с черниговским «Лотосом», вместе со своими колхозниками кричала: «Не вопрос, не вопрос, проиграет «Альбатрос»!» А наши отвечали: «Хорошо играет «Лотос», но победит сегодня Протас!»

В общем, как то раз в чудесный зимний вечер наша сборная команда по хоккею, состоящая в основном из офицеров и мичманов части, и автобус с болельщиками поехали на очередной матч в Черниговку, которая находилась в 23 км от нашего места базирования. Я в этот вечер заступил в наряд дежурным по части, поэтому только посмотрел вслед красным огонькам отъезжающих от домов гарнизона машин и мысленно пожелал нашим удачи. Игра должна была проходить на хоккейной площадке совхоза. Вокруг площадки, естественно, были построены простенькие трибуны для зрителей,

стояло несколько прожекторов. Под трибунами находилась небольшая общая раздевалка для хоккеистов. Я знал, что по прибытии на матч болельщики во главе с командиром рассядутся на трибуны, уже, наверное, заполненные черниговцами, а команда пойдет в раздевалку переодеваться и ждать сигнала для выхода на поле. Судьи всегда были самые настоящие, с какой то там судейской категорией, не просто дядя Вася из гаража. Обычно они приезжали к началу игры. Как я уже говорил, наша команда именовалась «Чайка», команда соперников носила гордое название «Сокол». Дальнейший мой рассказ основывается на отзывах очевидцев и участников того необыкновенного матча. А началось все с того, что к назначенному времени начала игры не прибыл судья. Выехал он из какого то отдаленного района и должен был вот вот подъехать. Мобильников тогда не было, решили ждать. Команды, уже одетые в форму и стоящие на коньках, терпеливо сидели в раздевалке, когда дверь распахнулась и кто то из местных болельщиков крикнул своим во весь голос: «Мужики, водку привезли!»

Должен напомнить, что шел 1987 год, горбачевская кампания по борьбе за трезвость была в самом разгаре. Спиртное в магазинах было редкостью, на радость старушкам самогонщицам из соседнего немногочисленного села Грибное. Село это как раз находилось между нашей Реттиховкой и Черниговкой. Но сейчас не об этом. После такого известия черниговские хоккеисты и, конечно же, наши быстро снарядили по гонцу от каждой команды, помогли быстренько освободиться от коньков, снабдили деньгами и спортивными сумками и отправили в магазин. Несмотря на скорость, с которой гонцы прибыли к магазину, и доброжелательное отношение мужиков в очереди, пропустивших хоккеистов в полном облачении к прилавку, возникло небольшое затруднение – водку уже разобрали. Зато оставалось несколько ящиков молдавского коньяка «Белый аист», который и был закуплен на все имеющиеся деньги.

После возвращения гонцов и распределения коньяка в соответствии с вложенными ресурсами ожидание продолжилось. Так и осталось неизвестным, кто первый предложил принять «по пять капель на грудь» за успех предстоящей игры. Однако предложение встретило живой отклик. Приняли. Потом приняли за дружбу, потом – за Рабоче крестьянский Военно морской флот, потом – за Черниговку и т.д. В общем, к приезду судьи и сигналу выхода на поле команды были уже «готовы».

Болельщики, сидевшие на трибунах вокруг хоккейной коробки, не сразу поняли, в чем дело, в отличие от судьи, метавшегося по полю в полном изумлении. Очевидцы рассказывали, что игроки в процессе игры были очень вежливы и дружелюбны к соперникам, силовые приемы применялись крайне редко, а упавших на лед противников пытались поднимать, нередко падая рядом. Лица игроков выражали полное удовольствие от игры, самыми суровыми выглядели вратари, которые были в масках. В погоне за шайбой обе команды проявляли хорошую спортивную настойчивость, но кривые, которые выписывали игроки на льду, сталкиваясь по ходу матча между собой, не всегда приводили к нужному результату. Надо сказать, что шайбы

в ворота обоих соперников все таки иногда залетали. При этом автора удачного броска похлопывали по плечу не только соратники по команде, но и бойцы из команды противника. Зрители на трибунах, поняв вскоре, в чем дело, всячески подбадривали своих. Не скажу за черниговцев, но наши мужики (имею в виду офицеров и мичманов) практически всегда имели в кармане фляжку со спиртом, чтобы по возможности сразу отметить очередной успех команды.

В общем, игра прошла очень оживленно и весело. Как мне говорил один из сидевших на трибуне: «В цирке так не смеялся!» Какой был счет – уже не помню. Когда поздно вечером после обхода территории части я зашел в рубку дежурного, помощник доложил мне, что машины из Черниговки прибыли, проехали в автопарк несколько минут назад. Конечно, было интересно, как сыграли наши, но я решил узнать об этом утром, когда кто то из офицеров придет в часть. Тем более что дел ночью у дежурного по части хватает, а еще и поспать хорошо бы, хоть и, как сказано в уставе, «не более четырех часов, не снимая снаряжения и не раздеваясь».

Утром, около 8. 30, с КПП поступил доклад, что в часть прибыл командир. Я встретил его, как положено, у штаба части, доложил об отсутствии происшествий за ночь. «Хорошо», – сказал командир и пошел было к штабу, но мой вопрос «А как сыграли вчера, Виталий Ильич?» заставил его остановиться. Он посмотрел на меня удивленно, потом, видно, понял, что я могу не знать о матче. «Понимаешь, Цмокун, – с расстановкой ответил командир, – Играли две птицы – «Сокол» и «Чайка». Но победил в итоге «Аист». Махнул рукой и прошел в штаб. Минут 20 – до прибытия в часть кого то из офицеров – я раздумывал над загадочными словами командира. Потом мне рассказали. Ну, а я сейчас вот рассказал эту старую историю.

ТАК ВЫ ЖЕ НЕ ЖАЛОВАЛИСЬ

Как получить заветный спирт благодаря адмиральской проверке

Летом 1980 года наш ракетный крейсер «Владивосток» нес боевую службу в зоне Индийского океана. На подходе к Филиппинам попали в жестокий шторм. Смыло за борт плохо закрепленные бочки с различными техническими жидкостями и растительным маслом, многотонными волнами покорежило и погнуло леера и другие металлические конструкции.

Не доставило радости затопление отдельных внутренних помещений.

Наскоро отремонтированные в заводе перед выходом в море холодильные машины и рефрижераторная камера для мясных продуктов тоже вышли из строя. Командир трюмной группы старший лейтенант Миша Рязанцев со своими бойцами, набранными на флот из кишлаков и аулов, героически устранял заводские недоделки, работая в нечеловеческих условиях жары, влажности и тесноты.

Ракетный крейсер «Владивосток». Фото с сайта www.history.navy.mil

Остальной экипаж тоже не сидел без дела. Каждое утро после завтрака по кораблю раздавалась команда: «Начать устранение последствий шторма!» Кстати, о завтраке, а также и об остальных приемах пищи в тот веселый период хочется сказать особо. Рефкамера вышла из строя уже через несколько дней после начала похода. В связи с этим мясо во всех его видах несколько дней составляло основную часть меню экипажа. То есть сначала ели отварное мясо три раза в день, потом, по мере появления запаха, мясо стали обжаривать, потом наступила очередь обжаренных кур, потом – обжаренной колбасы. Поскольку дрожжи тоже испортились, а сухих на борту не было, хлеб выпекать перестали. Экипаж дружно перешел на сухари и заспиртованные в пакетах батоны.

Экипажу было объявлено, что рандеву с транспортом снабжения скоро состоится, а пока надо потерпеть. Порог этого терпения у всех был разный. Наиболее слабые желудки не выдерживали, понос начал косить людей, невзирая на возраст и звания. Количество работоспособных членов экипажа стало быстро сокращаться. Из семи вахтенных офицеров нас осталось трое – я, Юра Мишаков и Шура Тупицын. Несли вахты по четыре часа через восемь, а надо было ведь еще заниматься матчастью, матросами, заполнять документацию и поспать между вахтами. Корабельный док Коля Третьяк срочно соорудил три изолятора – для матросов, офицеров и мичманов. Перед входом в кают компанию появился тазик с какой то вонючей жидкостью, куда мы макали руки перед приемом пищи. Мало того – такими же вонючими стали супы, чай и компот. Плюс всепроникающая жара.

Конечно, лейтенантское сообщество принимало и дополнительные меры дезинфекции – начали быстро сокращаться запасы спирта (шила), бережно сэкономленные после регламентных работ на материальной части. Впрочем, шила и не могло хватить надолго, мы получали его не в том количестве. Очень скоро дошла очередь и до водки, закупленной перед началом похода и бережно уложенной на дно шкафов и рундуков. Конечно, никто не пил стаканами, но перед едой или после перехватывали по чуть чуть – для дезинфекции. Помогало не всем...

Потом мы встретились с транспортом снабжения, пополнили запас продуктов, опять начали выпекать свой хлеб. Героическими усилиями дока эпидемия диареи была побеждена, и наши исхудавшие в изоляторе товарищи заняли свои места в графике несения ходовых вахт. Жизнь налаживалась. Правда, в первый день очередного месяца, когда мы, командиры групп и батарей БЧ 2, собрались со своими литровыми бутылками под спирт у каюты капитан лейтенанта Виктора Комиссарова, очень уважаемого командира нашей боевой части, нас ждал неприятный сюрприз. «Шила нет и не будет... пока», – оторвавшись от заполнения каких то формуляров, командир БЧ развернулся от стола в своем вращающемся кресле и с суровой отеческой добротой добавил: «Шило смыло, потерпите! Придем на Сокотру – получите! Свободны!»

Получив ясный ответ, мы разошлись по каютам и уж там то дали волю расстроенным чувствам. Запасами спирта ведал помощник командира, мужик серьезный и ответственный. Ну, понятно – на шторм можно многое списать, но не может быть такого, рассуждали мы, чтобы «помоха» не имел заначки. И у «бычка» (командира БЧ) она тоже наверняка имелась. В общем, на нас, командирах групп и батарей, решили сэкономить. Конечно, было обидно, но решили, что потерпим. Тем более что ходу до якорной стоянки у острова Сокотра оставалось несколько суток, и мы уже мечтали о том, что наконец то, черт возьми, выспимся, а там и все остальное наладится.

Но на следующее утро после ставшей уже привычной команды по трансляции «Начать устранение последствий шторма» мы услышали продолжение: «Офицерскому составу собраться в кают компании». Собрались. Командир объявил, что получена радиограмма – приказано следовать с официальным визитом в Мозамбик, в порт Бейра. Естественно, кроме различных ремонтных работ, экипажу надо будет заняться и покраской корабля. Учитывая, что в Мозамбике в ту пору шла война с Родезией и порт Бейры недавно бомбила родезийский авиация, все было непредсказуемо. После командира выступил замполит. Он сказал, что командование понимает, что люди устали, что которую уже неделю мы на ходу, но дело предстоит государственной важности и офицеры, особенно командиры групп и батарей, должны довести до каждого матроса, что надо «проникнуться, собраться, осознать» и так далее.

Когда через несколько долгих недель на горизонте показались желтые берега Сокотры, мы обрадовались, как дети. Наутро после постановки на якорь на рейде получили наконец команду заняться регламентными работами на

матчасти. Естественно, опять собрались у каюты командира БЧ со своей тарой под спирт. «В общем, так, товарищи офицеры! Спирт пока не подвезли, – сказал командир БЧ. – Ничего, обойдетесь пока. Предлагаю вам для работы на материальной части использовать внутренние резервы! Потом все компенсирую. И главное – только что нас, командиров БЧ, собирал командир корабля. Послезавтра состоится прием крейсера в состав 8 й эскадры. Сначала проверка офицерами штаба по боевым частям, потом – строевой смотр, опрос жалоб и заявлений. Проводить смотр будет командир эскадры контр адмирал Михаил Хронопуло. Срочно всем заняться документацией, формой одежды личного состава, проверить у всех книжки «Боевой номер». И подстригите ваших бойцов, наконец! Свободны». Мы не стали больше задавать лишних вопросов и разошлись по своим подразделениям. Времени было в обрез.

Поясню для тех, кто не понял, почему какая то задержка в выдаче совсем невкусного технического спирта ректификата ГОСТ 18300 так воспринималась нами, лейтенантами, в то время. У всех служба была не сахар. Могли быть неожиданные поломки техники, проблемы с личным составом, нас снимали с вахт за неправильно отданную по трансляции команду, и мы в этот же день заступали снова – могло случиться еще много других неожиданностей. Даже зарплату могли выдать с опозданием. Но одно на корабле было постоянным: в первый день месяца командир боевой части наливал каждому командиру группы и батареи его законные литр полтора для протирки различных контактов, клеммных плат, электроразъемов и прочего. Ну, а мы уже выдавали по мере надобности своим старшинам непосредственно для работ. Наличие своего НЗ (неприкосновенного запаса) этого продукта позволяло периодически скрашивать корабельные будни, устраивать ночные посиделки с друзьями, душевно отмечать дни рождения, очередную звездочку на погонах, уход в отпуск, рассчитаться с работягами в заводе за внеплановый ремонт и т.д.

Поздней ночью, накануне смотра, возникла идея. К нам зашел командир второй зенитной батареи, мой однокашник Юра Мишаков: «Мужики, есть мысль! Завтра на строевом смотре адмирал будет, как положено, проводить опрос жалоб и заявлений офицеров. А если каждый из нас заявит жалобу, что нам второй месяц шило не выдают?» У большинства сослуживцев победил здравый смысл, но мы с Юркой решили, что попробуем. Как говорится, «дальше ТОФа не пошлют, меньше пушки не дадут».

Проверку мы прошли. И вот финал: на юте, на раскаленной от солнца палубе опять построен экипаж для опроса жалоб и заявлений. Отдельно матросы, мичманы и офицеры. Всем, от матроса до командира эскадры, не хочется ни одной лишней секунды стоять на горячем железе, поэтому опрос жалоб и заявлений проходит очень быстро. Адмирал перед строем матросов: «Товарищи матросы, у кого есть жалобы и заявления?» Пять секунд тишины. «Старпом, отпускайте личный состав!» – «Разойдись!» Далее – к строю мичманов. Тот же вопрос. Тишина. «Разойдись!»

У офицерского строя порядок другой. Адмирал останавливается напротив каждого офицера, тот называет свою должность, звание и фамилию и говорит: «Жалоб и заявлений не имею!» Рядом с адмиралом – офицер штаба с журналом в руках, в котором пока нет ни одной записи. БЧ 1 (штурмана) – два офицера, жалоб нет. Теперь наша шеренга, БЧ 2. Очередь до командира 2 й батареи старшего лейтенанта Юры Мишакова доходит быстро. «Имею жалобу – второй месяц не получаю спирт, положенный по нормам обслуживания материальной части!» – докладывает он. Дисциплинарный устав, как известно, запрещает подавать общие жалобы. Каждый – только за себя. Адмирал, конечно, оживился. Наверное, он уже представил, как командирский катер уносит его в прохладный адмиральский салон штабного корабля, а тут... Кивок офицеру с журналом. Тот, конечно, не запомнил ни фамилии, ни сути жалобы. Приходится повторять, штабной записывает. Далее в строю командир третьей батареи, командиры групп. Жалоб нет. Адмирал останавливается передо мной. «Командир 4 й батареи старший лейтенант Цмокун», – представляюсь и слово в слово повторяю текст жалобы. На сей раз повторять два раза не пришлось. Жалоба записана. Далее – минер, связисты, офицеры радиотехнической службы, механики, политработники, группа вертолетчиков. Жалоб и заявлений нет. Все обливаются потом, сверху – солнце, снизу ноги через тонкую кожу подошв тропических тапочек прожигает раскаленная палуба.

Наконец команда адмирала: «Командир, заканчивайте и со мной в вашу каюту!» После команды «Разойдись!» ныряем в спасительный полумрак коридора кормовой аварийной партии, к своим каютам. Идем с Юрой, перед дверью коридора ловим на себе недовольные взгляды остающихся на юте офицеров штаба – они уже собирались спуститься в ошвартованный у борта командирский катер, но без адмирала катер никуда не пойдет.

А мы с Юрой бежим в носовой кубрик, находим матроса секретчика, буквально тащим его в секретную часть и получаем свои «Инструкции по техническому обслуживанию». Юра – своей пусковой установки зенитных ракет, толстенную книгу, ну а я – своих артустановок АК -725, намного тоньше. Быстро возвращаемся в каюту и ставим закладки на страницах инструкций, где есть указания о протирке спиртом различных клемм, контактов и разъемов.

Нашу торопливую работу с инструкциями прервала ожидаемая команда по внутренней трансляции: «Старшим лейтенантам Мишакову и Цмокуну срочно прибыть в каюту командира корабля!» Встаем, закидываем книги в брезентовую сумку для ношения секретных документов, выходим из каюты. Слышим вслед: «Ни пуха ни пера, мужики!» Стучимся в каюту командира, заходим. За столом сидит командир. Сбоку, на диванчике салона, контр адмирал Хронопуло. В уголке на стульчике приткнулся замполит, куда ж без него. Докладываем о прибытии. «На основании каких документов вы требуете выдачу спирта?» – первым задал вопрос командир эскадры. Юра вытаскивает из сумки свою двухкилограммовую «Инструкцию по эксплуатации и техобслуживанию пусковой установки ЗРК «Волна». «Вот,

товарищ адмирал. Там, где закладки – промывка или протирка приборов спиртом», – он протянул книгу командиру эскадры. Адмирал берет книгу, читает несколько строк, закрывает книгу и отдает обратно Юре, после чего вопросительно смотрит на командира. Командир понимает адмирала: «Ну, с вами, Мишаков, понятно. А что у вас, Цмокун?» Достаю «Техническое описание и инструкцию по эксплуатации артустановки АК 725».

Конечно, она гораздо меньше по формату и тоньше, но несколько упоминаний о спирте и в ней есть. Командир мрачно смотрит на адмирала. Тот, наоборот, кажется вполне довольным. Еще бы, разобрались быстро, сейчас командирский катер домчит его в родной адмиральский салон на «Ямале». «Свободны», – адмиральский кивок головой выносит нас с Юрой из каюты. Вроде пронесло.

Вскоре нас вызывает командир БЧ 5. Заходим. Виктор Сергеевич, как всегда, спокоен. Под столом – знакомая канистра. «Ну, давайте тару, что ли, – командир БЧ без лишних слов наливает шило в подставленные бутылки под самый верх. – Свободны!» Выходим в коридор и наблюдаем такую картину: почти все наши командиры групп и батарей боевой части стоят напротив каюты с пустой тарой. За нами из каюты выходит командир БЧ, но, абсолютно не обращая внимания на собравшихся, закрывает дверь. И тут мы, уходя по коридору, слышим такой диалог: «А нам, Виктор Сергеевич?» – «А вы идите на хрен». – «А почему?» – «Так вы ведь не жаловались». И пусть кто-нибудь скажет, что на флоте нет справедливости!

ТАК ВЫ ЖЕ НЕ ЖАЛОВАЛИСЬ

Как получить заветный спирт благодаря адмиральской проверке

Летом 1980 года наш ракетный крейсер «Владивосток» нес боевую службу в зоне Индийского океана. На подходе к Филиппинам попали в жестокий шторм. Смыло за борт плохо закрепленные бочки с различными техническими жидкостями и растительным маслом, многотонными волнами покорежило и погнуло леера и другие металлические конструкции.

Не доставило радости затопление отдельных внутренних помещений.

Наскоро отремонтированные в заводе перед выходом в море холодильные машины и рефрижераторная камера для мясных продуктов тоже вышли из строя. Командир трюмной группы старший лейтенант Миша Рязанцев со своими бойцами, набранными на флот из кишлаков и аулов, героически устранял заводские недоделки, работая в нечеловеческих условиях жары, влажности и тесноты.

Остальной экипаж тоже не сидел без дела. Каждое утро после завтрака по кораблю раздавалась команда: «Начать устранение последствий шторма!»

Кстати, о завтраке, а также и об остальных приемах пищи в тот веселый период хочется сказать особо. Рефкамера вышла из строя уже через несколько дней после начала похода. В связи с этим мясо во всех его видах несколько дней составляло основную часть меню экипажа. То есть сначала

ели отварное мясо три раза в день, потом, по мере появления запаха, мясо стали обжаривать, потом наступила очередь обжаренных кур, потом – обжаренной колбасы. Поскольку дрожжи тоже испортились, а сухих на борту не было, хлеб выпекать перестали. Экипаж дружно перешел на сухари и заспиртованные в пакетах батоны.

Экипажу было объявлено, что рандеву с транспортом снабжения скоро состоится, а пока надо потерпеть. Порог этого терпения у всех был разный. Наиболее слабые желудки не выдерживали, понос начал косить людей, невзирая на возраст и звания. Количество работоспособных членов экипажа стало быстро сокращаться. Из семи вахтенных офицеров нас осталось трое – я, Юра Мишаков и Шура Тупицын. Несли вахты по четыре часа через восемь, а надо было ведь еще заниматься матчастью, матросами, заполнять документацию и поспать между вахтами. Корабельный док Коля Третьяк срочно соорудил три изолятора – для матросов, офицеров и мичманов. Перед входом в кают компанию появился тазик с какой то вонючей жидкостью, куда мы макали руки перед приемом пищи. Мало того – такими же вонючими стали супы, чай и компот. Плюс всепроникающая жара.

Конечно, лейтенантское сообщество принимало и дополнительные меры дезинфекции – начали быстро сокращаться запасы спирта (шила), бережно сэкономленные после регламентных работ на материальной части. Впрочем, шила и не могло хватить надолго, мы получали его не в том количестве. Очень скоро дошла очередь и до водки, закупленной перед началом похода и бережно уложенной на дно шкафов и рундуков. Конечно, никто не пил стаканами, но перед едой или после перехватывали по чуть чуть – для дезинфекции. Помогало не всем...

Потом мы встретились с транспортом снабжения, пополнили запас продуктов, опять начали выпекать свой хлеб. Героическими усилиями дока эпидемия диареи была побеждена, и наши исхудавшие в изоляторе товарищи заняли свои места в графике несения ходовых вахт. Жизнь налаживалась. Правда, в первый день очередного месяца, когда мы, командиры групп и батарей БЧ 2, собрались со своими литровыми бутылками под спирт у каюты капитан лейтенанта Виктора Комиссарова, очень уважаемого командира нашей боевой части, нас ждал неприятный сюрприз. «Шила нет и не будет... пока», – оторвавшись от заполнения каких то формуляров, командир БЧ развернулся от стола в своем вращающемся кресле и с суровой отеческой добротой добавил: «Шило смыло, потерпите! Придем на Сокотру – получите! Свободны!»

Получив ясный ответ, мы разошлись по каютам и уж там то дали волю расстроенным чувствам. Запасами спирта ведал помощник командира, мужик серьезный и ответственный. Ну, понятно – на шторм можно многое списать, но не может быть такого, рассуждали мы, чтобы «помоха» не имел заначки. И у «бычка» (командира БЧ) она тоже наверняка имелась. В общем, на нас, командирах групп и батарей, решили сэкономить. Конечно, было обидно, но решили, что потерпим. Тем более что ходу до якорной стоянки у острова

Сокотра оставалось несколько суток, и мы уже мечтали о том, что наконец то, черт возьми, выспимся, а там и все остальное наладится.

Но на следующее утро после ставшей уже привычной команды по трансляции «Начать устранение последствий шторма» мы услышали продолжение: «Офицерскому составу собраться в кают компании».

Собрались. Командир объявил, что получена радиограмма – приказано следовать с официальным визитом в Мозамбик, в порт Бейра. Естественно, кроме различных ремонтных работ, экипажу надо будет заняться и покраской корабля. Учитывая, что в Мозамбике в ту пору шла война с Родезией и порт Бейры недавно бомбила родезийская авиация, все было непредсказуемо.

После командира выступил замполит. Он сказал, что командование понимает, что люди устали, что которую уже неделю мы на ходу, но дело предстоит государственной важности и офицеры, особенно командиры групп и батарей, должны довести до каждого матроса, что надо «проникнуться, собраться, осознать» и так далее.

Когда через несколько долгих недель на горизонте показались желтые берега Сокотры, мы обрадовались, как дети. Наутро после постановки на якорь на рейде получили наконец команду заняться регламентными работами на матчасти. Естественно, опять собрались у каюты командира БЧ со своей тарой под спирт. «В общем, так, товарищи офицеры! Спирт пока не подвезли, – сказал командир БЧ. – Ничего, обойдетесь пока. Предлагаю вам для работы на материальной части использовать внутренние резервы! Потом все компенсирую. И главное – только что нас, командиров БЧ, собирал командир корабля. Послезавтра состоится прием крейсера в состав 8 й эскадры. Сначала проверка офицерами штаба по боевым частям, потом – строевой смотр, опрос жалоб и заявлений. Проводить смотр будет командир эскадры контр адмирал Михаил Хронопуло. Срочно всем заняться документацией, формой одежды личного состава, проверить у всех книжки «Боевой номер». И подстригите ваших бойцов, наконец! Свободны». Мы не стали больше задавать лишних вопросов и разошлись по своим подразделениям. Времени было в обрез.

Поясню для тех, кто не понял, почему какая то задержка в выдаче совсем невкусного технического спирта ректификата ГОСТ 18300 так воспринималась нами, лейтенантами, в то время. У всех служба была не сахар. Могли быть неожиданные поломки техники, проблемы с личным составом, нас снимали с вахт за неправильно отданную по трансляции команду, и мы в этот же день заступали снова – могло случиться еще много других неожиданностей. Даже зарплату могли выдать с опозданием. Но одно на корабле было постоянным: в первый день месяца командир боевой части наливал каждому командиру группы и батареи его законные литр полтора для протирки различных контактов, клеммных плат, электроразъемов и прочего. Ну, а мы уже выдавали по мере надобности своим старшинам непосредственно для работ. Наличие своего НЗ (неприкосновенного запаса) этого продукта позволяло периодически скрашивать корабельные будни, устраивать ночные посиделки с друзьями, душевно отмечать дни рождения,

очередную звездочку на погонах, уход в отпуск, рассчитаться с работягами в заводе за внеплановый ремонт и т.д.

Поздней ночью, накануне смотра, возникла идея. К нам зашел командир второй зенитной батареи, мой однокашник Юра Мишаков: «Мужики, есть мысль! Завтра на строевом смотре адмирал будет, как положено, проводить опрос жалоб и заявлений офицеров. А если каждый из нас заявит жалобу, что нам второй месяц шило не выдают?» У большинства сослуживцев победил здравый смысл, но мы с Юркой решили, что попробуем. Как говорится, «дальше ТОФа не пошлют, меньше пушки не дадут».

Проверку мы прошли. И вот финал: на юте, на раскаленной от солнца палубе опять построен экипаж для опроса жалоб и заявлений. Отдельно матросы, мичманы и офицеры. Всем, от матроса до командира эскадры, не хочется ни одной лишней секунды стоять на горячем железе, поэтому опрос жалоб и заявлений проходит очень быстро. Адмирал перед строем матросов:

«Товарищи матросы, у кого есть жалобы и заявления?» Пять секунд тишины. «Старпом, отпускайте личный состав!» – «Разойдись!» Далее – к строю мичманов. Тот же вопрос. Тишина. «Разойдись!»

У офицерского строя порядок другой. Адмирал останавливается напротив каждого офицера, тот называет свою должность, звание и фамилию и говорит: «Жалоб и заявлений не имею!» Рядом с адмиралом – офицер штаба с журналом в руках, в котором пока нет ни одной записи. БЧ 1 (штурмана) – два офицера, жалоб нет. Теперь наша шеренга, БЧ 2. Очередь до командира 2 й батареи старшего лейтенанта Юры Мишакова доходит быстро. «Имею жалобу – второй месяц не получаю спирт, положенный по нормам обслуживания материальной части!» – докладывает он. Дисциплинарный устав, как известно, запрещает подавать общие жалобы. Каждый – только за себя. Адмирал, конечно, оживился. Наверное, он уже представил, как командирский катер уносит его в прохладный адмиральский салон штабного корабля, а тут... Кивок офицеру с журналом. Тот, конечно, не запомнил ни фамилии, ни сути жалобы. Приходится повторять, штабной записывает. Далее в строю командир третьей батареи, командиры групп. Жалоб нет. Адмирал останавливается передо мной. «Командир 4 й батареи старший лейтенант Цмокун», – представляюсь и слово в слово повторяю текст жалобы. На сей раз повторять два раза не пришлось. Жалоба записана. Далее – минер, связисты, офицеры радиотехнической службы, механики, политработники, группа вертолетчиков. Жалоб и заявлений нет. Все обливаются потом, сверху – солнце, снизу ноги через тонкую кожу подошв тропических тапочек прожигает раскаленная палуба.

Наконец команда адмирала: «Командир, заканчивайте и со мной в вашу каюту!» После команды «Разойдись!» ныряем в спасительный полумрак коридора кормовой аварийной партии, к своим каютам. Идем с Юрой, перед дверью коридора ловим на себе недовольные взгляды остающихся на юте офицеров штаба – они уже собирались спуститься в ошвартованный у борта командирский катер, но без адмирала катер никуда не пойдет.

А мы с Юрой бежим в носовой кубрик, находим матроса секретчика, буквально тащим его в секретную часть и получаем свои «Инструкции по техническому обслуживанию». Юра – своей пусковой установки зенитных ракет, толстенную книгу, ну а я – своих артустановок АК -725, намного тоньше. Быстро возвращаемся в каюту и ставим закладки на страницах инструкций, где есть указания о протирке спиртом различных клемм, контактов и разъемов.

Нашу торопливую работу с инструкциями прервала ожидаемая команда по внутренней трансляции: «Старшим лейтенантам Мишакову и Цмокуну срочно прибыть в каюту командира корабля!» Встаем, закидываем книги в брезентовую сумку для ношения секретных документов, выходим из каюты. Слышим вслед: «Ни пуха ни пера, мужики!» Стучимся в каюту командира, заходим. За столом сидит командир. Сбоку, на диванчике салона, контр адмирал Хронополо. В уголке на стульчике приткнулся замполит, куда ж без него. Докладываем о прибытии. «На основании каких документов вы требуете выдачу спирта?» – первым задал вопрос командир эскадры. Юра вытаскивает из сумки свою двухкилограммовую «Инструкцию по эксплуатации и техобслуживанию пусковой установки ЗРК «Волна». «Вот, товарищ адмирал. Там, где закладки – промывка или протирка приборов спиртом», – он протянул книгу командиру эскадры. Адмирал берет книгу, читает несколько строк, закрывает книгу и отдает обратно Юре, после чего вопросительно смотрит на командира. Командир понимает адмирала: «Ну, с вами, Мишаков, понятно. А что у вас, Цмокун?» Достаю «Техническое описание и инструкцию по эксплуатации артустановки АК 725».

Конечно, она гораздо меньше по формату и тоньше, но несколько упоминаний о спирте и в ней есть. Командир мрачно смотрит на адмирала. Тот, наоборот, кажется вполне довольным. Еще бы, разобрались быстро, сейчас командирский катер домчит его в родной адмиральский салон на «Ямале». «Свободны», – адмиральский кивок головой выносит нас с Юрой из каюты. Вроде пронесло.

Вскоре нас вызывает командир БЧ 5. Заходим. Виктор Сергеевич, как всегда, спокоен. Под столом – знакомая канистра. «Ну, давайте тару, что ли, – командир БЧ без лишних слов наливает шило в подставленные бутылки под самый верх. – Свободны!» Выходим в коридор и наблюдаем такую картину: почти все наши командиры групп и батарей боевой части стоят напротив каюты с пустой тарой. За нами из каюты выходит командир БЧ, но, абсолютно не обращая внимания на собравшихся, закрывает дверь. И тут мы, уходя по коридору, слышим такой диалог: «А нам, Виктор Сергеевич?» – «А вы идите на хрен». – «А почему?» – «Так вы ведь не жаловались». И пусть кто-нибудь скажет, что на флоте нет справедливости!

Цмокун Владимир Муневич

Капитан 3 ранга запаса. Закончил КВВМУ в 1977 году. Попал на РКР Владивосток, полгода служил инженером БЧ-2, потом комбатом батареи МЗА на АК-725. С 1983 года командир БЧ -2 на ЭМ 56-го проекта

«Вызывающий». В 1984 году по состоянию здоровья списан с плавсостава и назначен начальником лаборатории цеха подготовки крылатых ракет на ТРБ под пос. Реттиховка. С 1985 по 1988 годы – помощник командира базы по МТО. С 1988 года – офицер отдела тыла острова Русский. С 1994 года – офицер по кадрам управления гарнизона острова Русский.

Вадим Кулинченко

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫХОД

Рассказ, основанный на реальных событиях. Всё в нём подлинно, кроме имён действующих лиц. Их имена заменены, чтобы не тревожить их, ушедших в мир иной, но многие ещё живы и помнят эти события.

Подводные атомоходы проекта 675, предшественников проекта 949 шифр «Гранит», флотские остряки называли «раскладушками» из-за конструкции ракетных контейнеров. Они отличались большой шумностью и вероятный противник их, тоже шутя, называл «ревущими коровами».

Один из таких атомоходов, ПЛАРК 675 проекта, выполнив весной-летом 1967 года нелёгкие задачи боевой службы в Средиземном море, возвратился домой на Северный флот. Это была первая боевая служба атомоходов в СРМ, так называют моряки Средиземноморский морской театр, совпавшая с Египетско – израильской войной 1967 года. Присутствие советского атомохода в море сыграло положительную роль в разрешении военного конфликта. Пробыв в море более девяносто суток, подводники заслуживали похвалы, но этого сделано не было. Недаром на флоте бытует поговорка – Не наказали – значит поощрили! Хорошо, что дали передохнуть.

Отдохнув в доме отдыха города Зеленогорск Ленинградской области, члены экипажа разъехались по отпускам. В начале сентября экипаж, полностью закончив отпуска, принял свою подводную лодку от второго экипажа. Вторые экипажи, это подтвердит любой подводник, не очень уделяют внимание «железу». Одним словом, нашему экипажу скучать не приходилось, он приступил к трудной службе на берегу. Нужно было приводить корабль в порядок, подтверждать задачи и становиться в строй.

Служба для подводника на берегу подчас труднее службы в море. Там командир начальник, а на берегу над командиром десятки начальников-чиновников, руководствующихся одним принципом – Люблю море с берега, а моряков в ресторане! Порой машину приходится выбивать за литр «шила» или банку таранки, чтобы доставить автономный паёк со склада на борт. Бывалые подводники поймут, что это не преувеличения...

В октябре 1967 года подводная лодка, выполнив все курсовые задачи, вступила в строй. За это время подводники успели пережить трагедию подводной лодки «К-3», на которой от пожара в первом отсеке погибло 39 человек и в их числе капитан 3 ранга Лев Каморкин, близкий товарищ и сокурсник помощника командира ПЛАРК Владислава Кулика. Своими действиями Лев фактически спас корабль от гибели.

Но долго переживать не пришлось, был получен приказ готовить корабль к новой боевой службе. Командир ПЛАРК капитан 1 ранга Владимир Швец, собрав офицеров корабля, поставил задачи и окончил свою речь – За работу, товарищи! «А Вас попрошу зайти ко мне», —сказал он помощнику Владиславу Кулику.

В кабинете командира у них состоялся разговор, смысл которого сводился к тому, что старпом капитан 2 ранга Борис Костин, так принципиально и не сдавший на самостоятельное управление лодкой проекта 675, наконец-то добился своего перевода в Москву, но до получения приказа будет исполнять обязанности. «Но Вы сами понимаете, - говорил Швец, - фактически Вам придётся это время исполнять обязанности и старпома. Вы знаете, что я Вам доверяю, не подведите меня и корабль!».

Владислав Кулик почувствовал, какая ответственность ложится на него. Он дружил с Костиным, знал его стремление перебраться в Москву, он был родом оттуда, но не предполагал, что так сложится обстановка. Знал он и своего командира Владимира Швеца, опытного командира с большим стажем, добрейшего человека, про которого даже говорили – В первую

очередь Швец хороший человек, а потом уже командир, а на флоте нет должности «хороший человек», а есть должность – командир. Швец, при всех его достоинствах был человеком с ленцой, поэтому рассчитывать на его помощь в подготовке к боевой службе особо не приходилось. Но делать нечего, пришлось согласиться. Тем более, Кулик рассчитывал остаться на этой лодке старпомом, с экипажем которой он сроднился с новостройки. Его уже не раз приглашали старпомом другие командиры, но всех их останавливал Швец словами – Не для других растили! У него была ещё одна слабость – держать хороших офицеров в экипаже, даже если их просили на повышение.

Началась подготовка к боевой службе. В экипаже не без оснований шутили – Опять пойдём в края родные! Походы на боевую службу атомоходов Северного флота в СРМ стали регулярными, и 6-й Флот США в лице 5 ОПЭСК ВМФ получил достойного противника.

Подготовка проходила в утомительном ритме, многое приходилось в буквальном смысле «выбивать». Но у экипажа был уже опыт и дела шли. К концу сентября всё было готово к выходу на боевую службу («БС»), кроме загрузки боезапаса. Предстоял десятидневный контрольный выход в море, на котором должны были пройти проверку все механизмы подводной лодки, да и для людей это было не лишне – передохнуть от базовой нервоотрётки. Моряка всегда ласкает присказка – В море дома, на берегу – гостях!

На контрольный выход обычно выходили флагманские специалисты дивизии, а то и флотилии. А тут экипажу «повезло». Было приказано взять на борт группу специалистов Академии наук из четырёх человек, из них одна женщина, а, как известно, женщина на борту боевого корабля... Группа занималась замерами гравитационного поля Земли в подводном положении. Все сопротивления командира лодки и командования дивизии были пресечены в корне, приказ исходил сверху. На борт была загружена соответствующая аппаратура, взяты на довольствие члены группы с приказанием при плавании выполнять их требования, и лодка поплыла...

Контрольный выход в Баренцево море, это переход из полигона в полигон, работа в полигоне несколько дней, если он большой, и так далее. В начале ноября контрольный выход ПЛАРК приближался к концу, экипаж готовился встретить праздник седьмого ноября на берегу, а там загрузка боезапаса и..., полный вперед на боевую службу! За время контрольного выхода серьезных недостатков обнаружено не было, все были в хорошем расположении духа. Так было и в тот момент.

Время приближалось к ужину. В кают-кампании накрывали стол, бочковые разносили ужин по отсекам. В центральном посту это был четвертый отсек, вахтенным офицером стоял опытный командир ракетной части капитан 2 ранга Эдуард Савченко, в отсеке кроме вахтенного механика находились ещё сам «дед» с двумя помощниками флагманских. Командир Швец вызвал Кулика в центральный и попросил подменить его на командирской вахте, Владислав уже имел допуск к самостоятельному управлению кораблём, чтобы побриться перед ужином. – Как-то неудобно,

ведь, в кают-компании будет женщина, - с улыбкой сказал он и направился в свою каюту во второй отсек.

Лодка шла на глубине 80 метров со скоростью 14 узлов. Вахтенный офицер доложил обстановку Кулику и сказал, что «наука» просит всплыть на глубину 60 метров и уменьшить скорость до 12 узлов. Маневр несложный, и Кулик дав «добро» на его выполнение, стал разговаривать с баталером, который высунувшись по грудь из трюмного люка, спрашивал его какие консервы выдавать на ужин. Весь продовольственный запас на автономку был уже на борту.

И этот момент, этого не ожидал ни кто, ведь только был доклад акустиков – Горизонт чист! Лодка как бы встала на дыбы! Нос подбросило, всё, что было не закреплено, покатило в корму, а мичман, стоящий на трапе перед Куликом, куда-то исчез – будто провалился.

Три механика, будто сговорившись, без команды бросились на клапана быстрого продувания балласта... Лодка в это время, сбавив скорость, всплывала на глубину 60 метров, а Кулик пытался дать команду на телеграфы - Обе турбины полный ход! - чтобы увеличить плавучесть лодки. Все сразу подумали о пробое... Но команда не дошла до боцмана, он не успел передвинуть указатели телеграфа, как все почувствовали, что лодка закачалась на волнах...

Поднять перископ! – скомандовал Кулик. Перископ пошёл вверх и на середине встал. Приказав опустить его, Кулик повторно подал команду на подъём. В это время в отсеке появился Швец. Он был в финском шерстяном белье, выдавали такое, и с канадкой под мышкой. Первыми были его слова – Мина! Сбили перископ! На что Кулик ему ответил – Если бы мина, нас давно бы не было. А перископ был в шахте. В это время перископ поднялся до конца, а командир, отстранив Кулика от него, приказал ему отдраить верхне рубочный люк, а сам прильнул к окуляру перископа. Поднимаясь по трапу к люку, Кулик услышал его слова – Подводная лодка справа тридцать!

Люк не поддавался, в суматохе забыли сравнить давление с атмосферным, пришлось воспользоваться свинцовой кувалдой. Крышка люка откинулась, и Кулик вместе со Швецом выскочили на мостик.

- Там! – показывал Швец рукой. Но было темно, шёл дождь, и за его пеленой ничего не было видно, только волны спокойно перекатывались через корпус субмарины, которая уверенно держалась на поверхности, продолжая ход вперёд.

Извинившись перед «наукой» за непредвиденные обстоятельства, экипаж принялся разбираться в этом форс мажоре.

Командир, посоветовавшись с Куликом, чтобы не поднимать тревогу по флоту, решили дать сигнал по таблице коротких сигналов – «Имею контакт с иностранной подводной лодкой». После этого, Швец, вызвав шифровальщика на мостик, стал диктовать ему содержание шифровки о столкновении с подводной лодкой в подводном положении, а Кулика отправил осмотреть всю лодку и поговорить с личным составом.

Кулик начал с опроса акустиков. Те сами были в недоумении – горизонт был чист, никаких признаков цели и, вдруг, удар и вспышка во весь экран, что определить направление, откуда пришла беда, не представлялось возможным.

Начав обход с первого отсека, Кулик попал в обстановку истерически-гомерического хохота личного состава отсека. Все, хохоча, указывали на бочкового матроса, который обвешанный с головы до ног содержимым борща, всё ещё не мог прийти в себя. В момент удара он разливал борщ по мискам, и... всё содержимое бочка выплеснулось на него. Что удар был в районе первого отсека, подтвердили все последующие осмотры, а пока сработал психологический фактор и опросы личного состава кормовых отсеков, где утверждали, что удар был в районе кормы, ведь лодка получила большой дифферент на корму. Но турбины работали исправно, винты крутились в обычном режиме.

После передачи шифровки, через считанные минуты была получена квитанция на переданное радио, а через короткое время пришёл приказ – прекратить все работы и немедленно кратчайшим путём следовать в базу! И даже уже было указано место швартовки. Командиру так же предписывалось сообщить все сведения о столкновении командиру КПУГ (корабельно поисковая ударная группа), направленной в район столкновения.

Все стали приходить в себя от пережитого шока, стали раздаваться даже шутки. Кулик задал вопрос Швецу – Владимир Павлович, а за чем Вы схватили канадку? – На всякий случай, - с улыбкой ответил командир. Но все по серьёзному стали готовиться к разбору происшествия, случай-то был не рядовой для флота.

По пути в базу повстречались с тремя кораблями КПУГ, которые, приблизившись на голосовую связь, запросили дополнительные сведения о столкновении, на что Швец ответил – К тому, что уже сообщил, ничего добавить не имею. Следую в базу, а Вам желаю удачи!

Была глубокая ночь, но в базе прямо на плавпирсе стояла внушительная группа офицеров во главе с первым заместителем Командующего флотом. У пирса никого не было кроме водолазного катера.

Лодка ошвартовалась, и командир доложил адмиралу обстановку. Владислава Кулика, механика Анатолия Масленного и некоторых других офицеров сразу взяли в объятия, и повели на плавбазу. Остальным офицерам после приведения своих заведений в порядок было приказано прибыть туда же.

Разговор был долгий и кончился докладом водолазов, что повреждения корпуса не обнаружено. Была ночь, поэтому все разбирательства были отложены на предстоящий день.

А днём водолазы обнаружили в носовом обтекателе ГАК (гидроакустический комплекс) «Керчь» пробоину размером три на четыре метра. Все разговоры о боевой службе отпали сами собой. ПЛАРК стали готовить в док...

Вот такой неординарный случай произошёл с одной из ПЛАРК в 1967 году в Баренцевом море на контрольном выходе. Это было не первое и не последнее столкновение под водой. Шла «холодная война» и слежение друг за другом не исключало подобных случаев.

До трагедии АПЛ «Курск» было ещё 33 года, а до этого только известных столкновений под водой набралось более двух десятков...

А Вы говорите о романтике подводной службы – она не только романтична, но порой и трагична!

Кулинченко Вадим Тимофеевич

Родился 23 декабря 1936 года в городе Острогожск Воронежской области. Отслужил в Вооружённых Силы 32 календарных лет. Капитан 1 ранга в отставке. Служа на подводных лодках, совершил шесть выходов на боевую службу. Одна из них была в 1967 г. в Средиземное море, где АПЛ «К-131» участвовала в арабо – израильской войне в июне 1967г., за что В. Т. Кулинченко имеет статус «Ветеран боевых действий». Проходя службу на ВЗПУ ГК ВМФ, одного из основных подразделений ЦКП ВМФ, совершил много учебных вылетов на флоты. Одновременно нёс оперативную службу на основном Командном пункте ВМФ в должности старшего помощника ОД ВМФ.

<https://www.litres.ru/vadim-kulinchenko/ob-avtore/>

«МОРСКИЕ ДОСУГИ» №5

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Составитель Каланов Н.А.

© Каланов Н.А.

© На обложке фото Сергея Балакина

ISBN: 978-5-6042237-9-6

Москва
ООО «Горизонт»
2019

Вячеслав Прытков

ПОДАРОК ГОСУДАРЯ

«Море оперного цвета
Шелковало вдалеке.
Роза жаждала рассвета
Чтоб увясть в твоей руке.

Море было так небесно,
Небо – морево. Суда
В отдаленьи неизвестно
Шли откуда и куда.»

«Полдень первого дня.»
И. Северянин (Далматинский цикл)

Земли Сербии, Хорватии и Словении. Многокилометровая полоса берега Адриатического моря от Котора (Бока Которска) до Сушака с Фиуме. На ней лежат старые славянские города – Котор, Дубровник с пригородом Груж и длинной синей бухтой Омбла, Макарска, Сплит, Шибеник и др. Берега эти тесно связаны с Россией. Дубровник (древняя Рагуза) знавал загадочную княжну Тараканову, графа Орлова, адмирала Сенявина, Которской бухте известны имена Войновича и Змаевича, служивших России. Прославились ещё эти земли благодаря имени внука И. Айвазовского – художника – мариниста Алексея Васильевича Гензена (1876 – 1937).

С балкона виллы «Олимпия», которую А. Гензен приобрёл в 1922 году после эмиграции из России, открывался великолепный вид на расстилавшийся вдали залив Груж. Кто знает, возможно, своё название последнее пристанище художника – эмигранта получило в честь имени его жены – Олимпиады Васильевны (Мурузи) – вдовы, вышедшей замуж во второй раз и имевшей уже двух сыновей – Константина и Владимира от первого брака.

Открывавшаяся на море и острова панорама издревле потрясала селившихся здесь жителей, а обилие солнца, воды из местных источников позволяли выращивать виноград, оливки, апельсины, инжир и другие фрукты.

Алексей Васильевич в послеобеденные часы обычно выходил на балкон, где набрасывал свои эскизы, либо подолгу вглядывался в голубые дали расстилавшейся бухты Омбла, вспоминая минувшее.

На память пришли, ставшие уже далёкими события прощания с Одессой, когда он вместе с женой, совершенно не имея средств, покидал родину на английском корабле и чтобы как – то заработать кое – какие деньги, продавал английским морякам свои рисунки, исполненные на палубе прямо у них на глазах.

Оказавшись на благодатной земле Далмации, под Дубровником, он много писал, его картины получили признание и успешно продавались даже королевским домам Югославии, Румынии и Италии. Главную улицу Дубровника – Страдуну украшали его марины.

Внезапно раздумья художника прервал звонкий мальчишеский голос: «Дедушка, а дедушка! О чём ты так задумался?» - воскликнул подбежавший внук Миша – сын Константина и Варвары Мурузи.

«А, это ты, Мишенька. Да вот вспомнил, как я приехал сюда когда – то.»
«Слушай, дедушка! Расскажи мне что –нибудь интересное, я знаю, ты однажды выходил в море на большом русском корабле», - попросил внук.

«Хорошо, Мишенька. Я это запомнил на всю жизнь. Дело было ещё в России. Нарисованные мною картины многих военных кораблей нравились морякам, и меня пригласили совершить поход на новом крейсере «Адмирал Макаров», названный в честь погибшего на войне знаменитого человека. Крейсер назначили охранять самого русского Государя Императора во время его плавания на собственной яхте «Штандарт» в Германию, Францию и Англию. Вышли мы из Кронштадта, с нами – ещё один крейсер «Рюрик» и два миноносца «Эмир Бухарский» и «Москвитянин». Везде нас торжественно встречали и провожали корабли тех стран, куда мы заходили, а в честь визитов устраивали фейерверки и салюты.

Особенно запомнилось посещение Англии, где участвовал почти весь английский флот – 400 кораблей! Наш Государь повидался с английским королём на его яхте «Виктория и Альберт». Поход длился чуть больше двух недель, а когда мы вернулись домой, Государь побывал на крейсере «Адмирал Макаров» и поблагодарил всех моряков за службу.

Во время плавания я много рисовал и решил подарить одну картину самому Государю, называлась она «Яхта -Штандарт», но и я получил от него подарок – красивую булавку с изображением герба России, украшенную бриллиантами.»

«Как здорово, дедушка! Ты молодец!» - обрадованно произнёс Миша.

.....
Тот 1909 год стал особенным для Алексея Васильевича Ганзена, помимо совершённого плавания ему предложили должность художника при Морском министерстве России. Он продолжал рисовать корабли и море. В 1916 году вышел целый альбом его картин «Российский императорский флот», со временем ставший настоящей редкостью среди художественных изданий. А. Ганзен оставил после себя свыше 3000 полотен, но большинство из них осели в частных коллекциях, а среди известных - «Линейный корабль Царевич и эсминец типа Всадник», «Залп линкора Гангут», «Эсминцы Финн и Новик», «Бой св. Евгении с Гебенем» и многие другие.

ЖАЛЬ, ЧТО РОДИНА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ НЕ ОЦЕНИЛА И НЕ РАСКРЫЛА ТАЛАНТ ХУДОЖНИКА – МАРИНИСТА, ВНУКА ВЕЛИКОГО И. АЙВАЗОВСКОГО.

Примечание: А. В. Ганзен был сыном третьей дочери И. Айвазовского – Марии Ивановны и Вильгельма (Василия) Львовича Ганзена.

Прытков Вячеслав Юрьевич

Родился 9 ноября 1950 года в Литве, в городе Мариямполье, в семье военнослужащего. После окончания Каунасской средней школы, учился на вечернем отделении Каунасского политехнического института. В 1969 – 1972 годах служил на Краснознаменном Черноморском Флоте. Закончил машиностроительный факультет института в 1977 году.

Литературным творчеством начал заниматься ещё в юности. В 80 – е годы сотрудничал с рядом республиканских газет, российских журналов "Номинант премии "Наследие - 2017". Произведения включены в 2 том "Антологии русской прозы - 2018. "Медаль А.С. Пушкина. Номинант премии "Наследие- 2019" Произведения одобрены для включения в "Антологию русской прозы – 2019. <https://www.proza.ru/avtor/bark1>

Газета «Морской Профсоюзный Телеграф»

МОРЕ СМЕЯЛОСЬ

«Ну, что, как дела на берегу? Какие фильмы показывают, что новенького в театрах? Что читаешь?» Третьего помощника даже передернуло от этой лавины вопросов, исходящих от здорового лысого мужика в вытянутом и линиялом свитере цвета кирпича. Этот здоровенный дядька был капитаном славного балтийского лесовоза, прозванного в народе любовно «Освенцимлес».

... Третий штурман попал на судно случайно: попросил в кадрах дать ему возможность поплавать, как говорят, «поближе», то есть не на Кубу.

Основная цель смены парохода была меркантильная: попасть на судно с заходами в Европу, чтобы собрать капитал на внесение первого взноса в кооператив. А это по тем временам тянуло на три тысячи рублей. Таких денег на «кубинских» судах сразу же не заработаешь, потому что на них можно было разжиться только чеками «Внешторгбанка», которые шли по 15 рублей за штуку. Таким образом, при зарплате третьего помощника сбор капитала растянулся бы на долгое время. Заходы же в Европу сулили хорошую «отоварку» в виде мохера, покрывал и ковров «два на три», реализация чего здесь сразу давала прибыль в триста процентов... И тут вступал в силу закон Маркса, по которому капитал после трехсот процентов прибыли готов на любые преступления.

В кадрах ему сказали, что хороших пароходов мало, а уж на Европу можно попасть только летом, и то, чтобы подменить кого-то. «Но есть тут один пароходик, ну, ты наверно слышал про него», – подмигнул кадровик. И, пожалуйста – этот легендарный лесовоз.

«Авось пронесет», – подумал Саня. Опыт работы третьим помощником у него был большой, а что нехорошей репутации парохода, то ничего, может и обойдется. В общем, согласился.

...Судно стояло в Выборге, отход был суматошным. Перед летними отпусками около двух третей экипажа ринулись отдыхать. Получилось так, что из штурманов остался только «сэконд», но ему было обещано продвижение, а «чиф» и «третий» убыли без всяких обещаний на возвращение.

На вопрос «как дела?» сменщик только как-то хитро улыбнулся и сказал, что-то, типа, сам все увидишь. Но дал мудрый совет: с мастером не спорить и во всем соглашаться, не рассуждать, а только слушать. Тогда, возможно, все будет «о'кей»

Народная молва утверждала, что на этом «Освенцимлесе» сухой закон, и не только в отношении горькой, но и по части чая. Его нельзя пить в каюте, а только во время приема пищи, также нельзя собираться компаниями более двух человек. Кроме того, на судне проводились абсолютно все собрания, лекции и политинформации, а кино показывали только три раза в неделю. И в довершение на борту не было ни одной женщины, а буфетчицей работал сорокот и штатный стукач по прозвищу Тимоха, хотя возраст у него был далеко за шестьдесят.

Капитан запрещал вешать что-либо на переборки, поэтому никакой наглядной политагитации на судне не было, кроме стенда с членами Политбюро в Красном уголке и меню в столовой. Стенгазету, если ее делали, вывешивали только под контролем капитана и на скотч, который капитан выделял из своих запасов, а других запасов ни у кого не было. Все хранилось у капитана и выдавалось только под подробные объяснения «куда и зачем». Это правило относилось также к шариковым ручкам фирмы «Big», стирательным резинкам, и фломастеры тоже входили в стратегический запас. По-другому и быть не могло, потому что все это закупалось за валюту и исключительно на «спецнужды».

Короче, Саня «сам все увидел» непосредственно после отхода. По судну шнырял первый помощник по кличке Лёлик, который ставил службу на судне в угоду капитану выше высокого служения родной КПСС.

Лёлик до утра ходил по пароходу в мягких тапочках, требовал отхода ко сну строго в 23.00 и долго ошивался около каюты нового электромеханика, уловив его подозрительные перегляды с начальником радиостанции. В общем, за дисциплиной следили откровенно филерским методом тупого контроля за передвижением моряков.

«Ну, и ладно! – подумал Саня. – Пить – здоровью вредить!». А тут все хорошо, все трезвые и спать уложатся в 23 часа, на судне тишина, что редко бывает с отходом, особенно на «кубинских» пароходах: там до выхода в океан народ колобродил, а тут... Красота...

С капитаном контакта практически не было, доложил о приеме дел, и вперед, работы у третьего на лесовозе невпроворот – считай, все штурманское хозяйство на плечах, да еще две вахты и судовая касса.

В общем, вопросы лысого капитана застали Саню врасплох, он однозначно ответил: «Все хорошо!» и отбежал посмотреть в радар, как себя ведет пароход в пяти милях справа. Капитану ответ явно понравился, и он начал рассказывать, как сходил с женой в театр, правда, забыл название и театра, и спектакля, но все равно представление было ужасно, ему не понравилось, актеры почему-то кричали, перебивали друг друга, и реквизит был бедноватый.

Третий подумал: «Что спорить, все правильно, да еще билетов в приличный театр типа БДТ или Ленсовета не достать, а в Пушкинский продают в качестве нагрузки к билетам на концерт «Червонных гитар». Но третий всего этого не сказал, памятуя о том, что нужно слушать, соглашаться и молчать. Дальше больше, капитан завел разговор о литературе: «Вот ты чего читаешь? Я, например, уважаю Горького, можно сказать, только его и читаю...» Что случилось с Санькой, и зачем он сделал это, он сам не понял, но слово было сказано: «Ага... Море смеялось...»

Капитан замер. Он понял, что это вызов, только какой? Или этот третий слишком умный? Или... А если он проверяет на вшивость, типа, ты читал Горького, так вот тебе крылатое выражение!

Капитан, или как его звали «Васильмихалыч», из Горького помнил только: «Испортил песню, дурак!» А тут: «море смеялось»... Злобно глянув в сторону третьего: «Ты тут повнимательней!», он покинул мостик. Что было дальше, Санька не узнал – кто бы ему рассказал, на судне ведь больше трех не собирались...

А мастер быстро спустился вниз и, буквально, ворвался в каюту Лёлика, который настраивал свою «Спидолу», чтобы послушать «вражий голос». Вид раскрасневшегося капитана его встревожил: неужели кто-то дыхнул на капитана запахом алкоголя?!

– Ты Горького читал?

Первый съежился. В голове дзинкнуло: «Баллада... Нет, песня... Нет, поэма о Соколе, нет, о буреизвестнике... Что-то про пингвина?» Не дождавшись, Васильмихалыч почти прошептал: «Море смеялось!»

Лёлик понял, что тут не до смеха, тем более, если «море смеялось!»

– А что это?

– - Это я тебя спрашиваю: «Что?» Ты же в высшей партийной школе учился, там Горького должны были вам каждый день давать!

Первый вспомнил, что Горький говорил: «Если враг не сдается – его уничтожают!», но причем тут «море смеялось?»

- Все, Васильмихалыч, понял, пошукаю, поспрашиваю, может, что и узнаю.

- Ты мне кота за хвост не тяни! Узнай, и быстро!

Лёлик побежал в кладовую, где хранилась судовая библиотечка, заодно посмотрел и запись в тетрадке, что третий читает.

В затертой тетради по выдаче книг значилось, что третий помощник взял для чтения «Тихий Дон» Шолохова и «Старик и море» Хемэнгуэя. Лёлик присвистнул: «диссидент!» Буквально на днях «вражий» голос клеветал на Шолохова, что, дескать, «Тихий Дон» написал не наш лауреат Нобелевской премии, а какой-то царский офицер. Вот зачем он взял «Тихий Дон»!

Чтобы еще раз удостовериться в инакомыслии штурмана, помполит достал из тощей папки «Подписка на II полугодие» тетрадные листочки, в которых все вновь прибывшие указывали, на что они хотели бы подписаться. Ага, вот листочек с неразборчивым торопливым почерком: «III помощник: газета «Молодежь Эстонии» (в скобках для Лёлика разъяснение – комсомольская), журнал «Корея» и «Вымпел» (морское издание)». Вроде бы все, как рекомендовано парткомом: комсомольское издание, морское и для души. Все сложилось в голове помполита: и «море смеялось», и Горького читает, а Горький был еще тем кадром - эмигрировал на Капри и еле-еле заманили обратно, и подозрительные газеты и журналы выписывает, и слушает «вражий голоса». Отсюда и «море смеялось», очевидно, над моряками советского торгового флота!

Но что-то остановило его от высказывания этих предположений капитану, видимо, страх перед реакцией парткома: там не очень-то одобряли как диссидентов, так и тех, кто их разоблачает...

Мимо озабоченной походкой проходил вновь назначенный электромеханик, всем своим видом показывающий чрезвычайную занятость.

- Можно вас на минутку? – пролепетал Лёлик.

- Да, да, слушаю.

Чтобы преждевременно не вызвать подозрений, Лёлик ляпнул:

- Да вот кроссворд разгадываю. Вы не подскажете название повести Горького о море?

- А что, он писал об этом? – удивился электромеханик, - Ах, да, что-то было в ранних рассказах... «Челкаш» подходит?

Лёлик встрепенулся:

- Рассказы? Да-да, ранние рассказы Горького...

В то время на суда первым помощникам выдавали литературу для проведения интернациональной работы, всякие брошюры типа «100 вопросов и ответов о СССР», иногда давали книжечки для иностранцев, изучающих русский язык. На одной странице текст на русском, на другой, скажем, на испанском или французском.

Открыв кладовку, Лёлик судорожно стал высыпать содержимое крафт-мешков с этой литературой. И – о, счастье! - Горький М. «Рассказы в помощь изучающим испанский язык». Лёлик судорожно листал страницы: «Челкаш». Где тут море смеялось? Мимо – нет такого. «Однажды осенью» - мимо, «Бывшие люди» - мимо...» Но удача сопутствовала помполиту: рассказ «Мальва», первый абзац, «море смеялось». Пришлось прочитать и этот рассказ. Ничего антисоветского Лёлик не узрел, полубандитская история. Побежал к капитану:

- Вот, Васильмихалыч: Горький Максим, рассказ «Мальва».

- Это что, про собаку?

- Про любовь...

Мастер деловито полистал книжку, причмокнул, на лице появилась улыбка. Обернулся на третьего. На мостике третий ставил точку на карте, потом взял бинокль, стал что-то рассматривать.

- Так, говоришь, «море смеялось»... Но не только оно смеялось, еще «волны звучали и солнце сияло...».

Третий не понял, причем тут «волны звучали» - он же не читал «Мальву». А «море смеялось» была любимая присказка капитана с предыдущего парохода, который так и говорил, поднимаясь утром на мостик: «Как говаривал Максим Горький, море смеялось!»

Поймав тяжелый взгляд Васильмихалыча, Санёк понял, что впереди у него будут очень трудные вахты...

... Будучи более взрослым человеком, и прочитав, наконец, рассказы Горького, Санёк, а впоследствии Михалыч, часто рассказывал эту историю и получал благодарственные хихиканья. На днях он рассказал эту историю Денису, сыну хорошего знакомого.

Денис окончил «Макаровку» и уже сделал пару рейсов на норвежском газовозе. Внимательно выслушав рассказ, он виновато улыбнулся:

- Дядь Саш, а в чем прикол? «Максима Горького» недавно списали «на гвозди»!

И Михалыч понял, что для нынешних третьих штурманов «Максим Горький» это только пароход...

«Ну что же, будем читать Пелевина!»

СКАЗКА ПРО БАНЮ

Многие говорят, мол, чудес не бывает, деды морозы перевелись, желания не сбываются, выпить не с кем и все такое прочее. А мы говорим: бывает, не перевелись, сбываются, и очень даже с кем. Главное в этом деле - активная жизненная позиция. А в качестве подтверждающего примера - вот вам новогодняя сказочка.

«Дед! А не устроить ли нам «баню» для экипажа?» – спросил у стармеха т/х «Африкан Кон» Палываныч – он же капитан этого судна...

Вообще-то Павел Иванович Зубков жил довольно обособленно, и даже не из-за какой-то капитанской фанаберии, а просто работа под «удобным флагом» имеет свою специфику: ты тут вроде и капитан, но не такой, как во времена Балтийского пароходства, царствие ему небесное. Нет той капитанской свободы, нет того многочисленного экипажа, а главное – дух, дух пропал. Вроде раньше и посмеивались над политинформациями, стенгазетами, коллективными просмотрами патриотических фильмов – а теперь что-то подсасывает внутри. И, что характерно, если в начале «перестройки», он тогда еще молодой «секонд», тащился от всяких «Полицейских академий», «Греческих смоковниц» и пересмотрел все «Эммануэли», а в итоге все равно тянет на советское. Отсюда и мысли про «баню»: в смысле «каждый год 31 декабря мы с друзьями», далее по тексту. И не то чтобы сильно в баню хотелось, а хотелось традиции какой-то, чего-то объединяющего.

Пароход тем временем безнадежно застрял на рейде одного индийского порта. Впереди был Новый год и никаких шансов попасть к причалу. Экипаж был интернациональный: весь комсостав - россияне и братья-украинцы, рядовые – филиппинцы и два орла из экзотической Кирибати. Капитан в формировании экипажа не участвовал, всем руководили немцы - истинные владельцы судна. Вообще-то отношения со штаффом были неплохие – Палываныч отработал десять контрактов и имел даже бонус, типа, за выслугу лет, но все расходы нужно было все равно согласовывать.

Перед отходом из Китая директор по персоналу в виду приближающегося праздника разрешил закупить небольшие сувениры для членов экипажа и ящик шампанского. Там же был приобретен молочный поросенок – а то для филиппков Новый год без поросенка то же, что для наших без оливье. Справедливости ради надо сказать, что компания очень серьезно относилась к работе с экипажем, и на этот счет в компании были даже разработаны специальные письменные инструкции, как европейцам работать с филиппинцами. И Палываныч, честно говоря, подозревал, что инструкции для филиппков на предмет совместной работы с европейцами тоже существовали. Как бы то ни было, хотя эти инструкции выполнялись, особой сплоченности в экипаже не наблюдалось. Вот это капитана время от времени и провоцировало на разного рода попытки возродить командный дух...

Короче, капитан загорелся «баней», то есть празднованием Нового года. Дед был коренным одесситом, бывалым и совсем не смешным. Про «баню» он не понял. Кроме того, на пароходе не было сауны, и бассейна не было, и спортзала, и много чего не было из того, что было на советских судах. К тому

же Дед не был таким сентиментальным как Зубков, и единственное, что ему приходило на ум при смысловой конструкции «баня и пароход», это эротичный проход актера Леонова из ванной в «Полосатом рейсе».

Капитан прояснил что под «баней» он имел в виду «весело встретим Новый год». «Давай, Дедуля, тряхнем стариной – порадуем экипаж!» - «А давай!» - согласился дед, с облегчением поняв, что от него не требуется организовывать сауну в машинном отделении.

Позвали «молодежь»: старпома, обоих вторых: и штурмана и механика, и главного балагура – третьего помощника ростовчанина Шурика. Позвали еще «старшего» из филиппинской части экипажа – боцмана. Инструкция по работе с филиппинцами предписывала вычислить среди членов экипажа их неформального лидера, так сказать, Фернандо Маркеса. На «Африкан Кон» Маркесом у филиппков был боцман.

Программу праздника прикинули довольно быстро: проводы Старого года за час до Нового по местному времени, концерт, Новый год – салют, фейерверк, барбекю, продолжение концерта и встреча Нового года по московскому времени. Шурик, как самый молодой и креативный, взял на себя режиссерские функции, капитан и дед выступили в роли снабженцев и выкатили свои запасы «подогрева». Получилось неплохо: на пятнадцать человек ящик шампанского, пять коробок пива, ящик виски и две бутылки водки по полтора литра каждая. Что было в наличии у филиппков, никто не знал, но знали, что несколько ящиков пива у них есть. На пиво и делался основной упор, так как филиппки пьют в основном пиво, а вот сочетание водка-пиво-виски вряд ли потянут.

Но напитки – это полдела. Главное, как говорится, культурная программа: нужно было продумать сценарий, тосты, кто чего будет говорить и вообще. Шурик посматривал на деда и что-то хотел сказать, но все не решался, а потом все же выдал: «А вот вы, Алексей Петрович, не согласились бы стать Делом морозом, так сказать, Санта-Клаусом? Человек вы солидный, и голос у вас низкий и серьезный».

Дед растерялся - он никогда не был «затейником». Более того, попадая в «не одесскую» компанию, он чувствовал себя неловко: от него всегда ждали чего-то оригинального, а он молчал и даже «по-одесски» не говорил. Ну, разве только путал «про» с «за» - вместо «расскажи про компанию «Valem» говорил «расскажи за компанию «Valem»». Машков в «Ликвидации» выглядел большим одесситом, чем Дед. «Ну, ладно, попробую, только вот костюмчик вы уж сами - я кроме пуговиц пришивать ничего не умею».

А Шурик продолжил разговор уже с «Маркесом». Тот сразу врубился, что «топы» предлагают «карнавал» и барбекю, выразил полную поддержку и готовность помочь во всех начинаниях. Шурик, как умел, объяснил, что нужны костюмы для нашего Деда Мороза, или по-ихнему Санта-Клауса, он же Папа Нуэль, но в российском исполнении – условно назвали его Гран Па Фрози. Снегурочку обозвали Леди Сноу, снежинки – Сноуфлэйками, а Новый год – Нью-Ир бой.

Долго ли, коротко ли, умелые филиппинские ручки из подручного материала, а проще говоря, из старых флагов, смастерили халаты–поддевки для действующих лиц новогоднего праздника. Для массовки изготовили короны с полумесяцами, звездами и рогами. Режиссер-Шурик объяснил, что рога были на шлемах у викингов, а викинги были первыми моряками.

Повару заказали и показали, как сделать винегрет, салат оливье, малосольные огурцы. Замариновали мясо для шашлыков, ну а остальное взял на себя кок: поросенка, а также гуся с яблоками. Елку, конечно, взять было неоткуда, и это был большой минус, но Дед согласился пожертвовать своим кактусом – в смысле вынести его из каюты на палубу и украсить снежинками, вырезанными из пакетов из-под чипсов. Филиппинцы замерли перед невиданным торжеством, Шурик попытался у них выведать процедуру встречи Нового года по-ихнему, но кроме запуска петард и ракет ничего познавательного для себя не узнал. «О кей, будем гулять по-русски»...

В 23.00 по судовому времени раздался сигнал общесудовой тревоги, и экипаж пригласили на шлюпочную палубу правого борта. Там был накрыт общий стол, за которым предстояло проводить Старый год. Встретить же Новый запланировали на корме, где был установлен мангал.

Поскольку температура наружного воздуха даже ночью была в пределах плюс тридцати, публика была одета соответствующим образом: в шортах, майках, на головах кокошники в виде звезд и снежинок. Полумесяцы отдали командирам - все филиппки были христианами. С мостика спустился Шурик в костюме Снежинки - на голове проволочное сооружение, напоминающее корону статуи Свободы, майка расшита кусками ваты, и сам весь обсыпан конфетти. Он вел за руку моториста-филиппинца, который изображал Снегурочку – Леди Сноу. На Снегурке был халатик из флага республики Вануату, белые гетры, обшитые ватой, чтобы было похоже на валенки, и кокошник с голубой звездой. Морда лица была затонирована белым кремом. Моторист-Снегурочка радостно прыгал около Шурика и кричал: «Хэппи нью ир! Шайбу-шайбу! Хэй Тотого! Спасибо!» Текст выдавал руку Шурика.

Шурик приказал всем «фор бигинниг» налить по виски, и попросил Снегурочку позвать Гранд Па Фрози. Снегурка радостно заорала: «Хэй, хэй, Гранд Па! Кам хиа!» (иди, типа, сюда). Народ такого никогда не видел и не слышал, но первая порция виски уже осела в горле. Раздались дружные вопли: «Дедушка Мороз, иди сюда!» Наверху запыхал фальшфейер, и в его свете появился Дед Мороз, он же Гранд Па Фрози.

Видок у него был красочный: на голове парик из распущенных растительных концов, ватная борода, папах из какой-то мочалки и халат из двух китайских флагов. Дед был подвязан поясом для работы на высоте, в одной руке был посох с китайской мигающей лампой, в другой – огромная зеленая сетка из-под овощей, чем-то до отказа набитая. Гранд Па спустился и заорал: «Гуд бойз! Вы все дела сделали в 2010 году? Готовы проститься со мной?» В ответ раздался рев: «Да, готовы!!!» «Тогда подходи по одному и тот, кто сплет, спляшет или что-то покажет, получит от меня капитанский подарок!»

Капитан встал из-за стола, кивнул в ответ и подтвердил, что Гранд Па не обманывает.

Первым показал пример второй помощник. Он подошел к Деду Фрозу, взгромоздился на бочонок из-под краски, объявил, что споет песню на украинском языке, и спел тоненьким голоском: «У малестенькой Яринки е червоны прапорци...». Филиппки, хотя ничего не поняли, радостно захлопали. В ответ Дед достал из мешка пакетик, в котором лежали часы «Rolex». 20 долларов за штуку.

И началось! Образовалась очередь из желающих получить подарок: кто пел, кто свистел, кто пытался делать стойку на голове. Получившего подарок подзывал мастер, самолично наливал вискарю и давал кусочек поросенка, которого уже разделили на равные кусочки.

Пока Дед одаривал подарками моряков, за столами шла дегустация огурцов и винегрета. Салат «Столичный» шел на ура. Славяне добились, что филиппинцы после каждой выпитой рюмки кричали: «На здоровье!» и «Хорошо пошла!». В 23.50 слово взял капитан, поблагодарил экипаж, сказал, что счастлив с ними работать, и предложил проводить Старый год и приготовиться к встрече Нового. Ровно в полночь раздался грохот, и стартанула звуковая спасательная ракета. То же самое полетело, практически, со всех судов, стоящих на рейде. Небо озарилось, вверх беспрерывно взмывали сигнальные ракеты, виднелось зарево фальшфейеров. «Топы» дружно раскупорили шампанское, поливая при этом всех сидящих за столом. С Новым годом! Хэппи Нью Ир!

Как-то незаметно из-за стола исчез снежинка-Шурик, и через полчаса со стороны кормы раздались всем знакомая музыка «АББЫ»: «Хэппи нью ир»...

Дед Фрози провозгласил: «Банкет продолжается!» и махнул посохом в сторону кормы, где гремела музыка. Выстроив цепочку под дружную песню командиров «В лесу родилась елочка», народ поскакал в указанном направлении. На корме, украшенной гирляндами огоньков, уже хозяйничал Шурик в белой рубашке, черных шортах и пионерском галстуке, на голове была пилотка с цифрами «2011», а через плечо - лента с надписью «New Year 2011». Мангал уже сверкал углями, на импровизированном столе лежали горы шашлыков – кок постарался на славу. За мангалом командовал Шурик - в Ростове знали, как готовить шашлыки; вокруг стояли ящики пива и сиротливо скучали огромные бутылки «Smirnoff».

Вечер продолжили судовая джаз-банда под командованием моториста-Снегурочки: у филиппков нашлись две гитары, а барабаны сделали из бочек. Пели все и всё: за «Калинкой-малинкой» шло «О, май харт», за «Хей, Джуд» - «Подмосковные вечера». Инструкции компании по взаимодействию европейцев с азиатами явно нарушались, причем с обеих сторон, но этого никто не замечал. Филиппинцы валились с ног в прямом смысле, но капитан все видел и контролировал. Слабых уводили. До Нового года по Москве устоял почти весь комсостав, ну и семеро филиппинцев – их азиатские рожицы блаженно сияли...

Когда съедено было почти все, а пить уже никто не хотел, народ стал постепенно расходиться. Палываныч сидел, прислонившись к фальшборту, и прикидывал, хватит ли вахте двух часов, чтобы прийти в себя. Праздник, без сомнения, удался. На минуту ему даже почудилось, что он вернулся на тридцать лет назад. Он скинул с себя это наваждение, и подумал, что даже самые умные инструкции судовладельца ничто по сравнению с моряцким застольем...

Сказка ложь, да в ней намек. Что бы чудеса случались, их нужно кому-нибудь творить.

Газета «Морской Профсоюзный Телеграф»

Выходит с мая 2005 г. Учредитель - Балтийская территориальная организация Российского профсоюза моряков.

<http://spb.sur.ru/>

Андрей Зуев

Николай Каланов 19 июля 2019 года в 00:33

Уважаемый Андрей! Прочитал ваши произведения (не все!) на ПРОЗА.РУ. Понравилось - "Демонстрация флага" и "Дуэль" - патриотично! Предлагаю вам поучаствовать в моём проекте - в сборнике морских рассказов "Морские досуги" (бесплатно). Посмотреть можно здесь - <http://www.litres.ru/serii-knig/morskie-istorii-i-bayki/>. Если желаете можно опубликовать ваши книги в Литресе.ру в сериях (с ISBN или без) - <http://gorizont.moscow/> С уважением - Каланов Николай - kalanov@list.ru www.kalanov.ru тлф-89166834408, скайп - [kalanov888](https://www.facebook.com/Nikolay.kalanov) фейсбук - Nikolay kalanov

[Андрей Зуев](#) 3 декабря 2019 года в 20:27

Уважаемый Николай, благодарю Вас за прочтение моих рассказов. Я хотел бы поучаствовать в Вашем проекте но, к сожалению, не имею, пока, на это времени. Я сейчас и писать перестал. А все из-за того, что занялся строительством своего дома. Точнее домика. 6х6. Правда 2 этажа. Стройка подходит к финалу, я уже здесь живу. Первое же произведение будет о моем строительстве. Как я остался без квартиры, как мыкался по съемным квартирам и как покупал землю для строительства своего жилья. Это в будущем. А пока, увы, доделываю свой домик. С уважением А.В.Зуев

Дуэль

Андрей Зуев

Раннее утро в районе острова Сокотра. Возвращаясь в кубрик после сдачи вахты, я остановился у торпедного аппарата и, вдыхая пока еще прохладный, пахнущий водорослями и металлом воздух, блуждал взором по бескрайности двух океанов: воздушного и водного. Ослепительная голубизна купола небесного сливалась в бесконечной дали с синевой Индийского океана. В солнечных бликах искрящейся дорожки по левому борту плескалась стайка дельфинов, а на траверзе правого, менее чем в миле, выступал из воды каравай острова Сокотра. Берега его были отвесны и казались абсолютно непреступными, а потому вызывал вопросы: есть ли там люди, а если есть, то как они туда попали? Однако любопытство мое было не столь сильно, чтобы подойти к штурману и удовлетворить его. Вдруг на периферии зрения что-то блестнуло. Летучая рыбка! Она лежала под торпедным аппаратом. Почти каждое утро мы находили на палубе эти летучие создания. Я осторожно поднял рыбешку и расправил «крылышки» - очень большие плавники, которые позволяли ей выскочив из воды, а кончиком хвостового плавника поддерживая скорость, лететь на сотню метров от места старта. Она была чуть больше ладони, тельце квадратное и состояло, по-видимому, из одних мышц - сколько не пытался, так и не смог её согнуть. Не повезло этой рыбке - против стали не попрешь!

Прощай рыбка, - сказал я, и, размахнувшись, вернул её безжизненное тельце в родную стихию.

В кубрике уже готовились к завтраку: бачковые «рубил баки» или, по-сухопутному, ставили столы в проходы между рундуками и шли на камбуз за завтраком. Как всегда был чай с белым хлебом, брусочком масла и сахаром рафинадом. Не все бросали сахар в чай, некоторые предпочитали хрустеть положив в рот с хлебом и маслом, и жевать долго, не запивая, и лишь потом напиток чаю, но уже без сахара. Наш трюмач, Славик, как всегда развлекал своеобразным способом завтрака: кидал в кружку с чаем сахар, а брусочек масла клал на край хлебного ломтя, потом, отхлебнув, откусывал кусочек хлеба, предварительно верхней губой отодвинув масло от края. И так все повторялось: глоток чая, губой сдвиг масла, откус хлеба, до тех пор пока оплывший масляный брусочек некуда было двигать. К этой минуте все в кубрике переставали жевать, ожидая кульминации акта. А Славик, протяжно вздохнув, закрывал глаза и вслепую направлял вожделенный кусок хлеба с маслом в рот. Челюсти медленно перерабатывали лакомство. Превратив все в жидкую субстанцию, он сладострастно замирал, по-видимому, достигнув пика наслаждения. Очевидно, в это время содержимое впитывалось организмом через слизистую рта. Мимика трюмача отражала высшую степень блаженства, словно он вкушал пищу богов! Но вот щеки снова приходили в движение и он сглатывал то, что не впиталось. Всего-то несколько секунд счастья, но - каждый день! Я тоже захотел ошастливить себя славиным способом, но сколько не пробовал так поглощать завтрак, никакого наслаждения испытать не смог. Масло как масло. У нас с хохлами, вероятно, другое строение организма!

Внезапно наш ритуальный завтрак прервали «Колокола громкого боя». Тревога! Все бросились к выходу из кубрика. Вот где пригодилась муштра, которой «годки» регулярно подвергали «карасей». О! Они очень любили встать у трапа и смотреть, как молодежь преодолевает спуск и подъем. Но не дай бог споткнутся о балясину или не так резво бежать по трапу, всё, часовая тренировка обеспечена. Зато теперь, во время тревоги, у трапа не образовывалась толчея, и матросы пулей вылетали на палубу, и, не сбавляя скорости, разлетались по своим боевым постам. Я по боевой тревоге должен находиться в артпогребе, где на стеллажах, поблескивая латуню, лежали снаряды корабельной артустановки, и это все за переборкой нашего кубрика, где была моя любимая коечка. Всего несколько миллиметров стали отделяли кубрик от погреба со смертью.

Как только начинает работать артустановка, тут и начинается моя работа. Надо вынуть снаряд из ячейки и вставить в кассету, а её с двумя снарядами поставить в приемный лоток. Дальше уже дело не мое, я только и слышу лязг металла, вой электродвигателей, грохот выстрелов и эвон отстрелянных гильз о палубу. Все это я слышал только один раз на учениях. Сейчас учений не предвиделось, тревога объявлена не учебная, что случилось? Вокруг рыщут различные военные корабли, недалеко минные поля, американские субмарины и на берегу сомалийцы палят из всех видов оружия. Может что началось? Мурашки кудато побежали по коже.

К нашей радости сыграли отбой тревоги и мы, как тараканы, повывлазили из всех щелей на главную палубу. Ох, хорошо! Поживем еще. Оказывается к нам подходил американский фрегат «Aulwin». Фрегат шел с явно мирными целями: с зачехленными пушками и стоявшими на палубе людьми. Наш командир, капитан третьего ранга Тесленко, я думаю, пообщался в эфире с «вероятным противником» и пришел к заключению, что войны еще нет. Разрешил им подойти. Фрегат бросил якорь не далеко от нас, в паре кабельтовых, и мы видели, как матросы, одетые в белую робу и какие-то панамки, уселись в шезлонги, закинув ноги на леера, начали ловить на спиннинги рыбу. Видно было, что там уже не мальчишки, а вполне взрослые дяди. Были на палубе и черные и белые. Мы тоже взялись за рыбалку, только без удочек, прямо с катушки и в воду. Приходилось перевешиваться через леера и, выставив руку, разматывать леску с наживкой. Иногда леска уходила так глубоко, что на катушке ничего не оставалось. На

этот раз мы стояли на «банке» и глубина была не более ста метров. Редко когда грузило касалось дна, резкий рывок случался раньше, и на поверхность, после борьбы, вытаскивали разную рыбу. Удачей считался окунь килограммов на пять, а иногда с глубины поднимали рыбу раздутую как шар, она уже не боролась за жизнь - её сгубила кессонная болезнь.

День заканчивался, в тропиках темнеет быстро, и на кораблях загорелись огни. Экипаж отложил снасти и расположился на палубе в разных местах, но, с обязательным видом на фрегат. Заместитель командира по политчасти, ст. лейтенант (к сожалению, его фамилию не помню), приказал водрузить на юте, у самых лееров правого борта, большой экран для нашей киноустановки Украина. У противоположного борта поставили эту самую «установку залпового огня информации». По бокам экрана поставили самые большие колонки, которые, по замыслу замполита, должны донести всю правду о Советском оружии до одурманенных капиталистической пропагандой матросов и офицеров американского фрегата. И вот по экрану поползли танки, полетели самолеты и, побежала наша героическая пехота. Диктор на чистейшем (наверное) английском языке, комментировал действие ударных сил советских войск. Весь наш экипаж, не исключая вахтенных, столпился на юте спиной к презренным мерикосам. Гордость за Советский военный флот грела наши души. Иногда мы оглядывались на силуэт фрегата, который почему-то пригасил огни. На нашем экране уже шли эскадры боевых кораблей, авианесущие крейсера и набитые морской пехотой десантные корабли, гордо развевались белоголубые военно-морские флаги с красными звездами, когда раздался над нашей палубой чей-то возглас:

- Смотрите, ребята, они тоже экран поставили! Сейчас они свою армию покажут.

Как по команде «кругом!», все повернулись в сторону фрегата в ожидании продолжения «дуэли». Американский «залп» не заставил себя ждать. И нас, советских моряков, готовых противостоять империалистическим проидам в любой стихии, он ошеломил и деморализовал с первых же секунд. На огромном экране их фрегата, в прекрасном цвете и при мощном звуке, без слов, но с красивой музыкой и томными вздохами, стонами и эротическими вскриками, пошла крутая порнография. Через короткое время крепкие и здоровые советские моряки пускали слюни и мяли шорты. Экипаж - по крайней мере все нижние чины, прилип намертво к леерам, и никакие крики замполита не производили должного эффекта. Только время от времени матросы срывались с места и, зажав рукой свое «хозяйство», неслись в галюн, где топили своих не рожденных детей в соленых водах Индийского океана. А на нашем экране уже все прибежали, и бобина крутилась вхолостую, да никто этого даже не заметил. Ни один советский моряк не смотрел на свой экран. Вот так ответным огнем американской информационной пушки, наше идеологическое оружие было сметено и раздавлено, втоптанно в грязь и полностью уничтожено. К сожалению, для всего экипажа, фрегат утром ушел, мы остались с приятными эротическими воспоминаниями. А как хотелось ... продолжения идеологической дуэли. Хотя, что бы мы им показали?

фото из Интернета.

Андрей Азарков

БАКЛАНЫ

«Да простит меня Greenpeace...»

Костик

Ну не любил Костик бакланов...

Нелюбовь возникла и окрепла во время службы матросом на Северном флоте.

...Флотские крейсерские будни.

Черная палуба, с индеей каймой.

Зима. Суббота. Большая приборка.

Палуба надраена не единожды: «каком» к небу и скупому солнцу, с многочисленными поворотами «Все вдруг» после смачных плевков из гузок пролетающих бакланов.

Металл отливает холодным блеском.

Все чисто, но появление старпома настораживает...

Старпом движется неспешно и молча. И когда очередное пике неразумной птицы, завершается расплывающейся на черни белёсо-вонючей кляксой - крик старпома отправляет баклана ввысь, а моряков нагибает к палубе - большой приборке быть вечно!

Однако, работа – работой, а обед – по расписанию.

Там и родилась у морячка из боцкоманды жестокая антибакланная идея.

В следующую субботу, набив карманы «прикормом» - катышками хлебного мякиша с сердечниками из карбида, гвардия прибыла на приборку.

Ветер леденит кожу, отгоняя тепло от работающих корабельных механизмов. Трудятся братцы, надраивают палубу, отскребют бакланьи метки. Когда – вне видимости старшего – распрямляют спины и, почти с подскока, высоко подбрасывают в серое небо «прикорм». Не достигая воды, начинённый хлебушек исчезает в клацающих бакланьих клювах.

И кружатся птицы, погаживая и ожидая новой поживы. Но вдруг, замедляя лёт и раздуваясь в нелепом грюканьи, навсегда пикируют в волны.

И старпом шевелит мохнатыми бровями, наблюдая за неведомым доселе явлением.

«Бомбы падают мимо, поднимая волну, снова неумоимо мы идём на войну» - натирая палубу, напевает морячок из боцкоманды...

...Уже матерым, выдавшим жизнь в разных ее проявлениях, занесла Костю судьба на далекий остров, где суровые работяги бурили мерзлый грунт.

Ну и как же там без бакланов?

Эти бестии носились по небу, плюхались в воду, хватали что ни попадя в алчные клювы и беспрестанно гадили. Все по-прежнему.

Когда работа «кипит» – без разницы: есть бакланы, нет бакланов.

Но случилась незапланированная трудовая пауза. Оборудование стало и наступила зябкая скука.

Из-за скудности выбора вариантов отдыха, народ трезво философствовал и делился разными байками на фоне привычного пейзажа. Неумоимо кромсали крыльями воздушное пространство уже надоевшие бакланы.

И когда на «спецуху», прямо на плечо Костяну, с небес плюхнулась вонючая бакланья поклажа, расплывшись адмиральской звездой – придумалась роковая забава.

Бригада была разбита надвое. Был установлен срок готовности, выданы краски и птицеловы разбежались в разные концы оговоренной территории.»

...Вскоре над островом закружили эскадрильи бакланов с крестами «Люфтваффе» и нашими красными звёздами.

Разворачивались нешуточные воздушные бои за добычу и две команды работяг, заворожено смотря ввысь и по сторонам, вели строгий учёт: кто - кого.

Жизнь наладилась. Но за активным отдыхом никто не подумал о том, что в остров вгрызались не только наши, но и иноземные труженики, явно не понимающие загадочной русской души.

Через пару дней на остров прилетело озверелое начальство, «разогретое» чуть ли не Министерством иностранных дел с подачи импортных защитников природы. Начальство топало ногами и угрожающе материлось. Рядом смущенно лопотали иностранцы, тыча пальцами в пролетающие «мессеры» и «ястребки».

В итоге был объявлен нереальный срок поимки и отмыва от краски несчастных птиц, с последующим решением участи охреневших выдумщиков.

Время сжималось. Отловить и отмыть всех меченых бакланов в общей массе?!

И тут, кстати, Косте вспомнилась история с «прикормом».

Карбид был...

В установленный срок прибывшее начальство недоверчиво обзревало небеса, в коих летали бакланы - «все в белом»...

Обманула Костика народная примета: «птичка какает – к деньгам» и отбыл он на материк со всей обезденеженной бригадой.

Начальство не забыло и не простило, хотя по докладам, вся птица была поймана, отмыта и отпущена на волю. Может, иноземцы что донесли...

Ну не любил Костик бакланов.

ЭБОЛА

Случилось так, что в свои далеко за пятьдесят каперанг запаса загрустил. Затосковал, понимая – откуда берется она, тоска сермяжная, и не понимая – зачем.

Зачем сам, сидящий сейчас в аэропорту и готовый к вылету на Юг, воевал на безымянных войнах, за кого, за олигархов?

Нет – за сыновей и внуков... А что им сумел донести, отдать?...

Цветная толпа внутри аэровокзала легко спасала от зябкого тумана северной Столицы, прилипшего к стеклам и, по-детски, зовущего что-то нарисовать на стекле или написать нехорошее слово, адресованное тоске.

По прилету, была машина и ожидание встречи со старыми, может уже и забывшими дружбу, друзьями. Все были объединены морем. Пусть не тем, которое рядом, но морем.

От асфальта парило.

...Он видел миражи, от выстрелов превращающиеся в реальность пустыни, лежащих на песке ребят, которых невозможно было донести до базы...

Он видел детей, мам, пап, пожилых людей, которые не являлись им дедушками или бабушками, но все улыбались.

Лето. Юг.

Слегка неуклюжий, с щетиной на вырост и глазами, вобравшими давление океана, в уже не военной форме с погонами вновь связавшего его с работой на воде и под ней (вернее – в ней), по-сталински прищурясь, смотрел и радовался Крыму.

Тоска исчезла. Значит понятно: почему и зачем.

Крым – НАШ.

Встречались по делу и без него. По делу, обмен опытом в новых реалиях, легко переходил в объятия той стихии, которая легко уравнивала разные моря, покачивая, а порой – штормя. Потом отдыхали.

На отдыхе каперанг, наотмашь падал в набегающую волну, фыркал по северному, выползал ленивым тюленем на раскаленную гальку и, расплывшись в улыбке, рассматривал кристаллизацию соленых капель, стекающих с бороды.

Лето. Крым.

В местах, ранее не по-людски огороженных ухватистыми Бенями, Юлями, Петями, Арсюшами и другими строителями незалеженной неньки (чтобы у моря плохо не лежало), ныне лежали на солнце разнокалиберные отдыхающие, а главное – возлежал Он и его ветеранистые друзья.

На ветру, замешанном на йоде водорослей, парении шалфея и чабреца, думалось и говорилось легко.

Общались. Вспоминали. Удивлялись.

Плавали и ныряли – не глубоко.

Вечер набряк отяжелевшими веками.

На небо набегали звезды. Все больше и больше.
Тени расплывались в качании пряной южной ночи.
И в нее он, споткнувшись, упал.
Вернее – полетел. Небо – выше, кусты можжевела – рядом.
Шаркнул лицом о теплую крымскую землю и удивился.
Утро отлета обозначилось хлопком незакрытой двери и незатейливой озабоченностью друзей.

Он проснулся раньше.

Вспоминал.

Посмотрел на себя в зеркало.

Вздыхнул и улыбнулся.

Юг. Крым.

В номере шумели. Предлагали ему принести тональный крем или «гражданку» - с таким видом, в форме и в самолет?!

Улыбнулся. Попросил принести маску.

Было предложено: еще и ласты и понырять в море.

Он их отправил в аптеку.

Асфальт парил.

Аэропорт шумел чуть больше, чем в голове каперанга и радостные дети, мамы, папы и пожилые люди, что не являлись им бабушками или дедушками, улыбались: в отглаженной, строгой форме и лихо завязанной медицинской маске, одиноко, в цветной толпе, уверенно шел к трапу самолета каперанг.

На – Вы больны? От очаровательно вышколенной бортпроводницы, он, чуть покачнувшись ответил краткое: Эбола.

После паузы добавил: нет не болен, а во всем мире свирепствует Эбола, предохраняйтесь...

Полет прошел нормально.

В основном, он дремал.

Северная столица встречала удивленной женой и привычным туманом, в котором оседали, еще не остывшие от крымского солнца шушукание и уважительные взгляды экипажа и пассажиров.

МУЖЧИНКА! А Я ВАС ПОМНЮ...

(основано на реальных событиях)

Моему другу Володе Гуду посвящается

Больничная палата была чистой, с высоким потолком, стенами цвета слоновой кости и зимним пейзажем за огромным окном. Со своим сложным переломом лодыжки я попал ночью по «скорой» в эту ауру спокойствия и обходительности – кардиохирургическое отделение, по случаю отсутствия свободных коек даже в переполненных коридорах стонущей в тяжёлом запахе «травмы».

Зима и последствия долгих новогодних праздников: где души широко разворачиваются, а непослушные тела опадают с хрустом на крепкий лёд; пробитые головы и ножевые раны из нетрезвых разборок; просто немощь стариков перед природой, где каждая зима – неожиданное стихийное бедствие.

Палата на четверых заключала в себе особенную, размеренно-молчаливую жизнь людей, в чьих глазах угадывалось тревожно-спокойное ожидание неизбежности пересечения тайной границы, из-за которой обязательно нужно вернуться назад. Моя койка была приставлена пятой и первое время, я был здесь чужаком. Ошеломлённый неутихающей болью, я вклинивался в этот глубокомысленный покой с трудом сдерживаемыми стонами и скрежетом зубов.

Это поздним утром, после обморочного полусна, я познакомился, а позже и сдружился с Толей, поступившим сюда для замены стента в коронарной артерии. Он, почему-то радостно называл меня «товарищ полковник», хвалил за стойкость и участливо спрашивал – не изжевал ли я за ночь все свои зубы. В ходе разговора шутил и, внезапно подхватив мою «утку», размашисто выплёскивал ее содержимое в раковину умывальника и, ополоснув, задорно басил:

- Наливай!

Толя обладал крепкой коренастой фигурой, кулаками с пивную кружку и открытым скуластым лицом с карими глазами потаённого философа, работающего прорабом на стройке.

...После визитов кардиохирурга и анестезиолога к Толе пришла жена, много моложе него, такая же кареглазая и очень тихая. Нежно прижавшись, они сидели на больничной койке, почти без движения, негромко говорили и подолгу молчаливо смотрели друг на друга. Уходя, супруга отдала плюшевого медвежонка. И, сидя в тишине, Толя долго и лаково гладил игрушку по шёрстке, смотря в, казалось только ему ведомую даль. И взор его проникал сквозь стену. Потом он сделал много звонков, всякий раз, спокойно завершая разговор:

- «Надеюсь, позвоню послезавтра».

Когда Толю увезли в операционную, отблески неярких солнечных лучей оживили карие пуговицы глаз медвежонка, одиноко сидящего на

прямой кровати и сосредоточенно смотрящего в ту далёкую даль, которую указал ему, уезжая, хозяин.

Спустя сутки, седой, с Хемингуэевской бородкой, Иваныч, почёсывая свой «баян» - распиленную и скрепленную капроновой нитью грудную клетку, торжественно доложил прибывшему из реанимации Толе, что в его отсутствие медвежонок не шалил и честно, в третий раз, дождался своего хозяина.

Уже свой в палате, я так и оставался чужаком для всего персонала кардиохирургии, числясь в травматологии. Отделения были разделены многочисленными этажами и по несколько дней не было ни обхода врачей, ни каких-либо сведений о дате операции. Шли пятые больничные сутки. Собранные в приёмном отделении кости неумолимо срастались по принципу «как придётся». Неизвестность и обездвиженная беспомощность душили до слёз. Ускорить срок операции не могли ни звонки влиятельных знакомых, ни просьбы уважаемого профессора, чей кабинет был той самой «травме». Его ежедневно будоражил просьбами мой давний друг Володя. И профессор обещал – непременно помочь, пристально смотря на Володю. И глаза профессора обнажали мудрость, словно воскрешая из далёкого непредсказуемого прошлого слова известного еврейского актёра и режиссёра Михоэlsa:

- Глаза это единственный кусочек «открытого» мозга.

Так говорил актёрам лауреат Сталинской премии Соломон Михайлович, безжалостно, насмерть (в прямом смысле) раздавленный МГБ-шной машиной.

Володя работал вместе с профессором, совмещая научную медицинскую деятельность со своим литературным трудом, напроць захлестнувшим его разрывающуюся натрое жизнь – между родной березовой Белоруссией, солнечно-солёным Севастополем и зябко-гранитным Петербургом, осиянным златовласым ангелочком - доченькой Верочкой, ниспосланной Господом в его шестьдесят лет.

Военно-морской врач, не единожды командированный в Афган и другие горячие точки, с искорябанными в кровь воспоминаниями о первой семье и нелёгком былом, он писал глубинные, светлые стихотворения, пронзительные новеллы, где смешения времён, судеб и чувств сплетали упругую батутную сеть, затягивающую и внезапно подбрасывающую читателя в неведомые, влекущие миры. И конечные многоточия вмещали вселенные: **«Завтра будет убит взводный Ваня Здоровых, а пока он сидит в офицерской столовой...»**; **«Вокзал – несгораемый ящик разлук, наших встреч и разлук...»**; **«...Белая чайка летит в Красную книгу заката»**.

Сезонно возвращаясь в Севастополь, не расставаясь с фотоаппаратом, он подолгу бродил по Балаклавской яйле, сливаясь с рассветами и закатами, пронзал собой волны и обаял стихами встреченные прекрасные создания. Он цепко фиксировал уходящие мгновения и лица. И потом, в сумраке Петербурга, они оживали на бумаге. Похожие и не похожие...

Мы обязательно встречались с Володей в Севастополе. И я писал посвящения моему всегда радостно лучистому или светло задумчивому другу:

*Он улыбчив и свеж,
Не взирая на годы,
Что текут, как песок –
И Афганский.... И Крымский,
Переполнен надежд -
Вседержатель погоды,
Ту, что наискосок
Приобнял побратимски.
И на рыжих откосах,
И в серости скал,
И во взрывах волны,
Понимающей братство –
Выплывая – на осах
Тельняшку искал,
На изломы Страны
Собираясь взобраться....*

2.

*Какие были времена!
И мы бродили бесшабашно
С бокалом красного вина
По золотистой кромке пляжной,
Читали яркие стихи,
В волну кудлатую ныряли,
В переплетения стихий
Страны, что вскоре потеряли...
Мы верили, страна вернётся,
Но Век не верил, лиходеи,
И всё бросал монеты солнца
За горизонт прожитых дней.
Какие были времена...*

3.

*Немного сыра и вина,
И притяженья горизонта
К подножьям гор, где бьёт волна
Баклуши гальки всесезонно,
Немного ветра и дождя
От Питера для крымских сосен...
И некто, с лысиной Вождя,
Меня почти внезапно спросит:*

*- Кто гипократей всех врачей?
- Бродитель по откосам рыжим,
Ловитель солнечных лучей
На дамах трепетно бесстыжих,
И романист, и книгочей!*

После волшебных профессорских пинков, ко мне прибежал взъерошенный заведующий травматологическим отделением и честно говорил, что ежедневно планирует мою операцию, но опять поступают тяжёлые больные, и когда на кону их жизнь – моя нога должна подождать.

Вестником из «травмы» для меня был Гурамчик – весёлый пухленький армянчик, хрустнувший лодыжкой в один день со мной. Мы почти одновременно поступили в приёмный покой, где и познакомились. Гурамчик каким-то чудом выбил себе место в переполненном коридоре травмы. Его перелом был без смещения костей, почти без боли и ежедневно, выставив как орудийный ствол свою гипсу, он прикатывал ко мне на «блатной коляске» шумно сказать о том, что его, лежащего у самой ординаторской, ещё не прооперировали, а главное – Гурамчик убеждался, что я его не опередил. Он колесил «туда-сюда» по палате, хохмил и доверительно шептал, что уже кто надо кому надо позвонил, и завтра нас уже точно будут готовить к операции. Меня не оставляло ощущение, что Гурамчик кого-то напоминал...

На шестой день Гурамчик подозрительно исчез и на мои звонки не отвечал.

В очередной раз отправив просительницей в «травму» расстроенную жену, я заодно просил её узнать, как поживает наш балагур. Настойчиво нарастало обидное подозрение, что Гурамчику уже сделали операцию. Но всё оказалось иначе.

В недавний вечер к нему пришли девчонки, к которым он спустился на лифте в вестибюль. Потом его видели выписывающим пируэты профи-колясочника. Он весело шумел и на поворотах внезапно втыкался в пышные чресла подруг оранжевым ногтем большого пальца ноги, задорно торчавшим из гипсовой пушки:

- Пхух! Пхи-хи, красавица, пхух!!!

В отделение Гурамчик заехал по кривой траектории, задев проходящую дежурную сестру и бортанув каталку с бабушкой-одуванчиком, разбившей о пол обронённый телефон, тем самым оборвав животворящую связь с забольничным миром. Гурамчик был немедленно уличён в благодушной нетрезвости и, как ни странно, на следующий день безжалостно выписан в травмпункт по месту жительства.

Затаенная обида прошла и возникло осознание того, что гордость не прооперированного, изгнанного горца не могла позволить Гурамчику отвечать на мои настырные звонки.

Так исчез мой Гурамчик - поставщик хрупких, обожжённых армянским солнцем, кирпичиков для разрушающейся в ветрах больничного ожидания пирамиды надежды. И я понял, кого же он мне напоминал!

...Ашотик был флотским лейтенантом. Небольшого роста, плотно упитанный, с чуть укороченными по отношению к общему абрису фигуры руками и орлиным носом, горделиво гнездящимся на вершине смоляных усиков. Очень исполнительный, но реально годный для решения не срочных и не сложных задач. Ещё Ашотик любил шутить, хорошо покушать и носить флотскую форму. В течение двух лет его службы в части, никто не видел Ашотика «по гражданке». Говорили, что даже в отпуске (как положено лейтенанту – зимнем) он ходил по родному селу в своей чёрной, до щиколоток, шинели, скрестив руки на животике, дабы не потерять их в длинных рукавах. А ещё – соседские мальчишки как-то перепутали его с пономарём местной церкви, увидав со спины.

В столовой Ашотик регулярно незлобно подтрунивал над молоденькой раздатчицей и не желающей стареть кассиршей. Ритуально подносил тарелку с внушительной горкой снеди к чуткому орлиному носу, пульсировал ноздрями, «вахал» и сладостно урчал:

- А за-а-апах!

Женщинам это бесконечно нравилось и как результат – лучшие куски мяса всегда придерживались для Ашотика.

В осенний призыв, как самого исполнительного, Ашотика отправили за молодым пополнением куда-то за Урал. Помощниками были выделены матёрые мичманы: Семёныч и Палыч, знающие как и кого отбирать на призывном пункте, и как избежать происшествий в пути следования.

Убыли планово. Планово прибыли. Доложили командиру:

- Молодое пополнение прибыло в полном составе, больных нет, происшествий не случилось.

Но грустен был наш Ашотик. Завидев мичманов из сопровождения, старался их обойти и даже не смотреть в эту сторону. В столовой, заказывая традиционную двойную порцию, был печально вежлив, а главное, что удивляло окружающих – исчезла его «коронная» фраза: «А за-а-апах!».

О причине произошедших изменений в поведении Ашотика мичманы упорно молчали или же переводили разговор на другие темы. Но как-то за «рюмкой чая» дюжий Семёныч не выдержал. Кто-то во время застолья вспомнил Ашотика. И суровый Семёныч, смачно жевавший шмат копчёного сала, проталкивая им в глубь своего чрева только что опрокинутые «сто пятьдесят», вдруг набылчился, густо покраснел и порскнул в кулак. Потом долбанул рукой по столу и сипло выдохнул:

- Больше не могу терпеть, братцы!

Так был рассекречен казус Ашотика.

После погрузки в поезд принятого молодого пополнения, согласно непреложному правилу соблюдения санитарных норм, мичманы провели традиционный «шмон». У «молодых» отбирались все скоропортящиеся продукты чтобы в пути не случился «дристопад» - никакого зверства: что не портится – ешь сколько хочешь, пей чай да спи на полке или считай

мелькающие столбы на фоне заснеженных чащоб. «Неликвида» собрали много и даже нашли несколько бутылок спиртного, которые умельцы сумели, обойдя все препоны, взять с собой в дальний путь. Отобранные продукты мичманы снесли в «командирское» купе дабы выбросить на ближайшей станции, о чём и известили огорчённый личный состав. Далее «молодняк» выстроили в вагонном проходе и доходчиво инструктивно «пропесочили». А затем, распаленный мичман Палыч, рыкнув: «От сукодеи!», начал хрустко бить друг о друга бутылки над выставленным перед строем, заранее раздобытым у проводника, пластиковым ведром. Закончив, в гробовом молчании строя, праведное действие, Палыч обозрел всех до единого выпученными глазами и выдал завершающее:

- Я научу Родину любить – мать вашу!

И прилюдно отправил Семёныча слить всё в унитаз, напомнив о проведении доклада командиру.

Ашотик восседал на нижней полке командирского купе среди уймы пакетов с отобранной снедью. Руки его возлежали на пухлом животике, глаза были благостно полузакрыты, а волосатые ноздри, подрагивая, втягивали перепутанный аромат. Мысленно пронзая непрозрачность пакетов, он явно видел жареных и варёных курочек, натертых чесночком и краплёных зеленью, пряные домашние колбасы, румяные рыбные пироги, и ещё, ещё, ещё...

В купе, звякнув ведром, заглянул Семёныч, доложил: «Исполнено!» и схватив пустые пластиковые бутылки, нож и перевязочный пакет, убыл в тамбур.

Запершись в туалете, Семёныч ловко срезал верхнюю, с горлышком, осьмушку бутылки, обтянул ее бинтом и вставил в нижнюю часть. Сел на стульчак и надёжно зажав приспособление меж колен, начал аккуратно сливать «горючее», фильтруя мелкое стекло. Для «молодняка» в туалете – спиртной дух, в отхожем ведре – бутылочные стёкла, а начальству – нежданное успокоительное, как говорится - на сон грядущий.

Мичманы занимались с личным составом и Ашотик, вывалив содержимое пакетов на полки, начал делёж продуктов по принципу: «точно на выброс» и «можно оставить». Разложив «делюгу» по разным полкам, он решил вздремнуть до прихода мичманов. Однако запахи не давали уснуть. Ашотик, сглатывая слюну, смотрел и смотрел на продукты. Потом поднялся, походил по купе «туда-сюда», вышел в коридор, деловито подошёл к Палычу, потом к Семёнычу, строго осмотрел молодежь и не стал мешать рабочему процессу. Вернувшись в купе, мысленно произнёс: «Всё равно выбрасывать» и приступил к ревизии полки с продуктами «точно на выброс». Он откладывал те продукты, что определялись как «точно-точно на выброс» и, настороженно обнюхав, торопливо съедал те, что попали в эту категорию ошибочно.

...Ночью поезд остановился на каком-то глухом полустанке и, как оказалось, стоянка продлится около часа. Оставив Палыча приглядывать за спящими бойцами, Ашотик с Семёнычем вышли на свежий воздух.

Густой лес подступал к железной дороге высокой гаревой стеной, нанизавшей на вершины деревьев тяжёлое, почти беззвёздное небо. Скрипучий на ветру навесной фонарь раскачивал мутно-жёлтый свет, пятная угол станционной будки, редкозубый штакетник забора и кривобокие кусты. Казалось, что вот-вот в тиши скрипнет дверь и выйдет в ночь Пушкинский станционный смотритель.

Замахнувшийся не одну «соточку» Семёныч философски, на грани вселенского понимания, молчал и, запрокинув голову, пускал папиросный дым в непроглядную темь.

Ашотик невысоко попрыгал, помахал руками, несильно повертел туловищем из стороны в сторону и после адресованного Семёнычу «Грустно, брат..», испуганно ойкнул. Резкие боли пронзили низ живота, Ашотика бросило в дрожь и, кажется, даже выступила липкая испарина. В памяти возникло ехидное сравнение из старого фильма – «Бронетёмкинпоносец» и Ашотик простонал:

- Семёныч, прихватило...Щас ус..сь!

Подниматься в вагон было страшно. Казалось – задери ногу – разомнутся сведённые до дрожи полужопицы, и всё...

- Там сортир - Семёныч ткнул в темноту корявым пальцем.

И взволнованный Ашотик едва различил покосившееся деревянное строение нужного назначения.

В нахлобученной чёрной шапке, утопая под куполом чёрной шинели, по-монашески семеня на полусогнутых ногах и тихо подвывая, Ашотик растворился во тьме.

На деревянном сортире двери не было, что было логично из-за отсутствия искусственного освещения и безлюдности окружающей местности.

Ашотик, взмахнув крылами шинели, орлом взлетел на дырявый насест и превратился в чёрный напыженный комочек, не различимый в дверном проёме, как если бы добавилась капля чёрной краски на холсте «Чёрного квадрата» Малевича.

...Из станционной будки выкатилась грузная пожилая женщина с торчащими из карманов телогрейки сигнальными флажками. Негромко напевая, она неспешно направилась в сторону сортира.

Семёныч замер, наблюдая процесс движения первого живого существа, встреченного в этой дремотной пустоте. Сначала он хотел крикнуть, что сортир занят, но помешкав, решил не пугать отрешённо от всего идущую по делам женщину – подойдёт и поймет, что место занято, подождёт...

Откуда было знать Семёнычу, что дверь в сортире отсутствовала?

Ашотитк пыхтел и ёрзал над зловонной дырой, а резь в кишечнике то обманчиво затихала, то вновь нарастала в болезненном стремлении вытолкнуть всё, что было загружено из кучки «на выброс».

...Крупная фигура (назовём так незнакомую женщину) зашла с тыла отхожего места, привычно достигла траверза дверного проёма и задрал подол, да спустив исподнее стала, почти не глядя, заходить задом в сортир.

Услышав посторонние звуки и негромкое пение, Ашотик приподнял голову и, в ужасе, обозрел надвигающуюся на него огромную голую задницу, за которой стремительно исчезали и графитовый лес, и даже едва ранее различимый краешек ночного неба!

Не понимая зачем, а скорее инстинктивно, гортанным командирским голосом Ашотикрявкнул:

- Стой, кто идёт!

Что подсказал ему внутренний голос, выдавая «на-гора» караульный окрик – что задница остановится или растворится во тьме?

Эффект происшедшего был аналогичен тому, если бы мирно пасущуюся на лугу и тужащуюся корову резко дёрнули за хвост.

Из нацеленной задницысалютно ухнуло и плюхнуло одновременно!

И лишь потом два жутких крика слились в единый ужасающий вой, и последовало подпрыгивающее-стремительное исчезновение загадочно возникшей фигуры.

Семёныч, схватившись за пустую кобуру, рванулся на душераздирающие вопли:

- Бегу, Ашот Айратович, бегу!!!

Из-за покосившегося ещё больше сортира медленно и трагично, с разведёнными в стороны руками с поникшими концами длинных рукавов появился Ашотик. Ошарашенный Семёныч, увидев уделанного от шапки до колен лейтенанта, выдохнул:

- Живой! Ну, вылитый Пьеро, только слёзки из каки...

Потом, не зная зачем, громче добавил:

- А за-а-апах!

...Наконец, мне дали команду готовиться к завтрашней операции!

Уверенность в том, что развязка близка, подкрепляло то, что с вечера, пожалев молоденькую медсестру, я, балансируя на одном колене и позвякивая о кафель кружкой Эсмарха, как корабельной рындой, успешно совершил акт очищения.

А еще, с утра, меня посетил врач анестезиолог!

Шумно распахнулась дверь в палату и ввалилась ОНА – анестезиолог с фигурой располневшего борца-вольника, увенчанной головой в форме «лампочки Ильича», маркированной жестко накрашенными мутными клеймами глаз. Безошибочно выбрала единственного загипсованного:

- Аллергия на лекарства?!

- Нет...

- Открыть рот, высунуть язык, показать зубы! Да, б..., голову выше и к свету!

Придавленный напором мощнотелого существа, как вспотевший хлюпик к борцовскому ковру, я негромко сопротивлялся:

- Нельзя ли повежливей? Сказали бы как Вам надо, я бы и повернулся...

- Зубы хорошие, не протез?!

- Нет. Да не щёлкайте по зубам своими пальцами!

- Так, руку освободил выше локтя!

Делая укол для проверки реакции ошеломлённого организма на вводимый препарат, гипнотизирующим взглядом кобры она замораживала мозг и обездвиживала протестующее тело намеченной жертвы. Потом, её лоснящееся, в рытвинках, лицо оказалось так близко, что сиплое: «До завтрачка...», выхлопнувшее из-под недовырванных чёрных усиков, ударной волной стойкого табачного перегара почти впечатало меня в больничную стену:

- Охренеть... С такими врачами я ещё не встречался. Не баба, а боцман с бодуна. Явно давно мужика у неё нет. А лечь с такой – легче «шкертануться»!

Смех в палате, оборвался шумом распахнутой двери, и сиплым баском вынырнувшей из-за неё раскалённой лампочки:

- Мужчинка! А я ещё не ушла...

- Теперь, полковник, главное – не терять бдительность! – резюмировал Иваныч и загадочно похлопал себя по штопаной груди.

Ночью мне приснился покойный друг – каперанг Саня. Он улыбался и призывно махал рукой с ошвартованного у пирса эсминца. По пирсу лихо проколесил баламут Гурамчик, отчаянно подталкивая загипсованной ногой каталку с недвижно лежащим на ней, отходящим в мир иной, наркошей (я его видел в приёмном покое). Наркоша был дорого одет, с лысым черепом, жёстко обтянутым желтушной кожей ритуального барабана, найденного на раскопках стоянки племени людоедов. Потом из шершавой серой стены вышла, поскрипывая блестящей кожанкой Кавалерийского эскадрона РККА, Ольга Зотова из фильма «Гадюка». Она злобно посмотрела и выплонула к моим ногам мятую папиросу с исключительным мундштуком...

А на следующий день, часам к пятнадцати мне сообщили, что операцию перенесли.

В тревожном ожидании баба-боцман была мной забыта.

Самой большой загадкой для меня была остававшаяся не заполненной в моей истории болезни строка «Лечащий врач».

Просчитываемых вариантов, кто же мне будет делать операцию, вырисовывалось два: либо заведующий отделением, либо весёлый балагур – хирург Заур Муратович, ибо больше никто из «травмы» ко мне не приходил. В итоге, истина оказалась где-то рядом. Оперировали они двое, вернее – почти двое: часа два, непрерывно трудился Заур Муратович, а зав.

отделением, как я понял, в перерывах между своими операциями, внезапно появлялся, ненадолго вклинивался в процесс и также внезапно исчезал, как нинзя – видимо действовали волшебные пинки профессора, подталкиваемого Володей...

На операцию меня, почти утратившего веру в то, что она вообще когда-нибудь свершится, повезли часам к четырнадцати – а это почти завершение операционного дня.

Беззащитно голого, хотя - в гипсе и под одеялом, меня катили под высокими серыми сводами с мерцающими подслеповатыми лампами, по нескончаемым коридорам и переходам с клацающими о каталку железными дверьми, а я, успокаивая себя, мысленно представлял ход операции: наркоз – укол в позвоночник, два неощутимых разреза на ноге (надо скреплять две сломанных кости - так говорил мне зав. отделением), безболезненное и только слышимое прикручивание титановых пластин. А где-то, глубоко внутри - ехидно звучал басок:

- Мужчинка! А я ещё не ушла...

В операционной (по-моему одной, из имеющихся четырнадцати), шерстистый Заур Муратович, весело мне подмигнув, вызвал анестезиолога...

Хрупкая блондинка в накрахмаленном душистом халатике нежно произнесла:

- Я ваш анестезиолог. Будем делать эпидуральную анестезию. Иголочка тонкая, совсем не больно. Сядьте, пожалуйста.

Как благодно было слышать этот голос!

Ощупывание позвоночника. Комариный укус. И нижняя часть тела – в отключке. Окружающий мир сузился до различимых звуков и того, что можно было обзреть: занавешенная перед лицом шторка, многоглазослепящая лампа над операционным столом и, частично, обстановка по бокам от себя.

Муратович хрустко вскрыл гипс. Спросил – чувствую ли я ноги и, в подтверждение моего: «Нет», приподняв мою ногу за большой палец, уронил её на стол. Я ничего не почувствовал.

- Ну и гематомы! Сколько же со дня перелома? – склонился он надо мной.

- Девятый день. Была бы у лодыжки душа – уже бы отлетала...

- Да... Будём брить!

В операционной было подозрительно тихо. Кроме хирурга, скребущего станком по ноге, где-то в дальнем углу угадывалось присутствие ещё одного человека – явно не ассистента. Анестезиолог с помощником недавно ушли – эта часть процесса подготовки к операции их не касалась.

Закончив бритьё, под негромкий жизнеутверждающий абхазский напев, Муратович цокнул и удовлетворенно произнёс:

- Не нога – яйцо пасхальный! А где мои ассистенты?

- Да все ещё на занятиях, обещали быть – ответил женский голос из дальнего угла.

- Время... время. Будем начинать! Инструменты подавать можешь?

- Доктор, вы только их не роняйте, обработанных больше нет. А подавать могу.

Появились анестезиолог с помощником. Поставили капельницу, соединили меня проволочками с приборами и надели кислородную маску. Заур Муратович громыхнул подброшенным к операционному столу допотопным табуретом, а наклонившаяся ко мне нежная блондиночка по-Гагарински улыбнулась:

- Поехали!

Отгоняя неясную тревогу, мой взгляд цепко обшаривал ограниченное пространство, цепляясь за каждую мелочь, неожиданно обретающую запоминающуюся важность. Вот он добрел до края халата сидящего на табурете и колдующего над операционным полем Муратовича. Видимая мне часть табурета представлялось реликвией времён Мукденского сражения. Многочисленные щербины и вмятины – следы осколков и шрапнели обрамлялись многоцветной и разнокалиберной чешуёй наслоений краски – словно срезами картин Малевича...

Пикали приборы, негромко о чём-то говорил анестезиолог с помощником и ещё кем-то. И, вдруг, выстрелил знакомый боцманский басок:

- Мужчинка! А я вас помню!

И уже впивались в меня очково очерченные, злобные змеиные глазки, и горклый табачный дух настырно вползал под кислородную маску.

- И я вас никогда не забуду! Но, укольчик уже сделали – изо всех сил выкрикнул я сквозь прижатый к лицу силикон.

И прикрыл глаза...

Оперируя «в одиночку», Муратович таки звонко ронял инструмент. Пускал ли он его снова в дело – за ширмой мне видно не было.

Появился зав. отделением, подбадривающее глянул на меня и спросил Заура:

- Зачем такой большой разрез?

- Большой нога – большой разрез! Логично.

Потом они что-то негромко обсуждали и, случайно, слышно для меня Заур произнёс:

- Все складывается. Но есть ещё небольшой осколок кости, который штатным шурупом никак не могу притянуть.

- Вряд ли повлияет... Да выбрось его на х..!

Даже сквозь маску ими был услышан мой отчаянный крик:

- Как на х..?!!!

Оба удивлённо склонились надо мной. И Заур пошёл искать нужный шуруп в других операционных. И нашёл!

Раздался гомон из неопознанных гортанных голосов. Появились долгожданные ассистенты, они же – интерны. Муратович, радостно дал себе передых и переключился с меня на прибывших. Русская речь плавно трансформировалась в родной Зауру диалект. И ему отвечали, как могут отвечать обрадованные земляки.

- Доктор, доктор! Сзади вас – у больного кровотечение – теребила Заура женщина, подававшая инструменты.

- Э... Договорим и всё остановим! Нэ волнуйся, дорогая!

Нестерпимо хотелось отмотать всё назад и оказаться под общим наркозом!

Прошло часа полтора. И, как я понимал, собрали и скрепили пластиной только одну кость.

Блондиночка анестезиолог поговорила по мобильнику и обратилась к Зауру:

- Пора заканчивать, уже почти шестнадцать. А мне ещё надо успеть ребенка из садика забрать.

И они закончили операцию!

Про перелом второй кости, не дожидаясь моего вопроса, прибывший зав. отделением мне доверительно сказал, что, судя по снимку, вторая кость срастается правильно и решено пластину не устанавливать – зачем дополнительно травмировать ногу?

Вынули иглу капельницы, отключили проводки, сняли маску, отодвинули ширму. И широко улыбающийся Заур Муратович волосатой рукой в перепачканной кровью перчатке, традиционно – за большой палец, поднял мою обновлённую ногу так, чтобы я её видел и торжественно произнес:

- Нога человеческая. Одна штука. Готово – забирайте!

И театрально разжал свои толстые пальцы.

Нога с мертвецки провалившейся внутрь коленной чашечкой шмякнулась на стол.

...Травматолог, к которому я был выписан по месту жительства, покручивая мелированный временем ус, долго сравнивал снимки ноги до и после операции, и уважительно произнёс:

- Филигранная сборка!

- И осколки все собрали? И вторая кость срастается правильно? – беспокоился я.

- Мастера работали. Все в норме.

Через месяц, переполненный благодарностью, я приехал в больницу вынимать шуруп, который жёстко фиксировал стопу. Наступало время реабилитации сустава. И я снова гадал, кто будет мне выкручивать шуруп, кого осыпать благодарностью: зав отделением или Заура Муратовича. Истина снова была где-то рядом.

...Трое интернов восточного типа окружали Заура, нащупывающего под кожей головку нужного шурупа (место разреза) и проговаривающего каждое своё действие. Обречённо, я осознавал, что это раньше был уважаемый «капраз», а теперь – просто «пенсик». На ком ещё набивать руку интернам - будущим медицинским светилам?

Горбоносый и небритый интерн, упорно сопя, крутил и крутил отвертку, налегая всем своим весом на прижатую, на выверт, к столу ногу. Время шло, хрустела костная ткань, а результата не было:

- Заур Муратович, шуруп прокручивается...

Перехватив отвёртку, очень похожую на ту, что я недавно купил в строительном магазине, Заур сделал ею несколько оборотов и, шлёпнув по курчавому затылку интерна, изрёк:

- Я тебе какое место показывал, балбэс? Там нет шурупа, там кость!

Чуть позже рука мастера извлекла и предъявила моим очам окровавленный длинный шуруп. Я смотрел на него, а виделась расковырянная лишняя дырка в многострадальной кости.

- Спасибо, доктор! Да здравствует наша медицина – самая гуманная медицина в мире!

Через год, нарушив установленные правила, я поехал снимать пластину в другую клинику к рекомендованному мне другом талантливому врачу.

Наркоз был, как говорится «с полным погружением» и я, очнувшись, узнал, что всё прошло удачно, а на ноге было сделано только три небольших разреза.

...В голове слегка шумело. На душе было светло и радостно – кончились хирургические мытарства! Но блазнилось мне, разомлевшему в мягко навалившемся тёплом спокойствии, что из самых дальних глубин подсознания натужно прорывается прокуренный ехидный басок:

- Мужчинка! А я вас помню...

Агарков Андрей Леонидович

Родился в 1963 году в Севастополе. Окончил Черноморское высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова. Капитан 1 ранга запаса. 33 года его военной службы прошли в Севастополе на Черноморском флоте. Член Союза писателей России с 2006 г. Первая публикация в 1979 году появилась в газете «Слава Севастополя». Автор книг «Цветные мгновения» (1999 г.), «Лучей изломы» (2001 г.), «Амальгама сердца» (2006 г.), «Звучанье цвета» (2010 г.), «Грани света» (2017 г.). Печатался в журналах «Смена», «Советский воин», альманахах «Истоки», «Севастополь», «Брега Тавриды», «Поэтическая карта Крыма» и др., коллективных сборниках. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого (Севастопольская городская администрация 2007 г.).

После увольнения в запас переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. В настоящее время — заместитель председателя Межрегиональной Санкт-Петербургской городской и Ленинградской областной общественной организации «Всероссийского Общества Спасания на Водах» (ВОСВОД), полковник ВОСВОД.

Михаил Бортников

1984. ПОЖАР НА ТЕПЛОХОДЕ «КОНСТАНТИН СИМОНОВ»

Случай, о котором я хочу рассказать, произошёл в 1984 году, а узнал я о нём буквально на днях, от моего старого друга, Владимира Владимировича Кошкуля, бывшего в то время старшим механиком теплохода "Константин Симонов".

Теплоход «Константин Симонов», - грузопассажирский паром польской постройки, типа «Дмитрий Шостакович», был построен в апреле 1982 года. Судьба его сложилась так, что за короткое время он успел побывать в составе Дальневосточного морского пароходства, Черноморского, Балтийского, затем был продан за долги в мальтийскую компанию и носил имя "Ирис" - "Радуга". В ЧМП он проработал неполные четыре года. Использовался для перевозки кубинских студентов в Одессу, и обратно на родину, работал на Ближневосточной линии, на Крымско-Кавказской, совершал круизы с советскими и иностранными туристами по Черному, Средиземному и Балтийскому морям.

Теплоход «Константин Симонов»

В 19 часов, в первой половине сентября 1984 года, строго по расписанию круиза, судно вышло из Ялты на Сочи, имея на борту полный комплект советских пассажиров. Около 23 часов, по своей многолетней привычке, Владимир отправился в машину, чтобы убедиться, что там всё в порядке, и можно ложиться отдыхать.

Машинное отделение на этих судах состояло из пяти водонепроницаемых, и изолированных друг от друга, многоярусных отсеков. В одном из них были размещены четыре главных среднеоборотных двигателя Зульцер, которые работали попарно на гребной винт через редуктор. Вспомогательные двигатели и котлы находились в других отсеках.

Стармех направился сначала в ЦПУ, центральный пост управления главной силовой установкой, но ещё в коридоре он услышал сигнал пожарной сигнализации. Это сработал температурный датчик над дизелем. Вахтенных в посту управления не оказалось, все они, как увидел Владимир через окно в ЦПУ, находились возле третьего главного двигателя. Центральный пост управления от машины отделяли тепло- и звукоизолирующие переборки, с двумя дверьми и большим окном, позволяющим наблюдать за машинами. Над двигателем стоял столб пламени. Не медля, Владимир дистанционно остановил все главные двигатели и перекрыл подачу топлива к дизелям, одновременно предупредив об этом вахтенного штурмана. Сказал и о пожаре в машине, и о возможном применении углекислоты.

Количество баллонов с углекислотой рассчитывается по объёму самого большого охраняемого помещения, и обычно им является машинное отделение. В данном случае, её было достаточно только для одного отсека. Применяется углекислота только по приказу капитана, и включает её, как правило, старший механик, после того, как первичными средствами тушения пожара погасить его не удаётся.

После остановки двигателей пожар не прекратился, наоборот, дизель охватило пламя со всех сторон. Вахта прибежала в ЦПУ. Никаких других средств для тушения, кроме углекислоты не оставалось. Но до её применения следовало полностью герметизировать машинное отделение, лишив его притока свежего воздуха и убедиться в отсутствии людей в машине.

На герметизацию ушло всего шесть минут, но разрешения на пуск углекислотной не было. Даже несмотря на то, что все члены машинной команды были налицо, по инструкции следовало сначала получить доклад от группы разведки, что людей внутри не осталось.

Пять человек, одетых в термостойкие костюмы пожарного, в касках и изолирующих противогазах спустились вниз, а старший механик остался снаружи возле закрытой двери с сигнальным тросом. Самые долгие двенадцать минут в жизни, говорит Володя. Хотелось узнать, почему так долго, рвануться внутрь самому. Но не в спортивном же костюме, в котором он спустился в ЦПУ! Связь с мостиком была некачественной, с группой разведки - вообще никакой, не считая запутавшегося где-то троса.

Наконец, получив доклад группы разведки пожара и приказ капитана о применении углекислоты, Владимир открыл газ в помещение главных двигателей. Причину пожара на тот момент ещё не знали, и её некогда было устанавливать. Следовало непрерывно охлаждать переборки машинного отделения струями воды из пожарных шлангов для снижения их температуры. К счастью, конструкция судна позволяла работать всем механизмам, и в первую очередь, дизель-генераторам, вырабатывающим электроэнергию.

Конечно, был подан сигнал SOS, и в район терпящего бедствие судна стягивались другие, их в то время в Чёрном море было много. В первую очередь имелось в виду спасение пассажиров, если их придётся эвакуировать. Все спасательные шлюпки были спущены, проверены, пассажиры в спасательных жилетах находились возле них согласно расписания, без паники и спешки.

Через пять часов после подачи углекислоты, группа разведки аварийной партии во главе со старшим механиком, зашла в машинное отделение в изолирующих противогазах. Это

было довольно опасно, если бы пожар разгорелся вновь, тушить его пришлось бы только водой и кошмой. Но судно было в круизе, и руководство приняло решение рискнуть. Глазам очевидцев предстал лунный пейзаж, как его назвал Владимир Владимирович. Обгоревшая изоляция переборок и трубопроводов, сгоревшая и облупившаяся краска, закопченный дымом подволок машинного отделения, перегретый, а затем резко охлаждённый монорельс мостового крана над двигателем стал похож на змею, кран, который передвигается по нему, едва удерживался от падения. Пластмассовый манипулятор крана просто расплавился. Стеклобаллоны электроламп накаливания лопнули. Все электрокабеля автоматического управления двигателями были повреждены или уничтожены огнём полностью.

Но разглядывать эти чудеса было некогда. Электрослужба обеспечила освещение переносными лампами. К счастью силовые кабели насосов находились в самом низу машинного отделения и не пострадали. Один из баллонов пускового воздуха был пуст - перегрелась и лопнула предохранительная мембрана. Второй был цел и почти полон. Запустили один за другим все насосы, обслуживающие главную силовую установку, а затем и сами двигатели.

Об автоматическом управлении не приходилось и думать. Сохранились только местные приборы контроля, в ЦПУ не работало ничего кроме телефона и судовой радиотрансляции. Вышел из строя даже машинный телеграф, но судно не потеряло мореходности. С управляемостью было хуже. Силовые кабели рулевых машин проходили через отсек главных двигателей, и были повреждены пожаром.

К счастью, нашелся в запасе кабель, и рулевые были запитаны через просверленные отверстия из машины. Команды с мостика подавались в машину по телефону, и через восемь часов после пожара "Симонов" уже взял курс на Сочи. Три главных двигателя работали на винт. Круиз продолжался.

Причиной пожара, как выяснилось позже, стала конструктивная недоработка. Разорвало корпус возвратного клапана на отсечном трубопроводе топлива от топливных насосов высокого давления, мелко распыленное топливо попало на коллектор выхлопных газов и воспламенилось.

В Сочи для предварительного "разбора полётов" прислали механика-наставника, который пригодился только в Новороссийске для организации перезарядки углекислотных баллонов. Никакой другой помощи от него не дождалось, а вот угрозы наслушались достаточно. Круиз тем временем шёл по расписанию, и никто из туристов даже не догадывался, что в машинном отделении пожар уничтожил 70 (семьдесят) километров(!) кабельных трасс. Так, на ручном управлении дошли и до Батуми, и вернулись в Одессу.

В Одессе встречать судно пришли и главный инженер, и начальник механико-судовой службы, и начальник службы мореплавания, и десяток специалистов рангом поменьше. Вид у них был суровый, и намерение наказать виновных легко читалось на их лицах. Но когда посетители спустились в отсек главных двигателей, и увидели, что он слабо освещён только двенадцативольтовыми переносными лампами, рассмотрели с их помощью последствия пожара, настроение начальства переменилось.

- Спасибо, что спас пароход - с такими словами главный инженер пароходства Бондарев пожал руку моему другу. Судно не вывели из эксплуатации ни на один день. Все ремонтные работы по восстановлению кабельных трасс и прочего сгоревшего оборудования велись большой бригадой электромонтажников и автоматчиков в море, не прерывая движения судна по круизному расписанию.

В следующем рейсе на борту проводился форум стран Черноморского бассейна под эгидой Организации Объединённых Наций. Он и прошёл - без каких-либо заминок. Остаётся только назвать имена моряков, участвующих в тушении пожара. Конечно, не всех, это понятно. Но хоть некоторых. Страна должна знать своих героев, а в интернете об аварии теплохода "Константин Симонов" можно обнаружить только происшествие с одноимённым речным пассажирским судном.

Итак, это капитан, Ким Николаевич Лоскутов, к сожалению, уже покойный. Старший помощник капитана, Александр Васильевич Беспалов. Старший механик - Владимир Владимирович Кошкуль. Второй механик - Александр Седченко. Электромеханик - Юрий Макаревич. Пожарный помощник капитана - Василий Савченко.

Бортников Михаил Иванович

Родился в 1945 в Одессе, где и живу до сих пор. После окончания ОВИМУ(ныне ОГМУ), работал на судах Черноморского пароходства, Черноморского рыбо-промышленного объединения "Антарктика, с 1993 года - старший механик иностранных торговых судов. С 2015 года занимаюсь литературной деятельностью, публикую свои произведения на сайте <https://www.proza.ru/avtor/oldmike>
